V
58
297
6.

II 38
297

Архіепископъ Никонъ.

МОИ

ДНЕВНИКИ.

Выпускъ VII.

1916.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 301—350).

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1916.

Архіепископъ Никонъ.

МОИ ДНЕВНИКИ.

Выпускъ VII.

1916.

(Изъ „Троицкаго Слова“ №№ 301—350).

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1916.

2007042850

МОИ ДНЕВНИКИ.

1916.

301.

Наше счастье—въ обновленіи жизни.

(Къ Новому году).

Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта благости Твоея.

Съ такою молитвою святая Церковь обращается въ день новаго года къ Творцу временъ и Царю вѣковъ, единому безначальному и превѣчному, Который положилъ времена и лѣта въ Своей власти и Единъ вѣдаетъ, когда кончится самое время и настанетъ вѣчность. „Всему свое время и время всякой вещи подъ небомъ, говоритъ премудрый Соломонъ. Время рождаться и время умирать, время насаждать и время вырывать насажденное. Время строить и время разрушать; время плакать и время смѣяться. Время искать и время терять; время молчать и время говорить; время любить и время ненавидѣть; время войнѣ и время миру“ (Эккл. 3, 1—8). Но повторяю: будетъ наконецъ время, когда и самому времени придетъ конецъ: настанетъ вѣчность.

Мы и живемъ на свѣтѣ только для того, чтобъ приготовиться къ вѣчности. И все, что насъ окружаетъ, напоминаетъ намъ о томъ, что ничто не вѣчно на землѣ. Подумать только: какія были великія царства: Египетъ, Вавилонъ, Ассирія, Римъ, Византія—гдѣ они? Гдѣ, много ли осталось отъ нихъ памятниковъ ихъ славы, могущества, роскоши и искусства? Да что говорить о древнихъ народахъ: оглянитесь на современныя царства: въ нѣсколько мѣсяцевъ не стало трудолюбивой Бельгіи, истерзаны прекрасная Франція, наша Польша, родная намъ Сербія, разрушены чудные памятники зодчества въ родѣ Реймскаго собора, уничтожаются съ какою-то сатанинской, непонятной для здравомыслящаго человѣка, злобою, музеи древностей, искусства, а объ истребленіи, почти поголовномъ истребленіи людей и говорить нечего... Мы переживаемъ ужасы, какихъ, кажется, не было отъ созданія міра: по крайней мѣрѣ, въ исторіи народовъ земныхъ ничего не было подобнаго по тѣмъ размѣрамъ этихъ ужасовъ, какіе проходятъ на нашихъ глазахъ. Не напрасно иные добрые люди говорятъ: блаженны

мертвые, умирающіе о Господѣ: они почиваютъ отъ трудовъ своихъ, они не видятъ того, что терзаетъ наше сердце; они почили мирнымъ сномъ и ждутъ всеобщаго воскресенія, ждутъ трубы архангельской, которая разбудитъ ихъ въ послѣдній день для встрѣчи грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ Господа. Они ушли въ ту страну, гдѣ, по обѣтованію Церкви, для вѣрующихъ и въ вѣрѣ и упованіи жизни вѣчныя скончавшихся уже нѣтъ ни печали, ни воздыханія. А мы, грѣшные... Мы все еще стенаемъ въ юдоли плачевной, все еще обуреваемся волнами не только житейскихъ попеченій, но и тяжкихъ бѣдъ и напастей и переживаемъ страшное время, когда смерть, какъ темная тѣнь летаетъ надъ головами близкихъ намъ воиновъ, родныхъ нашихъ братьевъ, сыновъ, дорогихъ нашихъ друзей... И кто знаетъ, что ждетъ насъ въ наступающемъ году? Скоро ли и чѣмъ кончится эта ужасная война? Скоро ли Господь сниметъ съ нашихъ подвижниковъ-воиновъ тяжелый голгоѳскій крестъ? Скоро ли настанутъ времена мирныя и нашимъ братьямъ-бѣженцамъ приведетъ Богъ вернуться на свои пепелища, возстановить родные храмы Божіи, устроитъ свои разоренныя гнѣзда?..

Но не будемъ, братья, унывать! Уныніе есть одинъ изъ смертныхъ грѣховъ. Да и нѣтъ причины къ безнадежному унынію. Вѣдь, надо твердо помнить, что Богъ одного отъ насъ хощетъ—*сыне*, говоритъ Онъ, *даждь Ми твое сердце!* А чтобъ отдать Богу свое сердце, надо прежде очистить его слезами покаянными. А у Бога ужъ такой законъ: *сердце сокрушенно и смиренно* Онъ никогда *не уничижитъ*. *Грядущаго ко Мнѣ*, говоритъ Господь нашъ, *не изжденѹ вонъ*. Кто себя всецѣло предалъ Богу, того Богъ и очиститъ, и обновитъ, и содѣлаетъ новымъ твореніемъ во Христѣ Іисусѣ. „Предай себя Богу какъ глина горшечнику“, говаривалъ одинъ старецъ, „и Богъ содѣлаетъ изъ тебя сосудъ благопотребный для благодати Своей“! Не напрасно устами одного невиннаго младенца Духъ Божій изрекъ, что во всей молитвѣ Господней самое главное, самое нужное прошеніе: *да будетъ воля Твоя*, Отче нашъ! Это прошеніе совмѣщаетъ въ себѣ, въ сущности, всѣ другія прошенія. Въ самомъ дѣлѣ: есть воля Божія на то, чтобы въ насъ и чрезъ насъ святилось и прославлялось всесвятое имя Божіе; есть воля Божія на то, чтобъ содѣлались мы причастниками царствія Его; хощетъ Богъ питать насъ и хлѣбомъ насущнымъ, хощетъ, чтобъ мы подражали Его милосердію въ прощеніи ближнимъ нашимъ, дабы самимъ намъ заслужить прощеніе отъ Бога; не хощетъ Господь вводить насъ въ непосильное искушеніе и всегда готовъ избавить насъ отъ лукаваго—какъ отъ отца всякаго лукавства—діавола, такъ и отъ всѣхъ исчадій его — всѣхъ бѣдъ и напастей... Итакъ, хочешь ли себѣ и родной своей Россіи счастья, мира, всего, чѣмъ благословляетъ Господь любящихъ Его?—Не мудрствуй много: предай себя всецѣло волѣ и водительству Божію и самъ исполняй волю Божію, въ чемъ всегда готовъ тебѣ помогать Господь Своею благодатію, и ты увидишь, яко благъ Господь ко всѣмъ ищущимъ Его и исполняющимъ святыя заповѣди Его. Твое сердце ощутитъ желанный миръ, ты готовъ будешь понести всѣ скорби, всѣ лишенія, если судитъ сіе Господь; а если и всѣ мы, русскіе люди, пойдемъ симъ путемъ, то для всѣхъ насъ, для всей Русской земли начнется новая жизнь, новое счастье.

Исчезнетъ всякая тѣнь унынія, ибо благословитъ Господь всѣхъ насъ, всю нашу Русь православную, во всѣхъ путяхъ нашихъ, и увѣнчаетъ побѣдами воинство наше и миромъ отечество наше.

Видите, возлюбленные: все зависитъ отъ насъ, отъ нашего добраго произволенія — обратиться къ Господу цѣлымъ сердцемъ и взыскать пути Его покаяніемъ и исправленіемъ жизни своей. Повторяю: Господь всегда готовъ съ Своею благодатною помощію, чтобъ встрѣтить съ распростертыми объятіями, Онъ ждетъ насъ, какъ благостный отецъ встрѣчалъ блуднаго сына. Надо начать новую жизнь. Мы вступаемъ въ новый годъ: пусть и жизнь наша начнется по новому, по-божьи. *Се нынѣ начахъ*, какъ говоритъ пѣснопѣвецъ. „Каждый день полагай начало“, говорятъ и святые отцы. Аще падеши—востани, помни: не тотъ грѣшникъ, кто падаетъ и тотчасъ же встаетъ, кается, отъ грѣха своего отрекается, а тотъ, кто палъ и лежитъ, не хочетъ встать, валяется въ грязи грѣха своего и не хочетъ видѣть простертую къ нему десницу Божію, зовущую его къ покаянію, указующую ему путь спасенія въ дѣланіи заповѣдей Господнихъ.

Начнемъ же съ новаго года новую жизнь: къ этому зоветъ насъ Господь и словомъ евангельскимъ, и нашею совѣстію, и самыми бѣдствіями тяжкой, жестокой войны. Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта благостію Твоею! Аминь.

302.

Нѣчто о переоцѣнкѣ идейныхъ цѣнностей.

Мы живемъ въ вѣкъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. Какъ будто люди согласились въ томъ, что всѣ, кто жилъ раньше насъ, не умѣли оцѣнить, какъ слѣдуетъ, все, что подлежитъ оцѣнкѣ, а вотъ теперь, люди стали-де умнѣе и отвергая прежнюю оцѣнку, все переоцѣниваютъ по-новому, по-своему. Всѣмъ хочется сказать какое-то новое слово, всѣмъ хотѣлось бы показать, что они—не отсталые „ретрограды“, а люди „просвѣщенные“, съ „прогрессивнымъ направленіемъ“. Одно только забываютъ: чтобъ быть оцѣнщикомъ, надо быть во-первыхъ совершенно честнымъ человѣкомъ, а во-вторыхъ—свѣдущимъ въ той области, къ какой относится переоцѣниваемый предметъ. Честный человѣкъ не станетъ оцѣнивать то, въ чемъ малосвѣдущъ. Особенно это надо сказать въ отношеніи къ печатному слову. Ужъ если хочешь говорить о чемъ въ печати, то прежде всего спроси себя: достаточно ли знаешь, о чемъ будешь говорить? Если да, то помни еще: надо говорить честно, не искажая чужой мысли, не подмѣнивая авторитетовъ, говори, какъ предъ Богомъ.

Такъ и было въ доброе старое время. А нынѣ повелось не такъ. Нынѣ берутъ мысль, подлежащую модной переоцѣнкѣ и принадлежащую авторитету великаго мыслителя и геніальнаго учителя мудрости, и, сознавая, что съ такимъ авторитетомъ имъ не подъ силу бороться, что онъ еще достаточно силенъ въ умахъ даже нашихъ современниковъ, что возставать противъ него значило бы подвергать себя опасности извѣстнаго маленъ-

каго существа, что вздумало оскорблять слона,—эту мысль приписываютъ маленькому человѣку, какъ будто это—его мысль, а съ нимъ ужъ нечего церемониться: его можно и осмѣять, и окритиковать, и такимъ образомъ подорвать довѣріе, если не къ великому авторитету, о коемъ обычно умалчивается, а къ мысли, имъ высказанной; вѣдь, цѣль все равно будетъ достигнута; эта мысль, какъ мысль маленькаго человѣка, будетъ искажена, подвергнута злой критикѣ, лишена довѣрія, отброшена какъ старая ветошь... Явленіе печальное и не дѣлаетъ чести нашему „просвѣщенному прогрессивному“ времени.

На эти мысли навелъ меня г. В. Рязанскій (извѣстный псевдонимъ) въ „Колоколѣ“, передающій свою бесѣду съ „московскимъ канонистомъ“, присяжнымъ повѣреннымъ Н. Д. Кузнецовымъ. По словамъ г. Рязанскаго, г. Кузнецовъ будто бы сказалъ: „Мы никогда не забудемъ, какъ въ 1909 году (не 9, а 8-мъ), на миссіонерскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ членъ его архіепископъ Никонъ, бывшій тогда вологодскимъ епархіальнымъ архіереемъ, прочелъ лекцію. (Лекціи я не читалъ, а велъ устную бесѣду). Въ ней была проведена мысль, что человѣческая земная жизнь должна служить отраженіемъ небесной. (Моя тема бесѣды была объ основномъ началѣ христіанской жизнедѣятельности по православному воззрѣнію). На небѣ, какъ старался разъяснить почтенный лекторъ, оказывается строй самодержавный, а потому этотъ послѣдній непремѣнно долженъ быть и на землѣ. (Было сказано только, что именно такой строй можно считать наиболѣе соотвѣтствующимъ идеалу власти). Ссылка архіепископа Никона на небесный порядокъ для оправданія извѣстнаго политическаго строя (только политическаго строя, а не народнаго идеала?) на землѣ казалась намъ тѣмъ большимъ соблазномъ для многихъ, что другой архіерей (г. Рязанскій называетъ его, но я не хочу пятнать имя собрата) старался доказать, что на небѣ господствуетъ какъ разъ не самодержавная идея, а конституціонная, и потому конституція въ Россіи оправдывалась бы высшей небесной жизнью“.

Дождѣ г. Рязанскій.

Ясно, что и г. Кузнецовъ, и г. Рязанскій приписываютъ мнѣ высокую честь указанія на небесный идеалъ самодержавной власти. Но пусть простятъ мнѣ почтенные публицисты, если я скажу откровенно: не вѣрю я, чтобъ они забыли, что я не *свои* мысли тогда высказывалъ, а прямо назвалъ великаго святителя, мужа мудрости и разума, совѣта и духовнаго разсужденія—московскаго митрополита Филарета. А чтобы ихъ читатели не впали въ заблужденіе и не подумали, что мнѣ принадлежитъ такая, по моему убѣжденію, высокая мысль, приведу точныя слова премудраго Филарета: пусть съ ними, а не со мною считаются упомянутые выше публицисты, пусть и читатели знаютъ, кого обвиняютъ они въ „пониженіи вселенскаго церковнаго сознанія“, въ коемъ видятъ „опасность для русской церковной жизни“. И тотъ и другой настолько учены и просвѣщенны, что, конечно, знаютъ государственное ученіе Филарета, а слѣдовательно, позволительно думать, что намѣренно умалчиваютъ о немъ, приписывая мнѣ мысли великаго святителя, чтобъ легче было убѣдить читателей, что эти мысли—политиканство... Нужно ли спрашивать: честно ли это?..

Вотъ что говоритъ митрополитъ Филаретъ: „Богъ, по образу Своего небеснаго единоначалія, устроилъ

на землѣ Царя; по образу Своего вседержительства — Царя самодержавнаго; по образу своего царства непреходящаго, продолжающагося отъ вѣка и до вѣка—Царя наслѣдственнаго. О, если-бы—восклицаетъ святитель,—всѣ цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и къ положеннымъ на нихъ чертамъ образа небеснаго вѣрно присоединяли требуемыя отъ нихъ богоподобную правду и благость, небесную недремлемость, чистоту мысли, святость намѣренія и дѣятельности! О, если бы всѣ народы довольно разумѣли небесное достоинство Царя и устроеніе царства земнаго по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа,—благоговѣніемъ и любовію къ Царю, смиреннымъ послушаніемъ его законамъ и повелѣніямъ, и взаимнымъ согласіемъ и единодушіемъ удаляли отъ себя все, чему нѣтъ образа на небесахъ,—превозношеніе, раздоръ, своеволіе, своекорыстіе и всякое зло мысли, намѣренія и дѣйствія!.. Всѣ царства земныя были бы достойнымъ преддверіемъ царства небеснаго. Россія! ты имѣешь участіе въ семъ благѣ паче многихъ царствъ и народовъ. *Держи, еже имаши, да никто же пріиметъ вѣнца твоего!*“ (Апок. 3, 11).

Вотъ то, на что сослался я въ моей Кіевской бесѣдѣ. Какъ видитъ читатель, царство земное, по ученію святителя Филарета, глубоко обоснованному на словѣ Божіемъ, устрояется по образу небесному, царское самодержавіе—по образу Божія вседержительства, и царь, и подданные его должны отражать черты образа небеснаго... Странно послѣ этого, что гг. Рязанскому и Кузнецову мои слова показались чѣмъ то новымъ и повели яко бы къ „большому соблазну“.

Великій святитель Филаретъ пророческимъ взоромъ своимъ какъ бы предвидѣлъ наше время, наши „соблазны“ и смуту мыслей и вѣщалъ вдохновенно: „когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Россія! береги и возжигай сильнѣе твой домашній свѣтъ, потому что за предѣлами твоими, по слову пророческому, *тьма покрываетъ землю и мракъ на языки... Шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ*. Переставъ утверждать государственныя постановленія на словѣ и власти Того, *Кѣмъ царіе царствуютъ*, они уже не умѣли ни чтить, ни хранить царей. Престолы тамъ стали не тверды; народы объюродѣли. Не то, чтобъ ужъ совсѣмъ не стало разумѣвающихъ: но дерзновенное безуміе взяло верхъ и попираетъ малодушную мудрость, неукрѣпившую себя премудростію Божіей. Изъ мысли о народѣ выработали идолъ: и не хотятъ понять той очевидности, что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ. Мечтаютъ пожать миръ, когда сѣютъ мятежъ: не возлюбивъ свободно повиноваться законной и благотворной власти Царя, принуждены раболѣпствовать предъ дикою силою своевольныхъ скопищъ. Такъ твердая земля превращается тамъ въ волнующееся море народовъ, которое частію поглощаетъ уже, частію грозитъ поглотить учрежденія, законы, порядокъ, общественное довѣріе, довольство, безопасность“.

Приводить ли дальнѣйшія златыя слова великаго іерарха? Можно ли въ наше время повторить ихъ со всею ободряющею ихъ силою?..

„Но благословенъ *Запрещающій морю!* Для васъ (русскихъ людей) еще слышенъ въ событіяхъ Его гласъ: *до сего дойдеши и не прейдеши*. Крѣпкая благочестіемъ и са-

модержавіемъ Россія стоитъ твердо"...

Можно только молиться: Утверди насъ, Господи, на камени заповѣдей Твоихъ, ибо возмутилось страстей море и грозитъ той скалѣ, о которой говорилъ великій Филаретъ...

Странную претензію заявляетъ г. Скворцовъ въ своемъ „Колоколѣ": по его мнѣнію, выходитъ, что С. Синоду не слѣдовало открывать своего „Прих. Листка" потому, что существуетъ „добровольный полуоффиціозъ"—(читай самозванный) „Колоколъ" и съ открытіемъ „Пр. Листка" его „издательская касса лишилась чувствительной подписной суммы".

Но кто же давалъ право „Колоколу" считать себя полуоффиціозомъ С. Синода? Да и самъ онъ не открещивался ли отъ такого названія, когда лѣвыя газеты называли его оффиціозомъ Синода? Что же касается іудея Рубинштейна, онъ не просто членъ, а директоръ Русско-франц. банка, слѣдовательно, важное лицо въ банкѣ. Слышится попрекъ и въ томъ, что, я употребилъ слово „жидъ". Но почему не употреблять этого слова, когда оно не только имѣетъ право гражданства у всѣхъ народовъ Запада, но и въ нашемъ славянскомъ Евангеліи? Да и „Колоколъ" до несчастнаго займа въ жидовскомъ банкѣ нерѣдко употреблялъ это слово. Я спросилъ бы г. Скворцова: что значитъ его фраза въ письмѣ ко мнѣ, что онъ „безповоротно разочаровался въ старомъ режимѣ"?

303.

Дорогія строки изъ писемъ святителя Ѳеофана-затворника.

Есть имена, особенно близкія православному русскому сердцу: каждая строка изъ письма такого человѣка—намъ дорога, какъ памятникъ отшедшаго къ Богу мудраго и любвеобильнаго наставника въ духовной жизни, какъ бы его отголосокъ изъ того, другого міра, куда онъ ушолъ.

Таковъ былъ незабвенный подвижникъ-затворникъ епископъ Ѳеофанъ. Прошло уже болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, а въ духовныхъ изданіяхъ и нынѣ еще появляются его драгоцѣнныя письма и чѣмъ-то сердечнымъ, роднымъ, задушевнымъ вѣетъ отъ этого, почти неизмѣннаго начала каждаго письма: „милость Божія буди съ вами!" Искреннее спасибо тѣмъ, кто сохранилъ для насъ его дорогія строки, чего бы онѣ ни касались; будто встрѣчаешь живого старца-святителя, когда увидишь въ оглавленіи той или другой книжки: „Письма Епископа Ѳеофана" къ тому-то.

Недавно вышла, какъ отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ И. Кіевской Духовной Академіи", книжка протоіерея о. І. Королькова: „Преосвященный Ѳеофанъ, бывшій Епископъ Владимірскій, и полковникъ С. А. Первухинъ въ ихъ взаимной перепискѣ". Особенность этой переписки, по справедливому замѣчанію о. издателя, заключается, между прочимъ, въ томъ, что Епископъ Ѳеофанъ не только преподавалъ С. А. Первухину совѣты по разнымъ вопросамъ, но и самъ спрашивалъ у него мнѣнія по вопросамъ аскетическаго характера, придавая значеніе его сужденіямъ. Это—непрелож-

ное свидѣтельство о его глубокомъ смиреніи и готовности отсѣчь свое смышленіе даже предъ мірянином, и чрезъ него узнать истинный путь Божій. Умилительно, напримѣръ, читать эти строки великаго подвижника-затворника: „Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ молиться. Совсѣмъ весь толкъ въ этомъ потерялъ... То будто нешто, то совсѣмъ никуда не гоже. Можетъ быть, книжное дѣло мѣшаетъ... но, вѣдь, надо же что-нибудь дѣлать?—Разскажите, пожалуйста, какъ быть?“—Въ другомъ письмѣ святитель говоритъ: „вы не все сказали. Мнѣ хотѣлось еще слышать вашу мысль о молитвѣ. Я понимаю молитву чувства, которая и вниманіе сковываетъ единымъ, и благоговѣйную теплоту даетъ; но не умѣю въ толкъ взять, что есть духовная молитва?... Вообще же я очень скуденъ опытами духовными“, сознается великій подвижникъ-святитель: „И молитва моя обычно идетъ дурно... Все уходитъ умъ въ пустомысліе. Никакъ не сладишь. Какъ его ни тяни, никакъ не присадишь на мѣсто. Вы какъ думаете?“ Какъ поучительно это смиренное мнѣніе о своемъ духовномъ опытѣ въ дѣлѣ молитвы Епископа Ѳеофана, особенно въ наши дни, когда иной, только что надѣвшій на себя рясу монаха, уже мнитъ себя быть учителемъ молитвеннаго дѣланія, пишетъ цѣлыя книги о предметѣ, коего и краемъ перста не касался, и въ духѣ гордыни дерзаетъ осуждать не только святителя-затворника, но и всю церковную власть за мнимую ересь, самъ будучи близокъ къ ереси!... Печальное знаменіе времени, скорбное явленіе, свидѣтельствующее объ удаленіи отъ животворнаго духа смиренія Христова даже тѣхъ, которые должны бы итти впереди другихъ!

Тѣмъ же духомъ смиренія и вмѣстѣ неисчерпаемаго благодушія вѣетъ и отъ письма, коимъ отвѣтилъ преосвященный Ѳеофанъ на желаніе Первухина поселиться близъ Вышенской пустыни, чтобы постоянно пользоваться личною бесѣдою съ святителемъ: „что вы намѣрены около меня поселиться, не могу одобрить. Самый худой дѣлаете вы выборъ. Соблазновъ отъ моей дурной и нерадивой жизни не оберетесь Рѣчи иногда таки бываютъ сносныя, а ужъ дѣла—Боже упаси! Я затѣмъ и въ пустыню ушолъ, чтобы не разорять душъ христіанскихъ своею дурнотою, и чтобъ невѣдущихъ меня хоть словомъ попользовать, въ чаяніи, не сжалится ли ради того надо мною Господь и не дастъ ли хоть подъ конецъ жизни духъ покаянія въ очищеніе грѣховъ моихъ—и великихъ, и безчисленныхъ“.

Особенною глубиною мысли отличаются тѣ письма, въ коихъ святитель говоритъ о безтѣлесности ангеловъ и души человѣческой, въ опроверженіе мыслей еп. Игнатія Брянчанинова. „Мысли о формѣ души и ангеловъ лучше бы отложить въ сторону. Лучше ужъ такъ говорить: они—духъ, а какъ они есть—не вѣдаю. Разсужденіями о формѣ затемняется мысль о духовности. Духъ, имѣющій протяженную форму, предѣльность, очертаніе, подлежащій тремъ измѣреніямъ—въ длину, ширину и высоту—что за духъ? Трехмѣрное протяженіе мыслимо ли безъ частей раздѣляемыхъ? И мыслимъ ли духъ дѣлимый? Слѣд., эти понятія несочетаваемы въ одномъ и томъ же существѣ, Если духъ, то не протяженъ, и если протяженно что, то не духъ“.—Затѣмъ, приведя указанія на святыхъ отцевъ, которыхъ святитель подробно уже разбиралъ въ своей книжкѣ: „Душа и ангелъ—не тѣло, а духъ“, онъ говоритъ: „остается рѣшить, какъ они являют-

ся въ протяженной формѣ и дѣйствуютъ на вещественные предметы?— Лучшее рѣшеніе: какъ имъ Богъ опредѣлилъ, такъ и дѣйствуютъ, такъ и являются. Бѣда у насъ одна —привычка все оформлять. О чемъ ни стань разсуждать, все вставляется въ форму. И о Богѣ разсуждать не можемъ безформно, какъ ни толкуемъ себѣ, что этому не слѣдуетъ быть. Тутъ мы съ собою ничего не подѣлаемъ. Остается одно: властно повелѣть себѣ—не смѣй пространственной формности переносить въ міръ духовный. Хотя не можешь совершенно отрѣшиться отъ этой формности при размышленіи даже о духовномъ мірѣ и даже о Богѣ, но вѣрь, что тамъ эта категорія не приложима".

Положивъ это правило „указомъ", святитель сознается однако же, что „трудно представить душу или ангела иначе, нежели какъ они являются... Спросите: кто, разсуждая объ нихъ, не воображаетъ ихъ такими? И я это всегда дѣлаю, вѣрно и вы, и всѣ другіе. Признаюсь, мнѣ часто приходитъ на мысль—не уступить ли тѣмъ, которые придаютъ душѣ и ангеламъ оболочку тонковещественную? Тогда всѣ недоумѣнія относительно формы порѣшатся сами собою. Естество души и ангеловъ будетъ духъ, сознательная, свободно-разумная сила, а оболочка эфирная будетъ придатокъ къ сему естеству, приданный ради необходимости ихъ являться и дѣйствовать среди вещественнаго міра. И св. Максимъ Исповѣдникъ, порицая считавшихъ душу и ангела тѣломъ, говоритъ однакоже: иное дѣло имѣть тѣло, и иное быть тѣломъ. Онъ будто говоритъ, что ангелъ не тѣло, а имѣетъ тѣло, по крайней мѣрѣ не порицаетъ такой мысли. А я той мысли, что если ужъ не можемъ отрѣшиться отъ формы при представленіи души и ангела, то гораздо раціональнѣе будетъ признать ихъ облеченными въ тонкое какое тѣло, нежели признавать ихъ духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ допускать и доказывать, что они имѣютъ и форму протяженную по своей природѣ, ибо въ послѣднемъ противорѣчіе себѣ, а въ первомъ ничего сего нѣтъ".

Святитель видимо глубоко вдумывался въ вопросъ о безтѣлесности духовъ, взвѣшивалъ все, что собралъ въ своихъ писаніяхъ по этому вопросу преосвященный Игнатій и, нѣтъ сомнѣнія, если бы послѣдній дожилъ до того, что писалъ первый, то они оба сошлись бы въ этомъ вопросѣ на подобномъ рѣшеніи, какое только-что приведено нами изъ письма Епископа Ѳеофана. Подходя къ такому рѣшенію очень осторожно и „уступая" въ вопросѣ о нѣкоемъ „тонкомъ тѣлѣ", какое имѣютъ духи для воздѣйствія на міръ вещественный, Епископъ Ѳеофанъ разсуждаетъ: „Мы не можемъ ни о чемъ мыслить безъ значка, безъ черты какой-либо, означающей и отличающей мыслимый предметъ. На самые отвлеченные идеальные предметы мысль кладетъ значекъ и подъ симъ значкомъ ихъ представляетъ. Даже когда о Богѣ мыслитъ и свойствахъ Его, то же она дѣлаетъ".

Какъ эти сужденія было бы полезно принять къ руководству тѣмъ аѳонитамъ, къ которымъ, несомнѣнно, относится строгое правило св. Григорія Богослова: „какъ больному глазами нельзя смотрѣть на солнце, такъ и неученому въ богословскихъ наукахъ нельзя и учить о новыхъ догматахъ". Я разумѣю имебожниковъ, которые—увы!—дерзнули и самого святителя Ѳеофана обвинять въ искаженіи св. отцевъ и упорно обвиняютъ какъ вселенскихъ патріарховъ, такъ и нашъ Св. Синодъ чуть ли не въ ереси...

Есть въ письмахъ строки, очень характерныя для самого святителя и поучительныя для мірянъ, внимающихъ своему спасенію. Такъ въ одномъ письмѣ онъ говоритъ: „Я совсѣмъ не жилъ среди молвы житейской. Все одинъ да одинъ. Потому совсѣмъ не могу судить, насколько смутительны шумъ и гамъ житейскій, и какъ держать душу свою прямо при нихъ.—Когда я жилъ въ Питерѣ, помню, хаживалъ къ Бурачку [1]) по Невскому, задавая себѣ, не принести ни къ нему, ни отъ него домой никакого впечатлѣнья отъ того, что встрѣчалось на Невскомъ, а вы знаете, что это за толкотня?! — Иногда это удавалось. Бываютъ состоянія, что человѣкъ, видя, не видитъ, слыша, не слышитъ, отъ того, что войдетъ вниманіемъ въ иной предметъ... Вотъ сію вещицу надо вамъ устроить у себя дома, т. е. въ сердцѣ. Тогда изъ пушекъ пали — и то не слышно. Архимедъ язычникъ—и въ вещи не первой важности вошелъ такъ глубоко вниманіемъ, что его враги застали углубленнымъ послѣ взятія города, которое безъ большаго шума не могло быть“.

Невольно вспоминается, что когда святитель былъ въ Москвѣ для совѣта съ врачами по случаю болѣзни своихъ глазъ, то приказывалъ аѳонцамъ Пантелеймоновскаго подворья, у коихъ останавливался, чтобы не сопровождали его по городу, а если нужно проводить, по незнанію улицъ, то провожатый долженъ былъ итти позади, поодаль отъ него. Иноки такъ и полагали, что онъ и въ путномъ шествіи бываетъ погруженъ въ молитву или богомысліе. Объ этомъ съ глубокимъ почтеніемъ къ святителю-подвижнику тогда же передавали мнѣ аѳонскіе иноки, жившіе тогда въ Москвѣ.

Для богослова интересно прочитать мнѣніе Епископа Ѳеофана о значеніи духовныхъ видѣній: „видѣнія, пишетъ онъ, не суть представленіе духовнаго міра, какъ оно есть въ дѣйствительности, а только назначаются для того, чтобы дать вкусить сладость онаго вѣка и тѣмъ очистить вкусъ души—къ духовному и дать ей ощущать горечь всѣхъ сластей земныхъ, человѣческихъ, не исключая и тѣхъ, кои носятъ имя невинныхъ удовольствій“. „Форма не выражаетъ существа тамошнихъ вещей, говоритъ онъ въ другомъ письмѣ, ибо они не похожи на наши, и видѣнія не для того даются, чтобы дать познаніе, а сердце оторвать отъ земли. Потому —форму надо въ сторону, а все отдавать этой единой цѣли“.—Святитель спрашиваетъ Первухина: что онъ думаетъ по сему вопросу? Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ оговаривается: „Рѣчь о видѣніяхъ ужъ не лучше ли оставить? Грѣшнымъ куда лѣзть на такую высоту? Я припомнилъ подобный случай въ Скитскомъ околоткѣ. Тамъ старецъ одинъ въ подобномъ случаѣ сказалъ: ну, монахи полѣзли на небо звѣзды считать и забыли про грѣхи, кои слѣдуетъ оплакивать“...

Въ заключеніе приведемъ здѣсь поучительную выдержку о времени празднованія Новаго года: „О времени Новаго года что спорить?— Отъ этой минуты, въ которую читаете сіи строки, до соотвѣтственной ей минуты слѣдующаго года— ровно годъ пройдетъ и прошолъ уже съ подобной минуты прошлаго года. И извольте признать сію минуту началомъ Новаго года, и какъ всякая минута такого же свойства, то всякую минуту и празднуйте Новый годъ! Есть у святыхъ Божіихъ мысль,

---

[1]) Бурачекъ Степ. Онис., издатель „Маяка“.

что началомъ своей жизни должно считать минуту пробужденія страха Божія и рѣшимости угождать Ему. Это есть настоящее начало новаго лѣта. Потомъ иные учатъ: каждый день начинай, а иные—каждую минуту начинай, т. е. жизнь-то по Богу. Слѣдовательно, каждая минута и да будетъ для насъ началомъ новолѣтія духовнаго... чтобъ непрестанно обновляясь, расти въ обновленіи жизни по Богу въ правдѣ и преподобіи истины... А эти гражданскіе счеты—какъ себѣ хотятъ, такъ и пусть считаютъ".

Не приводимъ уже извѣстнаго любителямъ слова Божія мнѣнія святителя Ѳеофана о переводѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта на русскій языкъ: онъ крѣпко держался мысли, что не слѣдуетъ переводить съ еврейскаго, что греческій переводъ 70-ти для насъ важнѣе еврейскаго подлинника.

Вообще письма святителя Ѳеофана къ разнымъ лицамъ всякаго общественнаго положенія и званія составляютъ неизсякаемый источникъ назиданія и читаются съ такимъ захватывающимъ интересомъ, что нельзя не поблагодарить всѣхъ, кто тщательно сберегъ ихъ и теперь даетъ возможность любителямъ духовнаго чтенія ими пользоваться. Особенно надо поблагодарить Аѳонскій Пантелеймоновскій монастырь за полное изданіе не только всѣхъ его писемъ (въ 8 выпускахъ, съ указателемъ къ нимъ [1]), но и всего, что вышло изъ-подъ пера великаго труженика-писателя о духовной жизни.

304.

Лучи надежды въ страшную годину.

Господи, въ какое страшное время мы живемъ! Не говорю о войнѣ, небывалой еще въ лѣтописяхъ міра по своей жестокости, безчестности, по обилію истребляемыхъ людей, по безумному безсмыслію слугъ сатаны, подвергающихъ всѣ святыни поруганію... Но посмотрите, что творится въ нѣдрахъ нашего отечества. О чемъ думаетъ большинство нашихъ законодателей? О, конечно, они говорятъ: о побѣдѣ во что бы то ни стало, но дѣло показываетъ, что на умѣ у нихъ совсѣмъ другое: они мечтаютъ использовать бѣдствія отечества, чтобъ добиться „отвѣтственности министровъ", „равноправія всѣхъ національностей", всѣхъ вѣръ, словомъ — столь имъ милой конституціи... О чемъ заботятся больше всего наши купцы, фабриканты, всякаго рода промышленники? О прибыляхъ, больше всего о наживѣ, и съ цѣлію наживы поднимаютъ цѣны на все, буквально обираютъ бѣдняка, заставляютъ его умирать съ голоду... Ихъ богатства растутъ за счетъ народа, за счетъ государства; денегъ дѣвать некуда, и вотъ—какъ будто какой-то злой духъ подшептываетъ имъ: „да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ! Будемъ пить, ѣсть, наслаждаться всѣми удовольствіями жизни: все равно, вѣдь, умремъ—достанется наше богатство другимъ"... И исполняется извѣстный законъ: что дешево достается, это не цѣнится, и расточается, безумно расточается это, недобромъ нажитое, стяжаніе, расточается на

[1]) Каждый выпускъ 75 к. Адресъ: Москва, Никольская ул., часовня великомученика Пантелеймона.

пиры, театры, маскарады, на наряды женщинъ, при чемъ, какъ говорятъ газеты, у ювелировъ брилліантовъ недостаетъ въ магазинахъ, чтобъ удовлетворить на нихъ спросъ... Что-то роковое чувствуется во всемъ этомъ; какъ будто эти расточители, эти пирующіе съ дорогими, незаконными путями добытыми винами, слышатъ подкрадывающуюся къ нимъ кару Божію и спѣшатъ, хоть день, пожить въ свое удовольствіе, чтобъ заглушить въ себѣ голосъ совѣсти, чтобъ забыться и броситься въ объятія смерти въ состояніи безчувствія...

Такъ пировалъ когда-то Валтасаръ съ тысячею вельможъ своихъ, съ женами и наложницами, и приказалъ принести священные сосуды золотые и серебряные, похищенные отцомъ его изъ храма Іерусалимскаго, и пили изъ нихъ, издѣваясь надъ святынею, пили вино и славили своихъ боговъ золотыхъ и серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ, до тѣхъ поръ, пока появились на стѣнѣ персты руки человѣческой и начертали таинственныя письмена: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛЪ, УПАРСИНЪ,—исчислено, взвѣшено, раздѣлено... И въ ту же ночь не стало Валтасара.

Эти пиршества подъ новый годъ, эти маскарады подъ праздникъ Святителя Николая, это издѣвательство надъ святостью дней, Церковію освящаемыхъ, все это—не напоминаетъ ли страшное видѣніе Валтасара, а затѣмъ и страшную судьбу его?.. Ужъ не произнесены ли и надъ нами суды Божіи въ таинственныхъ словахъ: „исчислено, взвѣшено, раздѣлено“?

Страшно было бы думать объ этомъ, если бы эта гибельная отрава отчаянія проникла всю массу народную, если бы въ этой массѣ, наоборотъ, мы не видѣли признаковъ другихъ духовныхъ теченій, духовныхъ вѣяній, подающихъ надежду на то, что еще не оставилъ Богъ грѣшной Руси нашей, что зоветъ Онъ ее къ покаянію. И прежде всего—добрый признакъ въ томъ, что народъ благословляетъ своего Царя за освобожденіе его отъ искушенія пьянственнаго. Отъ временъ князя Владиміра это искушеніе было народнымъ порокомъ, съ которымъ было не подъ силу бороться самому народу. Измучилась душа народная въ этой борьбѣ и пасхальнымъ благовѣстомъ пронеслась по Руси вѣсть, что больше не будетъ водки, что правительство отказалось отъ преданій Бориса Годунова, что отнынѣ водка будетъ считаться ядомъ; и свободно вздохнули русскіе люди, перекрестились отъ радости и горячо помолились за Царя-благодѣтеля. Особенно ликовали русскія женщины, которымъ отъ пьянства мужей и сыновей приходилось почти безпрерывно пить горькую чашу страданій и слезъ. А это все свидѣтельствуетъ, что въ оргіяхъ новогоднихъ кутежей народъ нашъ неповиненъ, что все, что творилось, по описанію газетъ, въ Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ и въ другихъ большихъ центрахъ, лежитъ на совѣсти и отвѣтственности предъ Богомъ и родной землей отнюдь не народа, а нравственныхъ подонковъ его, считающихъ себя „сливками“. Настоящіе представители народа, русскіе православные люди, съ глубокою скорбію протестуютъ противъ безумія этихъ подонковъ народныхъ, но ничего сдѣлать не могутъ... Стоитъ отмѣтить, что если бы навести точныя справки: кто участвовалъ въ языческой встрѣчѣ новаго года въ разныхъ клубахъ и подобныхъ учрежденіяхъ, то оказалось бы навѣрное, что большая часть пирующихъ, безумно веселящихся

подъ новый годъ и великіе праздники—наши полуинтеллигенты, полурусскіе, а то и вовсе инородцы, духовные отщепенцы отъ народа, и притомъ вотъ эти, забывшіе Бога разнаго рода промышленники, отдавшіе душу наживѣ на бѣдѣ народной... Насъ, пастырей Церкви, упрекаютъ, что мы не воздѣйствуемъ на нихъ, но какъ на нихъ воздѣйствовать служителямъ Христа, когда они не хотятъ знать Христа, бѣгутъ отъ Него, съ презрѣніемъ относятся къ намъ, а обличенія наши готовы истолковать какъ „возбужденіе одной части населенія противъ другой"—этотъ доводъ, хитро придуманный еще десять лѣтъ назадъ, во дни проклятой памяти революціи? Этихъ безбожниковъ можетъ обуздать только законъ, только высшая воля, твердо и рѣшительно могущая закрыть всѣ мѣста ихъ сборищъ, ихъ неистовствъ, и тѣмъ пресѣчь вносимый ими въ народъ соблазнъ.

Другимъ добрымъ признакомъ духовнаго поворота въ народной жизни слѣдуетъ признать тотъ откликъ народный на приглашеніе церковной власти къ посту и покаянію, какой мы видѣли въ прошломъ году въ опредѣленные Церковію дни покаянія. И въ духовныхъ изданіяхъ, и въ письмахъ, получаемыхъ отовсюду слышалась благодарность церковной власти за этотъ постъ. Писали о томъ, что народъ во многихъ мѣстахъ говѣлъ въ эти дни, каялся, молился, что не всуе былъ призывъ къ покаянію. Иные просили даже, чтобъ еще повторить этотъ призывъ, еще назначить постъ: такой призывъ нуженъ-де для немощи человѣческой, не всегда готовой къ подвигу безъ особаго къ тому призыва со стороны матери Церкви. Отрадно отмѣтить, что съ народомъ идутъ и люди изъ высшаго общества, среди котораго доселѣ какъ-то мало было замѣтно религіознаго настроенія. Да иначе и быть не должно: вѣдь, съ воинами изъ народа сражаются и душу свою полагаютъ за вѣру, Царя и отечество и лучшіе сыны высшихъ классовъ того же общества: и ихъ кровь льется на поляхъ битвъ, и ихъ сердце, еще не потерявшее вѣры въ Бога, ищетъ успокоенія въ нѣдрахъ Церкви: бѣда и горе общее всѣхъ роднитъ, кто еще не оторвался отъ народа, кто не уполъ на страну далече отъ родной Церкви.

Еще признакъ милости Божіей къ намъ, грѣшнымъ: это явныя чудеса Божіи, совершающіяся тамъ, на поляхъ битвъ, среди вѣрующихъ воиновъ. Въ простотѣ сердца пишутъ эти воины, иногда не давая себѣ яснаго отчета о томъ, что, вѣдь, въ сущности сообщаютъ о чудесныхъ явленіяхъ. Немало такихъ сообщеній было напечатано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, даже въ газетахъ вовсе ужъ не церковнаго духа, но еще больше имѣется въ непубликуемыхъ письмахъ, изъ коихъ развѣ малая часть попадаетъ въ руки пишущихъ и печатающихъ. Вотъ, напримѣръ, какое письмо привелось мнѣ прочитать на дняхъ на клочкахъ бланковъ для телефонныхъ сообщеній, писанное, очевидно, наскоро карандашомъ въ окопахъ: беру только то, что имѣетъ характеръ чудеснаго.

Послѣ извѣстныхъ изъ газетъ свѣдѣній относительно нѣкоторыхъ военныхъ дѣйствій въ той части, гдѣ служитъ авторъ, воинъ пишетъ своимъ дядѣ и теткѣ:

„Опишу вамъ *маленькій* случай, какой произошелъ со мной. 27 апрѣля я имѣлъ участіе въ одномъ наступленіи. Я шелъ въ разсыпномъ строю своей роты, а со мною былъ одинъ старичекъ, лѣтъ сорока; го-

ворилъ онъ, что у него дома семь человѣкъ ребятишекъ. Когда мы попали въ сильный обстрѣлъ австрійской артиллеріи, то онъ со слезами просилъ меня, чтобъ я, въ случаѣ смерти его, сообщилъ его семейству о его смерти. Я далъ ему обѣщаніе. И вотъ, шрапнельнымъ взрывомъ моему товарищу отрываетъ лѣвую руку вмѣстѣ съ плечомъ, такъ что въ отверстіе можно было видѣть часть легкихъ. Я подбѣжалъ къ нему, а онъ только успѣлъ сказать одно слово: „Ваня, перевяжи меня скорѣе". Я сталъ перевязывать, но онъ уже испускалъ послѣднее дыханіе. Наскоро нашелъ я у себя въ карманѣ старый конвертъ, взялъ съ земли соломинку (карандаша не было времени искать), окунулъ ее въ кровь умирающаго, написалъ его имя, отчество и фамилію, присовокупивъ слово: „православный", и записочку заткнулъ въ петлицу его шинели. Съ этимъ я простился съ товарищемъ. Когда врага прогнали, командиръ роты назначилъ меня на мѣсто раненаго телефониста. Уже въ маѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось дежурить на передовой позиціи въ одну темную, ненастную ночь. Со мною дежурилъ другой товарищъ, уже пожилой. Открылась перестрѣлка; въ самую полночь вдругъ аппаратъ нашъ пересталъ работать. Мы остались отрѣзанными отъ сообщенія съ своею частью. Надо было итти на исправленіе поврежденной линіи, а перестрѣлка не прекращалась. Я говорю товарищу: „иди, исправляй: я сегодня днемъ уже два раза ходилъ на исправленіе". А онъ говоритъ: „пожалѣй, братъ, мое семейство: если меня убьютъ, дѣти останутся сиротами, а ты человѣкъ холостой, у тебя нѣтъ семьи". Я говорю ему: „у меня тоже старая мама и маленькіе братья и сестры: безъ отца я имъ старшій братъ и отецъ". Но товарищъ сталъ меня умолять, и я тотчасъ же рѣшился итти. Ночь была темная-претемная, хоть глазъ выколи: на разстояніи двухъ шаговъ ничего не видно. Я вышелъ изъ окопа, взялъ въ руку проводъ телефона, перекрестился и пошелъ. Перестрѣлка стала стихать; прошелъ я такъ около полуверсты, смотрю,—обрывъ и яма, которую вырыло снарядомъ; а въ рукѣ уже конецъ провода. Ищу другаго конца, но не могу найти. Ничего не видно. Я нашелъ палочку, навязалъ на нее носовой платокъ, чтобъ не потерять конца провода, воткнулъ палочку и отошелъ шаговъ десять. Сталъ искать руками другого конца, нѣсколько разъ возвращался взадъ и впередъ, смотрю—ужъ и платочка моего не видно. Вотъ, думаю, будетъ бѣда, если и этотъ конецъ потеряю: тогда куда итти? Заволновался, сталъ искать платка, побѣжалъ самъ не знаю куда, но и окоповъ уже не могъ найти. Сталъ прислушиваться къ выстрѣламъ, но они доносились откуда-то издалека. Иду въ ту сторону, смотрю—какая-то гора, а у ея подножія рѣка, которой раньше я не замѣчалъ. Думаю: Господи, куда же я попалъ? И пошелъ было обратно, но смотрю—опять вода и чувствую, что вода мнѣ уже по колѣна, и выстрѣловъ больше не слышно. Думаю: давай крикну, и крикнулъ: „эй, товарищи!" Какъ вдругъ позади меня раздался залпъ изъ винтовокъ, и пули пролетѣли выше моей головы. Я присѣлъ, немного обождалъ, опять все затихло. Я тихонько поднялся и пошелъ дальше. Вода стала уже выше колѣнъ. Думаю: ну, погибъ, если не утонешь, то убьютъ. Я не зналъ: кто это стрѣлялъ въ меня: наши или непріятель, а потому кричать боялся. Повернулъ немного влѣво, и сразу ухнулъ по грудь въ воду. Ну,

думаю, погибъ, прочелъ молитву *Отче нашъ*, и пришло мнѣ на память сказать: „дорогая моя мама, родная моя, спаси своего сына: я погибаю“. — Только успѣлъ я это сказать, надо мною какъ разъ австрійцы выпустили свѣтящуюся ракету, и мнѣ стало видно, что стою я недалеко отъ берега, я—скорѣе на берегъ, думаю: слава Тебѣ, Господи, хоть на сухое мѣсто выбрался. Сижу, весь мокрый, дрожу отъ холода; вылилъ изъ сапогъ воду. Слышу—гдѣ-то недалеко разговариваютъ: одинъ говоритъ: „сколько людей погибаетъ“, а другой ему отвѣчаетъ: „много нагрѣшили, вотъ и нужно истребленіе“.—Значитъ, думаю, тутъ свои—русскіе, и вдругъ говорю имъ: „братья, спасите, я погибаю“. Они замолкли, а потомъ спрашиваютъ: „ты—православный?“ Я говорю: „да“. Подходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ: какъ я сюда попалъ? Говорю—такъ и такъ. Я спросилъ ихъ: далеко ли до такой-то части? Одинъ говоритъ: „около девяти верстъ“. Я ужаснулся, и сталъ просить ихъ, чтобы меня провели. Одинъ говоритъ: „ишь, куда тебя грѣхи занесли“. А другой говоритъ: „мать тебя спасла и твои добрыя дѣла. Иди за мной“. Я пошелъ за нимъ, но чрезъ десять шаговъ я отсталъ и сталъ его просить, чтобы шелъ потише; жалуюсь ему, что у меня очень ноги болятъ, я весь мокрый и изнемогъ. А онъ и говоритъ мнѣ: „помнишь, мнѣ руку оторвало, когда ты перевязывалъ меня, у меня слезы текли, а послѣ перевязки мнѣ стало легко и я всю боль забылъ“. Тутъ я узналъ, кто со мною говоритъ, назвалъ его по имени и фамиліи, онъ отозвался и я спросилъ его: гдѣ же вы теперь находитесь? Онъ отвѣчалъ: „тамъ, гдѣ наши братья спятъ безъ заботы и труда послѣ долгихъ мукъ“. Я опять обращаюсь къ нему съ вопросомъ: скажите, пожалуйста: какъ вы сюда попали, вы же убиты подъ деревней Т—ми? А онъ обращается ко мнѣ лицомъ и говоритъ: „вотъ твоя часть, оставайся съ Богомъ, и благодари Его“.— Начало уже свѣтать, я хотѣлъ еще спросить его, а онъ въ разстояніи отъ меня трехъ шаговъ вдругъ исчезъ... Я могъ бы его замѣтить, ибо стало уже довольно свѣтло, но нигдѣ его не было. И только-что я кончилъ съ нимъ разговоръ, какъ очутился около своего блиндажа. И удивительное дѣло: мнѣ сказали, что разстояніе около девяти верстъ, а я шелъ, казалось, не больше четверти часа... Когда я спустился въ землянку, то меня не узнали: такъ я былъ черенъ, какъ сажа. Мой товарищъ сталъ меня разспрашивать, что было со мною, а я только плакалъ. И когда я пришелъ въ себя и сталъ говорить задушевному своему другу, что было, то у меня самого волосы стали дыбомъ. Я пошелъ нарочито въ ту часть, гдѣ значился видѣнный мною товарищъ, спросить о немъ: живъ ли онъ, и узналъ, что онъ убитъ еще 27 апрѣля. Тогда я пожелалъ ему царства небеснаго.

Эхъ, тетя и дядя, какихъ я мукъ натерпѣлся въ то время—и сказать страшно“.

Такъ заключаетъ свой разсказъ воинъ-телефонистъ въ письмѣ къ своимъ „тетѣ и дядѣ“.

Скажите, читатель: кто же это явился за молитвы матери къ „православному воину“, чтобъ выручить его изъ бѣды?..

Не ангелъ ли Божій, принявшій видъ его товарища, которому онъ оказалъ послѣднюю услугу, перевязавъ его смертельную рану и позаботившись даже о томъ, чтобъ тѣ, кто найдутъ его тѣло, знали, что это—„православный“ воинъ?...

И вспоминается сказаніе книги Дѣяній Апостольскихъ, какъ Апостолъ Петръ, чудесно освобожденный изъ темницы, стучался у воротъ дома Маріи, матери Марка, а вѣрующіе, зная, что онъ заключенъ въ темницу, предполагали, что это не самъ онъ, а его Ангелъ (Дѣян. 12,—15).

И такихъ сообщеній изъ арміи ходитъ по рукамъ среди народа не мало; въ простотѣ сердца вѣрующаго читаютъ ихъ по деревнямъ, и крѣпнетъ вѣра народная въ милость Божію, и бодро несутъ русскіе люди тяжкій крестъ войны, уповая на милость Божію. Вотъ почему мы вѣруемъ, что, несмотря на всѣ безумства отщепенцевъ отъ народа, всѣхъ этихъ полуинтеллигентовъ, этихъ безсовѣстныхъ обирателей народа, прожигающихъ собранныя нечистыми путями средства въ клубахъ и театрахъ,—Господь смилуется надъ Русью, и страшное время пройдетъ, и врагъ будетъ побѣжденъ, и снова надъ нами возсіяетъ солнце мира и Божія благоволенія къ нашей родной землѣ...

305.

Слово правды о кинематографахъ.

Со всѣхъ концовъ Русской земли приходится получать письма преданныхъ Церкви, Царю и Отечеству православныхъ людей съ горькимъ протестомъ противъ усиливающагося развращающаго вліянія такъ называемыхъ кинематографовъ. Ихъ захватили въ свои цѣпкія руки іудеи и употребляютъ какъ сильнѣйшее средство къ развращенію русской души. Напрасно протестуютъ противъ нихъ отцы и матери, пастыри Церкви и архіереи: все дѣлается „на законномъ основаніи“, и гражданская власть ничего не можетъ подѣлать съ этой нравственною отравой. Когда я былъ въ Вологдѣ, противъ самой семинарской церкви былъ открытъ такой кинематографъ: протестовали мы, но безплодно, ибо оказалось, что отъ входа въ это учрежденіе до стѣны церковной оказалась лишняя сажень разстоянія, дававшая право хозяевамъ учрежденія открыть его. Видно, остается въ такихъ случаяхъ Богу только жаловаться: такъ оно и вышло: скоро учрежденіе прогорѣло и само собою закрылось.

Почему-то къ театрамъ относятся какъ будто строже, чѣмъ къ кинематографамъ, тогда какъ должно бы быть наоборотъ: театръ требуетъ для себя огромныхъ расходовъ—на устройство сцены, декорацій, подборъ актеровъ и содержаніе ихъ, тогда какъ кинематографъ обходится небольшимъ числомъ прислуги да запасомъ лентъ при одномъ аппаратѣ. Но тогда какъ піесы театра подвергаются хоть какой-нибудь цензурѣ, — ленты кинематографа, кажется, никто не цензуруетъ, а при такихъ условіяхъ іудею полное раздолье отравлять народъ за 20—30 коп. самыми безнравственными, порнографическими представленіями. И вотъ, ими переполнены наши столицы: пройдите по Невскому—кажется нѣтъ дома, развѣ кромѣ казенныхъ зданій, гдѣ не было бы этого учрежденія, куда не манили бы въ вечернее время публику разноцвѣтные фонарики. Отъ столицъ не отстаютъ и губернскіе, а за ними и остальные города, и даже большія села: гдѣ-гдѣ нѣтъ этой отравы? Еще такъ недавно русскій

народъ свободно вздохнулъ отъ работы страшному пороку пьянства, Русь радостно праздновала свое освобожденіе и возносила горячія молитвы Богу за своего Боговѣнчаннаго Царя, Своимъ царскимъ словомъ положившаго предѣлъ этому рабству. Теперь, какъ бы взамѣнъ пьянства, народъ усиленно отравляютъ другою страстью, прививая ему страсть къ зрѣлищамъ. Не говорю на сей разъ о такъ называемомъ „народномъ театрѣ“,— объ этомъ я говорилъ въ свое время, — останавливаю вниманіе на кинематографѣ, и твердо заявляю: это много опаснѣе театра уже потому одному, что легче устроивается, всюду можетъ легко проникать, а главное—до сего времени нѣтъ никакой цензуры для его лентъ... Страсть къ зрѣлищамъ опасна не менѣе пьянства. Она такъ же можетъ разорять населеніе, какъ и водка; она опустошаетъ народную душу, пріучаетъ простого человѣка къ праздности, отвлекаетъ отъ семьи, засоряетъ его воображеніе, сѣетъ въ его душѣ грѣхъ... И если театръ вреденъ, то кинематографъ для простого человѣка во много разъ вреднѣе. И если мы стали на путь борьбы съ порокомъ пьянства, то необходимо помнить, что въ жизни духовной, какъ и въ физической, природа не терпитъ пустоты: такъ или иначе народъ избавленъ отъ великаго, гибельнаго соблазна пьянства, на мѣсто этого порока стремится уже другой, третій!.. Уже слышатся жалобы отовсюду на все болѣе развивающуюся картежную игру, а гдѣ картъ нѣтъ, тамъ изобрѣтаютъ ихъ суррогаты, и вотъ, доходитъ уже дѣло до того, что нищіе проигрываютъ своимъ товарищамъ собираемые ими куски хлѣба прежде, чѣмъ успѣли собрать ихъ. А тутъ еще искусственно хотятъ привить простому народу страсть къ зрѣлищамъ, и притомъ самымъ развращающимъ, посредствомъ кинематографовъ. Мы, служители Церкви, давно и громко взываемъ, указывая на эту опасность, но кто насъ слушаетъ?.. Всѣ помѣшались на „свободѣ“: какъ можно стѣснять свободу предпринимателей, открывающихъ кинематографы? Какъ стѣснять свободу публики, желающей пойти въ эти заведенія? Отлично пользуются этой свободой всѣ, кто не разбирается въ средствахъ добывать деньги, но тутъ же есть и „идейные“ работники: это тѣ, кому *нужно* развращать народъ, заражать его пороками. Нельзя сказать, чтобъ этого вовсе не замѣчали тѣ, кому вѣдать сіе надлежитъ; слышно, что готовятся законопроекты объ упорядоченіи дѣла кинематографовъ; но когда это будетъ—Богу вѣдомо. А вредъ, страшный вредъ отъ этихъ заведеній растетъ и растетъ, народъ развращается не хуже недоброй памяти кабака.

Но, слава Богу, есть на Руси еще люди добрые, власть имущіе, которые не отравлены вѣяніемъ всякихъ „свободъ“, которые въ наши грозные дни спокойно проявляютъ свою власть, не считаясь съ тѣмъ, либерально это или нѣтъ. „Изъ Кіева, говоритъ „Новое Время“, пришло извѣстіе, которое давно желательно было прочесть: по распоряженію военныхъ властей, запрещено демонстрированіе въ кинематографахъ картинъ уголовнаго и эротическаго характера“. Итакъ, понадобилось военное положеніе, чтобы принять мѣру, необходимость которой, казалось бы, слишкомъ очевидна, говоритъ газета. Пусть это не входитъ въ кругъ непосредственной борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, но можно только привѣтствовать рѣшимость и починъ кіевскихъ военныхъ властей

въ дѣлѣ общественной дезинфекціи. Зло такъ разрослось и такъ бьетъ въ глаза, что кто бы и какъ бы ни началъ борьбу съ этимъ „внутреннимъ“ врагомъ, его примѣръ долженъ вызывать на подражаніе. Вѣдь, на нашихъ глазахъ происходитъ что-то совершенно ненормальное и никогда ранѣе небывалое. Вѣдь, лѣтъ 20—25 назадъ никто бы не повѣрилъ, что возможно такое публичное „оказательство“ своего рода зрительныхъ прелюбодѣяній, которое представляютъ собою программы безусловно всѣхъ нашихъ кино-театровъ,—все это откровенная популяризація порнографіи и всякой скверной уголовщины, даже безъ риска привлеченія по 1001 и прочимъ статьямъ.

Газета съ негодованіемъ говоритъ, что зрительные залы кинематографовъ переполнены учащейся молодежью обоихъ половъ. „Гимназистамъ воспрещается появляться на улицѣ позже 8 час. вечера, дабы не подвергать ихъ нравственность возможнымъ уличнымъ искушеніямъ, а „искушенія“ въ самой непринужденной формѣ развертываются на полотнѣ любого кинематографическаго заведенія за 20—30 коп. входной платы! Рано или поздно, однако, надъ этими „приготовительными классами“ уголовщины и разврата придется подумать. Понятно, что въ первые годы такого новаго дѣла, какъ кинематографъ, пока еще не выяснилась его эволюція въ порнографъ, безобразіе могло процвѣтать. Но теперь оно сознано и для всѣхъ очевидно. Пора приняться и за ликвидацію — хоть бы по Кіевскому образцу“ (Нов. Вр. № 14251, отъ 11 ноября).

Отъ души привѣтствуемъ этотъ голосъ мірянина въ защиту основныхъ устоевъ всякой общественной и государственной жизни. Авось, этотъ голосъ окажется слышнѣе нашихъ архіерейскихъ протестовъ, ходатайствъ, обращеній куда слѣдуетъ... Прискорбно, а надо сказать, что вѣрные сыны Церкви, болящіе душою за народъ, за его нравственную цѣлость, не по адресу шлютъ намъ, пастырямъ Церкви, свои упреки, свои мольбы о прекращеніи того или иного общественнаго зла, какъ, напримѣръ, хотя бы тѣхъ же кинематографовъ, возмутительныхъ театровъ, газетнаго кощунства, это —прямое дѣло законосоставительныхъ учрежденій, которымъ дано право иниціативы въ законодательствѣ, которыя и могли бы дать хорошій законъ, обуздывающій всякое зло въ общественной жизни. Мы же можемъ только писать, говорить, проповѣдывать, а ужъ услышатъ ли насъ—это уже дѣло тѣхъ, кто имѣетъ уши слышати, и хочетъ—слышитъ, не хочетъ—не слышитъ...

306.

Два слова о свободѣ вѣроисповѣданій.

I.

Если молодой епископъ дѣлится своими мыслями съ пастырями своей епархіи о свободѣ вѣроисповѣданій, то позволительно и старику-архіепископу сказать свое слово на ту же, нынѣ столь излюбленную газетами тему.

„Я, говоритъ преосвящ. Андрей Уфимскій, всегда былъ и буду сторонникомъ свободы вѣроисповѣданій, потому что иначе свѣтъ Христовой истины при „покровитель-

ствѣ“ ей со стороны приставовъ вполнѣ меркнетъ... Вѣроисповѣдная свобода одна только можетъ поставить наше духовенство на высотѣ его пастырскаго учительства и заставить его сознать этимъ свой долгъ въ полной мѣрѣ. Охранительная система создала у насъ ту пустыню, среди которой мы сейчасъ живемъ: никто изъ хрістіанъ не считаетъ для себя обязательною защиту Хрістовой правды... Даже боятся говорить правду Хрістову, если она противорѣчитъ послѣднему полицейскому распоряженію. И выходитъ, что эти полицейскія распоряженія стали истинной русской правдой. И наши дряблые безхарактерные либералы боятся говорить о Богѣ и о Хрістѣ, чтобы какъ-нибудь не оказаться солидарными съ полиціей, хотя бы въ словахъ. Все смѣшалось въ сознаніи русскихъ людей, все перепуталось до невозможности“.

Нынѣ въ модѣ разныя резиновыя слова, къ числу коихъ принадлежитъ и слово „свобода вѣроисповѣданій“. Надо бы прежде точно установить: что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ словомъ? Помню, въ комиссіи Гос. Совѣта, обсуждавшей законопроектъ о свободѣ вѣроисповѣданій, происходили большія пренія по этому вопросу. Одни разумѣли въ собственномъ смыслѣ только свободу не-православнымъ молиться каждому по своему исповѣданію, а другіе—лѣвые—отстаивали подъ свободой вѣроисповѣданія и свободу вѣропроповѣданія. До сего времени, по нашимъ законамъ, только православная Церковь имѣетъ право въ Россіи распространять свободно свое вѣроученіе; другимъ же вѣроисповѣданіямъ сего права не предоставлено. Вотъ наши либералы, проще говоря—лѣвые, коимъ претитъ святое православіе, и добиваются всѣми мѣрами, чтобъ всѣмъ не-православнымъ было предоставлено право свободно пропагандировать свое лжеученіе, совращать православныхъ въ разныя секты, особенно модныя въ послѣдніе годы—штунду, баптизмъ, адвентизмъ и прочія нѣмецкія ереси. Ужели этого желаетъ уфимскій святитель? А если онъ говоритъ о свободѣ для инославныхъ въ первомъ смыслѣ, такъ, вѣдь, она уже существуетъ, и онъ хочетъ только войти въ открытую, какъ говорится, дверь. Кто же, послѣ законовъ 17 апрѣля и 17 октября, мѣшаетъ иновѣрцамъ молиться по-своему? Что можетъ сдѣлать полиція, какъ скоро губернаторъ призналъ ту или другую общину закономъ дозволенною? А что „наши дряблые либералы боятся быть солидарными съ полиціей“ — стоитъ ли объ этомъ заботиться? Кому же не извѣстно, что это такой народъ, который жить не можетъ безъ протеста противъ законной власти! Запретите уряднику препятствовать сектанту-пропагандисту совращать православныхъ простецовъ въ какую-нибудь нелѣпую секту—нашъ либералъ будетъ протестовать противъ миссіонера или священника, который не можетъ же не принимать мѣръ противъ такого совращенія. Ужъ такова душа у нашихъ „либераловъ“, что она только и дышитъ протестомъ.

„Нужна чистая атмосфера свободы, восклицаетъ преосв. Андрей, чтобы все стало на свое мѣсто, а главное, чтобы свѣтъ Хрістовъ свѣтло сіялъ въ сознаніи лучшихъ чистыхъ совѣстей и воспріялъ всю силу и вліяніе на совѣсти немощныя“.

Какія все хорошія слова! Но вотъ бѣда: слова-то, — простите, владыко, — все „резиновыя“. Такого же свойства и слова, приводимыя вами

изъ сочиненій „генія“ русскаго—Владиміра Соловьева. Въ самомъ дѣлѣ: что значатъ его слова: „именно потому, что истина вѣры стала исключительно предметомъ благочестиваго (а иногда и неблагочестиваго) охраненія, она потеряла живую и дѣйствительную силу, отдѣлившись отъ дѣйствительности, перестала быть жизненною правдою?“ Что значитъ, что „наша бѣда въ той охранительной системѣ, которая всячески старается внутри самой Россіи похоронить ея вѣру, угасить ея духъ, заглушить ея слово?“

Ужели, чтобы пробудить духовенство, зажечь духъ вѣры въ народѣ, надо исполнить по слову пророка: „отниму у виноградника Моего ограду, и будетъ онъ опустошаемъ, разрушу стѣны его и будетъ попираемъ, и оставлю его въ запустѣніи, и зарастетъ онъ тернами и волчцами?“ (Исаіи 5, 5, 6). Вѣдь, этого-то и хотятъ всѣ враги Церкви, объ этомъ только и мечтаютъ. Ужели же надо итти къ нимъ навстрѣчу? Недавно въ бюджетныхъ сужденіяхъ Гос. Думы и слышались подобныя рѣчи, конечно, прикрытыя тоже резиновыми словами: такъ ужели вы, владыко, съ ними согласны?

Какъ будто, нѣтъ: вы пишите: „я желаю, я стремлюсь охранить свободу святаго православія. Я—епископъ православной Церкви и забочусь о ея процвѣтаніи. О сектантахъ, о всякомъ разновѣріи заботятся наши либералы, всегда готовые на всякое оскорбленіе святой Церкви, а я забочусь только о св. Церкви, о ея свободѣ прежде всего“.

Такъ; но въ томъ-то и дѣло, что либералы готовы воспользоваться всякой свободой, чтобъ только повредить Церкви; въ этомъ они единомысленны со всѣми сектантами и раскольниками; а вы толкуете о какой-то свободѣ для нихъ, чтобы „заставить наше духовенство сознать свой долгъ въ полной мѣрѣ“. Выходитъ: пустить волковъ во дворъ овчій, чтобъ разбудить пастуха. Плохой же это пастухъ, который спитъ такъ крѣпко, что надо волку будить его. А въ думскихъ кругахъ говорили еще прямолинейнѣе: надо поставить Церковь въ положеніе гонимаго, чтобъ пробудить въ ней духъ жизни... Въ теоріи все будто выходитъ хорошо, а на дѣлѣ вотъ... не всегда-то такъ.

И враги Церкви, какъ сыны вѣка сего, являются и тутъ мудрѣйшими насъ, мнящихся быти сынами свѣта Христова: они зорко слѣдятъ за всѣмъ, что мы пишемъ и говоримъ, и какъ только можно истолковать наше неосторожное „резиновое“ слово, такъ и спѣшатъ использовать его. Замѣтьте: вѣдь, вотъ они поняли ваше слово о „свободѣ вѣроисповѣданій“ въ смыслѣ полной свободы пропаганды ересей, и перепечатали отрывокъ вашихъ словъ въ самой распространенной своей газетѣ. Они нашли ваши слова „глубоко интересными“. Да и какъ не интересно имъ, когда архіерей заговорилъ о свободѣ вѣроисповѣданій, то есть, по ихъ пониманію, о томъ, чтобъ допустить повсюду волковъ въ овечьихъ шкурахъ для расхищенія стада Христова? Какая заманчивая для перспектива: разбудить спящее духовенство, оно волей-неволей должно будетъ выступить въ защиту православія, самый лѣнивый батюшка вынужденъ будетъ заняться изученіемъ ересей, чтобъ не быть осмѣяннымъ сектантскими пропагандистами, православные заинтересуются религіозными спорами, а наши „интеллигенты“, наши либералы всѣхъ покроевъ будутъ исподтишка посмѣиваться надъ батюшкой, надъ его не-

умѣньемъ отражать софизмы сектанта. Батюшку будутъ обижать, надъ православіемъ будутъ издѣваться, а полиція не смѣй подходить, потому—свобода!..

Эхъ, владыко святый! Да, вѣдь, это старая теорія: сотворимъ злая, да пріидутъ благая. Сколько душъ погибнетъ, которыя теперь, подъ прикрытіемъ закона, спасаются въ простотѣ сердца, не подозрѣвая даже, что есть какіе-то баптисты, адвентисты и т. п. И вотъ ихъ станутъ совращать... Что же: ужели не жаль этихъ погибающихъ? Вѣдь, надо же сознаться, что мы, архіереи, не въ силахъ посѣщать каждое село нѣсколько разъ въ годъ (въ епархіи, вѣдь, бываетъ нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ церквей), надо же признать, что наши пастыри въ большинствѣ не достаточно подготовлены къ такой открытой борьбѣ съ врагами православія, что мы, православные, несмотря ни на какую свободу, всегда будемъ связаны въ своей совѣсти нравственнымъ закономъ, а враги наши всякое средство считаютъ дозволеннымъ, а наша паства далеко не всегда все это понимаетъ, не всегда способна оцѣнить духъ кротости и смиренія, которымъ долженъ руководиться пастырь, иногда наглость сектанта будетъ возвеличена какъ голосъ твердаго убѣжденія въ истинѣ, и священникъ будетъ поруганъ, осмѣянъ, подъ покровомъ „свободы исповѣданій?...“ Если не принимаютъ это во вниманіе разные либералы-теоретики, то мы-то, архіереи, должны все это имѣть въ сужденіи.

Истина, конечно, свѣта не боится. Но вотъ именно тѣ „немощныя совѣсти“, о коихъ и вы говорите, требуютъ особаго попеченія. Нельзя играть съ огнемъ. Нельзя пускать волковъ въ стадо. Бываютъ обстоятельства, когда одними хорошими словами не оградить отъ соблазна: Самъ Господь нашъ иногда употреблялъ бичъ отъ вервій, чтобъ изгнать оскорбителей святыни. Простительно и намъ, грѣшнымъ, иногда прибѣгнуть къ власти полицейской, чтобъ оберечь простыхъ сердцемъ овечекъ Христовыхъ отъ волковъ хищныхъ.

II.

Признаюсь: съ грустью читалъ я выдержки изъ письма къ пастырямъ Уфимскаго святителя, помѣщенныя въ „Новомъ Времени“. Подъ ихъ впечатлѣніемъ и написалъ вышеприведенныя строки. Не вѣрилось, чтобы владыка такъ и думалъ, какъ и выходило изъ приведенныхъ газетой словъ. Между тѣмъ, мнѣ подали „Уф. Еп. Вѣдомости“, въ которыхъ письмо помѣщено цѣликомъ. Прочиталъ. Оказывается, что газета, приводя слова преосвященнаго, остановилась именно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разъясняетъ свою мысль о свободѣ вѣроисповѣданій выдержкой изъ рѣчи члена Гос. Думы В. Н. Львова въ бюджетной комиссіи Г. Думы. Выходитъ, что преосвящ. Андрей говоритъ, собственно, о свободѣ *православнаго* вѣроисповѣданія, а до другихъ ему дѣла нѣтъ: онъ не хочетъ говорить о нихъ, какъ православный архіерей. Онъ повторяетъ вслѣдъ за В. Н. Львовымъ: „дайте намъ, православнымъ, хотя права старообрядцевъ“. Газета такимъ образомъ, повидимому, исказила настоящій смыслъ словъ преосв. Андрея. Такъ хочется думать, потому, что самъ онъ не говоритъ прямо, что нельзя допускать полной свободы вѣроисповѣданій для всѣхъ неправославныхъ. Онъ какъ будто только подчеркнулъ принципъ, не оговоривъ его примѣненіе

въ отношеніи къ той и другой сторонѣ, а это и подало газетѣ поводъ записать его въ ряды тѣхъ же либераловъ, которые, по его словамъ, заботятся о всякомъ разновѣріи. Вотъ какъ опасно нынѣ говорить, да не договаривать до конца.—„Я защитникъ свободы совѣсти, говоритъ онъ, а не противникъ ея; я защитникъ прежде всего свободы святой Церкви и не могу, не долженъ молчать при видѣ ея поруганія. Великое счастье мое заключается въ томъ, что народъ православный и сейчасъ еще на моей сторонѣ и не мирится съ предателями Хрістовой вѣры“.—Ясно, думаю, что такая постановка вопроса требуетъ сама по себѣ ограниченій для свободы другихъ вѣроисповѣданій, дабы не была нарушена свобода господствующей православной Церкви. Вотъ въ томъ-то и опасность, что стоитъ дать, такъ называемую, свободу вѣропроповѣданія, какъ ею овладѣютъ всякіе „предатели Хрістовой вѣры“, то есть, Церкви. И тогда начнется то „поруганіе“, о коемъ говоритъ, котораго боится владыка. И преданъ будетъ виноградникъ православія расхищенію и попранію. Намъ, архіереямъ, нечего считаться съ разными либеральными воззрѣніями относительно всякихъ свободъ; мы должны прямо говорить то, что думаемъ, чему учитъ насъ совѣсть наша. Не о насиліяхъ надъ чужою свободою совѣсти (хотя самый терминъ этотъ крайне неточенъ: вѣдь, самое понятіе совѣсти, какъ внутренняго закона, уже говоритъ объ ограниченіи свободы) говоримъ мы, а объ огражденіи такой свободы для православныхъ вѣрующихъ отъ покушеній на нее со стороны инаковѣрующихъ—вотъ о чемъ наша забота. Мыслимо ли допустить, чтобъ въ православномъ государствѣ каждый еретикъ-пропагандистъ свободно отторгалъ отъ православной Церкви въ простотѣ вѣрующія души? Либералы намъ скажутъ: вы хотите полицейскими мѣрами охранять православіе?—Да, хотя бы и полицейскими—въ томъ смыслѣ, что вотъ этихъ совратителей привлекать къ строгой отвѣтственности, не взирая на ихъ вопли о „свободѣ ихъ совѣсти“. Пусть они вѣруютъ въ своей, иногда сожженной, совѣсти какъ хотятъ, но не смѣй касаться чужой совѣсти, не смѣй смущать православнаго. Это, конечно, не исключаетъ мѣръ воздѣйствія на сектантовъ со стороны пастырей Церкви, и на православныхъ въ смыслѣ предостереженія, вразумленія, охраненія и духовнаго окормленія. Но въ нашей обширной Россіи, при разбросанности селеній, при недостаткѣ достаточно подготовленныхъ пастырей, при невѣжествѣ въ ученіи вѣры нашего простаго народа, при любви его ко всему, что говоритъ о спасеніи души, о вѣчности, при убѣжденіи его, наконецъ, въ томъ, что все, что закономъ дозволено, то *не грѣшно*, — законъ долженъ строго запретить всякую пропаганду ересей и такъ называемаго „иновѣрія“, прикрывается ли оно флагомъ хрістіанства или же прямо—есть ученіе нехрістіанское. А запретивъ, долженъ чрезъ свои органы и наблюдать, чтобъ законъ исполнялся. Тутъ не можетъ быть никакихъ разсужденій „о свободѣ совѣсти“. Руки прочь и—конецъ. Знай свою моленную и будетъ съ тебя. А будешь заманивать туда православнаго — отвѣчай строго предъ закономъ, какъ совратитель изъ православія. И законъ долженъ это дѣлать не потому, что вѣра православная сама по себѣ нуждается въ такой охранѣ, а просто

потому, что православіе есть основа жизни Русскаго народа, есть душа души народной, что православію обязанъ народъ всѣми тѣми сокровищами духа, которыми восхищаются даже другіе народы,—сокровищами, которымъ обязана Русь своимъ величіемъ, духовною красою, своимъ единствомъ, могуществомъ и безъ которыхъ оно—погибнетъ, исчезнетъ съ лица земли... Такъ должна вѣровать государственная власть, потому что такъ вѣруетъ самъ народъ. Тутъ ужъ надобно отложить въ сторону всякія либеральныя теоріи о свободѣ совѣсти, о вѣротерпимости, которой и безъ того достаточно въ нашихъ законахъ. Когда ребенку грозитъ опасность попасть подъ вліяніе вредныхъ въ отношеніи его нравственности людей, то родители не разсуждаютъ о какой бы то ни было свободѣ совѣсти, а рѣшительно удаляютъ этихъ вредныхъ людей. Простой народъ, да и не простой только, большею частію, въ вопросахъ вѣры—ребенокъ: какъ же не оберечь его закономъ отъ вліянія разныхъ еретиковъ и лжеучителей? И странное дѣло: въ отношеніи вредныхъ государственныхъ лжеучителей принимаются мѣры для охраны народа отъ заблужденій, а въ вопросахъ вѣры проповѣдуется какая-то лживая свобода: кому угодно—проповѣдуй, что хочешь. Кто бы что ни говорилъ, а пока люди живутъ на землѣ, пока ихъ душа способна вѣровать, дотолѣ неиспорченный, неисковерканный нравственно человѣкъ, искренно относящійся къ совершающимся событіямъ, къ жизни, кипящей вокругъ него, будетъ въ основу своихъ отношеній къ этимъ событіямъ полагать свои вѣрованія. Законъ православнаго государства не можетъ не имѣть этого всегда въ виду. Есть понятіе, есть цѣлое міровоззрѣніе, вѣками воспитанное, народомъ воспринятое въ свою душу, какъ родное, какъ единое истинное, какъ основа его жизни, и это міровоззрѣніе народа законъ долженъ не только охранять, но и воспитывать въ сынахъ народа, если хочетъ быть роднымъ народу, священнымъ для него. Тутъ должны всѣ либеральныя, „всечеловѣческія“ соображенія и теоріи быть отложены въ сторону. Развѣ мы не видимъ, что все зло послѣднихъ десятилѣтій происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что наше законодательство пустилось въ безпочвенный либерализмъ, внушаемый откуда-то извнѣ, не изъ нѣдръ народной души, народнаго міросозерцанія? Развѣ мы не чувствуемъ, какъ народная душа тоскуетъ объ этомъ уклоненіи, какъ бы безсознательно, полусознательно, а иногда и прямо сознательно понимая, къ чему ведетъ это уклоненіе? Но, увы, наши верхи, наши „сливки“ общества этого какъ будто не хотятъ замѣчать. Ну—что обращать вниманіе на мнѣнія мужика, попа, архіерея? Извѣстное дѣло — отсталые люди! Вотъ мы дадимъ такіе законы, что всѣмъ будетъ просторно на Руси.—Да, будетъ просторно и жиду, и нѣмцу, и всякому иновѣрцу и инородцу, только русскому-то православному человѣку — охъ, какъ придется тѣсно!.. Вѣдь, душа болитъ, когда въ высшемъ государственномъ учрежденіи слушаешь болтовню либеральнаго профессора, не хотящаго знать духа народнаго. А онъ съ такимъ апломбомъ говоритъ о свободѣ вѣроисповѣданій, отстаиваетъ свободу проповѣди, пропаганды, свободу печати, теперь почти въ массѣ захваченной жидами... Какъ радуются этому наши враги! Имъ только этого и нужно: остальное само придетъ въ руки.

И это отлично понимаютъ нѣмцы, и милліоновъ не жалѣютъ на разрушеніе православія въ Россіи, а наши либералы, по внушенію гипноза іудомасоновъ, безсмысленно повторяютъ однѣ и тѣ же рѣчи о „свободѣ вѣроисповѣданія“, разумѣя свободу пропаганды всякихъ ересей.

Вотъ мои мысли по поводу письма уфимскаго святителя. Если онъ признаетъ ихъ дополненіемъ своихъ мыслей, то я буду радъ, что досказалъ то, чего онъ не досказалъ. Я охотно подписался бы и подъ тѣмъ, что сказалъ В. Н. Львовъ въ бюджетной комиссіи, но боюсь, что въ его слова вложу свой смыслъ, а онъ, можетъ быть, имѣетъ въ виду другое. Конечно, правда, что „православная Церковь, которую называютъ господствующей, находится въ положеніи худшемъ, нежели старообрядцы и сектанты“. Но какого рода нужна свобода ей, чтобы поправить дѣло, объ этомъ можно спорить, и понимать это—каждый можетъ по-своему. А у насъ, вѣдь, дѣло дошло до того, что архіерейскія статьи испещряются краснымъ карандашомъ міранина-цензора, а лѣтъ пять—семь назадъ была уничтожена брошюрка „Кто такое Левъ Толстой?“, напечатанная предварительно въ синодскихъ „Церк. Вѣдомостяхъ“, и авторъ едва не подвергся строжайшей карѣ закона — за богохульство! Вотъ вамъ и свобода...

308.

Духовныя аптечки.

Больные ждутъ времени, благопріятнаго для леченія у цѣлебныхъ источниковъ: православные ждутъ Великаго поста, какъ времени самаго благопріятнаго для исцѣленія своихъ немощей духовныхъ. „Постъ —весна душамъ“, поучаетъ св. Церковь въ своихъ великопостныхъ пѣснопѣніяхъ: въ постѣ такъ легко дышется, какъ бы весною; вся церковная обстановка, всѣ службы Божіи благоухаютъ Божіей благодатью, а въ таинствахъ Церкви, въ таинствѣ покаянія и Божественнаго причащенія тѣла и крови Спасителя нашего, душа обрѣтаетъ и желанное исцѣленіе отъ болѣзней духовныхъ, отъ тѣхъ страстей, которыя воюютъ на душу и отъ коихъ изнемогаетъ нашъ духовный человѣкъ. И сколько истинно-материнской любви и заботливости проявляетъ святая Церковь въ это, воистину, благодатное время! Какъ мудро расположила она свои службы, свои историческія воспоминанія и памяти святыхъ Божіихъ на эти дни! Зная свойства души человѣческой, она дѣйствуетъ не только на умъ, но и на сердце грѣшника, не только даетъ пищу для благочестивыхъ размышленій, но и питаетъ сердце, чувство, неподражаемою поэзіей своихъ стихиръ, каноновъ, и другихъ пѣснопѣній. Почти за мѣсяцъ начинаетъ она готовить къ посту своихъ чадъ; за три недѣли уже слышатся трогательныя покаянныя пѣсни: „Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче“, за двѣ недѣли—пѣснь плѣнниковъ вавилонскихъ, оплакивающихъ свое потерянное отечество, а въ евангельскихъ чтеніяхъ даетъ образцы покаянія въ Закхеѣ, въ мытарѣ, въ блудномъ сынѣ... И вездѣ—смиреніе, какъ основной фонъ хрістіанской жизни, вездѣ дѣтская простота сердца и готовность въ

слезахъ изливать свое сердце... Настаетъ постъ и открывается чудная панорама ветхаго и новаго завѣта въ великомъ твореніи святителя Андрея Критскаго, въ великомъ канонѣ. Умилительная молитва преподобнаго Ефрема Сирина слышится многократно на всѣхъ службахъ и вѣрующіе повергаются предъ Господомъ въ покаянныхъ воздыханіяхъ, умоляя милосердаго и всемогущаго Господа удалить отъ нихъ духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія, даровать же имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, а паче всего—зрѣть свои согрѣшенія и не осуждать ближняго. Настаетъ день покаянія — канунъ Божественнаго причащенія, и вѣрующіе открываютъ свою совѣсть предъ милосердымъ Господомъ, исповѣдуя своему духовному отцу все, что тяготитъ ихъ, чѣмъ они прогнѣвляли Господа и получаютъ, по вѣрѣ своей, отпущеніе согрѣшеній, полагая обѣтъ больше не служить грѣху. Поистинѣ—чудное время, поистинѣ весна и обновленіе душъ у источниковъ спасенія—подъ сѣнію храмовъ Божіихъ...

Всякое леченіе требуетъ врача, его указаній относительно діэты и пользованія цѣлебными водами. Такъ и въ духовномъ врачеваніи нуженъ врачъ, нужна діэта, руководство духовнаго отца. Всякое и доброе дѣло только тогда спасительно, когда оно дѣлается добрѣ, съ разсужденіемъ. Можно и поститься, и молиться, класть поклоны безъ счета, а пользы не имѣть, если все это будетъ сопровождаться фарисейскимъ настроеніемъ, будетъ питаться духомъ тщеславія, будетъ чуждо мытарева злата—смиренномудрія. Вѣдь, и въ тѣлесномъ леченіи бываетъ то же: иной будетъ пить воду, въ извѣстныхъ случаяхъ цѣлебную, а въ другихъ прямо вредную. Чѣмъ опытнѣе врачъ, тѣмъ больше у него паціентовъ; такъ и тутъ: чѣмъ опытнѣе духовникъ, тѣмъ больше стремятся къ нему всѣ, кто истомился душою, кто страдаетъ тою или иною духовною болѣзнію, обуревается страстью, томится малодушіемъ въ скорбяхъ своихъ, ищетъ поддержки, утѣшенія, духовнаго врачеванія. Вотъ почему тѣ обители, въ коихъ есть болѣе или менѣе опытные старцы, бываютъ во дни поста — да и не поста только—переполнены вѣрующими, ищущими духовнаго руководства и облегченія тяготы душевной. И никогда такъ не раскрывается грѣшная, но смиряющаяся предъ Богомъ и кающаяся душа, какъ при исповѣди, никогда такъ благотворно и плодоносно не бываетъ сѣяніе заповѣдей на нивѣ сердца человѣческаго, какъ во дни поста, особенно великаго. Какъ велика отвѣтственность предъ Богомъ отцовъ духовныхъ за эти раскрытыя сердца, если они не воспользуются въ это святое время духовнаго обновленія и возрожденія православныхъ чадъ Божіихъ, чтобъ помочь имъ въ дѣлѣ сего обновленія!

Но какъ помочь, что дѣлать духовнику, когда въ одинъ день ему приходится исповѣдать нѣсколько сотъ человѣкъ? Вѣдь, на каждаго приходится иногда всего двѣ—три минуты: иначе другіе останутся безъ исповѣди...

Многіе добрые пастыри заранѣе приглашаютъ своихъ прихожанъ исповѣдаться за два—три дня, если хотятъ повнимательнѣе заглянуть въ свое грѣшное сердце. Къ сожалѣнію, это не входитъ въ обычай: исповѣдники, какъ будто, боятся нагрѣшить послѣ исповѣди до святаго причащенія. Иные стараются даже исповѣдаться въ самый день причащенія, забывая, что, вѣдь, если

такъ станутъ дѣлать всѣ, то духовникъ будетъ лишенъ ужъ всякой возможности исповѣдывать желающихъ... Напрасно духовникъ предлагаетъ потомъ дополнять исповѣдь, если кого что-нибудь смущаетъ: дѣлать это стѣсняются и предпочитаютъ въ канунъ причащенія выстаивать по нѣсколько часовъ въ ожиданіи очереди подойти къ аналогію духовника. При такихъ условіяхъ и бываетъ часто, что отъ исповѣди, изъ духовной врачебницы, отходятъ неисцѣленными. Какъ же быть? Какъ и чѣмъ, хотя въ нѣкоей малой мѣрѣ, помочь горю?

Изъ житій святыхъ, изъ наблюденій пастырскихъ, изъ постояннаго опыта духовной жизни извѣстно, что благодать Божія какъ бы стоитъ на стражѣ человѣческаго сердца и всегда готова привлечь его на путь спасенія, какъ только произволеніе человѣка склонится къ сознанію своей грѣховности и поищетъ ея всесильной помощи. Извѣстны, напримѣръ, случаи могущественнаго воздѣйствія благодати при чтеніи не только слова Божія, но и писаній святоотеческихъ, житій святыхъ, и даже простыхъ назидательныхъ листковъ. Печатное слово такимъ образомъ является на помощь отцамъ духовнымъ въ ихъ святомъ дѣлѣ духовнаго водительства ихъ чадъ. И духовники должны имъ широко пользоваться. Мнѣ извѣстны многіе пастыри, которые предлагаютъ говѣльщикамъ, ожидающимъ очереди при исповѣди, назидательные листки, располагающіе къ покаянію и помогающіе кающемуся въ исповѣданіи грѣховъ. Таковы „Троицкіе листки": „Предъ исповѣдію и объ исповѣди" (№ 712 и 207), „Исповѣдь" (97), „Безъ исповѣди не полно покаяніе" (209), „И Богъ требуетъ, и душа проситъ исповѣди" (262), „Что нужно для спасительной исповѣди" (410), „Прежде самъ прости" (177), „Прежде долгъ уплати" (235), „Возстани, спящій" (543), „Воротись, куда идешь" (285), „Осмотрись" (218), „Пока не поздно" (307), „Пора одуматься" (237), „Почему не сегодня" (714), „Покаемся" (358), „Стыдно мнѣ предъ Тобою, Господи" (526), и под. Въ нѣкоторыхъ церквахъ такіе листки громко прочитывались псаломщиками или грамотными изъ говѣльщиковъ; читались и листки о Божественномъ причащеніи: „Не уклоняйся отъ причастія св. Хрістовыхъ Таинъ" (156), „Не лишай себя чаши Хрістовой" (308), „Величіе таинства св. причащенія" (210), „Хлѣбъ небесный" (361), „Что нужно для достойнаго причащенія св. Таинъ" (411), „Причастникамъ предъ св. причащеніемъ" (458).

Но этого мало. Надобно, хотя отчасти, восполнить то, что долженъ бы дать духовникъ устно, чего ждетъ отъ него духовный сынъ: это—совѣтъ, что ему дѣлать, какъ отстать отъ привычнаго грѣха, какъ направить свою волю къ добру, какъ перемѣнить свою жизнь: вѣдь, таинство покаянія есть только благое начало этой спасительной перемѣны—начало новой—во благодати—жизни, которая должна продолжаться до конечнаго исхода отсюда, которая будетъ цѣложизненнымъ подвигомъ борьбы съ привычными страстями, свившими себѣ гнѣздо въ сердцѣ, подвигомъ очищенія сердца отъ этихъ зловонныхъ исчадій ада. Тутъ уже нужна цѣлая „духовная аптечка", смотря по духовной болѣзни паціента-исповѣдника. Нѣкоторые духовники даютъ исповѣднику на память листокъ, какой придется. Но это не только безцѣльно, но и иногда можетъ быть и вредно, отвлекая мысль говѣльщика отъ единаго для него на потребу въ сто-

рону ненужнаго. Несравненно большую пользу могла бы принести въ рукахъ опытнаго духовника, какъ умѣлаго врача, цѣлая „аптечка-библіотечка“, которую слѣдовало бы имѣть подъ руками каждому духовнику. Въ ея составъ должны входить листки по нѣсколькимъ отдѣламъ и подраздѣленіямъ. Можно имѣть три главныхъ отдѣла, по указанному Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ дѣленію грѣховъ: похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская. Въ первомъ отдѣлѣ два главныхъ подраздѣленія: грѣхи плотскіе и чревоугодіе въ его разныхъ видахъ. Смотря по виду такихъ грѣховъ, духовникъ можетъ дать исповѣднику листки въ родѣ такихъ: „Борьба съ плотію“ (№ 197), „Не прелюбы сотвори“ (707), „Положи, какъ Іовъ, завѣтъ очамъ твоимъ“ (598), „До чего ослѣпляетъ распутство“ (149), „Слово къ распутному сыну“ (652), „Кому подобенъ распутно живущій“ (406) и под. Противъ пьянства: „Десять горькихъ гроздовъ пьянства“ (8), „Благодатное врачевство противъ пьянства“ (150), „До чего доводитъ пьянство“ (454), „Какъ помочь нашему общерусскому горю“ (492), „Непобѣжденный врагъ Русской земли“ (563), „Слово покаявшагося пьяницы“ (564), „О томъ, какъ изобрѣтательны пьяницы“ (619), „Въ чемъ корень пьянства“ (696), „Грозное слово св. Василія Великаго на упивающихся“ (727), „Доброе слово женѣ, у которой мужъ пьяница“ (728) и другіе листки, которые имѣются собранными и въ одной книжкѣ, подъ заглавіемъ „Всѣмъ пьющимъ и непьющимъ душеполезная книжица о погибельномъ пьянствѣ“. Противъ чревоугодія — всѣ листки о постѣ и воздержаніи; противъ „похоти очесъ“ — о любостяжаніи, богатствѣ и бѣдности, какъ напримѣръ: „Можно ли спастись богатому“ (779), „Слово къ богатымъ и убогимъ“ (257), „Ничто не наше на землѣ“ (487), „Не суди бѣдняка, а подай ему“ (695), „Что лучше: богатство или бѣдность“ (427), „Кому можно, а кому грѣшно жить подаяніемъ“ (603), „Бѣдностью не оправдаешься предъ Богомъ“ (179), „Доброе слово Христа ради нищему“ (339), о картежной игрѣ (532), о женскихъ нарядахъ и уборахъ (295), зависть—„Первородное исчадіе грѣха“ (693), „Завистникъ—человѣконенавистникъ“ (248), „Не завидуй, и зависть незлобіемъ побѣждай“ (32); о гордости и смиреніи: „До чего доводитъ гордость“ (547), „Я—не твой братъ“ (494), „Смирись, гордый человѣкъ“ (582), „Смиреніе—матерь всѣхъ добродѣтелей (645), „Смиреніе святыхъ“ (612), „Христовъ примѣръ смиренія“ (663) и др. Родителямъ: „Мудрые имъ совѣты“ (14), „Родители, берегите дѣтей своихъ“ (352), „Страшное дѣло—клятва родительская“ (386), „Молитесь, матери, за дѣтей своихъ“ (495), „Счастье родителей“ (490), „Всегда ли должно слѣдовать благословенію родителей“ (520), — дѣтямъ: „Дѣти, помните пятую заповѣдь“ (75), „Дорожите благословеніемъ родительскимъ“ (230), „Нива, слезами орошенная“ (725), „Храните, дѣти, завѣтъ родительскій“ (311), „Въ поученіе взрослымъ дѣтямъ“ (442). Листки для дѣтей есть и въ одной книжкѣ „Троицкій подарокъ для русскихъ дѣтей“. О семьѣ: „Семейные раздоры“ (82), „Братья и сестры“ (893), „Невѣстки и свекрови“ (684), „Снохи въ семьѣ“ (146), „Мужья и жены“ (118, 753). Въ утѣшеніе скорбящимъ имѣется болѣе 50 названій листковъ, которые есть и въ одной книжкѣ „Всѣмъ скорбящимъ во утѣшеніе“. Есть листки о сквернословіи (88 и 719),

о „дымной привычкѣ“ (540), „земледѣльцу“ (27), „воину“ (138, 143, 407), „наемному человѣку“ (453), „нищему“ (339), „торговцу“ (77 и 303). Много листковъ о храмѣ Божіемъ, о молитвѣ, о празднованіи святыхъ дней (25, 144), о покаяніи, о смерти (15 названій), о поминовеніи усопшихъ (5 названій), о Церкви православной и послушаніи ей (до 15 названій), о расколѣ и сектахъ (до 30 названій), о почитаніи Матери Божіей и Ея иконъ (до 35 названій), Святыхъ Божіихъ, Креста Господня (болѣе 20 названій). Не стану перечислять ихъ: общее число „Троицкихъ листковъ“ доходитъ теперь до 1350 №№. Къ нимъ есть систематическій указатель и оглавленія къ выпускамъ (каждый выпускъ состоитъ изъ 40 №№). „Аптекарскій складъ“, если угодно такъ назвать это изданіе, какъ видите, очень богатый.

Я позволилъ себѣ остановиться на „Троицкихъ листкахъ“ потому, что многіе изъ нихъ мною и составлены, и всѣ — редактированы, а потому ихъ содержаніе мнѣ хорошо извѣстно. Но, вѣдь, есть, кромѣ Троицкихъ, и другіе листки: Аѳонскіе, Кіевскіе, Почаевскіе, Синодальные... Есть изъ чего составить духовную аптечку.

Эту мысль мнѣ подалъ одинъ почтенный отецъ игуменъ, въ обители у котораго такія аптечки уже имѣются и приносятъ большую пользу богомольцамъ. Онъ, между прочимъ, пишетъ: „необходимо, чтобы въ аптечкѣ были листки и для раздачи не только во время исповѣди, но и при совершеніи требъ, особенно при вѣнчаніи, бракѣ, погребеніи. Извѣстно, что при такихъ случаяхъ сердце бываетъ болѣе воспріимчиво. Для образца можно выписать хотя по одному листку (впрочемъ, не менѣе сотни, хотя бы и разныхъ, ибо пересылка почтой въ противномъ случаѣ обходится дорого, а сотня съ пересылкой стоитъ 60 к.; налож. платежомъ—80 к.), затѣмъ, по усмотрѣнію духовника можно уже требовать больше, указывая №№ листковъ. Изъ нашей монастырской библіотечки - аптечки всего болѣе требуется листковъ въ утѣшеніе скорбящимъ: особенно теперь, да и всегда, скорбящихъ не мало, они-то больше и обращаются къ Богу, но скорби бываютъ разныя, объ умершихъ, по случаю болѣзни, бѣдности, обиды, дурной жизни мужа, дѣтей, или другихъ несчастій. Часто просятъ листковъ о примиреніи враждующихъ, противъ пьянства, ругани и пр. Батюшки и прихожане оцѣнятъ духовное врачевство, получая пользу отъ его своевременнаго употребленія. А два-три рубля на выписку батюшка найдетъ у себя же, изъ тѣхъ лептъ, какія кладутъ ему за исповѣдь въ кружечку“.

Кто желалъ бы получить такую „духовную аптечку“, тотъ можетъ въ своемъ требованіи обозначать просто: такого-то №. листка, столько-то экземпляровъ. Получивъ, распредѣлить ихъ или пакетами, по содержанію, или бандеролями, чтобы не рыться при самой исповѣди. У о. игумена, о коемъ я упомянулъ, сдѣланъ даже особый шкафъ, съ клѣточками для каждой темы—духовнаго врачевства. А на створахъ шкафа — списокъ имѣющихся тутъ листковъ.

309.

Лже-научный подкопъ подъ Библію.

Отъ первыхъ дней хрістіанства, отъ самихъ апостоловъ Хрістовыхъ мы слышали, и Церковь Божія крѣпко содержитъ сію истину: былъ въ исторіи человѣчества народъ, Богомъ избранный, коему ввѣрена быша словеса Божіи, который являлся для всего человѣчества носителемъ, хранителемъ истинной вѣры въ Бога, въ грядущаго Спасителя міра, народъ, который передалъ Хрістовой Церкви Божественное Откровеніе, заключенное въ книгахъ Священнаго Писанія, въ Библіи, которую мы пріемлемъ какъ слово Божіе, какъ писанія пророческія, какъ Ветхій Завѣтъ, наравнѣ съ книгами Новаго Завѣта, писаніями Апостоловъ, Святымъ Евангеліемъ: Ветхій и Новый Завѣты для насъ суть одна цѣлая книга, книга Божественнаго Откровенія, какъ двѣ страницы одного и того же листа—великаго посланія Бога къ человѣкамъ.

Не будемъ входить въ сужденіе о томъ: потому ли избранъ былъ еврейскій народъ, что его предки, древніе патріархи, дѣйствительно, были лучшіе, достойнѣйшіе люди, какъ Авраамъ, иже *и другъ Божій наречеся*, или же по особенному промышленію Божію, чтобъ самый недостойнѣйшій изъ народовъ сталъ орудіемъ Божіей благости къ роду человѣческому, да изведетъ Господь благостію и всемогуществомъ Своимъ честное отъ недостойнаго: такъ или иначе для насъ остается несомнѣннымъ великое дѣло Божіе, что еврейскій народъ былъ народомъ избраннымъ, хотя и недостойнымъ въ своемъ поведеніи, въ своихъ дѣяніяхъ,—народомъ, отъ котораго, по выраженію Самого Господа нашего Іисуса Христа, произошло *спасеніе* (Іоан. 4, 22). Мы вѣруемъ, что Духомъ Божіимъ глаголали святые пророки, и ихъ писанія, весь Ветхій Завѣтъ, въ его каноническихъ книгахъ—суть писанія богодухновенныя. Это—не наше мнѣніе: таково ученіе всей Православной Церкви, таково ученіе Апостоловъ и Самого Господа Іисуса Христа, Который, въ удостовѣреніе Своего Божественнаго посланничества, говорилъ іудеямъ: *испытайте писанія*, и ссылался на Моисея, который писалъ о Немъ (Іоан. 5, 39 и др.). Такимъ образомъ, по воззрѣнію Церкви, народъ еврейскій до пришествія въ міръ Спасителя оставался народомъ Божіимъ, хотя и грѣшнымъ, недостойнымъ, но, вѣдь, и мы не менѣе грѣшны и недостойны, однако же дерзаемъ считать себя и уповаемъ, что не безнадежно, чадами Хрістовой Церкви, пока не отреклись отъ нея, не отпали, не отсѣчены. Но вотъ, пришелъ Господь, обѣтованный Спаситель, Избавитель Іисусъ Хрістосъ. Еврейскій народъ долженъ былъ принять Его, яко обѣтованнаго Мессію. Увы, онъ отвергъ Его! Онъ вознесъ Его на крестъ! Онъ отрекся отъ Него! Онъ—страшно сказать—на себя и дѣтей своихъ, на все свое потомство взялъ вину пролитія святѣйшей крови Его! *Кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*, кричали іудеи Пилату, требуя распятія Хріста. Ихъ вожди, ихъ первосвященники и книжники, пропитанные сатанинскою гордынею, возненавидѣли самое имя Хрістово такъ, что не позволяли и Апосто-

ламъ произносить его. Народъ отпалъ отъ Бога. Онъ измѣнилъ своему призванію. Онъ сталъ противникомъ Богу, заклятымъ врагомъ тѣхъ, кто послѣдовалъ Христу. Самъ Господь, обличая вождей іудейскихъ, уже нарекъ ихъ *сынами діавола* (Іоан. 8, 44). Избранные отъ народа іудейскаго Апостолы и первые послѣдователи Господа, вошли въ Церковь, а отверженный Богомъ народъ, въ массѣ своей, въ ожесточеніи сердца пошелъ противъ Церкви, противъ Бога, отдалъ себя во власть новаго своего отца-сатаны; вмѣсто новаго завѣта, вмѣсто Евангелія Христова, онъ призналъ книгою завѣта для себя сборникъ преданій вотъ этихъ самыхъ фарисеевъ и книжниковъ, которыхъ обличалъ Господь,—вотъ этотъ многотомный талмудъ, со всѣми его нелѣпостями, мерзостями, со всею нечистотой и богопротивной логикою. Это было попущеніемъ Божіимъ въ наказаніе бывшему избранному, нынѣ же отверженному Богомъ народу,—попущена слѣпота духовная, свободною волею имъ избранная, за отреченіе отъ истиннаго Свѣта, просвѣщающаго весь міръ. Объ этомъ „ослѣпленіи“ говоритъ великій апостолъ языковъ Павелъ, предсказывая, что оно—не навсегда, что настанетъ нѣкогда часъ, когда „*исполненіе языковъ внидетъ*“ въ Церковь Христову „*и тако весь Израиль спасется*“ (Рим. 11, 25—26). На нашихъ глазахъ это ослѣпленіе еще продолжается: іудеи—въ отверженіи отъ Бога, продолжаютъ враждовать противъ Христа и Его Церкви, продолжаютъ вмѣсто Евангелія, даже вмѣсто Ветхаго Завѣта, который чтутъ, держаться своего богоненавистнаго талмуда, заключающаго въ себѣ, можно сказать, завѣты врага Божія-сатаны. Апостолъ предсказалъ, что будетъ время обращенія іудеевъ ко Христу, но мы еще не видимъ признаковъ этого обращенія; видимъ только, какъ вражда іудеевъ противъ Христа разгорается, какъ они готовятъ всѣми мѣрами путь своему лжемессіи—антихристу, какъ и христіанъ стараются отвратить отъ Христа и сдѣлать ихъ врагами Его.

Изъ сказаннаго видно, что мы должны строго различать еврея до Христа и іудея послѣ Христа. Между ними лежитъ непреходимая грань, цѣлая пропасть. Къ этой пропасти постепенно подходилъ ветхозавѣтный еврей, заражаясь гордынею, самоцѣномъ избранничества, пока не низринулся въ эту пропасть, превратившись изъ чада Божія, хотя и строптиваго, маловѣрнаго, но еще чада, въ чадо сатаны, въ богоотверженнаго противника Христова. Не будемъ разгадывать „тайны“ Божіей, о коей говоритъ апостолъ Павелъ, когда она исполнится, когда іудеи обратятся ко Христу, хотя бы въ „останкѣ“, въ маломъ числѣ. Это—дѣло Божіе. Будемъ беречь себя отъ іудея, который покушается отнять у насъ самое священное, самое дорогое — вѣру въ нашего Спасителя, въ ученіе Его Церкви, въ наше общеніе съ Нимъ и Церковію, съ Нимъ на небѣ сущею. Іудей пробрался уже туда, гдѣ не должно бы быть ему мѣста: онъ захватилъ въ свои нечистыя руки нашу періодическую печать, онъ верховодитъ якобы „общественнымъ мнѣніемъ“ въ газетахъ, въ средѣ интеллигентовъ, лицемѣрно принимая крещеніе, измѣняя, вопреки закону, свои имена и безъ крещенія, перемѣняя даже фамиліи, но не измѣняя своего нравственнаго облика, своихъ идеаловъ. Есть и въ средѣ бывшихъ іудеевъ такіе, которые приняли ученіе Христово искреннимъ сердцемъ, но они со-

вершенно сливаются съ православнымъ народомъ, да и много ли такихъ? Для іудея—врага Божія все ни по чемъ: онъ готовъ отвергнуть и свое Священное Писаніе, онъ, вѣдь, уже исказилъ его въ своемъ „новомъ завѣтѣ“—талмудѣ до неузнаваемости, хотя внѣшнимъ образомъ и чтитъ его, „почивая на законѣ“, по выраженію апостола Павла, содержа въ почетѣ свою „тору“, букву закона Моисеева, въ своихъ синагогахъ. Можно ли повѣрить, чтобы европейски образованный іудей, прошедшій университетъ, занимающійся естественными науками, исторіей, философіей, юриспруденціей, медициной, безъ сомнѣнія, хотя изъ простого любопытства, заглянувшій въ Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа, а иногда, можетъ быть, и занимавшійся изученіемъ богословія христіанскаго,—можно ли повѣрить, чтобъ такой іудей остался искреннимъ іудеемъ-талмудистомъ со всѣми тѣми вѣрованіями, какія проповѣдуетъ талмудъ? Одно изъ двухъ: онъ или увѣруетъ въ истину ученія Христова и станетъ христіаниномъ не по имени только, но и сердцемъ, или же, принявъ христіанство изъ понятныхъ расчетовъ, останется невѣрующимъ ни во что атеистомъ. Какъ ни прискорбно это, а опытъ показываетъ, что современное „образованіе“ въ свѣтской школѣ, особенно въ высшей, ведетъ іудея къ послѣднему. И вотъ, такой іудей, съ одной стороны преданный сынъ своего народа, съ другой — вооруженный какимъ бы то ни было, хотя бы только показнымъ знаніемъ, а иногда и титуломъ, дипломомъ, положеніемъ, богатствомъ, поддерживаемый кагаломъ, съ дѣтства пропитанный традиціонной ненавистью къ христіанству, такой іудей не постѣснится въ своей іудиной совѣсти пуститься якобы въ „научныя изслѣдованія“ съ цѣлію подорвать авторитетъ не только Евангелія, которое чуждо его іудейскому сердцу, но и ветхозавѣтныхъ книгъ Библіи, которыя, казалось бы, должны быть ему дороже Евангелія, которымъ онъ, можетъ быть, еще вѣрилъ въ дѣтствѣ, какъ слову Божію. Надо помнить, что іудей всегда мечтаетъ о всемірномъ владычествѣ, всегда смотритъ на всѣхъ людей, не іудеевъ, какъ на скотовъ, которымъ Богъ далъ обликъ человѣческій только для того, чтобъ іудеямъ было непротивно пользоваться ихъ услугами, — такъ учитъ ихъ талмудъ, котораго духомъ іудей проникается раньше, чѣмъ будетъ относиться сознательно къ вѣрѣ, къ знаніямъ. Надо помнить, что въ дѣлѣ борьбы съ христіанствомъ іудейство находится въ тѣсномъ союзѣ съ масонствомъ, тоже мечтающимъ о всемірномъ владычествѣ, то же не считающимся ни съ какою нравственностью, ни съ какою совѣстью, лишь бы достигнуть своей цѣли. Можно думать, что масонство и іудейство уже и объединились, и во главѣ масонства уже стоятъ іудеи: не даромъ же символы масонства напоминаютъ ветхозавѣтную исторію евреевъ, строившихъ храмъ Іерусалимскій. И вся эта темная сила, подъ покровомъ мнимой науки, стремится расшатать православныя понятія о словѣ Божіемъ, о Священномъ Писаніи, не говоря уже о священномъ преданіи Церкви, не говоря уже о сказаніяхъ, заключающихся въ житіяхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Многое они уже сдали въ архивъ, теперь всѣ усилія употребляютъ къ подрыву всякой вѣры, всякаго уваженія къ слову Божію. Но вотъ наше горе: съ одной стороны,—въ этомъ надо сознаться, наши богословы мало

обращаютъ на это вниманія и не придаютъ большого значенія выступленіямъ противниковъ противъ Священнаго Писанія, съ другой—наша молодежь, наша интеллигенція съ жадностью читаетъ сочиненія отрицательнаго направленія и не обращаетъ должнаго вниманія на полемику съ ними знатоковъ Священнаго Писанія и археологіи древнихъ временъ изъ ученыхъ вѣрующихъ. И вотъ, сочиненія въ родѣ писаній Делича, Эберса, Чемберлена (не разберешь: іудеи это или нѣмцы?) читаются, переводятся на русскій языкъ, а отвѣты имъ достойнѣйшихъ представителей истинной науки вовсе не знакомы читателямъ. И появляются плодомъ такого отношенія молодежи къ археологіи библейскихъ временъ писанія въ родѣ недавно напечатанной статьи въ „Вешнихъ Водахъ“, подъ заглавіемъ „Некамъ Адонай!“ Да, вѣдь, если такую статью прочитаетъ юноша, то онъ или, если еще не потерялъ вѣры въ слово Божіе, придетъ въ крайнее смущеніе, или же, потерявъ всякую вѣру въ то, чему училъ его законоучитель, броситъ Священную Исторію въ печь, а Библію изорветъ въ клочья, какъ сборникъ жидовскихъ басенъ... Враги Церкви ловко использовали матеріалъ, добытый изъ раскопокъ древней Ассиріи, Египта, Вавилона, и въ то время, какъ истинная христіанская наука старалась обратить эти матеріалы въ защиту Божественнаго откровенія, въ защиту Библіи, они все дѣло повернули въ обратную сторону, доказывая, будто евреи двѣ трети Библіи позаимствовали у ассиро-вавилонянъ, а по другимъ—у египтянъ... Не стѣсняются при этомъ и прямо лгать на Библію, будто въ ней нѣтъ опредѣленныхъ указаній на происхожденіе субботняго дня, тогда какъ каждый ребенокъ, которому показали Библію, на первыхъ же ея страницахъ найдетъ ясное указаніе, и притомъ съ особеннымъ, такъ сказать, подчеркиваніемъ: для чего установлена суббота. И все это пишется съ такимъ „научнымъ авторитетомъ“, со ссылкой на глиняныя таблички ассиро-вавилонскихъ раскопокъ, на громкія имена авторовъ-изслѣдователей нѣмцевъ, а можетъ быть и іудеевъ, что читатель-простецъ, незнакомый съ обратной стороной этой археологической исторіи, приходитъ въ смущеніе и недоумѣваетъ: какъ же это такъ? А насъ-де учили... Дерзость такихъ „изслѣдователей“ доходитъ до того, что Самого Христа Спасителя, уже производятъ не отъ Авраама и Давида, а отъ кого-то изъ иноплеменниковъ... Тяжело читать все это, жаль молодежь, да и одна ли молодежь увлекается подобными сочиненіями? Наша интеллигенція еще никакъ не можетъ избавиться отъ гипноза нѣмецкихъ именъ: для нея разные Деличи и Эберсы—неоспоримые авторитеты, а свои русскіе, въ родѣ покойнаго Болотова или здравствующихъ профессоровъ нашихъ академій, занимающихся библейской археологіей, не заслуживаютъ даже того, чтобъ ознакомиться съ ними. Какой-нибудь профессоръ „психіатръ“; да, психіатръ, не больше, куда авторитетнѣе этихъ спеціалистовъ-профессоровъ въ вопросахъ о подлинности Св. Писанія, о характерѣ писаній священныхъ книгъ... И ученые труды этихъ почтенныхъ, добросовѣстнѣйшихъ, искренно вѣрующихъ профессоровъ, остаются неизвѣстными для нашей молодежи средняго, а иногда и высшаго свѣтскаго образованія, и даже наши немногія патріотическія газеты, ставящія на своемъ знамени православіе, Самодержавіе и служеніе

родному народу, не знаютъ этихъ изслѣдованій, не знакомятъ съ ними читателей и, къ великому сожалѣнію, къ нашему горю, иногда, въ борьбѣ съ іудеями, пользуются сочиненіями тѣхъ же нѣмцевъ-враговъ Священнаго Писанія и преданія Церкви... А между тѣмъ, стоило бы поближе познакомиться съ нашей апологетикой противъ сихъ нѣмцевъ, чтобы видѣть, что ихъ теоріи,—замѣтьте: только теоріи, а не историческіе факты, якобы свидѣтельствующіе о томъ, будто наша святая Библія „скомпилирована“ изъ разныхъ источниковъ, заимствованныхъ у сосѣднихъ народовъ, изъ ихъ легендъ, будто евреи прибѣгали къ плагіату, сочинивъ свою исторію изъ легендъ ассирійцевъ, вавилонянъ и египтянъ, что эти теоріи — несостоятельны и тенденціозны. Все дѣло въ томъ, что весь родъ человѣческій произошелъ отъ одного корня, что всѣ легенды, сходныя по содержанію, только свидѣтельствуютъ объ этомъ единствѣ рода человѣческаго, что сказанія первыхъ временъ человѣчества совершенно естественно сохранялись во всѣхъ отрасляхъ, у всѣхъ народовъ, происходящихъ отъ одного корня, что восточные народы были ближе къ евреямъ, а потому у нихъ такія преданія общечеловѣческой исторіи сохранялись свѣжѣе, чѣмъ у болѣе отдаленныхъ, хотя подобныя преданія, напримѣръ, о потопѣ, сохранялись не только у китайцевъ, но и древнихъ ацтековъ, жителей Америки... А у евреевъ, промысломъ Божіимъ истинно-историческое преданіе хранилось въ чистомъ видѣ, что необходимо было для всего человѣчества, ведомаго Богомъ къ искупленію и спасенію во Христѣ Іисусѣ. И это священное преданіе записано великимъ бытописателемъ Моисеемъ, какъ сокровище всего человѣчества, и народу Божію, какъ пишетъ апостолъ Павелъ, *вѣрена быша словеса Божіи* на общее счастье всѣхъ людей. Даже если вѣрить нѣмцамъ, будто нѣкоторыя преданія были извѣстны задолго до Моисея, что они съ подробностями вошли въ Библію, то развѣ не могли повториться такія подробности, особенно если припомнить, что и евреямъ были хотя отчасти извѣстны преданія египетскія и ассирійскія? Почему мать Моисея, въ тяжкую годину истребленія младенцевъ мужскаго пола изъ еврейскаго народа, припомнивъ старыя сказанія о Саргонѣ, не могла повторить опыта спасенія своего ребенка въ корзинѣ, пущенной на воду? Да, если бы она не знала этого ассирійскаго преданія, почему не могло ей придти этого на мысль въ минуту страшной опасности для дитяти? А миѣ о вавилонскомъ Ноѣ-Ксисутрѣ, записанный почти одновременно съ происхожденіемъ книги Бытія, только доказываетъ свѣжесть общечеловѣческаго преданія въ то время у ассиріянъ, но ни мало не можетъ служить доказательствомъ, будто Моисей заимствовалъ этотъ разсказъ у ассиріянъ. Не буду пускаться въ другія подробности, которыя приводятся нѣмцами въ опроверженіе подлинности нашей святой Библіи; я хотѣлъ только привести примѣры того, какъ легко опровергаются всѣ ихъ измышленія, распространяемыя и нашими домашними врагами Церкви и христіанства. Я уже не разъ предупреждалъ нашихъ патріотовъ быть осторожнѣе въ вопросахъ, такъ или иначе касающихся Священнаго Писанія. И теперь скажу: подумать только: если ветхозавѣтныя книги Библіи суть не больше, какъ выдумка евреевъ,

поддѣлка исторіи и т. д., то что станется съ самымъ хрістіанствомъ, которое мнятся защищать отъ іудеевъ неразумные ревнители якобы исторической правды, довѣряющіеся изслѣдованіямъ Деличей, Чемберленовъ, Эберсовъ и имъ подобныхъ „ученыхъ“ безбожниковъ? И не вдохновляютъ ли всѣхъ этихъ ученыхъ все тѣ же іудеи въ союзѣ съ масонами, поставившіе себѣ задачу уничтожить хрістіанство на землѣ и подготовить царство антихріста? Не спорю: эти ученые могутъ дѣлать такое злое дѣло и безсознательно, во имя якобы науки, но намъ-то, вѣрующимъ, довѣряться такой лженаукѣ, разъ она идетъ противъ Хріста и Священнаго Писанія, ужъ просто непростительно. Мы должны знать, что это—прямой подкопъ подъ Церковь, подъ хрістіанство...

310.

Непрошенные „защитники“ православія.

Въ своей статьѣ „Лженаучный подкопъ подъ Библію“ я обратилъ вниманіе моихъ читателей на то, какъ іудеи и ихъ союзники, измѣнники Хрістову ученію, стараются въ хрістіанахъ подорвать довѣріе къ книгамъ Священнаго Писанія, какъ къ слову Божію, какъ къ Божественному откровенію. Удивляться тутъ нечему: безсознательные слуги врага Божія только дѣлаютъ свое дѣло, внушаемое имъ отъ ихъ отца—діавола (Іоанн. 8, 44). Мы, православные хрістіане, должны говорить это прямо, безъ всякихъ оговорокъ, не стѣсняясь выраженіями, которыя могутъ показаться неприличными, оскорбительными для іудеевъ и ихъ приспѣшниковъ. Но вотъ печальное явленіе, на которое недостаточно обращается вниманія, особенно нами, пастырями Церкви, но которое составляетъ знаменіе времени, свидѣтельствующее о нѣкоторомъ пониженіи православнаго самосознанія. Вѣрные сыны Церкви всегда должны бы быть на сторожѣ своихъ церковныхъ воззрѣній и чутко отзываться на всякое постороннее, нехрістіанское къ нимъ прикосновеніе. Между тѣмъ, у насъ наблюдается нѣчто другое. Мы спокойно проходимъ мимо такихъ, говоря современнымъ языкомъ, „выступленій“, противъ которыхъ должны бы громко протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я скажу больше. Есть изданія, которыя считаютъ себя защитниками православной Церкви, ревнителями православія, какъ основы нашей русской самобытности, и однакоже являются ни больше, ни меньше, какъ пособниками враговъ Церкви въ дѣлѣ разрушенія нашихъ церковныхъ воззрѣній. И творится это, думаю, безсознательно, изъ неразумнаго усердія якобы провести рѣзкую грань между іудеями и хрістіанами. Грань несомнѣнно существуетъ, но вовсе не тамъ, гдѣ хотятъ ее проложить. Опасность въ томъ, что мнимые защитники хрістіанства вовсе не хотятъ знать *голоса Церкви*, хотятъ проложить какія-то новые пути въ рѣшеніи этого вопроса и попадаютъ на ложный путь отрицанія всего ветхозавѣтнаго канона Библіи, а ихъ неразумные послѣдователи, забывая свой долгъ быть въ послушаніи у Церкви, не замѣчаютъ такихъ проявленій невѣжества

со стороны мнимыхъ борцовъ противъ іудаизма, что становится за нихъ и стыдно, и страшно... Ужъ лучше бы вовсе не касались вопросовъ, въ родѣ упомянутаго. Судите сами, читатель: вотъ напримѣръ, какой-то г. М. Гроттъ, съ видомъ ученаго знатока, пишетъ статью, въ которой обнаруживаетъ такое невѣжество, что его могъ бы изобличить простой начетчикъ-крестьянинъ. Онъ въ числѣ великихъ учителей Церкви, писателей—святыхъ Божіихъ ставитъ Василія *Блаженнаго*, очевидно, смѣшивая его съ Василіемъ *Великимъ*: это ли не невѣжество? Вмѣстѣ съ нашими раскольниками этотъ ученый мужъ воображаетъ и другихъ учитъ, будто „крестъ *долженъ быть непремѣнно* осмиконечный": это ли не нелѣпость, которую легко можетъ изобличить каждый мальчикъ, кончившій церковно-приходскую школу? Онъ такъ авторитетно заявляетъ, что „православіе все сохранило, что оставлено было Апостолами, сохранило всѣ писанія св. Отцевъ Церкви, всѣ постановленія Вселенскихъ соборовъ, каноны, всѣ замѣчательныя произведенія такихъ выдающихся людей, какъ Василій Блаженный(?!), Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Іоаннъ Дамаскинъ". Хорошо, хотя, какъ я выше замѣтилъ, Василій Блаженный ни одной строки не написалъ, а смиренно подвизался въ Москвѣ, спустя тысячу лѣтъ послѣ Вселенскихъ соборовъ,— но если „Православіе (Церковь православная), по-вашему мнѣнію, сохранило все это", вы-то, г. Гроттъ, принимаете-ли все это какъ завѣты Апостоловъ, Отцовъ, Вселенскихъ соборовъ, или отвергаете? Вы,—будемъ говорить откровенно—читали все это или такъ, по слуху, перечисляете эти сокровища писаній, Церковію хранимыхъ? Вотъ вы пишете, что „посланія Апостоловъ до сихъ поръ по глубинѣ мысли являются непревзойденными", а они переполнены ссылками на тѣ книги Ветхаго Завѣта, которыя вы считаете поддѣлкою жидовъ-талмудистовъ, пересказомъ вавилонскихъ и ассирійскихъ легендъ, при чемъ святые Апостолы свидѣтельствуютъ, что всѣ сіи писанія богодухновенны и полезны для нашего наученія, что ихъ, по внушенію Духа Божія, писали святые Божіи человѣки. Какъ же теперь быть вамъ съ своею теоріей? Какъ согласить ваше—простите—лицемѣрное уваженіе къ писаніямъ Апостоловъ и ваше отрицаніе ветхозавѣтной Библіи? А у св. Отцовъ есть полныя толкованія на многія книги Ветхаго Завѣта—цѣлая библіотека: какъ все это вы, уважая св. Отцевъ, помирите съ своею теоріей отрицанія? Вы позволяете себѣ называть насъ, служителей Церкви православной, „бѣлыми магами", въ противоположность „чернымъ магамъ"—жидамъ. И этого мало: вы богохульно преподносите своимъ читателямъ клевету на Господа Іисуса Христа, придуманную жидомъ Нотовичемъ и давно документально изобличенную усердными католическими миссіонерами, будто бы Господь нашъ „не безъ цѣли провелъ въ Индіи нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ выступить съ проповѣдью Своего великаго ученія": стало быть, по вашему мнѣнію, Ему, Богу воплотившемуся, понадобилось поучиться у идолопоклонниковъ—индійскихъ мудрецовъ—такъ что ли, по-вашему? [1]) Вы лицемѣрно недоумѣваете:

[1]) Нотовичъ измыслилъ сказаніе о пребываніи Господа — въ Тибетѣ, у Далай-Ламы, а г. Гроттъ уже переселилъ Его въ Индію: какъ легко сочинять небылицы и о комъ же? О Христѣ Спасителѣ! И притворяться Его почитателемъ!..

„кто и когда приклеилъ Библію къ хрістіанству, ускользаетъ отъ глазъ наблюдателя“, а того будто не видите, что на Библію ссылается Самъ Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ, какъ на Божественное откровеніе, заповѣдуетъ изслѣдовать ее, изучать Писанія; на нее постоянно ссылаются Его Апостолы, всѣ книги ея перечисляются и у св. Отцевъ, и въ постановленіяхъ Вселенскихъ соборовъ, которые, какъ будто, вы уважаете. Вы ставите себя выше Церкви Хрістовой, которой Онъ Самъ заповѣдалъ повиноваться, которая, по слову Апостола Его, есть столпъ и утвержденіе истины, ужъ что бы вы ни говорили—мы съ негодованіемъ отвергаемъ вашу и учителей вашихъ, въ родѣ „психіатра“ П. Ковалевскаго, теорію происхожденія ветхозавѣтныхъ книгъ Священнаго Писанія, мы пріемлемъ ихъ, какъ слово Божіе, что Библія—да, какъ вы выражаетесь, „неотдѣлима отъ хрістіанства“, а ваши похвалы православію для насъ кажутся очень подозрительными, ибо вы, очевидно, не знаете ни православія, ни даже хрістіанства... Вы выражаете какъ бы негодованіе, что васъ не хотятъ православные дослушать „до конца“; дочитать вашу возмутительную статью противъ слова Божія; но, вѣдь, вы и статью-то свою начинаете именно съ „конца“: вѣдь, главная мысль ея вами высказана въ самомъ началѣ: какая же надобность намъ дочитывать статью до конца? Вы не хотите слышать о Библіи, какъ словѣ Божіемъ, а мы не хотимъ слышать хулы на глаголы Духа Божія: идите же отъ насъ прочь съ своими теоріями, вы—не православный, вы—слуга враговъ Церкви, тѣхъ же іудеевъ, хотя они, лицемѣря, и пишутъ вамъ, будто мы на ихъ сторонѣ... Да, мы признаемъ ветхозавѣтныя книги Библіи, какъ Божіе откровеніе, но жиды давно забыли Библію, какъ таковую, и почиваютъ на ея буквѣ, даже и букву не выполняя, а вмѣсто нея приняли завѣтъ сатаны—талмудъ. Мы повторимъ за вами, пожалуй, фразу, замѣнивъ въ ней лишь одно слово другимъ: „Богъ проклялъ жидовъ, а сатана (слышите: сатана, а не Ягве, Котораго наша Библія именуетъ Іеговою, Который есть Творецъ неба и земли, Который отвергъ жидовъ),—сатана подобралъ ихъ“, содѣлалъ ихъ своими избранниками, пока они не покаются, не обратятся къ отвергнутому ими Спасителю міра Іисусу Хрісту, что предвозвѣщено Апостоломъ Павломъ въ его богодухновенныхъ писаніяхъ. И напрасно іудеи силятся доказать, что они вѣруютъ въ того же Бога, въ Котораго вѣрили ихъ отцы въ ветхомъ завѣтѣ: они давно измѣнили этому Богу отцевъ своихъ, служатъ другому богу, который, дѣйствительно, „и золъ, и мстителенъ“, но который въ ихъ затемненномъ богоотступническомъ сознаніи хочетъ отожествить себя съ Іеговою, Богомъ отцевъ ихъ, о чемъ и говоритъ г. Гротту его корреспондентъ, жидъ изъ Одессы. Но если г. Гроттъ хочетъ остаться хрістіаниномъ, то онъ не долженъ смотрѣть на Библію въ очки современныхъ жидовъ, готовыхъ искажать самое слово Божіе, готовыхъ, какъ онъ же говоритъ, „мстить Богу“ за свое отверженіе.

Вотъ что хотѣлось бы сказать г. Гротту, который дерзаетъ на страшное дѣло: вопреки всей Церкви, вопреки св. отцамъ, вселенскимъ соборамъ, вопреки св. Апостоламъ и Самому Господу Іисусу Хрісту—пытается доказать, будто новый завѣтъ не имѣетъ ничего общаго съ ветхимъ, будто ветхозавѣтныя книги—только сборникъ ассирійскихъ и вавилонскихъ легендъ,

искусно подобранныхъ іудеями въ свою пользу,—словомъ: передѣлать все хрістіанское міросозерцаніе наше. И пусть онъ не обольщаетъ себя мыслію, будто, если никто изъ православно-вѣрующихъ не стоитъ за нимъ, то „стоитъ за нимъ одинъ, Тотъ Самый, Который далъ людямъ новый завѣтъ": это прелесть гордыни, отвергающей авторитетъ Церкви Хрістовой, это служеніе врагу Хрістову — діаволу: это я говорю прямо, не прибѣгая ни къ какимъ вѣжливымъ фразамъ, ибо путь, на который ведетъ г. Гроттъ своихъ читателей, есть путь погибели...

Я не сталъ бы писать противъ г. Гротта, и по фамиліи, и по міросозерцанію не русскаго, не православнаго человѣка. Мало ли что пишутъ такіе инородцы? Но вотъ что является знаменіемъ времени: онъ не одинокъ, за нимъ идутъ, его взгляды раздѣляютъ русскіе православные люди, православные не по метрикамъ, какъ это у насъ обычно стало среди интеллигенціи, а такіе, которые хотятъ быть защитниками православія, ставятъ на своемъ знамени это святое слово, издаютъ газеты, желаютъ руководить молодежью, ищущею истины. Нельзя смотрѣть равнодушно, что гг. Гротты, Павлы Ковалевскіе и имъ подобные уже и проникли въ кружки такой молодежи, пишутъ въ журналѣ, издаваемомъ молодежью, рекламируютъ этотъ журналъ, можетъ быть, и очень симпатичный по идеѣ, но въ то же время, повидимому, уже отравленный противоцерковными, противоправославными воззрѣніями, въ родѣ тѣхъ, какія проповѣдаются г. Гроттомъ. Съ тревогой наблюдаемъ мы это явленіе въ русской жизни: ради антисемитизма, этого, въ сущности, здороваго направленія, бросаются въ другую противоположную сторону, а тутъ-то и ловитъ ихъ семитъ, подставляя свои сѣти, въ которыя и попадаютъ они, воображая, что достигаютъ своей цѣли. Вѣдь, для семита главное дѣло—разрушеніе хрістіанства, а какими путями оно достигается—это, пожалуй, и безразлично: онъ станетъ, когда нужно, и лицемѣрно защищать и нелицемѣрно разрушать все, что дорого и свято православному хрістіанину. Вотъ и становишься невольно подозрительнымъ: невольно отмѣчаешь: почему это такое, по идеѣ, казалось бы, противное іудеямъ явленіе, какъ „Вешнія воды", какъ будто берется ими подъ свое покровительство: о „Вешнихъ Водахъ", о клубѣ патріотической молодежи иногда говорятъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ и новообрѣзанныя въ іудейство газеты въ родѣ „Колокола" и „Новаго Времени"? Ужъ и тутъ не кроется ли надежда іудеевъ, при помощи вотъ такихъ ученыхъ и переученыхъ мужей, какъ гг. Ковалевскіе и Гротты, совратить молодежь на свою дорогу? Не хочу утверждать этого, но, вѣдь, и это можетъ быть, ибо враги Церкви не стѣсняются средствами, лишь бы достигнуть своей гнусной цѣли... Жаль молодежь, жаль эти свѣжія силы, которыя могутъ еще принести родной землѣ много незамѣнимой пользы, жаль если ее оторвутъ отъ Церкви, если отравятъ гордыней, критикующей Церковь, позволяющей себѣ издѣваться надъ словомъ Божіимъ. Жаль, что эта молодежь не знаетъ, что въ Петроградѣ есть мѣсто, есть учрежденіе, которое можетъ въ церковномъ отношеніи оказать ей спасительную услугу: это союзъ учащейся молодежи при Обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Почему бы, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ вѣры не примыкать ей именно къ этому союзу? И ужъ, конечно, опытные бо-

гословы, съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, были бы несравненно надежнѣйшими руководителями въ такихъ вопросахъ, чѣмъ диллетанты въ родѣ гг. Гротта, Ковалевскаго, и имъ подобныхъ.

Апостолъ Павелъ говоритъ, что діаволъ иногда принимаетъ на себя образъ свѣтлаго ангела, чтобъ обмануть людей. А житія святыхъ показываютъ, что, Божіимъ попущеніемъ, онъ дерзаетъ являться даже и въ нѣкоемъ видѣ Самого Господа Бога. Что же мудренаго въ томъ, что и въ талмудѣ жидовскомъ онъ вездѣ выставляетъ себя какъ Іегову, стараясь какъ бы отожествить себя съ Господомъ Богомъ? Но надо же намъ-то, хрістіанамъ, знать это и умѣть отличать ложь отъ истины, обманъ отъ дѣйствительности. Пусть іудей увѣряетъ, будто онъ чтитъ того же Іегову, Котораго чтили его предки, Котораго чтимъ и мы въ ветхозавѣтной исторіи: мы не должны итти на эту удочку. Вѣдь, мы знаемъ, что будетъ время, когда іудей выставитъ и своего лжехріста, по нашему—антихріста: таково свойство лжи, коей отецъ есть діаволъ, по слову Господню. Что же касается ничтожной брошюрки г. П. Ковалевскаго, которую такъ усердно рекламируетъ г. Гроттъ въ своей статьѣ, называя ее „выдающейся работой“, то она можетъ показаться чѣмъ-то серьезнымъ только тому, кто не читалъ ни св. отцевъ, ни почтеннѣйшихъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей Библіи, всю свою жизнь посвятившихъ изученію слова Божія и никогда не смущавшихся тѣми мѣстами, которыя такъ тщательно, какъ какую-то новинку, подобралъ изъ Библіи г. психіатръ-профессоръ, чтобы излить потокъ богохульства въ своей книженкѣ на радость врагамъ Церкви и прежде всего—тѣмъ же жидамъ...

И какъ бы хотѣлось предостеречь, особенно молодежь, отъ такихъ руководителей, способныхъ привести ее къ погибели!.. А нашимъ патріотамъ крикнуть: берегитесь: врагъ проникаетъ въ самую средину вашего лагеря, крѣпче держитесь своей матери Церкви, если хотите остаться православными хрістіанами!..

Къ моимъ статьямъ въ защиту Библіи.

Какой-то „Хрістіанскій мистикъ“ въ „Грозѣ“ обвиняетъ меня въ „ошибкѣ по незнанію“, какъ онъ скромно выражается, на самомъ же дѣлѣ—просто въ невѣжествѣ. Я, видите ли, по его словамъ, „защищаю навѣянный жидами и ихъ недосмысленными поклонниками гипнозъ о достовѣрности и древности національныхъ сказаній жидовскаго племени, тѣсно связанныхъ съ ихъ мрачнымъ міросозерцаніемъ и жестоковыйнымъ религіознымъ ритуаломъ, неосновательно опасаясь, что отрѣшеніе отъ этой исторической преемственности угрожаетъ хрістіанству“. „Можемъ успокоить досточтимаго архипастыря, ревниво стоявшаго (раньше, то есть, пока мнѣ не пришлось защищать святыню слова Божія, Библіи, а теперь-де уже не стоящаго) на стражѣ хрістіанства, но, очевидно, незнакомаго съ исторіей общечеловѣческой духовной эволюціи (!): хрістіанство, какъ обобщающій синтезъ тѣхъ лучшихъ духовныхъ идеаловъ, которыми прежде (?) жили наиболѣе культурные народы, какъ кристаллизація ихъ высшихъ устремленій и чаяній, вовсе не нуждается въ своемъ оправданіи и опорѣ въ гнилыхъ корняхъ той іудейской смоковницы, которая была посѣчена и ввержена

въ огнь, какъ не приносящая тщетно ожидаемаго отъ нея плода".

Газета, не умѣющая даже назвать тотъ журналъ, въ коемъ помѣщена моя статья, какъ видите, пускается въ обвиненія „въ ошибкѣ", въ „незнаніи духовной эволюціи" и т. д.— кого? Не меня, а всѣхъ св. отцевъ, всѣ вселенскіе соборы, всѣхъ Апостоловъ, Самого Господа Іисуса Христа, да,—а не меня, грѣшнаго! Вѣдь, я только повторяю то, что намъ извѣстно отъ сихъ небесныхъ авторитетовъ, чрезъ Церковь, нашу мать и учительницу... И какой-то „мистикъ", въ какой-то газеткѣ, всегда защищающей сектантовъ, изволитъ учить насъ... Стоитъ ли онъ отвѣта? А вотъ, подите же: мнѣ пишетъ какой-то „православный (!) хрістіанинъ", повѣривъ на слово сему ничтожеству, цѣлое поученіе о томъ, что „несравненно лучше было бы искать основанія для хрістіанскихъ доктринъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ у жидовъ, и не находиться все время подъ ихъ гипнозомъ", что намъ, по его выраженію, „схоластамъ", слѣдуетъ „освободиться отъ іудейскихъ понятій", тѣмъ болѣе, что „санъ придаетъ авторитетъ" моимъ словамъ.

Кто этотъ якобы „православный хрістіанинъ" — онъ не захотѣлъ подписаться, но видно—интеллигентъ, и даетъ поводъ заключать, какое же убожество хрістіанскихъ понятій имѣютъ нѣкоторые наши интеллигенты, начитавшіеся нѣмецкихъ лженаучныхъ сочиненій! Напиши онъ открыто свой адресъ: я бы отвѣтилъ ему и не было бы мнѣ надобности писать эти строки въ моемъ дневникѣ. Но вотъ—подите же: нѣмцу вѣрятъ, а св. Апостоламъ, святымъ отцамъ, вселенскимъ соборамъ, самой Церкви, Самому Христу Спасителю, повелѣвающимъ чтить книги Библіи, какъ писаніе священное,— не вѣрятъ, а еще называютъ себя хрістіанами, да еще православными! Какъ же непрочны ихъ хрістіанскія понятія, которыя разбиваются въ прахъ предъ первой попавшейся книжонкой нѣмца или нашего вольнодумца, въ родѣ П. Ковалевскаго, а вопросить со смиреніемъ: какъ и почему мы, православные, такъ вѣруемъ и тако исповѣдуемъ—какъ будто это ниже ихъ достоинства. Напротивъ, будто важное открытіе дѣлаютъ, упрекая насъ въ невѣдѣніи нѣмецкихъ отрицательныхъ книгъ и писаній легкомысленныхъ „мистиковъ", въ родѣ Гротта и имъ под...

Скорбно думать обо всемъ этомъ!

Мудрость и любовь Церкви.

Паки наступилъ святой и Великій постъ. Паки зоветъ насъ святая Церковь къ покаянію. Когда подумаешь, какъ нѣжно заботлива наша мать-Церковь, какъ мудро она проявляетъ эту заботу о насъ, какъ глубоко знаетъ она наши немощи духовныя, то невольно преклоняешься предъ нею, и недоумѣваешь: да какъ же можно не любить такую мать, какъ не бѣжать къ ней навстрѣчу на ея любящій призывъ, какъ добрыя дѣти бѣгутъ навстрѣчу родимой матери, которая хочетъ защитить ихъ отъ обидчиковъ, помочь имъ въ ихъ горѣ, полечить ихъ болѣзни?

Немощны мы, не сладимъ съ собою, когда приражаются къ намъ враги наши—страсти: отъ юности, съ самой ранней юности, онѣ борютъ насъ; бываютъ минуты,—увы, только минуты!—когда мы плачемъ, обижаемые ими, поддаваясь искушеніямъ плоти, міра и діавола; а время жизни течетъ и течетъ, а

могила все ближе и ближе, но и сердце наше все черствѣе, холоднѣе и холоднѣе... Не можемъ сладить съ собою!

И вотъ, спѣшитъ къ намъ наша родимая матушка Церковь, съ своими завѣтами и уставами, спѣшитъ съ благодатными средствами, чтобы помочь нашей немощи. Она заповѣдуетъ намъ на опредѣленное время постъ; а чтобы это горькое для плотскаго человѣка средство было удобопріемлемо, она услаждаетъ его трогательными воспоминаніями изъ исторіи рода человѣческаго, исторіи Церкви, украшаетъ обрядами, привлекаетъ къ нему сердца умилительными пѣснопѣніями, дѣйствуя не только на умъ, на разсужденіе наше, но и на сердце, на наше чувство, пробуждая не только мысль, но и эстетическое, художественное чувство, дабы все естество наше, вся наша природа ощущала благодатное воздѣйствіе поста, умягчалась, располагалась къ нравственному возрожденію въ покаяніи. Послѣ цѣлой недѣли полупоста, когда воспрещается только мясо, дабы постепенно пріучить къ строгому воздержанію полнаго поста, Церковь, въ послѣднее предъ постомъ воскресенье воспоминаетъ паденіе Адамово, печальную исторію изгнанія первыхъ людей изъ рая, начало грѣха въ родѣ человѣческомъ. Какъ это благовременно! Какъ полезно на примѣрѣ праотца напомнить: вотъ, смотрите, къ чему повело преслушаніе заповѣди Божіей! Къ чему повело нарушеніе поста! Вотъ что значитъ—самоволіе, самочинное, помимо воли Божіей, исканіе счастія, свободы, блаженства: къ рабству, рабству грѣху, самому тяжкому рабству, отъ котораго стонетъ все человѣчество, превращаясь въ животныхъ, звѣрей, опускаясь ниже звѣрей! Свобода дана была человѣку подъ условіемъ сочетанія ея съ волею Творца, а онъ пошелъ противъ воли Творца, употребилъ во зло свою свободу, и подпалъ подъ власть врага Божія и врага своего. Послѣдствія всѣмъ намъ извѣстны, для всѣхъ слишкомъ ощутительны. И вотъ, неизреченная благость Божія дала намъ средство уйти изъ этого рабства грѣху, предавши себя паки въ волю Божію. Пришелъ Господь, создалъ Церковь Свою на землѣ и далъ ей благодатныя средства къ спасенію нашему изъ плѣна грѣха. Онъ сказалъ: *аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь.* Послушаніе Церкви—вотъ спасительный путь избавиться отъ плѣна врагу Божію. И Церковь простираетъ намъ материнія объятія, зоветъ къ себѣ, въ свои нѣдра, предлагаетъ все, что намъ нужно для спасенія. Вотъ, она отверзла двери покаянія, громко зоветъ къ посту, къ исправленію жизни, открыла сокровищницу духовныхъ врачеваній: придите всѣ страждущіе, всѣ, грѣхомъ измученные, придите къ источнику исцѣленій, и Хрістосъ исцѣлитъ васъ, приметъ васъ въ свои объятія, и вы почувствуете желанную свободу, и возрадуется сердце ваше, почувствуетъ оно, что вмѣсто рая земнаго къ нему ближе сталъ рай небесный...

День покаянія.

Если бы можно было въ текущіе дни однимъ взглядомъ окинуть все необозримое пространство родной Русской земли, то какая умилительная картина представилась бы изумленному взору наблюдателя! Сот-

ни тысячъ храмовъ Божіихъ, украшающихъ и многолюдные города, и скромныя села, и святыя обители, полны народа, который тянется къ нимъ изъ всѣхъ уголковъ, изъ заброшенныхъ въ лѣса и степи селеній, чтобы очистить свою совѣсть таинствомъ покаянія, чтобы соединиться съ Господомъ въ таинствѣ Божественнаго Причащенія, чтобы сложить у алтаря Господня тяжелую ношу своихъ грѣховъ, своихъ скорбей и заботъ. Зоветъ Господь, и идутъ къ Нему всѣ сіи труждающіеся и обремененные, ищущіе мира и духовнаго обновленія, идутъ и обрѣтаютъ подъ сѣнію храмовъ Божіихъ то, чего жаждетъ ихъ многоскорбное сердце. Русь кается, Русь духомъ обновляется!

Пятница—день исповѣди. Храмы Божіи полны. Длинными вереницами стоятъ говѣющіе въ ожиданіи очереди, чтобы подойти къ священнику; у болѣе внимательныхъ къ себѣ выраженіе лицъ сосредоточенное; видна забота о томъ, чего-бы не забыть сказать духовнику, о чемъ бы спросить его, чтобъ душу облегчить. Вѣдь, къ сожалѣнію, иной только разъ въ годъ бываетъ на исповѣди: хотя бы этими святыми минутами воспользоваться! У всѣхъ въ рукахъ свѣчи, духовникъ зажигаетъ ихъ тогда, когда произнесетъ разрѣшеніе, зажигаетъ въ знаменіе того, что у принесшаго покаяніе возжигается новая, благодатная жизнь, погашенная, было, грѣхомъ.

А у аналогія, предъ царскими закрытыми дверями, или на клиросѣ, стоитъ священникъ, въ епитрахили, наклонивъ голову къ исповѣднику, стоитъ и внимаетъ глаголамъ его совѣсти. Тихо ведется таинственная бесѣда. Духовникъ—только свидѣтель. А пріемлетъ исповѣдь Самъ Господь. Иногда слышатся вздохи; иногда отходящій отъ аналоя исповѣдникъ или исповѣдница незамѣтно отираютъ слезы платкомъ. О, эти слезы—жемчужины! Ихъ собираютъ Ангелы-хранители въ чаши златыя и несутъ къ Богу, какъ сокровище безцѣнное! И не утаится отъ Сердцевѣдца ни едина капля слезная, ни едина часть капли нѣкая! Онѣ берегутся до суда Божія вмѣстѣ съ тѣми слезами, коими нѣкогда блудница омывала ноги Спасителя, вмѣстѣ съ вздохами мытаря, вмѣстѣ съ воплями покаявшагося благоразумнаго разбойника!...

Послѣ вечерни читается говѣющимъ правило. Въ канонахъ и акаѳистахъ Церковь влагаетъ въ уста молящихся покаянныя воззванія къ Господу Сладчайшему Іисусу Христу, къ Его Пречистой Матери, къ Ангелу-хранителю... Такъ добрая мать учитъ свое милое дитя слагать персты для молитвы... Такъ готовится Русь къ общенію съ Господомъ!

Въ благоговѣйномъ настроеніи вѣрующій православный говѣльщикъ проводитъ остатокъ дня, чтобы на утро снова стать на молитву, дабы уготовать Господу путь въ свое сердце...

День духовнаго обновленія.

Насталъ свѣтлый день для вѣрующихъ душъ. Отверсты царскія врата въ храмахъ Божіихъ. Слышится торжественный призывъ: *Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!*

И чувствуетъ въ простотѣ вѣрующее сердце, что не священникъ стоитъ въ царскихъ вратахъ,—это Самъ Христосъ во вратахъ рая встрѣчаетъ пришедшихъ на Тайную вечерю къ Нему всѣхъ, кого Онъ

звалъ, кто откликнулся на Его зовъ: и съ путей, и съ халугъ, и со стогновъ шумнаго города, и изъ чертоговъ вельможескихъ, и изъ убогихъ жилищъ бѣдняковъ — всѣхъ звалъ къ Себѣ на дивную вечерю Небесный Домовладыка, и всѣ идутъ къ Нему, какъ братья, — тутъ, предъ лицомъ Его, всѣ равны, никому и въ голову не придетъ считать себя выше другихъ, достойнѣе, почетнѣе; ни знатность рода, ни богатство, ни власть не даютъ права на то; но любовь, какъ дыханіе жизни всей Церкви, всѣхъ равняя, въ то же время всѣмъ подсказываетъ воздавати всѣмъ должная. Съ любовью вельможа уступаетъ свою чреду больному, хилому старику, старушкѣ, малому ребенку: съ готовностью знатная боярыня помогаетъ простой женщинѣ-матери причастить ея дѣтей; и за эту любовь, за эту готовность помочь простецы платятъ сугубой любовью, смиренной молитвой, а иногда и трогательнымъ словомъ благодарности. Тутъ, въ дому Отца Небеснаго, всѣ чувствуютъ себя счастливыми дѣтьми, всѣ наслаждаются пира вѣры, по выраженію св. Златоуста,—вкушаютъ отъ богатства благости Божіей.

И когда подумаешь, что въ эти свѣтлые дни общенія съ Господомъ вся Русь православная, въ великомъ множествѣ вѣрующихъ, отъ края до края родной земли, соединяется со Христомъ, Который, по выраженію поэта, исходилъ, благословляя ее, матушку, благодатью Своею изъ конца въ конецъ; когда представишь себѣ, что весь народъ православный, въ лицѣ лучшихъ своихъ сыновъ, въ эти дни, очищенный таинствомъ исповѣди, соединившись съ Господомъ, составляетъ единую Божію семью, единую Церковь Христову, то такъ отрадно становится на душѣ, такія надежды воскресаютъ въ сердцѣ, что всѣ скорби будто отходятъ куда-то въ сторону, легче дышится, все получаетъ особый, неземной смыслъ... Совершается великое таинство: народъ воспринимаетъ новыя духовныя силы отъ своей Церкви; любовь найдетъ пути, коими эти силы перельются въ тѣхъ, которые несутъ тяжкій крестъ борьбы съ врагомъ Церкви и отечества; онѣ, эти силы благодатныя, помогутъ имъ свершить великій подвигъ освобожденія не только братьевъ славянъ, но и всего человѣчества отъ рабства, которымъ грозятъ всему міру отрекшіеся отъ завѣтовъ Христа. Пусть они, сильные, хвалятся силою своею, мы уповаемъ на Господа Силъ, мы идемъ во Имя Господне, мы вѣруемъ въ милость Божію. И крѣпка, и не напрасна эта вѣра наша, ибо въ таинствахъ покаянія и Божественнаго общенія съ Господомъ мы почерпнемъ и дерзновеніе вѣры и благодать упованія на помощь Божію.

Богъ намъ прибѣжище и сила въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло.

Грозный судъ Церкви.

Разъ, только разъ въ году, въ первое воскресенье Великаго поста святая Церковь громко возвышаетъ свой властный голосъ и произноситъ судъ, во исполненіе завѣта Самого Господа Іисуса Христа: *аще и Церковь преслушаетъ брать твой, буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь.* Двѣнадцать разъ по трижды слышится грозное слово „анаѳема“ подъ сводами каждаго каѳедральнаго собора, и сердце трепещетъ при этомъ страшномъ словѣ отлученія, и невольно вопрошаешь себя: не

относится ли и къ тебѣ это слово? Не повиненъ ли и ты въ чемъ либо, подводящемъ подъ этотъ судъ Божій? Если въ комъ еще не погасла искра вѣры въ Бога, въ Евангеліе, въ Церковь, если кто еще не отрекся отъ вѣры хрістіанской, пусть же спроситъ себя, внимая грознымъ прещеніямъ Церкви: вѣруетъ-ли онъ въ бытіе и свойства Божіи? Вѣруетъ ли въ Божество Христа Спасителя и Его искупительное дѣло нашего спасенія? Вѣруетъ ли въ присно-дѣвство Матери Божіей, въ богодухновенность писаній пророковъ и Апостоловъ, въ грядущій страшный судъ и воздаяніе? Пріемлетъ ли таинства, Церковію Христовою содержимыя, постановленія святыхъ соборовъ и преданія, божественному откровенію согласныя и православною Церковію благочестно хранимыя? Почитаетъ ли святыя иконы, къ воспоминанію дѣлъ Божіихъ и святыхъ угодниковъ Церковію пріемлемыя?...

Есть одно прещеніе, которое должно бы заставить многихъ задуматься, если только они еще считаютъ себя православными. Это грозное предостереженіе Церкви относится къ „помышляющимъ, яко православніи государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благословенію, и при помазаніи дарованія Святаго Духа къ прохожденію великаго сего званія въ нихъ не изливаются, и тако дерзающимъ противу ихъ на бунтъ и измѣну,—анаѳема“!

Такимъ возглашеніемъ Церковь торжественно объявляетъ, что Царская власть отъ Бога, что Царь есть Помазанникъ Божій; этого мало: всѣхъ, кто не признаетъ православнаго Государя Помазанникомъ Божіимъ, воспріявшимъ дары Духа Божія для прохожденія Своего царскаго служенія, и дерзающихъ на бунтъ и измѣну, Церковь отлучаетъ отъ себя наравнѣ съ еретиками.

Церковь православная всегда была въ тѣсномъ союзѣ съ государствомъ; она освящаетъ своимъ благословеніемъ и утверждаетъ своимъ божественнымъ авторитетомъ всѣ начинанія государственной власти, согласныя съ закономъ Божіимъ и ея ученіемъ и служащія ко благу народа; почитая въ лицѣ Царя Божія Помазанника, она и Его авторитетъ ограждаетъ своимъ авторитетомъ и требуетъ отъ своихъ чадъ полнаго послушанія и сыновняго довѣрія къ Царю, какъ Богомъ данному Отцу народа...

Позволитъ ли себѣ вѣрный сынъ Церкви не довѣрять Его царскимъ распоряженіямъ? Пусть объ этомъ, при свѣтѣ православной совѣсти, подумаютъ тѣ, которые, считая себя членами православной Церкви, толкуютъ о какомъ-то неуловимомъ „общественномъ довѣріи“, забывая или умалчивая о довѣріи Царю...

311—312.

Всецерковная забота будущаго прихода.

Время поста есть время пересмотра всѣхъ немощей, всѣхъ духовныхъ несовершенствъ, всей грѣховности нашей, и не только каждаго изъ насъ въ отдѣльности, но и въ совокупности, въ тѣхъ единеніяхъ, которыя называются нашими приходами, обществами, союзами... Да, есть грѣхи личные, но есть и грѣхи общіе, такіе, за кои прихо-

дится отвѣчать не одному человѣку, а всѣмъ въ совокупности. Тутъ уже и каяться надо сообща, какъ говорится, „цѣлымъ міромъ“, а во главѣ кающихся приходится по долгу пастыря становиться именно намъ, пастырямъ Церкви. Укажу на одинъ такой грѣхъ, на который такъ благовременно обратить вниманіе во дни поста и покаянія, особенно въ виду призыва церковной власти „къ дѣятельному участію въ приходской жизни лучшихъ мѣстныхъ силъ изъ преданныхъ Православной Церкви мірянъ“. Этотъ грѣхъ — постановка въ нашихъ храмахъ церковнаго пѣнія въ томъ видѣ, какъ это дѣло стоитъ въ большинствѣ нашихъ храмовъ, и, скажу не обинуясь, не только въ приходскихъ, но не рѣдко и монастырскихъ.

Церковное пѣніе есть голосъ чувства вѣрующей души, прославляющей Божіи совершенства, Божіе всемогущество и благость, благодарящей Бога за все, что отъ вѣка творилъ Онъ и непрестанно творитъ на благо людей, изливающей предъ Нимъ молитвы свои, покаянныя чувства, умоляющей Его о помощи въ минуты жизни трудныя... Церковное пѣніе есть отголосокъ, нерѣдко повторяющій пѣніе Ангеловъ Божіихъ у престола Бога, Творца всѣческихъ, и вмѣстѣ съ симъ возвышающій душу поющаго туда же, откуда несется этотъ дивный отголосокъ, объединяющій насъ, грѣшныхъ пѣвцовъ, съ небесными сладкогласными пѣвцами — духами безплотными, о коихъ говоритъ намъ слово Божіе въ Священномъ Писаніи.

Когда объ этомъ подумаешь, то невольно приходишь къ мысли: какъ же счастливы должны быть пѣвцы церковные, удостоившіеся чести подражать, скажу больше—*приплъвать* Ангеламъ Божіимъ въ земномъ небѣ—храмѣ Божіемъ, при совершеніи великихъ чудесъ благости Божіей—святыхъ таинствъ! Не напрасно святая Церковь повелѣваетъ своему діакону кадить имъ по дважды, тогда какъ прочимъ мірянамъ по единожды; не безъ причины Матерь Божія дала въ видѣніи преподобному Іоанну Кукузелю, сладкогласному пѣвцу, златицу, тогда какъ другихъ иноковъ оцѣляла по сребреннику. Своими устами пѣвцы повторяютъ пѣсни Ангельскія, пророческія, пѣснь Самой Царицы Небесной, Которая и является въ святой Церкви первою пѣснотворицею новозавѣтной Церкви—да будетъ позволено употребить монастырское слово—Головщицею въ средѣ пѣвцовъ церковныхъ, ибо—подумайте: кто въ новомъ завѣтѣ прежде всѣхъ пѣвцовъ, прежде даже Ангеловъ, прославилъ Бога дивною, высокохудожественною и преисполненною вдохновенія отъ Духа Божія пѣснію: „величитъ душа Моя Господа и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ?“... Думаютъ ли объ этомъ наши пѣвчіе? Увы, большая часть не только не знаютъ, но и не хотятъ знать объ этомъ!..

Недавно одинъ благочестивый мірянинъ, посѣтивъ пустынную, уединенную, спрятавшуюся въ лѣсахъ обитель, говорилъ мнѣ о своихъ впечатлѣніяхъ: „я былъ тамъ въ будній день. Церковь была пуста: одни иноки на клиросахъ и кое-гдѣ по стѣнамъ, всѣ въ своихъ черныхъ мантіяхъ. Пѣніе неспѣшное, благоговѣйное, безыскусственное, но въ немъ слышался голосъ души, стоящей предъ Богомъ. Каждое слово какъ бы вырывалось изъ сердца. Это навѣвало чувство мира и благоговѣнія, и на меня, какъ будто въ атмосферѣ храма незримо благоговѣйно рѣяли Ангелы Божіи, повсюду вѣяла Божія благодать“...

Таково впечатлѣніе на душу міряни-на въ тихой обители иноковъ, гдѣ служба Божія совершается, какъ первое, главное дѣло жизни, гдѣ на время молитвы, дѣйствительно, отлагается всякое житейское попеченіе.

Вотъ святая Кіево-печерская лавра. Идетъ всенощное бдѣніе подъ вели-кій праздникъ Успенія Богоматери. Не стану своими словами передавать поражающее душу впечатлѣніе пѣнія этой службы. Лучше приведу отзывъ знатока церковнаго пѣнія, извѣстнаго въ свое время ревнителя церковности В. И. Аскоченскаго. „Раздается, пишетъ онъ, пѣніе огромнаго лика, состоящаго изъ однихъ монашествующихъ. Боже, что это за пѣніе! Слышалъ я много хоровъ на святой Руси; самъ съ любовію изучалъ нашу церковную музыку; понимаю ее настолько, насколько силъ моихъ есть; но подобнаго пѣнія выразить и перенести на ноты не могу, да и не умѣю... Жалкими и блѣдными представляются всѣ композиціи великихъ мастеровъ церковной музыки предъ этими потрясающими звуками, не подсказанными наукой, а вытекающими прямо изъ души, насквозь проникнутой тѣмъ чувствомъ, съ которымъ должно благословлять Господа. Строгіе контрапунктисты бросятъ свои теоріи и руководства предъ этимъ пѣніемъ, въ прахъ повергающимъ всякое человѣческое искусство... Лаврское пѣніе—дѣло святое, чистое, небесное; а ко всему этому мы, по несчастному настроенію нашей растлѣнной природы, какъ то глухи, тупы и не пріимчивы. Для пониманія вещей духовныхъ заповѣдуютъ намъ просвѣтлить внутреннее зрѣніе наше; точно такъ же и для пониманія музыки, подобной лаврскому пѣнію, надобно очистить внутренній слухъ нашъ, выкинуть изъ него всѣ пустопорожнія свѣтскія мелодіи, забыть даже, если возможно, что вы слушаете музыку, а научиться уноситься духомъ въ молитвенномъ воздыханіи, выраженіемъ котораго Церковь Православная достойно и праведно признала не бездушные органы, а живой голосъ живаго человѣка. Тогда только можно постигнуть и обнять душою это пѣніе, подобнаго которому, говорю твердо и рѣшительно, нѣтъ во всей Руси! Приглашаю какого угодно диллетанта прислушаться къ этимъ звукамъ,—самъ онъ не замѣтитъ, какъ простоитъ четверть часа, слушая пѣніе только предначинательнаго псалма... Слышалъ я многообразные напѣвы „Господи, помилуй“, но ни одинъ изъ нихъ въ сравненіе итти не можетъ съ тѣмъ пѣніемъ этихъ, повидимому, простыхъ словъ, какое имѣетъ лавра. Въ прахъ и сознаніе своего ничтожества повергается человѣкъ, слушая только „Господи, помилуй“, поемое лаврскимъ клиромъ. Все въ этомъ пѣніи: и грусть, и плачъ, и какая-то сердцу понятная отрада. Въ семь полныхъ тактовъ adagio заключены тѣ два слова,—замѣтьте: въ семь тактовъ,—знаменательное число! Почему не въ шесть, не въ восемь? Не знаю; знаю только, что душа разрывается отъ этого сокрушеннаго плача... *Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*... и опять начинается великая пѣснь, которую бы слушалъ, слушалъ, безконечно слушалъ... Боже, благодарю Тебя, что Ты сподобилъ насъ, недостойныхъ, вкушать отъ приснотекущей сладости утѣшенія, такъ потребнаго душѣ“...

Недаромъ говорятъ, что Императоръ Александръ Благословенный выразилъ желаніе, чтобъ лаврскіе напѣвы сохранялись неизмѣнно.

Таково впечатлѣніе простого, стройнаго, могучаго пѣнія цѣлой массы поющихъ, пѣнія, которое гораздо болѣе соотвѣтствуетъ молитвенному настроенію и возвышаетъ его, чѣмъ пѣніе партесное, такъ какъ оно естественнѣе, умилительнѣе, торжественнѣе; при такомъ пѣніи усердный богомолецъ легко заучиваетъ и слова пѣснопѣній и, незамѣтно для себя, сначала мысленно, а потомъ и устами начинаетъ тихонько подпѣвать пѣвцамъ, сливаясь съ ними въ общую молитву: здѣсь естественно души молящихся воздѣйствуютъ другъ на друга, сообщая другъ другу умиленіе, вмѣстѣ переживая торжественность богослуженія.

Вотъ еще храмъ Божій—бѣдный сельскій храмъ. Тоже будни. На клиросѣ поетъ старый „дьячекъ". Поетъ одинъ, ибо литургія заказана кѣмъ-то изъ прихожанъ по покойникѣ. Старецъ—типъ уже вымирающихъ дьячковъ, которыхъ смѣнили теперь псаломщики. Онъ—въ своемъ безсмѣнномъ „полукафтаньѣ", какъ звали въ старину подрясникъ, позади виднѣется косичка; онъ весь ушолъ въ свое святое дѣло и неспѣшно, выразительно, опустивъ взоры долу, поетъ священныя пѣснопѣнія. Видно, что пѣніе это доставляетъ ему внутреннее удовлетвореніе, высокое духовное утѣшеніе... Гдѣ теперь такіе клирики? Гдѣ эти старые „дьячки", около себя, на клиросѣ, воспитавшіе своихъ дѣтей, многихъ святителей, подвижниковъ, пастырей и великихъ тружениковъ на нивѣ духовной, да и не духовной только науки? А какъ они пѣли, какъ трогали душу тѣмъ, чего—простите—ни въ какомъ хорѣ вы не услышите, чего не дадутъ вамъ самые знаменитые композиторы! Въ чемъ тайна этого пѣнія? Пѣнія иногда даже не обладающаго хорошимъ голосомъ пѣвца? Да въ томъ, что онъ душою пѣлъ, онъ пѣлъ и благоговѣлъ, онъ чувствовалъ сердцемъ, что дѣлалъ дѣло Божіе, а не житейское, онъ, можетъ быть, и не зналъ, но въ сердцѣ носилъ страшное слово Писанія: *проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ!* Онъ пѣлъ и въ богомольцѣ будилъ молитвенное настроеніе, какое переживалъ самъ. А въ этомъ и весь смыслъ церковнаго пѣнія.

Но вотъ—многолюдная обитель въ большомъ городѣ; здѣсь уже не то... Тутъ уже пѣніе художественное; тутъ поютъ не по обиходу, какъ это дѣлаетъ иногда хорошій дьячекъ, напримѣръ, въ великій постъ: тутъ уже у пѣвчихъ ноты въ рукахъ. Тутъ выдѣляется уже „регентъ", иногда монахъ, иногда же и мірянинъ. Если монастырское начальство строго держитъ дисциплину, то на клиросѣ держится порядокъ въ духѣ церковности: регентъ не размахиваетъ руками, не дѣлаетъ жестовъ—то повелительно-энергичныхъ, то—усмиряющихъ, то ободряющихъ, то угрожающихъ. Но, помилуй, Богъ, если настоятель—любитель вычурнаго пѣнія въ духѣ современныхъ композиторовъ: тутъ уже регентъ—особенно мірянинъ—позволяетъ себѣ всякую мимику, и пѣвчіе все вниманіе свое устремляютъ не на слова пѣснопѣнія, не на молитву, а на его руки, ихъ движенія... И чѣмъ болѣе виртуозно пѣніе, чѣмъ больше на нотахъ значковъ, тѣмъ больше такого вниманія, тѣмъ меньше молитвеннаго настроенія въ пѣвцахъ, а за ними—это уже передается инстинктивно—и въ молящихся въ храмѣ. Правда, въ монастыряхъ это еще не такъ часто бываетъ, но въ соборныхъ храмахъ, въ приходскихъ, гдѣ пѣвчіе уже міряне, а еще больше горя—если

хоръ смѣшанный, такой грѣхъ сталъ обычнымъ явленіемъ. Если бы настоятель сталъ имъ внушать держать себя съ должнымъ благоговѣніемъ къ святынѣ храма Божія, со вниманіемъ къ поемымъ словесамъ пѣснопѣній, то, они, пожалуй, удивились бы, что отъ нихъ требуютъ того, чего они-де вовсе не обязаны дѣлать да и—до того ли имъ?.. И доходитъ дѣло до того, что поютъ—что хотятъ, ведутъ себя—какъ имъ угодно, стоятъ задомъ къ алтарю, иногда даже къ храмовой иконѣ, которая обычно имѣется на правой сторонѣ иконостаса, близъ праваго клироса, словомъ: это какіе-то наемники-ремесленники, коимъ и дѣла нѣтъ до святыни храма, до молитвы, до соблазна, какой они производятъ среди богомольцевъ своимъ недостойнымъ поведеніемъ. Скажу больше: бываютъ случаи, что въ средѣ пѣвчихъ попадаютъ иновѣрцы, даже іудеи некрещенные, ибо регенту-мірянину дѣла нѣтъ до вѣроисповѣданія: ему нуженъ голосъ... Говорить ли о выборѣ напѣвовъ, нотныхъ композицій?.. Это нынѣ стало вполнѣ, кажется, во власти регента: чѣмъ хочетъ, тѣмъ и угощаетъ богомольцевъ, а настоятель—молчи: иначе онъ сдѣлаетъ скандалъ, уйдетъ со всѣмъ хоромъ, забастуетъ: благо это въ модѣ стало въ наши несчастные дни. Въ дальнѣйшемъ развитіи такое самоволіе регентовъ ведетъ къ вмѣшательству прихожанъ „любителей“ пѣнія: они входятъ въ соглашеніе съ регентами, которые еще больше зазнаются и творятъ, что хотятъ. И на это иногда тратятся немалыя церковныя суммы, ибо хоры, вѣдь, стоютъ не малыхъ денегъ. Особенно поблажаютъ такимъ регентамъ старосты, иногда ничего въ пѣніи не понимающіе, требующіе только вычурныхъ напѣвовъ, концертныхъ выкриковъ, чтобы привлекать такихъ же любителей, а съ ними и побольше доходовъ, изъ коихъ потомъ и удѣлять на хоръ. Храмъ Божій какъ бы превращается въ какой-то концертный залъ, если не употребить болѣе оскорбительнаго названія: тутъ и коммерція старосты, и лишняя халтура регентовъ, и удовлетвореніе неразумной страсти тѣхъ, которые откровенно говорятъ, что идутъ въ храмъ не молиться, а послушать пѣвчихъ. А благоговѣйная молитва вѣрующихъ, а заповѣдь Царя Давида: *пойте Богу разумно*, а завѣтъ апостольскій, чтобъ въ Церкви Божіей все было благообразно и по чину?.. Объ этомъ становится уже какъ-то странно и говорить. Даже иные архіереи и тѣ безпомощно опускаютъ руки предъ такимъ... грѣхомъ. Да, это грѣхъ, грѣхъ нашей современной церковной жизни, въ которомъ пора наконецъ покаяться. Подумать только: развѣ это—идеалъ церковнаго пѣнія? Развѣ Господу нужны эти наемники, забывающіе, что они въ храмѣ Божіемъ, готовые каждую минуту спорить съ настоятелемъ, хозяйничающіе на клиросѣ подъ угрозой забастовки, не говорю уже о недостойномъ поведеніи самихъ пѣвчихъ, этихъ поденщиковъ, торгующихъ своимъ голосомъ? Даже страшно становится, когда раскроешь Евангеліе и прочтешь: *и, воспѣвше, изыдоша въ гору Елеонскую*... Съ благоговѣніемъ Апостолы воспѣли хвалу Господу послѣ первой евхаристіи, совершенной Самимъ Господомъ. Съ благоговѣніемъ и высокимъ подъемомъ духа первые хрістіане упражнялись въ пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще и въ сердцахъ своихъ Господеви... А нынѣ... Сами пѣть не умѣютъ, потому, главнымъ образомъ, что учиться не желаютъ,

а не желаютъ учиться по лѣности своей; и вотъ, вмѣсто себя ставятъ наемниковъ, которымъ все равно, что ни пѣть: пѣсни ли мірскія, или церковныя, лишь бы получить за то деньги. Я не говорю, чтобъ совсѣмъ упразднять хоры, обученіе церковному пѣнію; я говорю, что кто можетъ, кто поусердствуетъ научиться пѣнію, тотъ и пусть считаетъ за счастіе стоять на клиросѣ въ своемъ приходскомъ храмѣ, подъ руководствомъ клирика-пѣвца пѣть во славу Божію, безъ всякой платы, а еще лучше, если и всѣ молящіеся, по указанію книгъ богослужебныхъ, гдѣ сказано: поютъ *людіе*, станутъ пѣть сообща... Сразу трудно этого достигнуть, но опытъ показываетъ, что не невозможно, а если начать съ обязательства для всѣхъ школьниковъ непремѣнно участвовать въ пѣніи, то чрезъ поколѣніе вся церковь и будетъ пѣть. Пусть нынѣшніе хоры, если гдѣ они есть при церквахъ, отрекутся отъ своихъ привиллегій и станутъ ядромъ общаго пѣнія въ народныхъ храмахъ. Повторяю: я не противъ хоровъ, правильно организованныхъ и благоговѣйно себя ведущихъ въ храмѣ Божіемъ; я противъ того, что оскорбляетъ храмъ Божій и чувство вѣрующихъ, противъ этихъ театральныхъ выступленій регентовъ, ихъ размахиванія руками, ихъ шевелюръ а-ля-Рубинштейнъ противъ тѣхъ, возмущающихъ душу композицій, которыя все чаще входятъ въ моду у этихъ невѣжественныхъ ремесленниковъ пѣнія, противъ претензій всякаго „любителя“, воображающаго себя знатокомъ пѣнія, но ничего не понимающаго въ требованіяхъ церковнаго устава, церковныхъ преданій, наконецъ—несоблюдающаго ни въ себѣ самомъ, ни пѣвцахъ своего хора простаго приличія, подобающаго святости мѣста, куда онъ пришолъ... Въ селахъ—какіе ужъ регенты?! Хорошо, если скромный учитель мѣстной школы или опытный псаломщикъ возмется руководить пѣвцами безъ всякихъ претензій на „хоръ“, на „регентство“, на выполненіе сложныхъ композицій, особенно новыхъ „творцовъ“. Надо сознаться, что благодаря всякаго рода попустительству со стороны настоятелей и поблажкѣ неразумныхъ старостъ, ставящихъ себѣ задачею привлеченіе большаго числа богомольцевъ, „автономные“ регенты постепенно портятъ вкусъ церковный въ пѣніи у прихожанъ и доходитъ дѣло до того, что архіереи не могутъ съ ними сладить. Когда я былъ въ Москвѣ викаріемъ, меня пригласили служить на храмовой праздникъ въ одинъ замоскворѣцкій храмъ. За всенощной я былъ пораженъ разными сокращеніями службы съ одной стороны и вычурными исполненіями нотныхъ пѣснопѣній съ другой. Вся всенощная представляла собою какъ бы концертъ, а не службу Божію. Попытался я отмѣнить пѣніе молитвы Богопріимца Симеона, чтобъ прочитать ее самому, но регентъ безаппеляціонно заявилъ, что эта „піеса“ стоитъ у него „въ программѣ“, и прихожане будутъ недовольны, если ее онъ не исполнитъ. Староста очень твердымъ, недопускавшимъ противорѣчія тономъ подтвердилъ это заявленіе. При этомъ былъ намекъ и на забастовку пѣвчихъ, если я не подчинюсь ихъ требованіямъ. Пришлось уступить, чтобъ не смущать молящихся скандаломъ... Вотъ что приходится испытывать даже архіереямъ: что говорить о священникахъ? А въ Вологдѣ, въ моемъ отсутствіи, въ царскій день, при служеніи викарія въ соборѣ, регентъ, неудовлетворенный требованіемъ какой-то доплаты отъ клю-

чаря, вывелъ хоръ предъ самой Херувимской пѣснію, и богослуженіе пришлось допѣвать діаконамъ и псаломщикамъ, явившимся на царскій молебенъ, благо ихъ въ Вологдѣ до полусотни. Спасибо тогдашнему губернатору: онъ посадилъ регента подъ арестъ на три дня, а я уволилъ его со службы съ воспрещеніемъ регентовать въ Вологдѣ.

Но я уклонился въ сторону отъ главной темы: ужъ очень на душѣ наболѣло это церковное искушеніе, это искаженіе хвалы Богу и подражанія Ангеламъ, превращеннаго въ... кощунство! Будетъ ли когда положенъ предѣлъ этому? Хотѣлось бы вѣрить, что будущіе приходы возьмутъ на себя борьбу съ этимъ зломъ; хотѣлось бы надѣяться, что они поймутъ, какъ должно, свой первый долгъ оберегать святыню храмовъ Божіихъ отъ всякаго оскорбленія, отъ перенесенія въ нихъ духа театра, отъ внесенія чуждаго огня въ святилище церкви Божіей. И это заранѣе слѣдовало бы оградить строгими правилами, выработанными церковной властью, дабы предупредить возможное увлеченіе въ сторону театральнаго духа. Пѣніе имѣетъ воспитывающее значеніе и потому важно власти имѣть строжайшее наблюденіе за тѣмъ, въ какомъ духѣ направляется это великое воспитательное средство для народа. Вотъ почему я указываю на общее церковное пѣніе, какъ на одно изъ могучихъ средствъ предупредить духъ театра въ храмахъ Божіихъ: нотныя переложенія для массы народа недоступны, а привыкшіе къ общему пѣнію прихожане и не пожелаютъ такихъ вычурныхъ напѣвовъ, выполняемыхъ пѣвчими, ибо пѣніе имѣетъ свойство увлекать поющихъ желаніемъ *самимъ* выполнить пѣснопѣнія, положенныя при богослуженіи.

Это свойство пѣнія подмѣтили особенно сектанты: пѣніемъ своихъ стиховъ они нерѣдко привлекаютъ и православныхъ на свои собранія. Участникамъ нравится это общее пѣніе, поднимающее настроеніе собравшихся. Миссіонеры и рекомендуютъ вводить общее пѣніе въ церквахъ въ противовѣсъ сектантамъ.

Надо строго слѣдить, чтобы тамъ, гдѣ приходъ вздумаетъ заводить хоръ, предварительно было обслѣдовано: имѣется ли вполнѣ надежный руководитель, имѣются ли на то средства, но и при этомъ рекомендовать общее пѣніе, указывая на духовную пользу этого святого дѣла, на сбереженіе ассигнуемыхъ на него средствъ, на возможность тѣхъ увлеченій, какія, къ сожалѣнію, стали такъ обычны въ наше время. И эти увлеченія, какъ мы видѣли, доходятъ до того, что въ хорахъ иногда появляются, какъ я сказалъ, даже некрещеные іудеи и іудейки, не говорю уже объ инославныхъ. Тутъ уже прямо нарушаются каноны церковные, въ силу коихъ слѣдовало бы такимъ пѣвцамъ выходить изъ храма Божія по возглашеніи діакона: *оглашенніи, изыдите.* Да и не является ли оскорбленіемъ Церкви церковное пѣснопѣніе въ устахъ некрещенаго, а по національности еще и врага Хрістова?

Надо помнить, что въ партесномъ пѣніи на первомъ планѣ стоитъ удовлетвореніе эстетическаго чувства, а религіозное отходитъ на второй планъ. Но и это—только у настоящихъ художниковъ-регентовъ: у большинства же руководителей пѣнія тутъ простое ремесло, которое сводится къ задачѣ, посредствомъ голосовыхъ варіацій, достигнуть извѣстнаго эффекта. Вотъ почему часто отъ партесныхъ исполненій вѣетъ

холодомъ и театральностью, вызывая въ слушателѣ чувства, можетъ быть и эстетическія, но вовсе чуждыя религіозному настроенію. Не жажда души, жаждущей молитвы, влечетъ богомольца въ храмъ, а желаніе отдохнуть, какъ въ концертномъ залѣ, при слушаніи пѣвчихъ. Неблаговѣйное служеніе священнослужителей, не святѣйшее таинство Евхаристіи, освящающее благодатнымъ воздѣйствіемъ Духа Божія молящихся, а хоръ пѣвчихъ привлекаетъ любителя пѣнія въ святилище Божіе. Если регентъ—человѣкъ скромный, вѣрующій, понимающій свою зависимость отъ настоятеля въ выборѣ напѣвовъ и уважительно къ нему относящійся, то дѣло идетъ ладно, въ согласіи съ священникомъ; а если не такъ, то священникъ уже становится въ глазахъ прихожанъ на второй планъ, а регентъ—на первый. Священникъ бываетъ не въ силахъ остановить выходки пѣвчихъ, нарушающія благочиніе и лишающія его того спокойствія и мирнаго настроенія, которое ему потребно для службы Божіей. Говорить ли о такихъ, въ высшей степени оскорбительныхъ для Церкви явленіяхъ, какъ требованіе пѣвчими не только платы, но и угощенія виномъ, ухаживанія за ними, какъ людьми необходимыми, за которыхъ горой станетъ весь приходъ, если бы священникъ вздумалъ стѣснять ихъ въ чемъ-либо? Приходскіе священники знаютъ, какое бремя для нихъ—хоръ пѣвчихъ, какія искушенія приходится имъ переживать при одной мысли, что Божій храмъ иногда обращается въ какое-то торжище самолюбія, домъ Божій—въ мѣсто личныхъ счетовъ части пасомыхъ, какими въ сущности являются въ приходской сельской церкви пѣвчіе, съ своимъ пастыремъ? Я привелъ грозныя слова Пророка: *проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ*. (Іерем. 48, 10). Напоминаю слова Самого Господа: *приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими и устнами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя.* (М 15, 8. 9).

Многое и еще хотѣлось бы сказать о нашихъ пѣвчихъ. Хотѣлось бы указать на ихъ польскіе четырерукавные кафтаны, почему-то вошедшіе въ такую моду не только въ столицахъ, но и въ провинціи, гдѣ богатые купцы старосты рядятъ ихъ, какъ куколъ, при чемъ если на дѣтяхъ эти кафтаны еще на что-то похожи, за то на большихъ—положительно кажутся чучелами. Въ Москвѣ для синодальныхъ пѣвчихъ нашъ знаменитый художникъ В М. Васнецовъ измыслилъ древне-русскіе кафтаны, напоминающіе боярскую одежду: ужъ если это нужно для однообразія, то пусть бы было русское, а никакъ не польское, латинское...

Хотѣлось сказать еще и то, что пѣніе по найму, за деньги, какъ будто не вяжется и съ дѣломъ молитвы, но мнѣ, пожалуй, скажутъ, что и священнослужители, вѣдь, такъ или иначе получаютъ вознагражденіе за свое служеніе. Да, но я говорю не о спеціальныхъ хорахъ, которые, вѣдь, тѣмъ и живутъ, что получаютъ за пѣніе; я говорю вотъ объ этихъ разныхъ „любительскихъ хорахъ“, о тѣхъ прихожанахъ, которые ищутъ платы за свое пѣніе, составляя хоръ для роднаго храма при полной возможности попѣть тамъ безкорыстно, ради Бога. И что за время корыстное мы живемъ! То ли дѣло было въ старину, лѣтъ пятьдесятъ назадъ: становились тогда на клиросъ тоже любители, иногда даже неграмотные, пѣли, какъ умѣли, пѣли, но въ тоже время и молились усердно, стараясь не нару-

шить, не оскорбить святыню родного храма, а старые дьячки и пономари водили обязательно и дѣтей своихъ на клиросъ, пріучая къ дѣлу Божію, и выходило если не художественно, за то задушевно, благоговѣйно, не пахло искусственнымъ построеніемъ нотъ, не вѣяло холодомъ поющей машины, не видно было размахиваній руками, присѣданій, быстрыхъ поворотовъ регента изъ стороны въ сторону... Знаю, что на меня накинутся цѣнители пѣнія знаменитыхъ пѣвцовъ капеллы, извѣстныхъ хоровъ столичныхъ, но... Богъ съ ними: я не хочу теперь говорить о нихъ, я говорю о томъ, что касается многаго множества храмовъ на Руси, о томъ, что мѣшаетъ намъ молиться въ нихъ, что кажется намъ кощунствомъ... и что,—такъ хотѣлось бы вѣрить!—будетъ устранено при оживленіи прихода, ибо съ чего же и начинать такое оживленіе, пробужденіе къ жизни прихода, какъ не съ молитвы въ храмѣ родномъ, съ участія въ богослуженіи, участія дѣятельнаго, посредствомъ общаго пѣнія и чтенія, при соблюденіи должнаго порядка и благоговѣнія?..

Адскій замыселъ.

Все яснѣе обнаруживается адскій заговоръ тевтоновъ противъ нашей Руси Святой. Настоящая война—не простая война двухъ народовъ-сосѣдей, не поладившихъ между собою; не честный бой борцовъ, уважающихъ достоинство человѣческое: это — сатанинскій замыселъ безсовѣстнаго, потерявшаго обликъ человѣческій выродка рода человѣческаго противъ благородныхъ народовъ хрістіанскихъ. Убить не тѣло только, но и душу народную—вотъ поставленная нѣмцами цѣль въ отношеніи славянъ и особенно русскаго народа. И этотъ злой планъ осуществляется уже не одинъ десятокъ лѣтъ, и, благодаря нашему либеральному идеализму съ одной стороны, благодаря хитрости внутреннихъ нѣмцевъ, слѣдующихъ закону о двуподданствѣ, — съ другой, дѣло велось ими успѣшно и для насъ незамѣтно. Правда, мы, служители Церкви, давно видѣли, давно указывали на весь вредъ распространенія „нѣмецкой вѣры“ среди нашего простого народа въ видѣ штунды, молоканства, баптизма, адвентизма и прочихъ ересей; но нашъ голосъ былъ почти гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: намъ не вѣрили, на насъ бросали тѣнь, будто мы преслѣдуемъ невинныхъ проповѣдниковъ „чистаго“ хрістіанства изъ зависти, будто штундисты—самый честный, трудолюбивый, законопослушный народъ и т. д. Но вотъ настала война. Пошли недобрые слухи о томъ, что пограничные нѣмцы-колонисты ведутъ себя подозрительно, пришлось удалять ихъ отъ границъ подальше. Между тѣмъ, изъ окоповъ мы, служители Церкви, стали получать анонимныя письма, наполненныя руганью и невозможными поношеніями власти за то, что она воюетъ съ нѣмцами: это-де противно Хрістову ученію. Но и этого мало. Агенты кайзера стараются проникнуть въ народную массу и ложью, злостной клеветой смущать простецовъ. Послушайте вотъ, что пишетъ миссіонеръ Самарской епархіи, изъѣздившій всю епархію вдоль и поперекъ:

„Во время нашихъ побѣдъ лже-учители-сектанты какъ-то присмирѣли и „залѣзли въ свои подполья“.

Теперь же, когда Господь послалъ для нашей дорогой родины временное испытаніе, народъ сталъ колебаться въ увѣренности относительно окончательной побѣды надъ врагомъ. Такимъ настроеніемъ и воспользовались лжеучители. Почувствовавъ удобную почву для своихъ выдумокъ, они повылѣзли изъ подпольевъ и подъ видомъ продавцовъ книгъ и мелкаго товара странствуютъ изъ села въ село и наговариваютъ народу, что Богъ наказываетъ насъ пораженіемъ за то, что попы и монахи обманываютъ народъ. „Попы въ своихъ идольскихъ капищахъ (то есть, въ храмахъ) не молятся, а беззаконничаютъ... Можетъ ли Богъ слышать ихъ молитвы, когда они въ этихъ молитвахъ убійцъ своихъ братьевъ называютъ Хрістолюбивымъ воинствомъ? Гдѣ Спаситель заповѣдалъ имъ это дѣлать?“— Сваливая вину мнимаго пораженія на священниковъ и монаховъ, эти проходимцы говорятъ, что германецъ и войну-то началъ только потому, что обогатился монашескими, поповскими и начальническими деньгами. Сектанты говорятъ: до войны германецъ объявилъ, что дастъ большой процентъ тому, кто будетъ вносить деньги въ его государственные банки. Прослышавъ про это, наши начальники, монахи и попы,—говорятъ они,—и начали свои деньги брать изъ нашихъ государственныхъ банковъ и передавать ихъ въ германскіе. Такъ скопилась крупная сумма, на которую германецъ и ведетъ теперь войну съ нами. Таковыхъ виновниковъ нашихъ бѣдствій надо вѣшать, а не слушать ихъ. Многое и другое, подобное этому, пришлось мнѣ услышать во время этихъ поѣздокъ по епархіи. Такая убійственная для насъ ихъ пропаганда нашла себѣ уже почву даже и въ раскольничьихъ селахъ“.

Вотъ тотъ „каиновъ дымъ“, который впереди нашихъ окоповъ пускается слугами Вильгельма, чтобы отравить нашу народную душу. Вспомните исторію бунтовъ Стеньки Разина и Пугачева: какіе нелѣпые слухи и тогда пускались въ народъ, и находились простецы, которые вѣрили имъ, и сколько крови пролилось тогда благодаря тому, что не было, можетъ быть, возможности въ самомъ началѣ прекратить эти слухи. Теперь мы знаемъ, что среди насъ немало измѣнниковъ, тайныхъ союзниковъ германцевъ, которые готовы сѣять всякую смуту въ народѣ, лишь бы только достигнуть своей проклятой цѣли—захватить власть въ свои нечистыя руки. Берегитесь, русскіе люди! Зорко стойте на стражѣ своей, пастыри Церкви! Будьте готовы изловить этихъ злыхъ сѣятелей лжи, клеветы, смуты, вѣрные слуги Царя и Отечества! Не однимъ оружіемъ вещественнымъ воюетъ съ нами врагъ нашей Руси Святой: въ союзѣ съ самимъ отцомъ лжи не гнушается никакими средствами!...

Не цѣнная, но сердцу дорогая лепта.

Сказалъ Господь: *Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя.* А міръ отъ насъ требуетъ добрыхъ дѣлъ, онъ кричитъ: гдѣ ваши жертвы? Отвѣтомъ на это можетъ служить примѣръ одного священника, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Онъ прислалъ мнѣ два трехъ-рублевыхъ золотыхъ чекана 1884 и 1885 гг. при слѣдующемъ письмѣ:

„Его Величество, Государь Императоръ, будучи еще наслѣдникомъ

Престола, проѣздомъ чрезъ Хабаровскъ въ 1891 году пожаловалъ 60 монетъ одному тунгусу, сподвижнику графа Муравьева-Амурскаго; я купилъ у него двѣ монеты и при всѣхъ моихъ трудныхъ обстоятельствахъ въ жизни не разставался съ ними, нынѣ же въ трудную минуту Св. Руси я охотно и съ любовію жертвую ихъ на военныя нужды. Монеты, какъ металлъ не представляютъ цѣнности, но онѣ мнѣ дороги по воспоминанію, какое соединено съ пріобрѣтеніемъ ихъ. Прошу, владыка, внести ихъ пожертвованіемъ отъ неизвѣстнаго лица. Спаси, Господи, Царя, Святую Русь и ея доблестную армію!"

Эта незамѣтная лепта іерея Божія, безъ сомнѣнія, въ очагъ Божіихъ цѣннѣе крупныхъ жертвъ тщеславія, вносимыхъ „отъ избытка" богатства, собраннаго не всегда чистыми средствами. Тутъ жертвуетъ священникъ не монеты, не золото, а то, что цѣннѣе золота—дорогую памятку той счастливой минуты, когда онъ видѣлъ Царскаго Наслѣдника, Надежду Россіи, когда имѣлъ возможность получить хотя бы двѣ монеты, бывшія въ рукахъ Царскихъ, и хранилъ ихъ съ любовію къ родному Царю.

Творить добро въ тайнѣ—завѣтъ матери Церкви, завѣтъ Самого Христа, который для насъ дороже требованій міра, никогда не довольнаго никакими жертвами...

Памяти архимандрита Товіи.

Еще не стало одного изъ крѣпкихъ современныхъ столповъ монашества: 7-го сего марта скончался бывшій намѣстникъ Троицкой Сергіевы лавры архимандритъ Товія. Онъ отошелъ къ Богу въ старости глубокой, на 80-мъ году своей жизни. Юношей поступилъ онъ въ Святыя Горы, Харьковской епархіи, а въ 1861 году перешелъ въ Сергіеву лавру, гдѣ митрополитомъ Филаретомъ и былъ удостоенъ сана іеродіакона. Около 25 лѣтъ былъ онъ архидіакономъ, потомъ экономомъ и казначеемъ; въ 1893 году былъ назначенъ намѣстникомъ Московскаго Чудова монастыря, а въ 1904 году, по смерти старца намѣстника архимандрита Павла—намѣстникомъ родной ему лавры Преподобнаго Сергія. Строгій къ себѣ, онъ умѣлъ руководить какъ собственно монашескою, такъ и хозяйственною жизнію великой обители, охраняя ея преданія, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ прежнихъ ея намѣстниковъ, архимандритовъ Антонія и Леонида. Любители благолѣпія церковнаго не забудутъ его благоговѣйнаго служенія, еще и діаконскаго: это былъ воистину типичнѣйшій благоговѣйный архидіаконъ. Читалъ ли онъ Евангеліе, говорилъ ли эктенію, онъ все совершалъ какъ передъ лицомъ Божіимъ; обладая сильнымъ голосомъ, онъ никогда не возвышалъ его до послѣднихъ нотъ, помня, что грѣшно величаться даромъ Божіимъ; самая походка его при служеніи показывала, съ какимъ достоинствомъ и вмѣстѣ благоговѣніемъ онъ творитъ служеніе Богу. Получивъ въ управленіе лавру, онъ того же требовалъ и отъ порученной ему братіи.

Родомъ онъ былъ изъ крестьянъ Воронежской губерніи. Въ родной станицѣ построилъ онъ великолѣпный храмъ, при немъ школу, дома для священнослужителей, отдалъ туда всю свою библіотеку, а въ послѣднее время написалъ даже за-

вѣтъ своимъ односельцамъ, полный интересныхъ и поучительныхъ воспоминаній о своемъ отрочествѣ и жизни дѣдовъ и прадѣдовъ.

Въ прошломъ году, чувствуя ослабленіе силъ и не желая отвѣчать Богу за упущенія, какія могутъ быть при старости и немощахъ намѣстника въ обители, онъ сложилъ съ себя званіе намѣстника, указавъ себѣ преемника въ лицѣ нынѣшняго намѣстника архимандрита Кронида, отъ юности питомца родной обители. Его мечта была—поселиться въ любимой имъ обители Св. Параклита, гдѣ онъ построилъ себѣ домикъ и гдѣ подвизался и скончался его родитель—схимонахъ Товитъ. Тамъ онъ и провелъ минувшее лѣто. Но въ лаврѣ было удобнѣе присутствовать при богослуженіяхъ въ Зосимовской церкви, и онъ зиму проводилъ здѣсь. За недѣлю до кончины съ нимъ сдѣлался припадокъ сердечной болѣзни; его немедля напутствовали Св. Тайнами, пособоровали, а затѣмъ постригли въ схиму. Опасность миновала, но не прошло недѣли, какъ смерть открыла ему двери въ вѣчную жизнь...

Погребеніе назначено на 9 марта; могила готовится въ любимой имъ пустыни, рядомъ съ могилой его родителя—схимника. Всѣ, кто бывалъ въ лаврѣ преподобнаго Сергія, всѣ, кто учился въ Московской духовной академіи, всѣ, кто помнитъ этого высокаго, могучаго сложенія старца, всегда благоговѣйнаго, величаваго,—помолитесь о упокоеніи его души!

313.

Берегитесь, православные, нѣмецкихъ лжеученій!

Берегись, Русь родная! Сатана ополчается на тебя отовсюду: и невѣрные турки, и еретичествующіе нѣмцы, и богоотступники—іудеи, и даже свои братья-болгары, за коихъ ты проливала кровь 39 лѣтъ тому назадъ... И эти братья стали измѣнниками, и они пошли съ турками и нѣмцами противъ тебя, родной ихъ матери. Суди, Боже, обидящія ны, побори борющія ны!

Но этого мало. Въ нѣдрахъ твоихъ, среди твоего родного народа, завелись измѣнники вѣрѣ твоей православной, разные баптисты, штундисты, ставшіе полунѣмцами,—и какая же гордыня обуяла ихъ! Куда дѣвался ихъ русскій духъ? Гдѣ то смиреніе, послушаніе Церкви, коими красовались русскіе люди отъ вѣковъ древнихъ, со дней князя Владиміра? Совершенно стали другими людьми, отъ нихъ такъ и вѣетъ нестерпимой гордыней еретика-нѣмца, который православныхъ людей и за людей не считаетъ! Страшно становится, когда придешь въ соприкосновеніе съ этими фарисеями. Что то темное, злобное, полное сатанинской гордыни вѣетъ вокругъ этихъ отщепенцевъ отъ нашего добраго православнаго русскаго народа. А соприкасаться мнѣ приходится, хотя не лично, а лишь чрезъ письма...

Письма баптистовъ и штундистовъ дышатъ фарисейскимъ презрѣніемъ къ православію и къ православнымъ: никогда ни одинъ православный человѣкъ не позволитъ себѣ такъ высокомѣрно обращаться съ иновѣрцемъ, будь то даже язычникъ или магометанинъ, какъ обращаются съ православными совращенные въ баптизмъ и штунду бывшіе русскіе православные люди. Да,

говорю: „бывшіе“ русскіе, ибо теперь, измѣнивъ родной вѣрѣ, они перестали быть и русскими. Какъ будто, и нѣтъ ихъ умнѣе и ученѣе: будто знаютъ они слово Божіе лучше всѣхъ святыхъ отцевъ, когда-либо жившихъ, лучше самихъ апостоловъ Христовыхъ, будто толкуютъ его такъ непогрѣшимо, что не смѣй никто и возражать; только вотъ что поражаетъ людей, свѣдущихъ въ ихъ толкованіяхъ: сами-то они другъ съ другомъ никакъ не сходятся, не согласуются, спорятъ между собою. Мы, православные, сами не дерзаемъ своимъ смышленіемъ толковать слово Божіе: мы стараемся узнать, какъ толковали его святые отцы, коихъ Господь, еще при жизни, прославилъ за ихъ подвижническую жизнь, а Церковь причислила къ лику святыхъ потому, что Господь являлъ много чудесъ по молитвамъ ихъ. Такъ, по нашему убѣжденію, надежнѣе: вѣдь, кто живетъ по заповѣдямъ Божіимъ во смиреніи и послушаніи Церкви, какъ Господь повелѣлъ, къ тому ближе и благодать Божія, которая и вразумляетъ его въ толкованіи слова Божія. Такъ учитъ насъ и матерь наша, Церковь святая. За девятнадцать вѣковъ она скопила намъ великую сокровищницу писаній святыхъ отцовъ и учителей Церкви, откуда мы и почерпаемъ толкованіе слова Божія. Нѣтъ сомнѣній, что святые мужи, ученики апостольскіе и ихъ преемники, отъ самихъ апостоловъ научились, какъ надо понимать слово Божіе, и записали это, и передали намъ: вотъ наше неистощимое богатство! А ученики нѣмцевъ въ гордости своей черпаютъ толкованіе отъ своего гордаго смышленія да отъ нѣмцевъ, своихъ учителей, такихъ же или еще хуже гордецовъ; можно ли имъ вѣрить? Правда, хвалятся они своимъ благочестіемъ, но вотъ въ томъ-то и бѣда, что они *хвалятся* своими добродѣтелями: фарисей въ притчѣ Христовой тоже хвалился, да никуда не годился! Вѣдь, Господь-то сказалъ: „если и все заповѣданное вамъ исполните, то говорите: мы рабы, ни на что не годные: что должны были сдѣлать, то и сдѣлали“. Значитъ: за что насъ хвалить, тѣмъ меньше—себя хвалить? Вѣдь, человѣкъ ничего добраго самъ по себѣ сдѣлать не можетъ: а если что сдѣлалъ, то—это ужъ Богъ ему помогъ, ибо Господь сказалъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. А какъ только ты приписалъ себѣ доброе, тобою сдѣланное, какъ только сказалъ: „это я сдѣлалъ“, такъ и пропала ему цѣна у Бога; все равно, что ты укралъ его у Бога, когда своимъ назвалъ. Вотъ это постоянно и дѣлаютъ нѣмецкіе ученики—разные сектанты: баптисты, штундисты, гордо величающіе себя „евангельскими христіанами“ и имъ подобные. Я скажу еще больше: когда вѣчный врагъ нашъ діаволъ видитъ, что человѣкъ хвалится своимъ добромъ, то онъ еще и подскажетъ, даже поможетъ сдѣлать какое-нибудь добро, только не настоящее, смиренное, христіанское, а показное, лицемѣрное: люди будутъ видѣть это добро и хвалить добродѣлателя, а онъ будетъ воздыматься этой похвалою. Вѣдь, гордыня всякую добродѣтель обезцѣниваетъ, всѣ грѣхи замѣняетъ: сколько ни дѣлай добра гордый человѣкъ, никакой ему нѣтъ пользы отъ того: тщеславіе и гордость все расхищаетъ, все ему же во вредъ обращаетъ. Святые отцы говорятъ, что если птица хоть однимъ ноготкомъ зацѣпится въ сѣтяхъ, то—быть ей въ рукахъ ловца. Такъ и въ духовной жизни: если человѣкъ хоть одной страсти поддастся, то—быть

ему въ сѣтяхъ врага. А гордость есть такая сѣть, крѣпче которой у врага и нѣтъ. Самъ онъ погибъ отъ гордыни, возмечтавъ быть равнымъ Богу. Туда же влечетъ онъ и всѣхъ, кто ему поддается. И удобно ему ловить людей на эту удочку: всѣ другія страсти замѣтны и для людей, да и для самого преданнаго страсти, если только совѣсть его не погасла совсѣмъ; а гордый слѣпъ: онъ вовсе не видитъ, какъ гордыня его ослѣпила, онъ видитъ только свои мнимыя достоинства и любуется ими... Такъ и сектанты: не даромъ же они величаютъ себя „святыми“. Несчастные! Они не хотятъ знать того, что Богу пріятнѣе кающійся смиренный грѣшникъ, чѣмъ гордый мнимый праведникъ! Богъ, вѣдь, гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Эти гордые люди, заразившись духомъ нѣмецкимъ, стараются смущать православныхъ разными мудрованіями: сами не знаютъ православнаго ученія вѣры, а критикуютъ его; не хотятъ спросить со смиреніемъ пастырей Церкви: какъ и почему такъ учитъ Церковь, а своимъ умомъ, или по подсказу своихъ нѣмецкихъ учителей, враговъ вѣры и отечества нашего, судятъ обо всемъ... Берегитесь ихъ, вѣрныя чада Церкви православной! Это—волки, которые охотятся за вашими душами! Помните: стоитъ вѣра православная со временъ святыхъ апостоловъ, а у насъ со времени нашего краснаго солнышка—князя Владиміра, а ихъ вѣра со дней разстриги Лютера, который былъ когда-то монахомъ, а потомъ женился, сталъ толковать по-своему слово Божіе, отрекся отъ своей католической церкви и увлекъ своими мудрованіями нѣмцевъ. Кому же больше вѣрить: этому разстригѣ, или святымъ, Богомъ прославленнымъ отцамъ Церкви, которые отъ святыхъ апостоловъ сберегли для насъ истину православія? Церкви святой, или какимъ-то нѣмецкимъ проповѣдникамъ, которые и совращаютъ православныхъ-то только потому, что знаютъ: какую силу великую имѣетъ вѣра наша, это наше святое сокровище, отъ св. апостоловъ намъ завѣщанное? И вотъ, нѣмцы хотятъ похитить изъ души народа нашего это завѣтное сокровище, чтобъ сдѣлать русскихъ людей нѣмцами, вынуть русскую душу и вложить въ русскаго человѣка душу нѣмецкую!.. Хотятъ оторвать русскихъ людей отъ ихъ матери Церкви православной, лишить ихъ и благодатныхъ таинствъ, и заступленія Матери Божіей и всѣхъ святыхъ, лишить благодатной силы креста животворящаго и крестнаго знаменія, лишить утѣшенія имѣть святыя иконы, напоминающія намъ и Господа нашего, и Пречистую Его Матерь, и угодниковъ Божіихъ... Гоните, православные, прочь отъ себя этихъ соблазнителей, этихъ слугъ нѣмецкаго кайзера, который никакихъ денегъ не жалѣетъ на ихъ содержаніе, на совращеніе русскихъ людей въ вѣру нѣмецкую... Жалуйтесь на нихъ своимъ пастырямъ, жалуйтесь Матери Божіей, Которую они не почитаютъ; молитесь, чтобы Господь вразумилъ ихъ, несчастныхъ...

Помните: кому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ! *Аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь!* Такъ говоритъ Самъ Христосъ.

Откуда у сектантовъ усердіе совращать православныхъ.

(Письмо въ окопы воину, котораго соблазняютъ баптисты).

Божіе благословеніе рабу Божію воину Ермолаю!

(Прости, что не скоро отвѣчаю: много дѣла, да и очень мнѣ неможется). — Правду ты пишешь, что враги Церкви вездѣ сѣютъ свои плевелы. Вижу, что и въ окопахъ, въ виду смерти, они враждуютъ противъ матери нашей святой Церкви. Хитрецы эти вотъ не проповѣдуютъ своей вѣры татарамъ, іудеямъ, язычникамъ; не соблазняютъ даже католиковъ и лютеранъ: имъ пріятно совратить православнаго человѣка. Почему такъ? Я тебѣ скажу то, что самъ думаю: дѣйствуютъ они такъ по внушенію духа лукаваго, врага Бога и людей; а врагу нѣтъ нужды соблазнять тѣхъ, кто и безъ его соблазновъ стоитъ не на пути спасенія: вѣдь, мы вѣруемъ, что кромѣ Церкви Православной нигдѣ нельзя обрѣсти спасеніе. Итакъ, суди самъ: тѣ, иновѣрные и инославные, въ дѣлѣ своего спасенія и безъ его соблазновъ заблуждаются: стало быть, и заботу прилагать объ ихъ погибели ему не стоитъ. Другое дѣло, православный хрістіанинъ: Церковь оберегаетъ его душу отъ вражьихъ искушеній и молитвами, и таинствами; согрѣшитъ онъ, по немощи своей яко человѣкъ, но скоро покается, и Церковь очиститъ его таинствомъ покаянія; потомъ онъ соединится съ Господомъ въ таинствѣ причащенія, и начнетъ снова жить по-божьему, по-православному. А у этихъ баптистовъ, штундистовъ, всякихъ библейскихъ и яко бы евангельскихъ лжехрістіанъ нѣтъ этихъ благодатныхъ таинствъ: вотъ въ эти секты врагъ и старается увлекать простеца православнаго; попадетъ онъ туда— врагъ опутаетъ его и гордынею: „вотъ-де я святымъ сталъ“; и ненавистію къ другимъ православнымъ, да еще подскажетъ: „теперь тебѣ все можно дѣлать, что захочется: ты искупленъ, ты вѣруешь, а вѣрою и спасешься, потому что сказано-де, что кто вѣруетъ, тотъ спасенъ будетъ“... И погибнетъ бѣдная душа этого простеца, а виною его погибели будетъ тотъ баптистъ или тамъ иной какой сектантъ, который совратитъ его. Самъ погибнетъ и другого погубитъ, а это-то и надо Божію врагу. — Читалъ я твое письмо, и подивился: видишь, какой онъ умникъ: сколько насыпалъ тебѣ вопросовъ и недоумѣній! по его мнѣнію, для спасенія ни храмовъ Божіихъ не нужно, ни св. иконъ, ни креста, ни крестнаго знаменія (а его-то и боится врагъ, какъ пламени огненнаго!); да и дѣлъ-то добрыхъ, кажется, не нужно: вѣдь, онъ говоритъ, что одна вѣра спасаетъ! Ничего, видно, не нужно—живи себѣ, какъ хочется, только вѣруй. А то скрываетъ, что сказалъ Господь: *не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 7, 21). И апостолъ Іаковъ говоритъ: *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (2, 26), потому что *и бѣсы вѣруютъ, и даже трепещутъ* (ст. 19). Да что тутъ говорить: эти ученики нѣмецкіе: баптисты, и штундисты, и лицемѣрные, яко бы евангельскіе, хрістіане, готовы и слово Божіе зачеркнуть, когда оно имъ не нравится. Вотъ

такъ они и дѣлаютъ: посланіе брата Божія Іакова они словомъ Божіимъ не признаютъ: не по душѣ оно имъ! Всю вѣру православную они исказили, хотятъ спасаться не такъ, какъ Господь чрезъ Церковь Свою велѣлъ, а какъ имъ хочется: все полегче бы... А то забываютъ, что сказалъ Господь: царство Божіе усиліемъ берется, и только понуждающіе себя входятъ въ него (Мате. 11, 12).

Посылаю тебѣ книжку, въ которой найдешь отвѣты на всѣ тѣ недоумѣнія и возраженія, какія обычно ставятъ православнымъ сектанты. Прочитай ее, давай читать тѣмъ, кто смущается ихъ лжеученіями, но въ споры не совѣтую входить: это вамъ не по силамъ, потому что святое Писаніе вы не достаточно знаете. Берегитесь этихъ лжеучителей, и Богъ васъ сохранитъ подъ сѣнію матери нашей Церкви Православной!

Вмѣсто Пасхальнаго Краснаго яичка.

Для вѣрующаго какъ душа важнѣе тѣла, такъ и духовная пища выше хлѣба вещественнаго. Къ сожалѣнію, объ этомъ мало заботятся наши благотворители. Между тѣмъ, наши воины въ окопахъ алчутъ духовной пищи въ видѣ слова Божія, молитвенниковъ и разныхъ духовныхъ книгъ общедоступнаго содержанія. Троицкая Сергіева лавра не разъ посылала на фронтъ большое количество своихъ листковъ и разныхъ книжекъ и получала оттуда самыя трогательныя благодарныя письма.

Передъ Рождествомъ Хрістовымъ одинъ добрый русскій человѣкъ прислалъ тысячу рублей съ этою цѣлью, и тогда было послано на три фронта около полумилліона этихъ изданій. Теперь, въ виду приближающагося праздника Пасхи, онъ же прислалъ еще тысячу рублей, чтобы послать на фронтъ воинамъ вмѣсто краснаго яичка „Троицкихъ Листковъ и Книжекъ“, удѣливъ часть и плѣннымъ нашимъ воинамъ, если окажется возможнымъ отправить въ Германію посылку. То и другое, будетъ, конечно, исполнено по возможности.

Да благословитъ Богъ добрую душу православнаго русскаго человѣка за такой гостинецъ! Это дороже табаку, папиросъ, бумаги и разныхъ бездѣлушекъ, иногда посылаемыхъ вмѣсто краснаго яичка нашимъ доблестнымъ воинамъ—православнымъ русскимъ людямъ.

Побольше бы такихъ благодѣтелей!

314.

Во Хрістѣ—наша свобода.

Страстію Твоею, Хрісте, отъ страстей свободихомся и воскресеніемъ Твоимъ отъ истлѣнія избавихомся: Господи, слава Тебѣ.

Дивны пути Господни въ дѣлѣ нашего спасенія! Согрѣшили первые люди; грѣхъ возобладалъ надъ человѣкомъ, и стали люди рабами грѣха,

какъ говоритъ Господь: *всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха.* (Іоан. 8, 34). И свилъ себѣ гнѣздо грѣхъ въ сердцѣ человѣка, и сталъ властно, какъ господинъ, повелѣвать имъ. И укоренились тамъ исчадія его—страсти, и терзаютъ сердце человѣческое, созданное для любви къ Богу и ближнему, а совѣсть, этотъ неумолимый, безпощадный судія, обличаетъ въ измѣнѣ Божіимъ заповѣдямъ, требуетъ возмездія и уже здѣсь, на землѣ, даетъ предощущать грядущія муки вѣчныя, уготованныя не людямъ, а діаволу и ангеламъ его. Поистинѣ, грѣшникъ есть непрестанный мученикъ своихъ страстей! Вѣрно слово великаго Апостола Христова: *окаяненъ азъ человѣкъ! Кто избавитъ мя отъ тѣла смерти сея? Не еже бо хощу, доброе, творю, но еже не хощу, злое, сіе содѣваю.* (Рим. 7, 29, 19). Кто освободитъ меня отъ этихъ постоянныхъ мукъ, терзаній, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ врагомъ, живущимъ въ моемъ же сердцѣ—съ грѣхомъ?

Если бы люди были всегда внимательны къ самимъ себѣ, къ движеніямъ своего внутренняго человѣка, если бы произвольно не отдавали себя въ рабство собственнымъ страстямъ, если бы не заключали съ ними преступнаго союза, въ которомъ находятъ минутное, обманывающее ихъ забвеніе своего рабства, то этотъ вопль Апостола громко раздавался бы среди сыновъ Адамовыхъ во всѣхъ концахъ грѣшной земли. Но онъ и слышанъ былъ среди лучшихъ людей, и плакали они плачемъ великимъ, жалуясь на самихъ себя, на свою безпомощность, *изведи изъ темницы душу мою*, вопіяли они: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя! Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ?...* Даже среди языческихъ слышалось: если не придетъ на землю Самъ Богъ, то люди никогда не узнаютъ Его и не найдутъ путей къ Нему... И люди все глубже и глубже погружались въ омутъ грѣха, все безнадежнѣе отдавались своимъ страстямъ, и всему роду человѣческому угрожала погибель...

Но вотъ, пришелъ желанный Освободитель, пришелъ Онъ, Чаяніе народовъ, пришелъ Свѣтъ къ омраченнымъ, пришелъ въ міръ Спаситель міра. Не во славѣ Божественнаго величія явился Онъ среди земнородныхъ: Онъ пришелъ *въ подобіи плоти грѣха.* (Рим, 8, 3) Онъ принялъ на Себя наше немощное естество, нашу плоть, нашу душу, во всемъ, кромѣ грѣха, сталъ роднымъ намъ человѣкомъ и принесъ намъ неоцѣненный даръ—свободу отъ грѣха, отъ страстей, отъ муки вѣчной. Какимъ образомъ? А вотъ въ томъ-то и дивны пути Его въ дѣлѣ нашего спасенія: не всемогущимъ повелѣніемъ Своимъ освободилъ Онъ насъ отъ страстей нашихъ, а Своею страстію безстрастною, Своими страданіями. Не блистаніемъ Божественной славы Своей прогналъ Онъ отъ насъ поработителя нашего, а крестными муками, по навѣту сего же врага Ему нанесенными, но вольною волею Имъ воспринятыми. Не славою Его, а безчестіемъ, поношеніемъ Его мы получили свободу. *Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша,—язвою Его мы исцѣлѣхомъ* (Исаія, 53, 5). Ибо *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Него не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 15).

Да, братіе: Онъ понесъ безчестіе, а мы воспріяли честь сыновъ Божіихъ; Онъ пострадалъ, а мы отъ

страстей получаемъ свободу; Онъ умеръ, а мы получили право на вѣчную жизнь: Онъ воскресъ и намъ уготовалъ воскресеніе въ жизнь вѣчно блаженную. И это творитъ Тотъ, Кто единымъ словомъ міръ создалъ, Тотъ, Кого трепещутъ не только бездны, не только міродержители тьмы вѣка сего, но и самыя силы небесныя, но Онъ восхотѣлъ взойти на крестъ, чтобъ показать намъ любовь Свою Божественную и насъ научить любви: Онъ возлюбилъ насъ, сущихъ въ мірѣ, до конца (Іоан. 13, 1) и умеръ за насъ... Слава долготерпѣнію Твоему, слава любви Твоей, Любовь всесовершенная! Дивны и предивны дѣла Твои, дивны и непостижимы!

Святые апостолы раскрываютъ намъ тайну любви Божіей къ роду человѣческому, къ намъ, грѣшнымъ. Богъ сталъ Человѣкомъ; Онъ хощетъ и человѣка содѣлать *причастникомъ божественнаго естества* (2 Петр. I, 4). И сіе содѣлываетъ любовь Его: пріискреннѣ соединившись съ нами, воспріявъ наше естество, Онъ и насъ соединяетъ, роднитъ съ Собою въ дивномъ таинствѣ тѣла и крови Своей. Слышите, что глаголетъ Онъ? *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Такъ Онъ содѣлываетъ насъ членами тѣла Своего—Церкви Своей. Страждетъ Онъ—въ Немъ страждемъ въ очахъ правды Божіей и мы, яко члены тѣла Его. Причащаясь тѣла и крови Его, мы получаемъ отъ Него и благодатныя силы побѣждать свои страсти. Отъ насъ Онъ требуетъ только одного—нашего сердца: *сыне, даждь Ми твое сердце* (Притч. 23, 26)—твое доброе произволеніе. Хочешь получить свободу отъ страстей?—Будь живымъ членомъ тѣла Его—Церкви. Возвратись къ Нему, какъ блудный сынъ, въ сознаніи твоей грѣховности, твоей безпомощности, а Онъ уже ждетъ тебя, распростираетъ на встрѣчу тебѣ Свои объятія со креста, зоветъ тебя гласомъ отеческой любви. Отдай же Ему свое измученное страстями сердце, и Онъ исцѣлитъ его. Отдай Ему свою обезсиленную грѣхомъ волю: Онъ укрѣпитъ ее. Соединись, соединись съ Нимъ въ Божественномъ причащеніи Таинъ Его, и ты почувствуешь, что Онъ пришелъ къ тебѣ и вечеряетъ съ тобой. Вотъ нынѣ предъ нами священное напоминаніе любви Его, возлюбившаго насъ даже до позорной смерти на крестѣ: упади предъ сею плащаницею, пожалуйся Ему на свое безсиліе, свое непостоянство, свое рабство страстямъ: Онъ силенъ тебя освободить, исцѣлить, утѣшить, содѣлаетъ новымъ человѣкомъ, и заживешь ты новою жизнію еще здѣсь, на землѣ, а когда придетъ часъ твоего исхода въ другую жизнь, то перейдешь туда въ надеждѣ воскресенія жизни вѣчноблаженной.

Братіе! Мы переживаемъ страшное время. Злыя страсти колеблютъ самыя основы мирнаго человѣческаго бытія на сей грѣшной землѣ. Какъ лютыя звѣри, онѣ терзаютъ сердца уже не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыхъ народовъ. Гордыня, корыстолюбіе, необузданность всяческихъ похотей дошли до крайнихъ предѣловъ въ средѣ отрекшихся отъ Хрістовыхъ завѣтовъ нѣкоторыхъ забывшихъ Бога народовъ, и кровь льется рѣками, люди истребляются тысячами и орошается слезами лице земли...

Припадемъ же ко Хрісту Спасителю нашему и возопіимъ Ему изъ глубины души: Господи Іисусе, страшныя страсти на крестѣ претерпѣвшій нашего ради спасенія!

Твоими спасительными страданіями освободи насъ и весь міръ Твой отъ страстей, и воскресеніемъ Твоимъ обрадуй насъ: міръ умири, Церковь Твою сохрани и насъ въ покаяніи пріими, помилуй и спаси. Аминь.

315.

Предвкушеніе вѣчнаго блаженства.

Христосъ Воскресе!

Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме!..

Ликуетъ сегодня святая Церковь; забываютъ вѣрующіе: на землѣ ли они, или уже на небесахъ: такъ много, безконечно много самой чистой, свѣтлой радости, такъ все полно торжества побѣды надъ зломъ, надъ смертью, что, дѣйствительно, переживаешь что-то неземное, чуждое землѣ, будто уже началась обѣтованная вѣчность и нескончаемое блаженство... Таковъ нашъ воистину свѣтлый и пресвѣтлый праздникъ, наше торжество торжествъ....

Да такъ и приглашаетъ насъ матерь наша—Христова невѣста Церковь *пріидите... царствія Христова пріобщимся, поюще Его яко Бога во вѣки!* Пріидите, опытомъ сердца извѣдайте, въ мѣрѣ, доступной вамъ во дни вашего земнаго странствованія, извѣдайте сладость и радость райскаго блаженства, ожидающаго васъ въ отечествѣ небесномъ: вотъ гдѣ будетъ пасха вѣчная!

И въ восторгѣ радости вѣрующіе взываютъ къ Самому Виновнику сихъ: *О, Пасха велія и священнѣйшая, Христе! о Мудросте, и Слове Божій, и Сило! Подавай намъ истѣе,* совершеннѣе, полнѣе *Тебе причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего!*

И вотъ въ дивныхъ пѣснопѣніяхъ предъ нами раскрывается всемірная картина будущаго всеобщаго торжества при открытіи сего царства славы: оно представляется какъ бы уже совершившимся: *нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя... Пасха, Господня пасха!* Не еврейская пасха, не переходъ Израиля чрезъ Чермное море, а переходъ всего вѣрующаго человѣчества отъ смерти къ жизни, отъ земли къ небеси: вотъ куда ведетъ насъ Христосъ Богъ нашъ, и мы поемъ Ему побѣдную пѣснь воскресенія! *Очистимъ же чувствія и узримъ*—не тѣлесными очами, а очами вѣры—Христа, сіяющаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія, и ясно услышимъ въ своихъ сердцахъ Его Божественный привѣтъ: *Радуйтеся!*

Вотъ Онъ идетъ, Солнце правды, всѣмъ жизнь подающій, идетъ, а за Нимъ радостными стопами спѣшатъ только что освобожденные Имъ изъ узилищъ адовыхъ праотцы и всѣ ветхозавѣтные праведники, прославляя вѣчную пасху. Приступимъ и мы, вслѣдъ за ними, приступимъ съ свѣчами горящими въ рукахъ въ знакъ свѣтлой радости нашей, чтобы вмѣстѣ съ чинами ангельскими, радостно празднующими, праздновать пасху Божію спасительную. Господь страдалъ какъ смертный, но Своимъ страданіемъ смертное Онъ облекъ въ красоту—безсмертія, и вотъ, мы

празднуемъ смерти умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало и, ликуя, воспѣваемъ Виновника сихъ благъ.

Въ величественныхъ, поэтическихъ образахъ Церковь изображаетъ торжество Побѣдителя ада и смерти: *Снисшелъ еси въ преисподняя земли и сокрушилъ еси вереи вѣчныя, содержащія связанныя*—закованныхъ въ цѣпи, *Христе*, и *тридневенъ, яко отъ кита Іона, воскресъ еси отъ гроба. Плотію уснувъ, яко мертвъ, Царю и Господи, тридневенъ воскреслъ еси, Адама воздвигъ отъ тли и упразднивъ смерть: пасха нетлѣнія, міра спасеніе! Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ: вся исполняяй, Неописанный!*

Церковь какъ бы не находитъ словъ для выраженія своего восторга: она безчисленное число разъ повторяетъ сладостное для насъ *Христосъ воскресе*, она многократно повторяетъ и слово *пасха*, призывая и небо, и землю, и преисподнюю —радоваться, ликовать, прославлять Воскресшаго... *Пасха священная намъ днесь показася, пасха нова святая, пасха таинственная, пасха всечестная, пасха Христосъ Избавитель...* Но я не стану выписывать всѣ эти чудныя стихиры, эти тропари канона, полные восторга и неподражаемой красоты: кто же изъ православныхъ не знаетъ ихъ на память? *О пасха, избавленіе скорби! Ибо изъ гроба днесь, яко отъ чертога* брачнаго, какъ свѣтлое солнце послѣ темной ночи, *возсія Христосъ*, женъ мироносицъ *радости исполни глаголя: проповѣдите апостоломъ!*

Вдохновенный пѣснопѣвецъ и отъ себя обращается къ Церкви Божіей съ восторженнымъ словомъ: *Возведи окрестъ, очи твои*, оглянись кругомъ, *Сіоне, и виждь: се бо пріидоша*—идутъ *къ тебѣ яко богосвѣтлая свѣтила*—со всѣхъ сторонъ, отъ всѣхъ народовъ земли, *отъ запада, и сѣвера, и моря* (юга), *и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки! Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме! Слава бо Господня на тебѣ возсія, ликуй нынѣ и веселися Сіоне!..* А обращаясь къ Церкви, не могъ онъ не обратиться и къ Преблагословенной Матери Воскресшаго Господа съ привѣтомъ радости: *Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востаніи рождества Твоего—Рожденнаго Тобою!*

Слава воскресенія Христова и Его побѣды надъ смертью свѣтозарно отражается и на Его живоносномъ гробѣ: *Яко живоносецъ, яко рая краснѣйшій, воистину и чертога всякаго царскаго показася свѣтлѣйшій, Христе, гробъ Твой, источникъ нашего воскресенія!*

На небѣ, въ блаженной вѣчности, мѣсто ли какому нибудь немирству, враждѣ, памятозлобію? Такъ и въ свѣтлый праздникъ общенія нашего, съ небомъ должно быть все прощено, все забыто, всѣ должны встрѣчать другъ друга съ братскими объятіями: *Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ*, просіяемъ отъ радости, *и другъ друга обымемъ; рцемъ: братіе! и ненавидящимъ насъ, простимъ вся воскресеніемъ*, чтобы въ чистой совѣсти восклицать: *Христосъ воскресе...*

Таковъ нашъ свѣтлый и пресвѣтлый праздникъ Христова воскресенія! Онъ даетъ намъ предвкусить райское блаженство, хотя мы и не достойны сего. Не напрасно православные крѣпко вѣруютъ, что кто отойдетъ ко Господу въ эти свѣт-

лые дни, того душа минуетъ мытарства воздушныя и восходитъ къ Богу какъ бы послѣ причащенія Святыхъ Таинъ Хрістовыхъ. Праздникъ какъ бы переноситъ насъ на небо, вводитъ въ живое общеніе съ Церковію, на небесахъ вѣчно торжествующею,—земная Церковь изъ воинствующей въ сіи дни какъ бы сама преображается въ торжествующую! Всѣ обряды ея богослуженія нарочито такъ глубоко обдуманы, такъ художественно приспособлены къ возбужденію такого настроенія въ сердцахъ вѣрующихъ, что душа какъ бы невольно, незамѣтно для себя, переносится въ свѣтлыя обители Отца Небеснаго, забываетъ все земное, наслаждается райской радостью. И этотъ свѣтъ, заливающій весь храмъ, и эти свѣчи въ рукахъ, какъ бы пламенѣющія любовію къ Воскресшему сердца вѣрующихъ, и это благоуханіе, наполняющее всю церковь, и эти всю недѣлю отверстыя царскія двери, какъ бы двери небесныя, и свѣтлыя облаченія священнослужителей, какъ бы небожителей—вѣстниковъ воскресенія, и этотъ, цѣлую недѣлю несмолкающій торжественный звонъ, оглашающій нашу Русь православную, и этотъ повсюду, уже не только въ храмахъ, но и въ домахъ и на улицахъ безконечно повторяемый, безконечно радостный привѣтъ: *Хрістосъ воскресе,—воистину воскресе*—все, все говоритъ нашему сердцу, что воскресшій Хрістосъ съ нами—среди насъ, что это—Онъ, нашъ Отецъ, Господь и Спаситель, разливаетъ вокругъ Себя для вѣрующихъ въ Него Свою благодать, что Онъ для насъ, ради Своего воскресенія, и многоскорбную, грѣшную землю содѣлываетъ небомъ, раемъ, дабы привлечь насъ въ рай небесный.

А пасхальное слово святителя Златоуста? Да это—цѣлый неподражаемый гимнъ Воскресенію, это—голосъ самой Церкви, все и вся зовущій къ торжеству праздника—и грѣшныхъ, и праведныхъ, и богатыхъ, и убогихъ, и бѣдныхъ, и знатныхъ, и незнатныхъ—всѣхъ объединяющій въ материнхъ объятіяхъ ликующей Церкви!...

Къ свѣдѣнію читателей „Колокола“.

Съ того дня, какъ „Колоколъ“ отрекся отъ „стараго режима“ и перешелъ въ распоряженіе іудеевъ, въ немъ хозяйничаютъ разные анонимы и псевдонимы, въ родѣ Рязанскихъ, Зарайскихъ, Новыхъ, Витязей, Коложскихъ и иныхъ. До правды имъ нѣтъ никакого дѣла; напротивъ, они тщательно скрываютъ отъ читателей своихъ даже то, что умная газета сочла бы долгомъ чести сообщить имъ.

Г. Скворцовъ приписалъ мнѣ великую честь, принадлежащую великому святителю Московскому митрополиту Филарету, будто я изобрѣлъ ученіе о происхожденіи самодержавія по подобію Божія Вседержительства — отъ Бога. Я отвѣтилъ ученому миссіонеру, выписавъ точныя слова святителя изъ его проповѣдей. Вѣдь, не можетъ же быть, чтобы руководители газеты, когда-то именовавшей себя церковною, вовсе не видали ни проповѣдей митрополита Филарета, ни „Церк. Вѣдомостей“, гдѣ я напечаталъ свою поправку ихъ мудрованія. Казалось бы, по меньшей мѣрѣ, какъ уличеннымъ въ невѣжествѣ, имъ подобало молчать. Но имъ нужно поддерживать въ читателяхъ ихъ вы-

мысель, будто это—Ніконъ выдумалъ теорію происхожденія самодержавія по образу Божія Вседержительства, а, стало быть, считаться съ выдумкой какого-то „реакціоннаго лозунга“ этимъ отсталымъ архіереемъ не стоитъ. И вотъ, нѣкій „Витязь“, подвизающійся въ „Колоколѣ“ въ защиту іудеевъ и „прогрессивныхъ блоковъ“, по поводу статей г. Шечкова въ „Моск. Вѣд.“, говоритъ, что „это уже не первый опытъ приспособленія вѣры и ея догматовъ“ къ политической платформѣ. „Замѣтьте,—пишетъ сей господинъ псевдонимъ: — именно приспособленія, какъ будто это какой-нибудь „Вова приспособился“, а не вѣковѣчная живая и правоносная (?) правда христіанскаго ученія. Не такъ давно архіепископъ Ніконъ на страницахъ „Русскаго Знамени“ („Русское Знамя“ только перепечатывало мои статьи изъ „Церк. Вѣд.“ и моего „Троицкаго Слова“), также пытался обосновать на церковной идеологіи свои реакціонные лозунги“. Къ этому г. Витязь прибавляетъ, что „владыка гремитъ и грозитъ по адресу инакомыслящихъ совсѣмъ не съ евангельской кротостью“. Мои читатели знаютъ: какъ я „гремѣлъ и грозилъ“ въ своей статьѣ. Дальше г. Витязь сравниваетъ меня съ „хитролукавымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ“, который-де пытался такъ же „отъ разума“ доказывать природу самодержавія, какъ я,—то есть, не я, а митрополитъ Филаретъ, „вывести монархію изъ небеснаго начала Вседержительства“. Видите, какъ іудеи, водворившіеся въ новообрѣзанной газетѣ г. Скворцова стараются „обрабатывать“ понятія въ средѣ своихъ читателей, а тѣ, въ простотѣ сердца, не замѣчая этого обмана, пишутъ мнѣ: „что сдѣлалось съ „Колоколомъ“, что онъ такъ бранитъ васъ? Чего смотритъ суперъ-миссіонеръ, его издатель?“ Отвѣтъ простой: стараго „Колокола“ больше нѣтъ: его разбили іудеи, а на мѣсто его повѣсили разбитый же горшокъ.

316.

О свободѣ пропаганды лжеученій.

Читатели помнятъ мои дневники „Два слова о свободѣ вѣроисповѣданій“ по поводу одного „письма“ преосвященнаго Андрея Уфимскаго къ пастырямъ по этому вопросу. Мнѣ тогда не хотѣлось вѣрить, чтобы сей святитель говорилъ о желательности полной свободы пропаганды всякихъ лжеученій на Руси, и я старался объяснить слова его въ смыслѣ свободы „исповѣданій“, а не „проповѣданій“. Въ новомъ своемъ „письмѣ къ пастырямъ Уфимской церкви“ вотъ что онъ пишетъ по поводу моихъ статей, ссылаясь на „Русское Знамя“, а не на „Троицкое Слово“ и какъ бы не желая упоминать о послѣднемъ, хотя статьи напечатаны первоначально въ „Троицкомъ Словѣ“. Не хотѣлось бы думать, что это сдѣлано намѣренно, чтобы дать читателямъ понять: ну, стоитъ ли обращать вниманіе на то, что говоритъ какое-то „Русское Знамя“? Извѣстно, что, вѣдь, это—органъ крайнихъ правыхъ ретроградовъ... Владыка и мое имя скрылъ отъ читателей, сославшись, что пишетъ „членъ Государственнаго Совѣта“, а что это пишетъ архіерей—объ этомъ умолчалъ...

Итакъ, вотъ его слова:

„Я глубоко убѣжденъ, что всякіе законы, ограничивающіе пропаганду иновѣрія, это—полный самообманъ для служителей Церкви. Живое слово всегда останется психологическою потребностію вѣрующаго сердца и оно найдетъ способъ говорить о вѣрѣ безъ всякихъ „замаиваній“ и за чаемъ въ гостяхъ, на базарѣ, въ мелочной лавкѣ, въ кузницѣ, на мельницѣ (спеціально для пропаганды выстроенныхъ!) и т. п. И ограничительные для такой пропаганды законы будутъ только усыплять православныхъ дѣятелей и наталкивать всякое иновѣріе и инославіе на проявленіе самой разнообразной иниціативы. Эта иниціатива теперь и находится всецѣло въ рукахъ всякаго неправославія, а мы, православные, только еще вздыхаемъ о потерянномъ покоѣ, буквально ни за какое дѣло не умѣя взяться. Позорное положеніе“...

Теперь, къ сожалѣнію, уже ясно, что владыка за полную свободу всякой пропаганды не только инославія, но и иновѣрія. Мои опасенія вполнѣ подтвердились, хотя я старался оградить его отъ нареканій въ такомъ истолкованіи его словъ. Итакъ, пусть являются къ намъ на Русь православную турецкіе муллы, тибетскіе ламы, нѣмецкіе баптисты, латинскіе іезуиты: надобно всѣмъ открыть двери—пусть каждый проповѣдуетъ свою вѣру, намъ не нуженъ завѣтъ равноапостольнаго Владиміра, который выпроваживалъ такихъ проповѣдниковъ за предѣлы Россіи, какъ вредныхъ соблазнителей, оберегая свой народъ отъ заразы какихъ бы то ни было лжеученій. Запретительные законы для такихъ пропагандистовъ, по мнѣнію Уфимскаго святителя, „будутъ только усыплять православныхъ дѣятелей и наталкивать всякое иновѣріе и инославіе на проявленіе самой разнообразной иниціативы“... „Живое слово“ такихъ совратителей нашего добраго, но въ знаніи своей вѣры младенчествующаго народа, „всегда останется психологическою потребностію ихъ вѣрующаго сердца“: они найдутъ способы выкрасть изъ народной души сокровище вѣры православной и въ чайныхъ, и на мельницахъ, и въ кузницахъ, и на базарѣ: такъ ужъ пусть лучше открыто и безпрепятственно повсюду прочовѣдуютъ свои ереси, повсюду совращаютъ православныхъ простецовъ: прочь полиція, пусть одно духовенство, одни пастыри съ ними вѣдаются... О, какое торжество было бы тогда у всѣхъ непрошенныхъ учителей, сколько налетѣло бы этой саранчи на Русь-матушку!

Какъ жаль, что собратъ мой по святительству не вчитался въ мои статьи, а, можетъ быть, и познакомился—то съ ними не въ цѣломъ, а по выдержкамъ лѣвыхъ газетъ изъ „Р. Знамени“. Онъ нашелъ бы тамъ, напримѣръ, указаніе на нашу народную психологію, на убѣжденіе въ томъ, что „все, что закономъ дозволено, то не грѣшно“: правильно это или неправильно—я не говорю, а что народъ простой именно такъ думаетъ, то можно услышать отъ каждаго мужичка, который не можетъ и доселѣ примириться, напримѣръ, съ разрѣшеніемъ зрѣлищъ въ посты и подъ праздники, поставляя это, такъ сказать, въ счетъ правительству, какъ его слабость, какъ потачку „грѣшному дѣлу“. Онъ прочиталъ бы тамъ, что дѣтей надо ограждать отъ вліянія вредныхъ людей, несмотря на то, что эти люди пользуются свободой въ ихъ убѣжденіяхъ, въ ихъ личной жизни. Владыка выписалъ мои слова о томъ, что „законъ долженъ

строго запретить всякую пропаганду ересей", что онъ долженъ наблюдать за исполненіемъ сего правила, но не вдумался въ то, что я говорю дальше: „законъ долженъ это дѣлать не потому, что вѣра православная сама по себѣ нуждается въ такой охранѣ, а просто потому, что православіе есть основа жизни народной, есть душа души народной, что православію обязанъ народъ всѣми тѣми сокровищами духа, которыми теперь восхищаются другіе народы, сокровищами, которымъ обязана въ свою очередь Русь своимъ величіемъ, духовною красою, своимъ единствомъ, могуществомъ и безъ которыхъ она погибнетъ, исчезнетъ съ лица земли"... Кажется, ясно, что православіе есть сокровище не только церковное, но и государственное, и государство съ своей стороны должно оберегать его во имя своего же блага, помогая Церкви въ охранѣ ея чадъ отъ волковъ хищныхъ, которыхъ владыка хочетъ пустить въ стадо Божіе для того, чтобы разбудить пастырей. Выводить отсюда заключеніе, какое дѣлаетъ онъ, будто „пастыри не хотятъ" служить Церкви", просто грѣшно: пастыри и дѣлаютъ, что могутъ, хотя, къ скорби нашей, и не всѣ, чтобъ оградить Церковь, а государство должно оберегать православіе во имя собственнаго блага, если только оно хочетъ непорушно существовать въ видѣ святой Руси, а не разсыпаться постепенно въ мелкіе кусочки на развалинахъ этой Руси. Въ томъ и союзъ Церкви и государства, что Русскій Царь непремѣнно, по основнымъ законамъ, исповѣдуетъ православную вѣру и именуется въ самыхъ законахъ „защитникомъ и блюстителемъ правовѣрія и всякаговъ Церкви святой благочинія". Очень прискорбно, что владыка все играетъ на словѣ „полиція", какъ бы давая понять пастырямъ, своимъ читателямъ, что указать полиціи на расходившагося сектанта, издѣвающагося надъ нашими святынями, дѣло позорное, что удалить пропагандиста изъ среды православныхъ при помощи полицейской власти, когда этотъ пропагандистъ-сектантъ оскорбляетъ чувство православныхъ своими ругательствами по адресу святой матери нашей Церкви, есть дѣло постыдное... Прошу судить самихъ читателей: такъ ли это? А что если безъ полиціи сами православные своимъ судомъ вздумаютъ расправиться съ сектантомъ? Или все должны умиротворять пастыри и только пастыри? Надо помнить, что теперь разные баптисты, штундисты и прочая ересь саддукейская дѣйствуетъ не по однимъ только религіознымъ побужденіямъ, но и по найму отъ нѣмцевъ: кто же теперь не знаетъ, что Германія не жалѣла десятки милліоновъ на пропаганду баптизма въ Россіи? Уже по этому одному государство должно принимать мѣры противъ такой пропаганды, благо это теперь перестало быть тайною. Пускаться теперь въ разсужденія о какой-то „мятущейся совѣсти", о „безчисленныхъ колебаніяхъ души человѣческой въ исканіи истины" по отношенію къ пропагандистамъ, какъ, повидимому, дѣлаетъ это Уфимскій святитель, просто странно... Или я не понимаю, о чемъ онъ говоритъ? Вотъ его слова: „Твой духъ въ смятеніи? Ты ищешь святаго (бываетъ и не святое?) прославленія имени Божія? Ты блуждаешь, твоя мятежная совѣсть не находитъ покоя? Ты ищешь истины и не знаешь, гдѣ ее найти? — Несчастный! Почитай газету „Русское Знамя", и она тебѣ дастъ безошибочный отвѣтъ, что самая настоящая истина, признанная зако-

номъ и охраняемая тѣмъ же закономъ, находится въ полицейскомъ участкѣ. Сходи туда, и тамъ тебѣ, твоей мятежной совѣсти, укажутъ, гдѣ эта истина"...

Что значитъ эта, да проститъ мнѣ владыка, выходка? Къ кому онъ обращаетъ свое слово, пропитанное горькой ироніей? Къ сектанту? Судя по тому, что онъ пишетъ это непосредственно послѣ того, какъ привелъ мои слова: „руки прочь, знай свою моленную",—можно бы подумать, что—да; но судя по тому, что говоритъ онъ дальше, надо думать, что къ православному: „а если твоя совѣсть, пишетъ онъ, будетъ по прежнему смущаться, если ты опять будешь ошибаться, заблуждаться въ исканіи истины, опять ты можешь надѣяться, что до полнаго твоего паденія въ религіозномъ отношеніи полиція не допуститъ, и ты опять очутишься въ полицейскомъ участкѣ для вразумленія и для охраненія тебя отъ всякихъ ошибокъ".

Вотъ какъ представляетъ себѣ владыка существующую теперь схему вѣроисповѣдныхъ законовъ. Приведя отрывокъ изъ моей статьи, и называя самую статью „полицейскимъ катихизисомъ", Уфимскій святитель называетъ этотъ отрывокъ „великолѣпнымъ по глубинѣ пониманія вопросовъ мятущейся религіозной совѣсти" и заявляетъ, что онъ „его никогда не понималъ и не пойметъ"...

Выходитъ какъ будто, что для успокоенія этой „мятущейся религіозной совѣсти" надо безпрепятственно пустить въ стадо Божіе волковъ, разныхъ еретиковъ,—они разбудятъ пастырей, пастыри прогонятъ волковъ... словомъ: сотворимъ злая, да пріидутъ благая, не согрѣша не покаешься, или что-то въ родѣ того... Сказать правду: и мы ничего не понимаемъ, что говоритъ владыка...

По прочтеніи его новаго письма, стало одно ясно: онъ за полную свободу всякой пропаганды лжеученій, за то, чтобъ государство вовсе отступилось отъ всякаго покровительства Церкви въ этомъ отношеніи, что дѣло борьбы съ сими лжеученіями всецѣло и единственно должно лечь на плечи пастырства: „я, говоритъ онъ, никогда не попросилъ бы полиціймейстера спасать православныхъ отъ какой-нибудь пропаганды, я, съ Божіей помощью, постарался бы сдѣлать это самъ; иначе умный полиціймейстеръ остался бы обо мнѣ очень плохого мнѣнія". И, совершенно не къ дѣлу и не къ мѣсту, дѣлаетъ намекъ на „самаго популярнаго въ Петроградѣ человѣка, хлыста самой отвратительной окраски": „что же, вопрошаетъ святитель: у такихъ господъ искать защиты Церкви"?..

Я не ищу защиты Церкви у какихъ-то хлыстовъ; я признаю справедливымъ, чтобы русскій законъ, законъ Русскаго государства, стоялъ на стражѣ того исповѣданія, которому государство обязано своимъ величіемъ, своимъ бытіемъ. Надо, чтобы враги Церкви знали этотъ законъ и боялись вторгаться въ народную душу съ цѣлію грабежа ея сокровищъ; надо, чтобы самъ народъ зналъ этотъ законъ и съ точки зрѣнія этого закона цѣнилъ свои духовныя сокровища, не говорю уже о цѣляхъ небесныхъ, о спасеніи души... Позоръ былъ бы для государства, если бы оно бросило на произволъ еретиковъ судьбу своего народа-строителя, народа-хозяина. Не позоръ ли, что нѣмцы имѣютъ до 17-ти семинарій для духовнаго развращенія русскаго юношества, а на Руси только двѣ миссіонерскихъ школы?.. Не стыдъ

ли, что нѣмцы ассигнуютъ десятки милліоновъ на совращеніе нашего народа въ баптизмъ и прочія ереси, а у насъ до сихъ поръ большинство пастырей живетъ подаяніями? А тутъ еще проповѣдуется полная свобода пропаганды всевозможныхъ ересей и тому же духовенству говорятъ: ваше дѣло бороться съ ними, а не требовать помощи отъ государства... И борется оно, сколько можетъ, но бываютъ же случаи, когда надо пустить въ ходъ и „бичъ отъ вервій", и если Самъ Божественный Основатель и Глава Церкви не сталъ творить чуда, чтобъ очистить храмъ отъ торгашей, а употребилъ самое простое человѣческое средство—„бичъ отъ вервій", то почему же государству не употреблять того же средства, когда сіе потребно бываетъ и полезно не только для Церкви, но и для самого государства?.. И напрасно мой Уфимскій собратъ утверждаетъ, будто гражданскіе законы „защищаютъ и охраняютъ не Церковь, а только грѣшный покой грѣшной іерархіи": по мѣрѣ силъ, при помощи Божіей, іерархія дѣлаетъ свое дѣло и не думаетъ ни о какомъ „покоѣ", но она въ правѣ ожидать, для пользы того же народа и самого государства, чтобъ и государство не относилось безразлично къ защитѣ народа отъ покушеній на его святую вѣру...

317.

Псалтирь въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введеніемъ и примѣчаніями П. Юнгерова. Казань. 1915 г. Цѣна 2 р.

Наконецъ-то православные русскіе люди дождались русскаго перевода священной Псалтири съ греческаго, и перевода сдѣланнаго знатокомъ дѣла, вооруженнымъ всѣми данными науки библейской, профессоромъ Казанской духовной академіи П. А. Юнгеровымъ. До сихъ поръ мы имѣли переводъ съ еврейскаго, помѣщенный въ русской Библіи; былъ еще переводъ преосвященнаго Амфилохія съ древней рукописи, мало извѣстный читателямъ-любителямъ слова Божія. Но значительныя разности еврейскаго текста съ употребляемымъ нами славянскимъ переводомъ съ греческаго способны были не столько разъяснять темныя мѣста, но иногда и смущать читателя. Между тѣмъ ни въ какой другой священной книгѣ не встрѣчается столько такихъ требующихъ объясненій мѣстъ, какъ въ Псалтири. Возьмите хотя бы псаломъ 67: сколько въ немъ темныхъ мѣстъ! Но вотъ въ славянскомъ текстѣ вы читаете: ст. 13: „царь силъ возлюбленнаго красотою дому раздѣлити корысти". Что это значитъ? Раскрываете русскую Библію и читаете: „Цари воинствъ бѣгутъ, бѣгутъ, а сидящая дома дѣлитъ добычу". Вы не удовлетворены: тутъ и слова какъ будто другія и мысль иная. Возьмите переводъ П. Юнгерова и тамъ прочтите: „Царь силъ возлюбленнаго (народа), прекрасному дому (далъ слово) дѣлить добычу". А въ 5-ти примѣчаніяхъ на этотъ стихъ поймете и смыслъ стиха, и сдѣланныя переводчикомъ въ скобкахъ вставки. Не говорю уже о такихъ мѣстахъ, которыя по важности своей имѣютъ особенное значеніе въ ученіи Церкви, какъ приводимыя апостолами именно по грече-

скому тексту и совершенно расходящіяся съ еврейскимъ, какъ напримѣръ, классическое мѣсто изъ пс. 39, приводимое апостоломъ Павломъ въ посланіи къ евреямъ (замѣтьте: къ евреямъ бы и привести текстъ по-еврейски, а онъ приводитъ по-греческому переводу): „тѣло же совершилъ еси“, по-русски: „уготовалъ Мнѣ тѣло“, а съ еврейскаго стоитъ: „Ты открылъ Мнѣ уши...“ Недаромъ, говорятъ, въ шестидесятыхъ годахъ Кіевская лавра напечатала было Псалтирь въ два столбца: славянскій и русскій текстъ рядомъ, но это изданіе не было допущено въ продажу, чтобъ не соблазнять вѣрующихъ простецовъ разностями текста. Почтенный переводчикъ украсилъ свою книгу массою примѣчаній (больше 1.800), содержащихъ въ себѣ краткія научныя, филологическія и истолковательныя свѣдѣнія. Тутъ виденъ весь, такъ сказать, научный аппаратъ, весь процессъ его сложной и нелегкой работы. Но для рядового читателя цѣнны истолковательныя примѣчанія, большею частію заимствованныя изъ св. отцевъ; указанія же на греческій и еврейскій тексты и разночтенія въ общедоступномъ изданіи можно и опустить. А такое изданіе крайне желательно. Хорошо бы теперь напечатать и славянскій текстъ рядомъ съ этимъ новымъ переводомъ, чтобы дать книгу въ руки простеца. Какъ это ни странно, а надо сказать, что Псалтирь со временъ Владиміра для русскаго народа являлась не только богослужебною, но даже и учебною книгою, не мало было и „толковыхъ псалтирей“, а ея священный текстъ во многихъ мѣстахъ остается недоступнымъ простецу. Пора притти на помощь народному благочестію хотя бы такимъ изданіемъ.

318.

Зеленѣющіе всходы.

Радуется земледѣлецъ, когда видитъ зеленѣющіе всходы посѣянныхъ имъ сѣмянъ; вотъ также радуется и писатель, когда видитъ, что посѣянныя имъ добрыя мысли начинаютъ приносить добрые плоды.

Ради свѣтлаго праздника порадовали и меня добрыя дѣти—ученики Павловскаго духовнаго училища Воронежской епархіи: спасибо имъ. Вѣрится, что ихъ хорошій примѣръ не останется безъ подражанія. Вотъ что пишетъ мнѣ смотритель сего училища, о. протоіерей Василій Горьковскій:

„Воспитанники Павловскаго духовнаго училища, движимые патріотическимъ чувствомъ, устроили между собою сборъ пожертвованій на „красное яичко“ доблестному Русскому воинству, предполагая употребить собранныя деньги обычнымъ порядкомъ, т.-е., на покупку почтовой бумаги, конвертовъ, мыла, табаку, папиросъ и прочихъ солдатскихъ подарковъ. Но прочитавъ въ № 58 „Приходскаго Листка“ ваше приглашеніе жертвовать русскимъ солдатикамъ болѣе полезными вещами, какъ, напримѣръ, книжечками слова Божія и брошюрами религіозно-нравственнаго и патріотическаго содержанія, дѣти рѣшили послѣдовать вашему благому и мудрому совѣту, и вотъ теперь шлютъ свою посильную лепту къ вамъ, усердно прося васъ, владыко, употребить ее на подарки православнымъ русскимъ воинамъ по вашему благому усмотрѣнію“.

„Смотритель Павловскаго духовнаго училища протоіерей Василій Горьковскій и 350 учащихся дѣтей училища".

„Лепта" 43 рубля 18 коп. получена очень кстати: въ тотъ же день былъ у меня товарищъ по семинаріи, уже почтенный старецъ, добровольно служащій въ „летучкахъ" санитарнаго отряда на фронтѣ, и просилъ отъ лица воиновъ духовныхъ изданій; съ нимъ я и послалъ шесть комплектовъ, въ коихъ заключается 4800 „Троицкихъ Листковъ" и 3000 „Троицкихъ книжекъ", а всего 7800 экз. Итакъ воины получатъ этотъ даръ отъ дѣтей на сихъ же дняхъ. Я поручилъ при раздачѣ объяснять, отъ кого идутъ эти листки и книжки, и нѣтъ сомнѣнія, воины отъ души поблагодарятъ добрыхъ дѣтокъ Павловскаго духовнаго училища за такое „красное яичко". А я съ своей стороны написалъ милымъ жертвователямъ краткое посланьице, въ которомъ призвалъ на нихъ Божіе благословеніе.

„Добрымъ воспитанникамъ Павловскаго Духовнаго Училища Воронежской епархіи отъ Члена Святѣйшаго Синода и Государственнаго Совѣта Архіепископа Нікона—Божіе благословеніе.

Ради Свѣтлаго праздника вы порадовали меня своею лептою на красное яичко нашимъ хрістолюбивымъ воинамъ героямъ. Спасибо вамъ, добрыя дѣти: это и для меня было краснымъ яичкомъ на Хрістовъ день. Вашъ о. Смотритель пишетъ мнѣ, что вы, прочитавъ мое предложеніе посылать воинамъ вмѣсто табаку, папиросъ, бумаги, конвертовъ и прочихъ бездѣлушекъ, духовные листки и книжки, сами порѣшили послѣдовать моему совѣту. Хорошее, доброе дѣло вы сдѣлали. Сидя въ окопахъ, наши воины въ свободную минутку прочитаютъ листочекъ или духовную книжку: вѣдь нашъ простой русскій человѣкъ всегда любитъ почитать что-нибудь „божественное", прочитаютъ и скажутъ за это духовное утѣшеніе спасибо тому, кто послалъ книжки. А я послалъ всего на ваши деньги 7800 книжекъ и листковъ Троицкихъ и просилъ объявить воинамъ, что посылаютъ это воспитанники Павловскаго Духовнаго Училища Воронежской епархіи. Вотъ именно такъ, дѣти, и должны поступать питомцы духовной школы. Богъ дастъ — пройдете семинарское ученіе, будете большими, многіе изъ васъ примутъ священный санъ и будутъ служить у престола Божія. И вспомнится тогда вамъ, какъ вы, малыя дѣти, утѣшили воиновъ на поляхъ брани своимъ „краснымъ яичкомъ", въ Пасху, то-есть, духовными книжечками, и пріятно будетъ вамъ это воспоминаніе. Вспомните тогда и меня, старца архіерея, который, конечно, въ то время будетъ уже лежать въ могилѣ, вспомните и помяните меня грѣшнаго въ вашихъ святыхъ молитвахъ у престола Божія.

Милыя дѣти! Мы живемъ въ страшное время, когда кровь льется рѣками, когда повсюду горько плачутъ сиротки, оставшіяся послѣ убіенныхъ воиновъ: понуждайте себя къ молитвамъ за этихъ сиротокъ, за ихъ матерей вдовицъ. Такая молитва будетъ и ваше сердце утѣшать Божіей благодатью. Каждый день молитесь за Царя батюшку, Помазанника Божія, чтобъ помогъ Ему Господь скорѣе одолѣть врага и супостата; молитесь за Русь матушку, чтобы прогналъ Господь нѣмцевъ съ лица Русской земли; молитесь за воинство хрістолюбивое, молитесь и о себѣ самихъ, чтобъ сохранилъ васъ Господь въ вѣрѣ и благочестіи, чтобы благо-

словилъ васъ быть смиренными служителями Церкви Его и вѣрными сынами отечества. Призываю и я грѣшный паки и паки на всѣхъ васъ и на добрыхъ наставниковъ вашихъ Божіе благословеніе".

319.

Отеческая любовь Святителя Николая Чудотворца.

Святителю Божій, Николае Чудотворче! Не въ Мирахъ Ликійскихъ только, но и во всемъ мірѣ, во всей вселенной, имя Твое, какъ миро изліянное, повсюду благоухаетъ ароматами полныхъ любви дѣяній Твоихъ, и красуется Тобою Церковь Божія, яко великимъ свѣтильникомъ благодати, всѣхъ озаряющимъ свѣтомъ и теплотою любви Христовой. Знаютъ Тебя, какъ великаго и теплаго предъ Богомъ заступника не только народы христіанскіе, но и язычники нашей далекой Сибири, и поклонники лжепророка Магомета, и прибѣгаютъ къ Тебѣ въ нуждахъ своихъ, и—о дивное дѣло—Ты не отказываешь имъ, Ты помогаешь имъ въ ихъ нуждахъ, тѣмъ самымъ привлекая ихъ къ вѣрѣ Христовой! А въ мірѣ христіанскомъ Ты непрестанно чудодѣйствуешь, Ты незримо пребываешь среди вѣрующихъ, откликаешься на всѣ ихъ молитвенныя прошенія, какъ отецъ чадолюбивый. И взываютъ къ Тебѣ, просятъ Твоей помощи съ вѣрою и горячею къ Тебѣ любовію всѣ скорбящіе и обремененные, всѣ утѣшенія Христова чающіе, но и этого мало для любви Твоей: Ты внемлешь неразумному лепету младенцевъ, не отвергаешь, повидимому, пустыхъ, недостойныхъ Тебя молитвъ о такихъ вещахъ, которыми, говоря по-человѣчески, и докучать Тебѣ не подобало бы. Для Твоего любвеобильнаго сердца нѣтъ такихъ просьбъ, въ которыхъ Ты отказалъ бы: лишь бы была вѣра просящаго, было бы произволеніе получить то, что не противно волѣ Божіей. Ты и нынѣ, какъ при жизни Твоей на землѣ, готовъ быть всѣмъ вся, какъ говоритъ Апостолъ Христовъ, дабы Твоею любовію ко всѣмъ всѣхъ привлекать ко Христу...

На сіи мысли навело меня письмо изъ Ярославля, повѣдающее объ одномъ дѣяніи великаго милостивца святителя Николая для бѣднаго мальчика, который съ вѣрою обратился къ нему съ своимъ дѣтскимъ горемъ. Разсказъ записанъ со словъ ярославскаго купца, нынѣ покойнаго, В. Я. Кузнецова. Передаю его въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ.

„Я отданъ былъ родителями моими для обученія торговому дѣлу въ мальчики къ хозяину и разъ былъ вмѣстѣ съ другими прикащиками и мальчиками посланъ имъ сопровождать возы съ товаромъ на ярмарку. Дѣло было зимой. Желѣзныхъ дорогъ въ той мѣстности тогда еще не было, ѣхали на лошадяхъ. Хозяинъ далъ мнѣ на дорогу старый мѣховой картузъ и строго приказалъ беречь его. Долго мы ѣхали; сидя на возу, я задремалъ и сладко заснулъ. Вдругъ чувствую, что головѣ холодно, просыпаюсь, а картуза-то и нѣтъ: видно, дорогой свалился съ головы, упалъ и потерялся. Страшно я перепугался тогда: и не то было мнѣ страшно, что голова зябнетъ, а то, что скажу я хозяину и какъ онъ меня накажетъ... И заплакалъ

я горькими слезами тогда. А ѣдемъ мы мимо какого-то монастыря. Спрашиваю: какой это монастырь? Говорятъ: Николо - Бабаевскій. Тогда я сталъ въ снѣгу на колѣна, и молюсь со слезами: „Святителю отче Николае, помоги, избавь отъ бѣды: я Тебѣ заслужу". Смотрю, а въ снѣгу какой-то комочекъ темный лежитъ. Беру въ руки и съ удивленіемъ вижу, что это—совсѣмъ новенькая котиковая шапка. Съ радостью надѣлъ я ее: какъ будто на меня шита, и поѣхалъ дальше. Но надо покаяться: много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я запамятовалъ свое обѣщаніе, данное Святителю Николаю. Я былъ уже богатымъ торговцемъ, почетнымъ гражданиномъ, извѣстнымъ благотворителемъ, много жертвовалъ въ разныя обители и церкви, только въ Бабаевскій монастырь ничего не дѣлалъ, хотя и бывалъ тамъ нерѣдко. Вотъ однажды былъ я въ Бабаевскомъ монастырѣ съ женою и родными; послѣ обѣдни напились мы чаю и пошли гулять въ монастырскую рощу; было очень жарко и я снялъ свою дорогую шляпу-панаму и повѣсилъ на дерево. Посидѣли мы, отдохнули и рѣшили направиться къ пристани, куда скоро и пароходъ долженъ былъ подойти. Хватился я, а шляпы-то моей и нѣтъ... Никто мимо не проходилъ, взять никто не могъ, а шляпа пропала. Вотъ, тутъ-то я и вспомнилъ, что еще не исполнилъ обѣщанія, даннаго въ юности Святителю Христову. Тотчасъ же пошелъ я къ о. архимандриту, и говорю ему: „скажите, ради Бога, не нужно ли вамъ что-нибудь для монастыря: я, вѣдь, должникъ Святителя Николая, дайте мнѣ возможность услужить ему". О. архимандритъ говоритъ мнѣ: „право, не знаю, что намъ нужнѣе. Развѣ вотъ не поновите ли живопись въ теплой церкви."—Конечно, я съ радостью сбѣщалъ ему это сдѣлать и благодарилъ Святителя, что онъ милостиво напомнилъ мнѣ мое обѣщаніе. А въ Ярославлѣ я поѣхалъ уже въ шляпѣ, данной мнѣ монахами."

Читаешь подобные разсказы о милостяхъ великаго милостивца, Святителя Христова Николая, и сердцемъ умиляешься,—такъ все это *по-нашему*, по-человѣчески совершается, будто тутъ ничего и чуднаго нѣтъ, а какъ вдумаешься, то видишь прямое чудо: мальчикъ теряетъ шапку, не зная, гдѣ ее потерялъ, онъ плачетъ, молится угоднику Божію и тутъ же въ снѣгу находитъ новую, лучшую прежней шапку: будто самъ угодникъ ее подкинулъ ему. Надо же было ему остановиться, сойти съ воза на снѣгъ, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ кто-то обронилъ шапку. Но вотъ облагодѣтельствованный мальчикъ забылъ оказанную ему милость, проходитъ много лѣтъ, онъ забылъ обѣщаніе свое, и Святитель напоминаетъ ему новою потерею, исчезновеніемъ его шляпы, и обѣтъ вспоминается съ благодарностью, и приводится въ исполненіе такъ, какъ, конечно, мальчикъ не могъ бы исполнить, и живопись въ храмѣ является памятникомъ попеченія угодника Божія о благотворителѣ его обители. И конечно, покойный Василій Яковлевичъ не разъ повѣдалъ добрымъ людямъ это обстоятельство и тѣмъ научилъ многихъ обращаться къ Святителю съ теплою молитвою въ своихъ нуждахъ.

Радуйся, Николае, великій и преславный чудотворче!..

320.

Есть ли нынѣ чудеса.

Легкомысленные люди обычно говорятъ: „нынѣ чудесъ нѣтъ. Можетъ быть, и было время чудесъ когда-то, но не теперь: нынѣ все совершается естественнымъ порядкомъ, все объяснимо, нѣтъ нужды объяснять сверхъестественной силой явленія, кажущіяся чудесными для простецовъ".

А вотъ, когда заговоришь съ людьми вѣрующими, хотя бы съ тѣми же простецами, то слышишь совсѣмъ другое. „Да не потому ли наши, такъ-называемые, „ученые" люди говорятъ, что нѣтъ нынѣ чудесъ, что этихъ чудесъ очень много? И во времена Христа Спасителя тоже, вѣдь, „ученые" книжники и фарисеи старались всѣхъ убѣдить, что, въ сущности, никакихъ чудесъ Іисусъ не совершаетъ: что если бѣсовъ Онъ изгоняетъ, такъ, вѣдь, это дѣлаетъ силою князя бѣсовскаго; что слѣпымъ даетъ прозрѣніе—это еще не доказано; что мертвыхъ воскрешаетъ, да кто же этому можетъ повѣрить: мало ли что говоритъ фанатически настроенная толпа", и т. д. По поводу исцѣленія слѣпорожденнаго они производятъ цѣлое судебное слѣдствіе, которому позавидовалъ бы даже нынѣшній слѣдователь: и родителей бывшаго слѣпца допрашиваютъ, и его не разъ вызываютъ, и личность его удостовѣряютъ, и съ Моисеевымъ закономъ справляются: можно ли признать дѣло, совершенное въ субботу, за чудо, а обличенные въ лицемѣріи тѣмъ же слѣпцомъ, выгоняютъ его вонъ... Можетъ быть этотъ опытъ слѣдствія по дѣлу исцѣленія слѣпорожденнаго, показавшій имъ невозможность подорвать вѣру въ чудо исцѣленія, и предостерегъ ихъ отъ новаго дознанія и слѣдствія по дѣлу новаго, величайшаго изъ чудесъ Христовыхъ — воскрешенія Лазаря: поди тутъ, начни разслѣдованіе, окажется — непреложный фактъ, тогда еще больше всѣ увѣруютъ въ Чудотворца, и мы будемъ посрамлены... Лучше ужъ не пускаться въ разслѣдованія, а просто — не обращать вниманія на фактъ воскрешенія мертвеца, а если можно, то и съ Лазаремъ, какъ непреложнымъ свидѣтелемъ чуда, покончить: *совѣщаша, да и Лазаря убіютъ*... Даже къ чудесамъ Христовымъ эти люди, холодные сердцемъ, погруженные въ суету житейскую, всецѣло отдавшіеся служенію своей „самости", эгоизму, какъ будто присмотрѣлись, и эти чудеса стали безсильны обратить ихъ къ вѣрѣ. Не то же ли творится и въ наше время? Чудеса творятся постоянно, но ихъ видятъ только вѣрующіе, у коихъ и очи духовныя для сего открыты, а для невѣровъ это — все естественныя явленія, о коихъ они съ гордымъ сознаніемъ своей образованности заявляютъ: „да что тутъ чудеснаго? Все имѣетъ свои понятныя причины, никакого тутъ и чуда нѣтъ". И эти люди пребываютъ въ той духовной слѣпотѣ, о которой Господь сказалъ: „на судъ пришелъ Я въ міръ сей, чтобы невидящіе видѣли, а видящіе стали слѣпыми". И нынѣшнимъ слѣпцамъ, все объясняющимъ естественными причинами, Онъ сказалъ бы: „какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ" (Іоанн. 9, 39, 41).

Не всѣ достаточно понимаютъ, что такое чудо. Обычно думаютъ, что это—сверхъестественное явленіе только въ смыслѣ явленія физическаго, при чемъ на сторону нравственную или совсѣмъ не обращается вниманія, или слишкомъ мало. Между тѣмъ какъ именно эта сторона и является главнымъ условіемъ и главнымъ, такъ сказать, элементомъ всякаго истиннаго чуда. Послѣдняя цѣль всякаго чуда, совершаемаго силою Божіей, есть содѣйствіе людямъ въ дѣлѣ спасенія, достиженія ими своего конечнаго назначенія, только тогда, когда въ семъ великомъ дѣлѣ естественныя средства бываютъ недостаточны. Творецъ законовъ природы какъ бы пріостанавливаетъ дѣйствіе этихъ законовъ, лучше сказать, дѣйствуетъ выше ихъ, не нарушая ихъ дѣйствія, но только тамъ, гдѣ видитъ вѣру людей: о Самомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ говоритъ Евангеліе: *и не сотвори ту силы многи за невѣрствіе ихъ.* А гдѣ есть вѣра, тамъ нерѣдко чудо проявляется только въ томъ, что Господь располагаетъ самыя, повидимому, естественныя обстоятельства такъ, какъ нужно для исполненія Его святой воли,—такъ, что вѣрующій ясно видитъ въ такомъ стеченіи обстоятельствъ руку Божію, ихъ располагающую по его молитвѣ или же по неизреченнымъ путямъ благости Божіей. И для вѣрующаго тутъ чудо ясно, а невѣръ ничего чудеснаго тутъ не видитъ. Такія чудеса Божія промышленія въ средѣ вѣрующихъ совершаются постоянно. Стоитъ заговорить о чудесахъ, въ присутствіи внимательныхъ къ путямъ Божіимъ людей, какъ тотчасъ же услышишь разсказы о подобныхъ чудесахъ. Мнѣ въ одинъ день, можно сказать, въ одинъ часъ привелось слышать нѣсколько разсказовъ, съ поименованіемъ лицъ, ихъ мѣстожительства, всѣхъ обстоятельствъ того, что разсказывавшіе называли чудомъ, а иное и сами лично на себѣ испытали. Въ назиданіе моихъ добрыхъ читателей кратко передамъ эти разсказы.

Богатый молодой человѣкъ заболѣлъ странною болѣзнію: у него на лбу появилась шишка, на которую онъ сначала не обратилъ вниманія. Но она стала расти. Въ началѣ онъ прикрывалъ ее головнымъ уборомъ, потомъ этотъ уборъ уже не вмѣщалъ ее. Лицо стало безобразно. Врачи предлагали сдѣлать операцію, но онъ не согласился, а пошелъ въ часовню великомученика Пантелеимона (въ Москвѣ, на Никольской улицѣ) и тамъ горячо, со слезами помолился угоднику Божію объ исцѣленіи. Приложившись, онъ вышелъ изъ часовни, съ чувствомъ полученнаго духовнаго утѣшенія, и машинально надѣлъ головной уборъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе, онъ вздумалъ отереть потъ со лба и—о чудо: тутъ только замѣтилъ, что шишки на лбу уже нѣтъ...

Это явное чудо внезапнаго исцѣленія отъ великомученика, котораго самое имя значитъ „всемилостивый“. Вотъ другой разсказъ, въ которомъ также упоминается имя св. Пантелеимона, хотя, на первый взглядъ, прямаго чуда тутъ не видно.

Богатый купецъ купилъ своей женѣ золотое кольцо съ брилліантомъ. Она не разставалась съ этимъ подаркомъ. Разъ, во время купанья, она повѣсила его на гвоздь въ купальнѣ вмѣстѣ съ полотенцемъ. Когда потомъ сняла съ гвоздя полотенце, то кольца тамъ не оказалось: очевидно, полотенцемъ она сорвала его съ гвоздя и оно упало

въ воду. Купальня стояла на такомъ мѣстѣ рѣки, гдѣ образовался обрывъ въ водѣ: въ двухъ шагахъ уже начиналось глубокое мѣсто. Немедленно купецъ позвалъ рабочихъ, принялись искать кольцо на днѣ рѣки, самую купальню снесли, все дно перерыли — ничего не нашли. Но купецъ не мирился съ потерей даже и въ слѣдующемъ году. Купальня была перенесена на другое мѣсто, а на прежнемъ онъ сталъ удить рыбу. Разъ онъ, отправляясь на рыбную ловлю, зашелъ въ часовню великомученика Пантелеимона, и тамъ у него какъ-то нежданно для самого себя сорвалась молитва: „вотъ, угодникъ Божій: если есть на свѣтѣ чудеса, то верни мнѣ мое кольцо". — Пришелъ къ рѣкѣ, сталъ удить... Сидитъ и думаетъ: вотъ бы хорошо, если бы въ водѣ вдругъ увидать свое кольцо. И что же? Кольцо блеститъ на днѣ рѣки. Не вѣря своимъ глазамъ и полагая, что это плодъ его воображенія, купецъ сначала не хотѣлъ доставать кольцо, но потомъ опустилъ руку и, дѣйствительно, это было то самое кольцо, которое годъ назадъ было обронено его женою въ рѣку. Примите во вниманіе, что на днѣ рѣки въ этомъ мѣстѣ обрывъ, слѣдовательно, кольцо могло быть унесено въ глубину, что все дно было взрыто искавшими кольцо, послѣ его потери, что весною, въ половодье, самое дно, обыкновенно, измѣняетъ свой видъ отъ наноса песку, и вы поймете, что тутъ несомнѣнное чудо, по молитвамъ великомученика Пантелеимона, къ которому обратился купецъ и который показалъ ему, что чудеса, дѣйствительно, бываютъ на свѣтѣ [1])...

А вотъ чудеса другого порядка, это сонныя видѣнія и вразумленія. И я опять беру то, о чемъ только-что слышалъ отъ своего духовнаго друга.

У купца С—на похищена была его старинная родовая святыня, благословеніе дѣдовъ и прадѣдовъ, Владимірская икона Богоматери. Немало скорбѣлъ онъ о лишеніи такой святыни и молился Царицѣ Небесной, чтобъ вернула ему эту икону. И вотъ, однажды онъ слышитъ во снѣ: „отправляйся въ городъ... найди такую-то улицу, домъ такого-то, войди во дворъ, тамъ увидишь небольшой старый флигель, иди прямо туда, по ветхой, *скрипучей* лѣстницѣ поднимись вверхъ въ чердачное помѣщеніе, войди тамъ въ комнатку, взгляни налѣво въ уголъ и увидишь свою икону. Возьми ее и неси домой". — Проснувшись, С—нъ тотчасъ же записалъ сонъ и отправился въ названный городъ. Съ вокзала беретъ извозчика, называетъ ему улицу: оказалось такая есть. Называетъ домъ: извозчикъ знаетъ и домъ. Входитъ во дворъ, видитъ старый флигель, идетъ прямо туда, поднимается по *скрипучей* лѣстницѣ, входитъ въ комнатку: сидитъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ. Взглянулъ налѣво въ уголъ — видитъ свою икону, беретъ ее и уноситъ съ собой, и человѣкъ тотъ не остановилъ его, ни слова не сказалъ... Не правда ли: это чудесно до невѣроятности? А между тѣмъ икона эта находится въ знакомой и мнѣ семьѣ, о ней съ благоговѣніемъ разсказываютъ ея владѣльцы, благодаря Царицу Небесную за Ея милость въ возвращеніи Ея иконы, столь дорогой для этой семьи...

А вотъ явленіе изъ другаго міра съ просьбой о „прощеніи", то есть, о молитвѣ за того, кто оттуда явился. Въ 1892 году умеръ фабри-

[1]) Нѣсколько подобныхъ событій описано въ моей книжкѣ: „Чѣмъ жива наша русская православная душа?".

кантъ милліонеръ И. И. С—въ, а лѣтъ чрезъ пять скончалась и его супруга. Спустя годъ по смерти купца, является къ сельскому священнику, духовнику покойнаго, крестьянка и говоритъ: „батюшка, я пришла къ тебѣ съ горемъ. Сегодня ночью во снѣ явился ко мнѣ покойный И. И—чъ С—въ и сталъ просить прощенія. Я испугалась покойника и вотъ пришла къ тебѣ: что это значитъ? „Священникъ успокоилъ женщину, сказавъ, что не слѣдуетъ придавать значенія снамъ. Но на другой день она снова пришла къ нему еще болѣе взволнованная, и съ плачемъ сказала: „что мнѣ дѣлать? Онъ опять являлся ко мнѣ и говоритъ: прости меня, ради Бога“.—„Но ты не имѣла ли съ нимъ какого дѣла?“ спросилъ священникъ.—„Нѣтъ“, отвѣтила она: „онъ былъ человѣкъ богатый и мало доступный. Разъ только я осмѣлилась въ его конторѣ попросить поберечь мое сбереженіе. Но оно было мнѣ возвращено въ цѣлости“. Батюшка посовѣтовалъ ей отслужить на могилкѣ покойника панихидку и явленія не повторялись. Можно думать, что покойникъ, пустивъ въ оборотъ ея сбереженія, не далъ ей никакого за это процента и тѣмъ согрѣшилъ предъ небогатой женщиной.

Другой сонъ видѣла оставшаяся полной наслѣдницей всего состоянія того же купца И. С-ва, дочь его, М. И. Изнѣженная, избалованная: она проводила время съ гостями, въ праздныхъ разговорахъ и развлеченіяхъ и почти вовсе забыла о церкви Божіей. Разъ утромъ она вскакиваетъ какъ ужаленная съ постели, приказываетъ тотчасъ подать лошадь и ѣдетъ въ сосѣднюю, верстахъ въ двухъ отъ ея имѣнія, церковь. Въ это время священникъ шелъ въ храмъ къ утрени и былъ очень удивленъ прибытіемъ ея: такъ давно онъ ее не видѣлъ въ своемъ храмѣ. Она обратилась къ нему съ просьбою: „батюшка, пожалуйста, отслужите панихиду по моей матери. Она сейчасъ приснилась мнѣ—такая разстроенная, грозная, и чуть было не выцарапала мнѣ глаза. Все кричала: почему ты не молишься Богу“...

Конечно, просьба ея была исполнена съ подобающимъ вразумленіемъ.

Вотъ то, что привелось мнѣ слышать въ одинъ день. А сколько такихъ знаменій приходится слышать, когда встрѣчаешься съ людьми вѣрующими, у которыхъ очи открыты, чтобы видѣть и уши, чтобы слышать дѣла Божіи въ наши дни. Да, чудеса продолжаются и нынѣ, какъ было отъ вѣка, ибо и Господь нашъ *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки.*

321—322.

Во славу новаго чудотворца святителя Іоанна Тобольскаго.

I.

Святителю отче Іоанне, моли Бога о насъ!

Въ скорбѣхъ многихъ, обрѣтшихъ нашу Русь православную зѣло, Господь не оставляетъ насъ по грѣхамъ нашимъ, но еще посѣщаетъ Своею милостію. 13 лѣтъ тому назадъ, предъ великими испытаніями Японской войны и внутренней смуты, Господу было благоугодно прославить дивными знаменіями и чудесами великаго подвижника Саров-

скаго, смиреннаго старца Серафима; и подвиглась тогда вся Русь православная отъ края до края, и Самъ Царь православный съ Супругою Своею и чадами съ глубокою вѣрою приклонилъ во смиреніи Свою царственную, вѣнчанную главу предъ гробомъ новаго молитвенника и чудотворца Русской земли; и услышана была молитва Его и вѣнчанной Супруги Его, и даровалъ Имъ Господь утѣшеніе веліе, — не Имъ только, но и всей Руси православной—въ рожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича. Послѣдніе десятьтринадцать лѣтъ скорби Русской земли все умножались вѣрующее сердце побуждало русскихъ людей все чаще и чаще обращать скорбные взоры къ небу и тамъ искать благодатной помощи въ несеніи тяжкаго креста, тамъ искать себѣ поддержки — преимущественно у тѣхъ, кто и по крови былъ родной русскимъ людямъ. И угодники Божіи откликались на скорбь народную, и Господь, по молитвамъ ихъ, въ подкрѣпленіе вѣры православной, отовсюду колеблемой, творилъ чудеса и знаменія отъ мощей, новыхъ чудотворцевъ, и въ теченіе немногихъ лѣтъ ихъ мощи были прославлены Русскою Церковію: такъ, въ древнемъ Кашинѣ возстановлено почитаніе св. мощей великой княгини, многострадальной труженицы Анны; въ Бѣлгородѣ прославлены мощи нетлѣнно почивающаго тамъ святителя и чудотворца Іоасафа; въ Москвѣ прославлены мощи великаго священномученика за Русскую землю святѣйшаго Ермогена патріарха всероссійскаго; въ Тамбовѣ открыты мощи святителя Питирима; въ городѣ Варнавинѣ изнесены изъ нѣдръ земныхъ мощи преподобнаго Варнавы, скончавшагося тамъ 470 лѣтъ назадъ. Нынѣ, Божіимъ изволеніемъ, прославляется новый чудотворецъ Сибирскій, святитель Іоаннъ Тобольскій. Слава и благодареніе Господу, дивному во святыхъ Своихъ, прославляющему тѣхъ, кто прославлялъ Его жизнію своею, и утѣшающаго смиренныхъ чадъ Церкви православной небеснымъ свидѣтельствомъ истины нашего святаго православія.

10 іюня сего 1916 г. совершается прославленіе мощей св. Іоанна Тобольскаго.

Святитель Іоаннъ родомъ былъ изъ Малороссіи, сынъ небогатаго дворянина; образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ потомъ былъ самъ учителемъ. 24 лѣтъ былъ уже іеромонахомъ Кіево-Печерской лавры и проходилъ послушаніе проповѣдника и эконома. Въ 1678 году Малороссія отправила пословъ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу просить защиты отъ турокъ, въ числѣ пословъ былъ и молодой тогда іеромонахъ Іоаннъ. Онъ очень понравился царю, который пожелалъ имѣть его намѣстникомъ Свѣнскаго монастыря. Но въ 1695 году святитель Ѳеодосій Черниговскій избралъ его себѣ въ сотрудники по управленію епархіей, а потомъ и въ свои преемники. Онъ посвятилъ его въ санъ архимандрита Елецкаго, въ г. Черниговѣ, монастыря. Послѣ блаженной кончины святителя Ѳеодосія, Іоаннъ, въ январѣ 1697 года былъ хиротонисанъ въ архіепископа Черниговскаго. Угодникъ Божій Ѳеодосій и изъ-за гроба явилъ своему преемнику знаменіе любви своей: когда Іоаннъ тяжко заболѣлъ, Ѳеодосій явился ему во снѣ и сказалъ: „не скорби, братъ, Господь услышалъ молитвы твои, и ты будешь здравъ: вставай съ одра и готовься служить Божественную литургію: это тебѣ знаменіе“.— И дѣйствительно, это было великое знаменіе милосердія Божія: немощной дотолѣ святитель Іоаннъ сразу исцѣлился,

всталъ съ одра болѣзни и совершилъ литургію. Вчера еще недвижимо лежавшій въ постели, сегодня удивилъ всѣхъ богомольцевъ своею бодростью и здоровьемъ.

Много трудовъ положилъ онъ въ Черниговѣ: устраивалъ школы, благоукрашалъ монастыри и храмы, писалъ духовнонравственныя сочиненія, переводилъ ихъ съ другихъ языковъ. Но особенно любила его паства за его смиреніе и молитву. „Какъ отецъ чадамъ, какъ пастырь овцамъ“ былъ святитель Іоаннъ для черниговцевъ. Онъ былъ истиннымъ сыномъ и родной земли: печалился ея горестями, радовался ея радостями. Когда шведскій король Карлъ XII перешелъ изъ Польши въ предѣлы Малороссіи, то святитель Іоаннъ, встрѣчая Императора Петра I въ Городнѣ, привѣтствовалъ его словами пророка Моисея: „благословенъ ты, егда входиши и благословенъ, егда исходиши; предастъ ти Господь Богъ враги твоя, сопротивляющіеся тебѣ, сокрушены предъ лицемъ твоимъ; путемъ единымъ пріидутъ къ тебѣ и седмію путій побѣгутъ отъ лица твоего“ (Втор. 28, 5, 7). Сіи слова угодника Божія, дѣйствительно, исполнились подъ Полтавою, когда Карлъ бѣжалъ отъ нашего Государя Петра Великаго въ Турцію.

Въ 1711 году святитель Іоаннъ, уже шестидесятилѣтній старецъ, долженъ былъ отправиться на служеніе въ далекій Тобольскъ, въ санѣ митрополита всей Сибири. Въ то время по всей Сибири царило еще идолопоклонство, тамъ же находили себѣ пріютъ бѣжавшіе изъ Россіи раскольники. Можно понять, какъ тяжело было жить и дѣйствовать въ такихъ мѣстахъ, какое нужно было самоотверженіе, чтобы бороться съ язычествомъ и изувѣрствомъ раскольниковъ, бороться подчасъ одному, потому что трудно было отыскать надежныхъ сотрудниковъ. Но святителя Божія ни что не устрашало и онъ отдалъ свои послѣднія силы святому дѣлу служенія Христовой Церкви. Къ великимъ трудамъ пастырства онъ прилагалъ и подвиги молитвы, любви и состраданія къ ближнимъ. Подобно святителямъ Христовымъ Николаю Чудотворцу и Тихону Задонскому, часто святитель Іоаннъ, переодѣвшись въ простое платье, обходилъ, никѣмъ неузнанный, богадѣльни и дома несчастныхъ бѣдняковъ, особенно сиротъ, покинутыхъ безъ пріюта и призрѣнія. Одинъ, никѣмъ незамѣченный, въ темную ночь подходилъ онъ къ окошку бѣдняка, стучался и, оставивъ деньги, съ словами: „примите во имя Іисуса Христа“, быстро скрывался въ ночной темнотѣ. А иногда избиралъ близкихъ довѣренныхъ лицъ и имъ поручалъ благотворить, безъ обозначенія своего имени. Особенно искалъ онъ бѣдноты изъ среды духовенства: вдовы и сироты имѣли его постояннымъ своимъ благодѣтелемъ. Любвеобильное его сердце не забывало и заключенныхъ, которыхъ немало было въ Тобольскѣ, какъ мѣстѣ ссылки. Онъ посѣщалъ тюрьмы и несъ заключеннымъ свою щедрую милостыню вмѣстѣ съ словомъ утѣшенія и назиданія.

Воистину, честна предъ Господомъ была блаженная кончина святителя Іоанна. 10 іюня 1715 года онъ торжественно отслужилъ литургію, послѣ того угощалъ тобольское духовенство и нищихъ, которымъ самъ прислуживалъ во время обѣда; затѣмъ прощался съ священниками и отпустилъ ихъ съ благословеніемъ, удержавъ двоихъ изъ нихъ, болѣе любимыхъ имъ. Что говорилъ съ ними святитель — Единому Богу извѣстно; только отпустивъ ихъ,

онъ заперся въ своихъ внутреннихъ комнатахъ. Вечеромъ жители Тобольска, вѣроятно, приведенные въ недоумѣніе еще разсказами священниковъ о необычномъ прощаніи съ ними митрополита Іоанна, сильно были обезпокоены тѣмъ, что благовѣсть къ вечернѣ былъ позднѣе и дольше обыкновеннаго. Оказалось, что тѣ, на комъ лежала обязанность испрашивать благословеніе къ звону, уже нѣсколько разъ подходили къ дверямъ кельи святителя, стучались и окликали его, но никакого отвѣта не было. Доложили объ этомъ губернатору, князю Матвѣю П. Гагарину, и онъ прибылъ въ архіерейскій домъ. Послѣ новыхъ и также, тщетныхъ, попытокъ разбудить митрополита, князь, принимая отвѣтственность на себя, велѣлъ выломать двери. Когда вошли въ келью, глазамъ присутствующихъ представилась трогательная картина: святитель въ молитвенномъ положеніи, колѣнопреклоненный, стоялъ предъ образомъ Богоматери, имъ же привезеннымъ изъ Чернигова: смерть запечатлѣла молящіяся уста его и его духъ уже отошелъ къ Богу.... Его молитва, начатая на землѣ, продолжается и нынѣ у престола Всевышняго за родную ему Русь, за всѣхъ насъ, грѣшныхъ. Нужно ли говорить, что какъ только въ каѳедральномъ соборѣ раздался протяжный печальный звонъ колокола, возвѣщавшій кончину архипастыря, тысячи народа устремились въ архіерейскій домъ. Вѣсть о блаженной кончинѣ любимаго владыки вызвала общее горе паствы, слезы и рыданія были сердечной данію отцу и архипастырю...

Въ это время его предшественникъ по каѳедрѣ Тобольской, апостолъ Сибири, митрополитъ-схимникъ Филоѳей, проповѣдывавшій вѣру Христову инородцамъ въ отдаленномъ Кондійскомъ краѣ, по откровенію свыше, узналъ кончину святителя Іоанна: „братъ нашъ Іоаннъ успе, прейдемъ отсюда“, сказалъ онъ своимъ сотрудникамъ, и тотчасъ же, не получивъ еще извѣстій о кончинѣ Іоанна, отправился въ Тобольскъ.

II.

Прошло двѣсти лѣтъ со дня кончины святителя. Съ теченіемъ времени почитаніе его памяти въ народѣ все возрастало. Съ вѣрою въ его молитвенную помощь притекали къ его могилѣ не только жители Тобольска, но и всей Сибири, даже и изъ Европейской Россіи. И святитель являлъ благодатную помощь болящимъ. Много записано чудесныхъ знаменій, совершившихся по его молитвамъ, но еще больше хранится въ благодарныхъ сердцахъ православныхъ людей, получившихъ исцѣленія. Русскіе люди, по своей скромности, получивъ милость Божію, больше слѣдуютъ завѣту Спасителя *никомуже повѣдати, бывшаго* (Лук. 5, 14), нежели Его повелѣнію, сказанному при другихъ обстоятельствахъ: *иди въ домъ твой ко твоимъ и возвѣсти имъ, елика ти Господь сотвори и помилова тя* (Мр. 5, 19). Сокрывая въ своемъ благодарномъ сердцѣ полученную милость отъ угодника Божія, они боятся прираженія тщеславія къ своему сердцу и развѣ только близкимъ людямъ повѣдаютъ бывшее. Изъ многихъ знаменій упомяну о нѣкоторыхъ, болѣе поразительныхъ. Такъ еще въ 1798 году изъ Барнаульскаго округа пріѣхали въ Тобольскъ двѣ крестьянки, мать и дочь, дѣвушка больная, изнеможенная. Онѣ просили въ соборѣ показать мѣсто, гдѣ погребенъ святитель Іоаннъ, и служить близъ его могилы, въ придѣлѣ св. Іоанна Златоуста,

сряду шесть недѣль литургіи и панихиды по немъ. На вопросъ о причинѣ дальней ихъ поѣздки и особеннаго усердія къ сему святителю мать разсказала: „моя дочь была пять лѣтъ въ сумасшествіи; въ первые четыре года бѣгала по лѣсамъ, билась, кричала, дралась, неистовствовала; приходилось сажать ее на цѣпь... Когда стала понемногу приходить въ себя, въ одну изъ добрыхъ минутъ, вдругъ проситъ меня ѣхать молиться въ Тобольскъ. Спрашиваю ее: для чего это? Говоритъ: мнѣ явился какой-то архіерей и сказалъ, что я до тѣхъ поръ не выздоровѣю, покуда не помолюсь въ Тобольскѣ у его гроба. И она разсказала, какой онъ и какая на немъ одежда—почти точь въ точь, какъ въ нашей приходской церкви написанъ Спаситель надъ царскими дверями. Я подумала, что это новый бредъ, тѣмъ болѣе, что не только дочь, но и мы, старики, въ своей сторонѣ никогда не видывали архіереевъ, да такъ я и оставила. Бѣдная дочь опять впала въ сумасшествіе и неистовство. Только вотъ опять какъ-то, очувствовавшись, говоритъ, что явившійся прежде архіерей явился ей въ другой разъ и уже не совѣтывалъ, а приказывалъ ѣхать въ Тобольскъ на богомолье надъ его гробомъ. Я разсказала объ этомъ старику мужу; но какъ и прежде, мы приняли слова дочери за бредъ, хотя нарочно ѣздили въ свою приходскую церковь и видѣли, что одежда архіереевъ, какъ описывала ее дочь, почти точь въ точь, какъ на иконѣ Спасителя надъ царскими дверями. Съ дочерью и опять случилось тоже: ужасны были ея мученія. Чрезъ нѣсколько времени она и въ третій разъ стала просить насъ ѣхать въ Тобольскъ, потому что, говорила она, архіерей теперь уже грозилъ мнѣ наказаніемъ, если не исполню его приказанія. Доколѣ мы мѣшкали, больная опять впала въ неистовство. Наконецъ, собрались въ дорогу; дочь посадили въ повозку и связали; первыя станціи едва вдвоемъ съ работникомъ могли мы держать ее; но чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ она дѣлалась тише. Теперь она въ разумѣ; только какъ видите, въ чемъ душа держится“.—Между слушавшими разсказъ старушки въ соборѣ находился и протоіерей кладбищенской церкви Вас. Ос. Кузнецовъ, тогда лишь кончившій курсъ семинаріи и еще исправлявшій въ то время должность соборнаго псаломщика. Литургіи въ придѣлѣ Іоанна Златоустаго въ теченіи шести недѣль были пѣты, тѣ двѣ женщины ходили и молились, наконецъ и уѣхали. Происшествіе это забылось и можетъ быть навсегда оставалось бы въ забвеніи, если бы не слѣдующій случай: старшій братъ В. Ос. Кузнецова Иванъ (который, какъ и В. О—чъ, самъ лично тогда видѣлъ двухъ описанныхъ выше женщинъ, такъ какъ по должности пѣвчаго стоялъ на клиросѣ) произведенъ былъ во священника и сдѣланъ присутствующимъ духовнаго правленія въ Барнаулѣ. Въ 1806 году В. О. поѣхалъ къ нему въ гости. Когда собрался онъ въ обратный путь, братъ изъявилъ желаніе проводить его верстъ 70, и, своротивъ съ большой дороги въ сторону версты съ двѣ, завезъ его къ своему прихожанину, усердному и зажиточному крестьянину. Что же оказалось? Въ семействѣ крестьянина находилась та больная, которую въ 1798 году привозили въ Тобольскъ; теперь она была въ полномъ умѣ и наслаждалась цвѣтущимъ здоровьемъ, была за мужемъ, имѣла дѣтей и вмѣстѣ съ родными благословляла Бога, прославляя и святителя Іоанна.

Въ 1841 году пріѣхали въ Тобольскъ жена и дочь, дѣвица лѣтъ 15 или 16, бывшаго тогда ишимскаго исправника г. Попова. Пригласивъ къ себѣ на квартиру соборнаго ключаря протоіерея Іакова Ивановича Ласточкина, они просили чрезъ него соборянъ служить въ придѣлѣ Іоанна Златоуста сряду 12 обѣденъ и послѣ каждой панихиду по митрополитѣ Іоаннѣ, присовокупляя, что дѣвица во все это время будетъ говѣть и наконецъ пріобщится святыхъ Таинъ. На вопросъ ключаря о побужденіи къ сему, мать указала на дочь и та разсказала слѣдующее: „три года я была больна; меня лѣчили, много истратили денегъ, но лѣченіе не только не помогало, а какъ будто усиливало болѣзнь. Положеніе мое со дня на день дѣлалось опаснѣе; началась горячка и я не могла уже вставать съ постели. Вотъ въ это-то время, въ самомъ легкомъ снѣ я увидѣла трехъ монаховъ, — одного въ бѣломъ клобукѣ и съ посохомъ,—а двухъ прочихъ по сторонамъ его въ мантіяхъ, въ обыкновенной монашеской одеждѣ. Тотъ, что въ бѣломъ клобукѣ, тронулъ меня посохомъ и сказалъ: „полно тебѣ искать помощи у однихъ земныхъ врачей: пора обратиться и къ небесному; служи панихиды по Іоаннѣ митрополитѣ“. Съ этимъ всѣ трое стали невидимы и я проснулась; думаю о снѣ и чувствую, что мнѣ гораздо легче, я могу дѣйствовать руками, нѣтъ боли въ головѣ: кличу маменьку и разсказываю ей о видѣніи. Скоро я и совсѣмъ оправилась. Сначала у насъ было положено ѣхать въ Тобольскъ тотчасъ при первой возможности; но день за день, папенька занятъ должностью, маменька хлопотами по дому, проходитъ недѣля, двѣ, три и четыре; я снова заболѣла и отчаянно. Но однажды утромъ, когда изъ моей комнаты всѣ вышли,—не знаю, спала ли я тогда, или нѣтъ, только я очень ясно видѣла,—являются прежніе три монаха, одинъ также въ бѣломъ клобукѣ и съ посохомъ, а прочіе въ простомъ монашескомъ платьѣ. Главный изъ нихъ сказалъ: „зачѣмъ ты не исполняешь моего совѣта? Непремѣнно поѣзжай въ Тобольскъ, проси отслужить въ придѣлѣ Іоанна Златоуста 12 литургій и 12 панихидъ по Іоаннѣ митрополитѣ, тамъ поговѣй, исповѣдайся и пріобщись; въ противномъ случаѣ ты умрешь“. Съ этимъ по прежнему всѣ стали невидимы. Я, за минуту бывшая не въ состояніи даже пошевелиться, почувствовала себя такъ хорошо, что сама встаю съ постели, иду къ маменькѣ и разсказываю ей о новомъ видѣніи. Какъ видите, я теперь совсѣмъ здорова“.--Такъ и дѣйствительно было: только она была еще чрезвычайно блѣдна.—„Вотъ тутъ ужъ мы, присовокупила мать, нимало немедля поѣхали сюда и васъ просимъ исполнить нашъ обѣтъ“. — Просьба Поповыхъ была исполнена, онѣ обѣ ходили и молились, дочь говѣла и въ послѣднюю обѣдню причастилась св. Таинъ.

Таковы чудеса, бывшія у гроба святителя Іоанна лѣтъ семьдесятъ и сто назадъ. Они записаны были еще при жизни нѣкоторыхъ свидѣтелей очевидцевъ. Свѣдѣнія о нихъ взяты изъ духовнаго журнала „Странникъ“ за 1864 годъ. А вотъ нѣкоторыя чудеса изъ послѣдняго времени: ко времени дѣянія С. Синода о прославленіи святителя Іоанна ихъ уже было записано и обслѣдовано до 57.

Въ 1915 году сынъ проживающаго въ Тобольскѣ капитана Семена Васильевича Чаркашенина Михаилъ заболѣлъ корью. Болѣзнь

протекала въ тяжелой формѣ и осложнилась дизентеріей. Ребенокъ былъ уже приговоренъ къ смерти. Бабка Агрипина Ивановна Гейеръ утромъ 29 мая рѣшилась обратиться къ молитвамъ святителя Іоанна. Уходя въ соборъ, г-жа Гейеръ опасалась, что внукъ въ ея отсутствіе умретъ, такъ какъ съ нимъ началась уже агонія, оконечности посинѣли, ребенокъ подавалъ слабые признаки жизни. Агрипина Ивановна заказала панихиду по святителѣ съ присоединеніемъ эктеніи о здравіи умиравшаго внука. Возвратившись домой, она воочію убѣдилась въ предстательствѣ предъ Господомъ святителя Іоанна: увидя бабушку, Михаилъ поднялся съ постели и попросилъ дать ему принесенной изъ собора просфоры. На завтра Михаила совершенно здороваго мать и бабушка возили въ соборъ приложить къ ракѣ святителя Іоанна, благодаря со слезами угодника Божія за исцѣленіе мальчика. Разсказывая о семъ, онѣ не могутъ удержаться отъ слезъ.

Жена городоваго г. Тобольска Екатерина Карпова болѣе 4 лѣтъ страдала разными болѣзнями; леченье не помогало. Въ декабрѣ 1914 года совсѣмъ слегла въ постель, такъ что безъ посторонней помощи не могла и въ постели перемѣнить положенія. Въ январѣ 1915 г. мужъ рѣшилъ свезти ее въ больницу, чтобы дать ей, по его словамъ, хоть спокойно умереть. Больная одного просила: по дорогѣ въ больницу завезти ее въ соборъ и помолиться у раки святителя Іоанна. Раннимъ утромъ мужъ повезъ ее въ больницу мимо собора. Увидя свѣтъ отъ горящихъ у раки свѣчей, Екатерина пожелала исповѣдаться и причаститься св. Таинъ за литургіей. Ея желаніе было исполнено. И, что же? Она оказалась въ силахъ простоять литургію, присѣла лишь одинъ разъ и притомъ не на долго. Причастившись, она простояла еще и панихиду. Казалось бы, послѣ такого долгаго стоянія Карпова, тяжко больная, должна была совсѣмъ обезсилѣть, а между тѣмъ она, не чувствовала никакой усталости, наоборотъ, заявила мужу, что ей не зачѣмъ ѣхать въ больницу, такъ какъ чувствуетъ себя совершенно здоровою и можетъ возвратиться домой даже пѣшкомъ. Карпова и теперь совершенно здорова, почасту и со слезами благодаритъ святителя Іоанна за свое исцѣленіе.

Священникъ села Оверинскаго, Туринскаго уѣзда пишетъ: „со страхомъ Божіимъ за свое недостоинство, съ великою радостію и надеждой на милость Божію и Его угодника Іоанна, митрополита Тобольскаго, осмѣливаюсь засвидѣтельствовать слѣдующее сверхъестественное событіе: сего 1916 года, марта 14, тяжко заболѣла (лишилась разсудка, движенія и рѣчи) крестьянка села Оверинскаго Іустинія Денисова Семухина. Меня пригласили къ больной для исповѣди. Увидѣвъ больную почти безъ признаковъ жизни, я удивился, что она такъ внезапно и тяжко заболѣла. Когда я уходилъ домой, то сказалъ роднымъ ея, что святитель Іоаннъ, митрополитъ Тобольскій, многихъ отъ болѣзней исцѣляетъ. Въ первое же воскресенье послѣ сего Іустинія Семухина приходитъ въ церковь и подаетъ мнѣ клочекъ бумаги, на которомъ написано: „Іоанну Тобольскому молебенъ“. Я разспросилъ у Семухиной и ея родныхъ о болѣзни и о томъ, почему они хотятъ служить святителю молебенъ. Они разсказали, что по моемъ отъѣздѣ они обратились съ молитвой о помощи къ святителю Іоанну и обѣщались отслужить ему молебенъ, чтобы Іустинія ско-

рѣе выздоровѣла. И вотъ, Іустинія, пролежавшая три дня безъ памяти и движенія, въ одни сутки выздоравливаетъ. Тутъ же Семухины передали мнѣ на нужды храма, три рубля, а черезъ нѣсколько дней заказали написать икону за 25 рублей для храма, въ благодарность за исцѣленіе отъ страшной болѣзни Іустиніи по его св. молитвамъ".

Есть имена, хранимыя исторіей въ книгахъ, имена славныя, напоминающія о великихъ благодѣтеляхъ человѣчества, оказавшихъ незабвенныя услуги наукѣ, искусству, страждущему человѣчеству. Люди съ любовью вспоминаютъ эти имена. Но могутъ ли они входить въ непосредственное сношеніе съ сими благодѣтелями своими? Увы, если это не были вѣрующіе во Христа Спасителя, если не принадлежали они къ Церкви Христовой, то ихъ имена—для потомства только суть звуки, на которые нѣтъ отклика изъ другого міра, куда ушли носители этихъ именъ. Не таковы имена святыхъ Божіихъ. Ихъ носители—и понынѣ живы не только въ памяти вѣрующихъ, но и въ живомъ съ ними общеніи посредствомъ молитвы. Какъ при жизни земной святые являлись великими благодѣтелями для всѣхъ, кто имѣлъ счастіе съ ними имѣть общеніе, такъ и по кончинѣ они слышатъ наши молитвы, видятъ наши немощи и нужды, и, по вѣрѣ нашей, всегда готовы откликнуться на наши мольбы, помолиться за насъ, помочь намъ... Чрезъ нихъ Церковь земная, воинствующая, входитъ въ общеніе съ Церковію небесною, торжествующею; мы здѣсь на землѣ чувствуемъ себя не одинокими странниками: съ нами, незримо, но для вѣры нашей ощутительно, можно сказать—осязательно присно пребываютъ любовію своею святые Божіи, вводя насъ въ общеніе съ любовію Божественною, какъ добрые пѣстуны руководя насъ къ царству небесному. И любовь Божія по любви къ нимъ являетъ себя и въ отношеніи къ намъ, такъ что слово Апостола: *вся вамъ любовію да бываютъ* простираетъ свою силу не только на всѣхъ вѣрующихъ, живущихъ еще на землѣ, но и на всѣхъ святыхъ Божіихъ, и еще въ несравненно большей мѣрѣ, уже ко Господу отшедшихъ и предъ Нимъ дерзновеніе имѣющихъ. Славу Богу, Спасителю нашему, благоволившему тако! Аминь.

323.

Баптисты на фронтѣ и въ плѣну.

Парижскій корреспондентъ „Моск. Вѣд." сообщаетъ свѣдѣнія о русскихъ баптистахъ, попавшихъ къ нѣмцамъ въ плѣнъ. Бѣжавшій изъ плѣна офицеръ Новиковъ съ негодованіемъ говорилъ ему: „что спрашивать отъ евреевъ,—вотъ наши кровные русскіе, такъ назыв. евангельскіе хрістіане, т.-е. баптисты—вотъ чума!.. Это я вамъ скажу—зараза, сами некуда негодные солдаты, они портятъ другихъ. Въ своей ротѣ я былъ принужденъ осматривать у баптистовъ ружья послѣ каждой пустяшной перестрѣлки, чтобы убѣдиться стрѣляютъ ли они, потому что сперва стрѣлять не хотѣли, ссылаясь на заповѣдь „не убій". Ну, я-то сумѣлъ заставить ихъ стрѣлять, хотя не могу сказать съ увѣ-

ренностью, куда они стрѣляли: въ непріятеля или въ небо. Во время штыковыхъ атакъ баптисты всегда отставали и прятались гдѣ только можно. Но гдѣ они себя выказали— это въ плѣну". Далѣе офицеръ говоритъ, что нѣмцы относились къ баптистамъ милостиво, что баптисты широко развернули свою пропаганду, что пропаганда имѣла успѣхъ: „въ результатѣ сотня испорченныхъ солдатъ, совершенно уже потерянныхъ для родины и для арміи"...

Но вѣдь, если только въ одномъ лагерѣ для военноплѣнныхъ совращена сотня, то сколько же ихъ совращено въ другихъ мѣстахъ? Офицеръ Новиковъ отмѣчаетъ и лицемѣріе этихъ измѣнниковъ вѣры православной: когда нѣмцы заставили плѣнныхъ втаскивать тяжелое орудіе на гору противъ нашихъ союзниковъ, то по предложенію офицера православные воины отказались отъ этой работы, считая ее измѣной родинѣ; австрійскій офицеръ пригрозилъ разстрѣломъ; первый испугался іудей, за нимъ вышли на работу баптисты. Не лицемѣріе ли это: стрѣлять нельзя, а тащить пушку на позицію для выстрѣловъ—можно?

Съ фронта получаются письма, въ коихъ православные воины жалуются на баптистовъ, совращающихъ ихъ въ свое лжеученіе.

Съ другой стороны пишутъ и баптисты и—какою же злобою пропитаны ихъ письма! Какими угрозами сопровождаются! Только сатанинская злоба можетъ диктовать такія письма. Судите сами: „мы, пишетъ воинъ-баптистъ, всѣхъ вашихъ чудотворцевъ и мощи ихъ прокляли, мы писали своимъ женамъ, чтобы онѣ къ... чудотворцевъ (иконы) повыкидали; довольно вамъ, попамъ, собирать деньги; Господи, пошли Христа Спасителя на этихъ кровопійцъ-поповъ; вы не думайте, чтобы скорѣй миръ насталъ, если покончимъ войну, то всѣхъ васъ... пузатыхъ убьемъ; прочитайте отъ Іоанна 16 гл., ст. 2... и т. д.

Любопытно, чѣмъ вызвано такое письмо? Да просто тѣмъ, что изъ милліона листковъ, посланныхъ Троицкою лаврою на фронтъ одинъ, подъ заглавіемъ: „Отеческій завѣтъ христолюбивому воину", заимствованный изъ отеческаго завѣщанія извѣстнаго крестьянина Посошкова, попалъ въ руки баптиста. Очевидно, онъ почувствовалъ всю правду этого листка и, какъ зараженный нѣмецкой гордыней, не вынесъ этой правды и мститъ тѣмъ, кто ему прислалъ листокъ. Судите теперь: что онъ говоритъ нашимъ православнымъ воинамъ сидя въ окопахъ, если нѣтъ благоразумнаго товарища, который остановилъ бы его? Да и не всякій православный воинъ рѣшится входить въ споръ съ наглымъ баптистомъ, который, напримѣръ, пишетъ мнѣ съ какимъ-то озлобленіемъ: „насъ, воиновъ, духовнымъ отцамъ учить только, когда мы бываемъ у васъ на исповѣди, а теперь такихъ уже нѣтъ; это были глупцы изъ бѣднаго люда, а теперь каждый изъ насъ знаетъ не меньше васъ. Не забывайте свои псалмы!" Если такъ безцеремонно баптистъ пишетъ архіерею, то тѣмъ наглѣе, конечно, онъ обращается съ товарищами. Прибавьте къ этому еще и усердно распространяемыя кѣмъ-то клеветы на монашество и духовенство, будто мы духовные, собираемъ огромные капиталы и отправляемъ ихъ въ Германію, что германцы на эти деньги и воюютъ съ нами, и вы поймете ту злобу, съ какою зараженные баптизмомъ солдаты, получивъ Троицкій листокъ, пишутъ „вы повадились колпачить насъ Троицкими листками, вы, попы и монахи,

грабители"... Кощунство, издѣвательство баптистовъ надъ православнымъ религіознымъ чувствомъ глубоко оскорбляетъ воиновъ, вѣрныхъ Церкви, все это вноситъ въ ихъ душу грустное чувство, можетъ ослаблять ихъ энергію, бодрость духа. Они готовы положить душу свою за вѣру православную, а тутъ, рядомъ, въ ихъ же окопахъ, безнаказанно поносятъ эту вѣру свои же, совращенные баптистами, собратья по оружію. Мало того: самыхъ враговъ Россіи, нѣмцевъ, называютъ братьями: „какъ можно убивать братьевъ? Христосъ сказалъ: „не убій"...

Смѣю думать, что на это будетъ обращено должное вниманіе. Нельзя же терзать душу православнаго защитника родины, готоваго умереть за вѣру, Царя и отечество, такою пропагандой, нельзя дозволять безнаказанно вносить разладъ въ совѣсть его, отравлять его ядомъ вражды къ родной Церкви. Повторяю: не всякій простецъ воинъ въ состояніи отвѣчать на всѣ рѣчи пропагандиста-баптиста, а потому и свободы такой для еретиковъ, по крайней мѣрѣ, въ окопахъ и на фронтѣ, быть не должно.

Настроеніе нашихъ воиновъ.

На-дняхъ мнѣ пришлось бесѣдовать въ вагонѣ съ однимъ офицеромъ съ фронта нашей доблестной арміи. Онъ говорилъ, что настроеніе войскъ самое бодрое, нужды ни въ чемъ не чувствуется, войско вѣруетъ въ близость побѣды надъ врагами.

Какъ-будто въ подтвержденіе сего я получилъ на сихъ же дняхъ хорошее письмо отъ одного добраго воина, который приложилъ и нѣчто съ просьбою напечатать,—вотъ оно:

Къ друзьямъ.

„Друзья и братья дорогіе!

„Вотъ и намъ ужъ настаютъ минуты оставить жалкій свой пріютъ. Пойдемъ и мы на полѣ брани, чтобы сражаться намъ съ врагами. На поле брани мы пойдемъ и попрощаемся съ друзьями; пошлемъ роднымъ своимъ поклонъ и просимъ ихъ благословенья на подвигъ трудный и сраженье, благослови меня, родная мать! Иду и въ битву роковую за Царя и Русь святую! Не знаю я, живъ буду или нѣтъ, еще пошлю ли вамъ привѣтъ? Теперь пока прощайте, а обо мнѣ не унывайте; я сердцемъ чую, что живъ буду и домой вернуся къ вамъ. Но на все Господня воля: можетъ и не увижу васъ болѣе. И прошу я васъ сердечно: не плачьте обо мнѣ, когда умру я на войнѣ. За Царя и Русь святую намъ не стыдно умереть! Отстоимъ или умремъ, а не выдадимъ врагамъ, не посрамимъ мы родину свою, а послужимъ вѣрно Батюшкѣ Царю! Друзья и братья дорогіе! Господь награду обѣщалъ тѣмъ, кто положитъ жизнь свою за други своя, и сказалъ намъ: кто возлюбитъ отца, или мать, жену или дѣтей больше Меня, тотъ недостоинъ Меня. И вотъ, многіе уже изъ нашихъ братій исполнили заповѣдь сію: они положили уже жизнь свою, оставили семью родную, возлюбивъ заповѣдь святую. Господь сиротъ ихъ не оставитъ и защититъ ихъ вдовъ. Пойдемъ и мы, братья, смѣло, за святое правое дѣло. Отстоимъ или умремъ, или героями домой пойдемъ!"

Таково настроеніе, таковы вѣрованія и беззавѣтныя стремленія на-

шихъ хрістолюбивыхъ воиновъ! Они идутъ въ битву съ мечомъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ!

Автору этого письма я отвѣтилъ:

Рабу Божію Ермолаю—Божіе благословеніе!

Письма твои всѣ получилъ я. Посылаю тебѣ два №№ „Приходскаго Листка“, въ которыхъ прочитаешь мои статейки о баптистахъ и о хорошемъ настроеніи нашихъ воиновъ. Въ послѣдней статейкѣ я помѣстилъ и твое письмо. Слава Богу, что вы, добрые воины наши, стоите крѣпко противъ враговъ. Помоги вамъ, Господи, совсѣмъ сокрушить ихъ. Объ этомъ молится весь православный народъ. Молятся ваши жены, ваши матери, ваши дѣти.

Милость Божія да будетъ на всѣхъ васъ!

Вашъ доброхотъ

Архіепископъ *Никонъ*.

1916 г. мая 21.

324.

Голоса изъ деревни.

Европа считается страною хрістіанскою; наше отечество—православнымъ; однихъ церквей у насъ на Руси насчитывается до 55 тысячъ, монастырей больше тысячи; число православныхъ доходитъ до ста милліоновъ. Казалось бы, надо радоваться, читая эти цифры въ отчетѣ Г. Оберъ-Прокурора; но когда глубже опустишься въ народное море, когда ближе присмотришься: кто иногда у насъ считается православнымъ, то станетъ горько на душѣ и невольно вспомнишь слово Господне: „Много званныхъ, но мало избранныхъ!“

По поводу преобразованія прихода редакція „Прих. Листка“ завалена письмами; нѣтъ никакой возможности печатать всѣ эти стоны православнаго русскаго сердца, протестующаго противъ затѣй Думской комиссіи. Но и я немало получаю крайне скорбныхъ писемъ, особенно сельскихъ батюшекъ, которые въ общемъ вопіютъ: да сохранитъ насъ Богъ отъ этого выборнаго начала, отъ вмѣшательства прихожанъ въ дѣла церковнаго хозяйства! Тогда придется бѣжать куда глаза глядятъ, чтобы не быть участникомъ въ новыхъ порядкахъ. Изъ множества приводимыхъ священниками фактовъ видно, что масса нашихъ православныхъ прихожанъ понимаетъ свои обязанности въ качествѣ прихожанъ совсѣмъ не по-православному, такъ что, читая эти сообщенія, приходишь въ недоумѣніе: да въ самомъ дѣлѣ не ошибочно-ли такихъ прихожанъ считаютъ по книгамъ православными, не сектанты ли это какіе, да и вообще: хрістіане ли? Ничего похожаго на отношеніе пасомыхъ къ своему пастырю не видно... Конечно, это не общее правило; но такія явленія, какъ сообщаемыя священникомъ Подольской епархіи, невольно заставляютъ задумываться. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ. Беру факты въ томъ порядкѣ, какъ ихъ передаетъ священникъ.

Вотъ назначенъ на приходъ священникъ, видомъ невзрачный, невысокаго роста, съ слабымъ голосомъ; служитъ онъ подъ праздн-

никъ всенощную, дошло до литіи; лишь только онъ возгласилъ литійныя прошенія, какъ всѣ бывшіе въ церкви прихожане воскликнули: „на що намъ таке цвиринькало?“ и ушли изъ церкви. Сконфуженный батюшка поѣхалъ ко владыкѣ и былъ переведенъ въ другой приходъ.

Вспомните заявленіе священника профессора Петроградской академіи о томъ, что прихожане искали себѣ пастыря по росту, чтобы ему пригодны были ризы (не перешивать), чтобы и волосъ и голосъ были такіе, какіе имъ нравятся.. Видите: вкусы прихожанъ и въ Петроградѣ тѣ же, что и у провинціаловъ-подолянъ съ тою разницей, что послѣдніе не церемонятся и прямо заявляютъ, что имъ не нуженъ священникъ, непонравившійся имъ по наружности.

Тамъ, гдѣ священникъ пожилой, прихожане говорятъ: „ахъ, якъ-бы намъ молодого батюшку“! Опытные іереи объясняютъ это желаніе тѣмъ, что прихожане думаютъ молодымъ верховодить. Пастыря ли ищутъ себѣ такіе прихожане или просто наемника для совершенія требъ?

Въ одномъ селѣ прихожанинъ закосилъ косою священника за то, что тотъ отсудилъ у него захваченное церковное поле. Въ другомъ сожгли причтовой домъ за тоже. Требовать чего-либо отъ прихожанъ,—пишетъ батюшка—у меня морозъ идетъ по кожѣ. Недавно одного провинившагося священника преосвященный перевелъ на другое мѣсто административно, но явились прихожане ко владыкѣ и заявили: „другого не присылай, не приемъ“, и владыка вынужденъ былъ оставить прежняго. Прихожане иногда просто любятъ смѣну священниковъ. Когда я поступилъ на приходъ, пишетъ священникъ, мнѣ заявили: „вашъ предшественникъ насъ знищивъ, берите съ насъ меньше“. Будучи молодымъ идеалистомъ, я пожалѣлъ ихъ и сталъ брать, что кто дастъ и дошелъ вотъ до чего: сначала за погребеніе съ литургіей давали 8 р., потомъ 4 р., а потомъ 1 р., тогда какъ я старался служить съ утра до 4 ч. вечера. Здоровье разстроилъ порядкомъ, а любовь утратилъ. Потребовали, чтобъ не вносить въ попечительство жалованье старостѣ и сторожу церкви, я настаивалъ на своемъ, тогда заявили, что всѣ пойдутъ исповѣдываться въ сосѣдній приходъ, если я не уступлю. Съ годъ я крѣпился, а потомъ уступилъ, но лишь только согласился съ ними, какъ они на половину уменьшили имъ жалованье, выбрали новаго сторожа безъ моего вѣдома, сторожъ пересталъ въ церкви прислуживать. Я уговаривалъ копить деньги на постройку храма, отнеслись равнодушно, а потомъ вдругъ потребовали постройки церкви подъ угрозою: „стройте, а не то всѣ перейдемъ въ католичество!“ Семь лѣтъ строили храмъ. Сколько было непріятностей изъ-за церковнаго лѣса: „лісъ нашъ, піпъ не мае права дрова рубати!“—Надо было окопать кладбище: не хотятъ, считая неокопанное мѣсто собственностью общества. Наконецъ, одинъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „покажите, гдѣ и какъ окопать“. Иду, показываю. Вдругъ раздается окрикъ: „Олекса, не позволяе!“ Всѣ разбѣгаются и я остаюсь въ дуракахъ. Случалось слышать заявленія такія: „развѣ я не потрафлю служить, давайте мени ризы и кадыло и я буду служить!“ Одинъ прихожанинъ заперъ церковь на свой замокъ подъ тѣмъ предлогомъ, что церковный староста пьянъ, и затерялъ ключи, но на дѣлѣ онъ хотѣлъ добиться смѣны старосты,

чтобы быть выбраннымъ на его мѣсто. На Подоліи были случаи, когда прихожане запирали церковь, чтобъ не пустить священника и дѣло доходило до свѣтскаго суда и тюрьмы за самоуправство. Разъ на Благовѣщеніе я говорилъ проповѣдь, вдругъ раздается въ толпѣ возгласъ: „пора намъ до домы иты!“ И церковь почти опустѣла, а я съ смущеніемъ закончилъ проповѣдь словами: „слушайте стѣны!“ „Говори имъ проповѣди,—продолжаетъ священникъ,—толкуй про пороки: пьянство, воровство, картежничество, и что же слышишь потомъ?— А ну, хлопцы, не пустимъ его до церкви!“ или: „а цего, завезимъ до Л—цы, а соби привезимъ изъ Л—цъ!“ Окончилась постройка церкви; староста захотѣлъ святить 4 декабря. Я говорю, что это зависитъ отъ начальства, а онъ: „обманюете, вы можете самы це зробыты“. И давай ломать ворота на подворьѣ и кричать: „выкиньмо попа на улицю; колы вінъ такій то не потребень вінъ намъ!“—„Человѣче Божій,—говорю,—поѣзжай къ преосвященному и проси вмѣсто того, чтобы ломать дверь“. И поѣхалъ и привезъ локомобилемъ архитектора и хотя церковь еще не вполнѣ была закончена, но все же ради спокойствія архитекторъ написалъ, что все готово къ освященію.

Выбрали старосту такого именно, какого сами хотѣли; онъ показалъ усердіе, къ храму, въ три года скопилъ до 500 руб, а ему: „Доки ты будешь старостою? Покидай! Дѣ ты гроши дѣваешь?“ Другіе кричатъ: „вінъ знюхався съ попомъ и дѣляця грошьми“. При учетѣ старосты присутствуютъ представители, а самого старосту не допускаютъ продавать свѣчи, поставили особаго избранника, который записываетъ и даетъ во всѣмъ отчетъ, и тѣмъ не менѣе: „куда ты гроши дѣваюця?“ Тутъ просто какая-то манія, на счетъ обсчетовъ, они все считаютъ своимъ и хотятъ распоряжаться безконтрольно помимо церкви и старосты.

„Винъ нашъ наймитъ, мы его годуемъ, а винъ безъ насъ съ голоду умеръ бы“. Это слыхалъ и я, и другіе подольскіе священники. А то еще: „сорока съ плота, а на плотъ сорокъ“, т.-е. убирайся съ прихода, не жалѣемъ.

Заявляютъ благочинному: „хотимъ, чтобъ церковный староста получалъ жалованье съ церкви“. О: благочинный отклонилъ это. Говорю имъ: „этотъ староста столько сдѣлалъ въ вашу пользу, а вы уже не хотите его оставить?“ А они: „бо кончилось трехлѣтіе и онъ долженъ проситься объ увольненіи“. Ужъ не будутъ ли они и священниковъ выбирать тоже на трехлѣтіе при выборныхъ порядкахъ?

Въ церкви учащихся гонятъ отъ солеи назадъ, а сами становятся впереди. Поставишь дѣтей впереди—или прогонятъ или кулаки тычутъ въ ротъ; были случаи, что выгоняли ихъ совсѣмъ вонъ изъ церкви“. Псаломщики, къ сожалѣнію, и по своему умственному развитію, и по нравственнымъ качествамъ большею частью стоятъ къ такимъ прихожанамъ ближе, чѣмъ священникъ: они иногда и принимаютъ участіе въ интригахъ прихожанъ противъ священниковъ. Такъ, просилъ авторъ своего владыку о переводѣ въ другое мѣсто, преосвященный предложилъ другой приходъ, священникъ поѣхалъ туда ознакомиться и псаломщикъ заявилъ ему: „отслужите-ка, батюшка, и тогда общество узнаетъ, какъ вы служите, и дастъ вамъ подводу“ и пр. Впослѣдствіи оказалось, что этотъ псаломщикъ былъ агита-

торомъ и уже нѣсколькихъ священниковъ быстро выжилъ изъ прихода, но и самъ потомъ былъ уволенъ, попавшись въ своихъ продѣлкахъ.

„Охъ, какая нужна поддержка со стороны благочиннаго и со стороны преосвященнаго, для желающаго трудиться въ добромъ направленіи пастыря,—заключаетъ свое письмо подольскій священникъ,—особенно тамъ нужда, гдѣ въ селѣ богачи, какъ у меня; гдѣ бѣдняки, тамъ и охотнѣе жертвуютъ на все, и послушнѣе въ отношеніи къ священнику. Не разъ приходилось мнѣ вздыхать, слезы проливать, почему я не попалъ на приходъ болѣе бѣдный? А перейти на такой все не удается“.

Вотъ вамъ картинки съ натуры, сообщаемыя не беллетристомъ и не простымъ корреспондентомъ, а пастыремъ, многое за 25 лѣтъ выстрадавшимъ на приходѣ „богатаго“ села. Настроеніе этого прихода вовсе не хрістіанское. О послушаніи Церкви, пастырямъ, уставамъ и порядкамъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Отношеніе къ духовному отцу какое-то презрительное. Въ глазахъ деревенскихъ богачей священникъ не больше какъ „наймитъ“, его великодушіе и идеальничанье безсовѣстно эксплоатируется, съ 8 р. платы за цѣлый день служенія переходятъ на рубль; не хочешь жить—уходи; требуетъ законнаго—„обманюетъ“, и т. д. Можно ли говорить тутъ о смиреніи, о довѣріи къ совѣсти пастыря и под. Можно думать, что въ Подольской губерніи близость католическаго вліянія съ одной, баптизма и штунды—съ другой стороны оказываютъ свое воздѣйствіе на эти отношенія, но вотъ Калужская епархія: „Сельскій Вѣстникъ“ сообщаетъ, что одинъ крестьянинъ перешелъ въ секту „Новый Израиль“ только потому, что не хотѣлъ платить 14 коп. на церковнаго сторожа, другой 63-лѣтній старикъ перешелъ въ расколъ только потому, что того захотѣла его вторая жена. Тутъ не одно невѣжество; тутъ страшное равнодушіе къ вѣрѣ, къ вѣчному спасенію (подъ какими воздѣйствіями или противодѣйствіями духовенству оно воспитывается—это другой вопросъ). И вотъ, такимъ-то „прихожанамъ“ хотятъ довѣрить право выбирать себѣ пастырей и распоряжаться церковнымъ имуществомъ... Да еще надобно точнѣе установить признаки: кого можно считать „прихожаниномъ“, а эти признаки станешь устанавливать по правиламъ церковнымъ, то, пожалуй, въ иномъ приходѣ окажется десятокъ-другой изъ тысячи, а иногда и—никого, достойнаго имени прихожанина, ибо такое имя тожественно съ именемъ истиннаго православнаго хрістіанина. Я уже не говорю о неканоничности всѣхъ подобныхъ вожделѣній нашихъ преобразователей прихода.

Два слова о „мякинномъ кормѣ“.

Мы живемъ въ вѣкъ полной распущенности печати; всякій, кому охота, воображаетъ себя „писателемъ“ и свободно пишетъ, что ему вздумается, лишь бы нашлось изданіе, которое дастъ мѣсто его писанію. Немало такихъ писателей и среди духовенства; пишутъ они большею частію въ своихъ органахъ, въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Читать мнѣ всѣ эти вѣдости нѣтъ ни времени, ни силъ; но иногда тамъ появляются статейки, на которыя стоитъ обратить вниманіе хотя бы какъ на образчики мышленія нашихъ батюшекъ, иногда

въ глуши провинціи разучившихся читать чужія статьи, но желающихъ показать, что и они не прочь быть если не писателями, то хотя бы „публицистами“. Спасибо другимъ батюшкамъ, которые иногда нѣтъ-нѣтъ да и поймаютъ такого батюшку-публициста съ поличнымъ, и покажутъ его... употреблю слово не особенно лестное для такихъ писателей—невѣжество.

Писалъ я въ прошломъ году въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ между прочимъ о нелегкомъ положеніи нашего сельскаго духовенства и привелъ въ примѣръ извѣстнаго мнѣ когда-то старца священника, который служилъ литургію по заказу крестьянина за крошню мякины. Думаю, всякій пойметъ, что мякина назначалась для корма принадлежащей батюшкѣ скотинки, а не для самого батюшки; ну, а вотъ нѣкій іерей Тульской епархіи села Студенецъ В. Якшинскій изволитъ увѣрять читателей „Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ будто „архіепископъ Никонъ запугиваетъ и обезсиливаетъ послѣдняго работника“, то есть, священника, „своимъ пожеланіемъ ему мякиннаго корма“. Кто не читалъ моей статьи и въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что я „желаю священнику мякиннаго корма“. Какъ не стыдно священнику искажать слова старика архіерея, который привелъ фактъ, доказывающій бѣдность священниковъ, фактъ, конечно, въ сущности нимало не позорный, ибо тотъ же о. В. Якшинскій навѣрное не отказался бы отслужить обѣдню, если бы ему предложили—ну, не крошню мякины, а примѣрно мѣшокъ овса мѣрки въ три (по нынѣшнимъ цѣнамъ это рублей на 8): что же тутъ было бы зазорнаго? Тѣ же деньги, чѣмъ покупать овесъ для лошадки, о. В. Якшинскій скормилъ бы этотъ мѣшочекъ да еще и спасибо сказалъ бы крестьянину. Было время, были мѣры другія, а сущность осталась та же. Наши отцы собирали по приходу и мякину, и кострячку, не говоря уже о „скопахъ“: творогъ, сметану, яйца и пр. Все шло въ дѣло: соломкой крышу поправятъ и скоту подстилку приберегутъ, а кострикой избу на зиму защатятъ. Я говорю о старыхъ временахъ и обычаяхъ. По мѣстамъ и теперь еще водится. По крайней мѣрѣ одинъ батюшка изъ той же Тульской епархіи, Одоевскаго уѣзда, возмущенный неприличной, по его мнѣнію, выходкой своего собрата противъ меня, пишетъ мнѣ, что ему было обидно читать въ епархіальномъ органѣ такія „пошлыя остроты“ противъ меня. Положимъ, я и не замѣтилъ бы „Маленькихъ мыслей“ о. В. Якшинскаго, если бы не указалъ мнѣ на нихъ упомянутый священникъ. Но разъ я ознакомился съ этими „мыслями“, я считаю не лишнимъ отмѣтить въ своемъ дневникѣ, какъ печальное явленіе, тотъ тонъ, какимъ нынѣшніе иные батюшки позволяютъ себѣ откликаться на заботы объ нихъ же епископовъ. Видно, что подобные батюшки читаютъ „биржовки“, разные „Утра“ и въ достаточной степени пропитываются жидовскими способами дискредитированія епископовъ въ мнѣніи читателей...

А что сказать о редакціи, дающей мѣсто такимъ выходкамъ? Я объясняю это просто недосмотромъ съ ея стороны: при спѣшной работѣ составленія текущихъ №№ возможно, что и не всякое слово возмешь во вниманіе: иное надо бы просто вычеркнуть, какъ неумѣстное, неподходящее къ дѣлу, но оно ускользнетъ и останется въ статьѣ незамѣченнымъ, пока кто-нибудь не обратитъ на него вниманія...

325—329.

Странички изъ современнаго патерика.

Соберите избытки укрухъ, да не погибнетъ ничтоже. (Іоан. 6, 12).

Послѣ чудесной трапезы въ пустынѣ, когда Господь насытилъ пять тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбицами, Онъ заповѣдалъ Апостоламъ собрать всѣ крохи, оставшіяся отъ трапезы, да не погибнетъ отъ нихъ ничтоже. Проблески духовной жизни въ Церкви Христовой, конечно, дороже крошекъ видимаго хлѣба, ибо питаютъ души живыми примѣрами добродѣтелей, увлекаютъ сердце къ подражанію. Вотъ почему отъ вѣковъ древнихъ повелся обычай ревнителей духовной жизни собирать хотя бы и отрывочныя сказанія о всѣхъ подвижникахъ, о всякомъ ихъ дѣлѣ и словѣ. Такъ образовались Патерики, Лимонари, Лавсаики и подобные сборники, это сокровище многоцѣнное опыта духовнаго и жизни христіанской.

Жива Христова Церковь и понынѣ, ибо неложно слово Его: *Азъ есмь съ вами*, вѣрующими, *во вся дни до скончанія вѣка, и врата адова не одолѣютъ ей.* Но жизнь духовная есть сокровище сокровенное: въ полнотѣ своей оно вѣдомо единому Богу. Духъ христоподражательнаго смиренія не попускаетъ православному дѣлать добро напоказъ: это противно душѣ его. „Не носи своего добра на языкѣ своемъ, чтобъ не склевали его адскія птицы“ — вотъ завѣтъ отцевъ нашихъ, древнихъ подвижниковъ. Оттого и выходитъ наружу, противъ воли самихъ подвижниковъ, очень немногое — только то, чего нельзя сокрыть, что само собою свѣтится по слову Христову: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ.* Но тѣмъ цѣннѣе эти жемчужины духа, тѣмъ они свѣтлѣе, тѣмъ достохвальнѣе православная жизнь, тѣмъ паче славится въ Церкви Своей вѣчная Глава ея—Христосъ Спаситель.

Смиренная добродѣтель православная (говорю *православная*, а не просто христіанская, ибо не всякое христіанское исповѣданіе такъ подчеркиваетъ смиреніе, какъ это дѣлаетъ наша православная Церковь) не только сама себя укрываетъ, но и искренно сама себя *не знаетъ*, почитая самымъ естественнымъ явленіемъ въ духовной жизни то, что она творитъ. Человѣкъ не можетъ жить безъ дыханія: вотъ такъ же подвижникъ не можетъ не исполнять заповѣдей Христовыхъ, не понуждать себя къ сему дѣланію, а слѣдовательно: какая же въ томъ заслуга предъ Богомъ? За что хвалить себя? за то, что хоть съ трудомъ, а все же дышешь? Да это—милость Божія, а не твоя заслуга. Но добро имѣетъ свойство согрѣвать не только подвижника, но и всѣхъ, кто около него: оно благоухаетъ и окружающіе, имѣющіе, по выраженію митрополита Филарета, очищенное чувство духовное, или, по крайней мѣрѣ, ищущіе сего очищенія, не могутъ сердцемъ не ощущать сего благоуханія. И тѣ, кому дорого это сокровище, кому Богъ положитъ на сердце, иногда не только запоминаютъ, повѣдаютъ другимъ, но и письменно передаютъ свои наблюденія на пользу читающимъ. Иногда эти

замѣтки простыхъ людей отличаются наивностью, но тѣмъ онѣ дороже для вѣрующихъ, дороже умно написанныхъ мемуаровъ великихъ міра сего.

У меня въ рукахъ тетрадь одного простеца инока родной моей обители, долго пожившаго въ пустыни Святаго Параклита, подчиненной Троицкой лаврѣ, покинувшаго эту пустынь за святое послушаніе. Въ назиданіе тѣхъ, кто не критикуетъ современное монашество, а ищетъ въ средѣ его того сокровища, которое въ наше грѣшное, гордое время особенно дорого, дѣлаю выписки изъ рукописи сего инока. Можетъ быть утилитаристъ нашего времени не найдетъ тутъ ни подвиговъ просвѣщенія народа, ни особыхъ выдающихся дѣлъ милосердія, но я вѣрю, что мой читатель, любящій Церковь и вѣрующій въ нее цѣлымъ сердцемъ, отдохнетъ душой и найдетъ утѣшительное подтвержденіе того, что не напрасно существуютъ наши обители, что въ нихъ еще вѣетъ духъ подвижничества, завѣщаннаго преподобными отъ вѣковъ древнихъ.

I.

Послушникъ Стефанъ.

17 февраля 1877 года въ пустыни Святаго Параклита скончался старичекъ, рясофорный послушникъ Стефанъ. Онъ всегда занимался молитвою Іисусовой и соблюдалъ строгое воздержаніе. По простотѣ своей не умѣлъ онъ скрывать своего молитвеннаго настроенія, всегда вслухъ творилъ молитву Іисусову, даже и тогда, когда занимался рукодѣліемъ, такъ что на немъ буквально исполнялось ученіе святыхъ Отецъ: „дѣло въ рукахъ, а молитва въ устахъ“. Послушаніе его было— дѣлать грабли и топорища, и онъ настолько былъ усерденъ къ своему дѣлу, что послѣ его смерти его издѣлій осталось въ запасѣ на много лѣтъ. А худощавъ и легокъ онъ былъ настолько, что жившій въ то время на кухнѣ послушникъ Сергій (нынѣ духовникъ пустыни, іеромонахъ Серапіонъ), глубоко чтившій старца Стефана, бывало, возьметъ его въ охапку и принесетъ къ себѣ въ келью, чтобъ напоить чайкомъ. И старецъ, не имѣвшій своего самовара, бывалъ этому подѣтски радъ. Но и за чаемъ онъ не оставлялъ своего духовнаго дѣланія и повторялъ: „эхъ, братъ! Мы вотъ чаекъ попиваемъ, а что намъ будетъ на томъ свѣтѣ-то?“ — Иногда и заплачетъ при такихъ размышленіяхъ. Напоминая всѣмъ о второмъ пришествіи Господа, онъ былъ общимъ любимцемъ всей братіи. И скончался онъ яко единъ отъ древнихъ: по напутствованіи святыми Таинствами Церкви, съ молитвой на устахъ затихло его дыханіе и духъ его возвратился къ Богу, а тѣло предано землѣ около церкви обители.

II.

Рясофорный послушникъ Георгій.

1889 года іюля 20 въ пустыни Святаго Параклита скончался старичекъ Георгій Родіоновъ. Въ міру онъ занимался мелочной торговлей въ разноску. Въ пустынь поступилъ уже подъ старость; но ревность ко спасенію имѣлъ наравнѣ съ молодыми. Въ церкви онъ былъ свѣчникомъ, а въ трапезѣ старшимъ трапезникомъ. Ко всѣмъ службамъ являлся за полчаса, несмотря на то, что въ то время утреня бывала въ полночь. Всѣ службы онъ выстаивалъ съ благоговѣніемъ, не позволяя себѣ садиться безъ времени. Неопустительно совершалъ онъ и келейное пра-

вило; свою „пятисотницу". Въ трапезѣ онъ готовъ былъ подбѣжать къ каждому и спросить: не нужно ли чего подать? Чаю вовсе не пилъ; если иногда разрѣшалъ себѣ до обѣда съѣсть ломтикъ хлѣба съ квасомъ, то потомъ каждому жаловался: „вотъ я какой грѣшникъ, не дотерпѣлъ, не удержался, поѣлъ прежде времени". Такъ онъ чутокъ былъ къ упрекамъ своей совѣсти. Отъ долгаго стоянія у него отекли ноги и открылись раны, изъ коихъ сочился гной. Наконецъ, однажды, во время акаѳиста преподобному Сергію, къ удивленію всѣхъ, старецъ присѣлъ: тутъ всѣ поняли, что приближается конецъ его жизни. Съ недѣлю пользовали его домашними средствами, потомъ пособоровали, причастили святыхъ Христовыхъ Таинъ и отправили въ больницу лавры, гдѣ онъ и скончался. Погребенъ въ родной ему пустыни Св. Параклита.

III.

Юноша Петръ.

1899 года мая 4 скончался въ лаврской больницѣ юный послушникъ Петръ. Сей юноша украсилъ свою жизнь цѣломудріемъ Іосифа Прекраснаго и послушаніемъ преподобнаго Досиѳея. Мальчикомъ жилъ онъ въ Петроградѣ у богатаго хозяина. Онъ былъ очень красивъ лицомъ: когда пришелъ въ возрастъ, его красота плѣнила его хозяйку, которая стала его склонять на грѣхъ. Страхъ Божій, страхъ душевной погибели и страхъ срама предъ людьми сдѣлали то, что онъ бросилъ шумный городъ и убѣжалъ въ обитель, и сдѣлалъ это такъ быстро, что и расчета не взялъ у хозяина, поручивъ это сдѣлать своему отцу, который жилъ тоже въ Петроградѣ. Какими-то судьбами Богъ направилъ его въ пустыню Святаго Параклита. Въ то время подвизался тамъ старецъ схимонахъ Онуфрій, имѣвшій много учениковъ. Принятый въ обитель, юноша Петръ съ великимъ усердіемъ и горячею ревностію пошелъ къ старцу, разсказалъ ему всю свою жизнь и просилъ его принять подъ свое руководство, обѣщаясь повиноваться во всемъ. И когда старецъ согласился, юноша съ того же дня предался ему, по выраженію святыхъ отцевъ, какъ желѣзо кователю. Скоро его чистая душа усвоила молитву Іисусову. Онъ сталъ блюсти строгое воздержаніе: съ утра выходилъ голоднымъ на послушаніе, за обѣдомъ ѣлъ довольно, а за ужиномъ съѣдалъ только нижнюю корку хлѣба, которую и жевалъ въ продолженіе всего ужина, дополняя этотъ скудный столъ тремя ложками щей и нѣсколькими крупинками каши. Жалѣя его, братія говорили ему, чтобы онъ кушалъ больше, но онъ уклончиво отвѣчалъ: „простите, я насытился и больше не хочу есть". А иногда скажетъ: „простите, у меня грѣховъ много, помолитесь". Такъ онъ подвизался два года. Въ 1898 году найденъ былъ на луговинѣ пустынной умершій странникъ. Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ. Пустынь Св. Параклита находится въ предѣлахъ Владимірской губерніи, поэтому разслѣдованіе этого дѣла должно было производиться не Сергіево-посадской полиціей, а изъ города Александрова слѣдователемъ. Прошло тринадцать дней, пока явился слѣдователь. Все это время пустынная братія обязана была стеречь тѣло умершаго день и ночь. Наравнѣ съ другими былъ назначенъ на это послушаніе и юноша Петръ. Съ покорностью принялъ онъ это послушаніе, но жуткость лѣсная, темнота ночная, сырость и холодъ, безотчетный страхъ и зловоніе отъ трупа смутили юношу и подѣйствовали

вредно на его здоровье. Съ того времени онъ сталъ недомогать, слабѣть и блѣднѣть. Насталъ великій постъ; ему хотѣлось поститься по прежнему, старецъ не давалъ на то совѣта, но онъ, по ревности своей, держалъ строгій постъ и на всѣ предложенія братіи пожалѣть себя отвѣчалъ: „простите, не хочется ѣсть". На Страстной недѣлѣ онъ совершенно изнемогъ. Пропѣли „Христосъ Воскресе", разговѣлись, разговѣлся и онъ, съ большимъ трудомъ проглотивъ кусочекъ кулича, но больше уже ничего не могъ ѣсть. Его причастили святыхъ Христовыхъ Таинъ и отправили въ лаврскую больницу, тамъ онъ недѣли двѣ протянулъ и скончался. Не за долго до смерти онъ сказалъ окружающимъ: „отнесите меня на мою койку". Такъ нѣкогда преподобный Никонъ, умирая говорилъ: „отнесите меня въ свѣтлую храмину, уготованную мнѣ молитвами отца моего: не хочу здѣсь болѣе оставаться".

Скончался Петръ на 20 году своей жизни. Погребенъ на братскомъ кладбищѣ въ Боголюбовской киновіи.

Скончався вмалѣ, исполни лѣта долги.

IV.

Схимонахъ Стефанъ.

Въ 1899 году іюля 21 дня скончался схимонахъ Сергіевы лавры Стефанъ, въ монашествѣ Савватій. Онъ происходилъ изъ дворовыхъ людей; какъ только произошло освобожденіе крестьянъ, онъ покинулъ міръ и поступилъ сначала къ „блаженному" Филиппушкѣ въ киновію, которая тогда только что устраивалась, потомъ, какъ хорошій садовникъ, былъ взятъ въ лавру, въ братскій садъ. Хотя онъ занималъ должность старшаго садовника, у котораго подъ рукой было немало людей, о. Савватій всегда былъ самъ за работой: всегда можно было его застать съ лопатой въ рукахъ въ полумантіи, съ четками на шеѣ, въ монашеской шапочкѣ. Многимъ онъ напоминалъ въ этомъ видѣ преподобныхъ Сергія и Серафима, трудившихся вотъ такъ же на своихъ огородахъ. Каждый день онъ являлся на братскій молебенъ въ 2 часа ночи и бодро выстаивалъ всѣ продолжительныя богослуженія. Тайно носилъ онъ вериги и власяницу, а за неподобные помыслы наказывалъ себя стоя голыми колѣнями на жестяной теркѣ. Терка и крестъ отъ веригъ и теперь хранятся у его почитателей. Всѣ эти тѣлесныя удрученія онъ продолжалъ до постриженія въ схиму, которую принялъ въ 1896 году съ именемъ Стефана. Въ схимѣ онъ продолжалъ свои подвиги подъ руководствомъ духовника, старца іеромонаха Тимолая. Многіе не только изъ братіи, но и изъ богомольцевъ обращались къ нему за совѣтомъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Особенно любилъ онъ учить послушанію волѣ Божіей: въ ней онъ указывалъ главное основаніе для спокойствія души. А если ему кто начиналъ противорѣчить въ этомъ самопреданіи волѣ Божіей, онъ умолкалъ, пока обстоятельства не оправдывали его словъ. Въ такихъ случаяхъ старецъ говорилъ: „вотъ теперь позналъ волю-то Божію?" Всѣмъ, богоугодно живущимъ, по слову преподобнаго Іоанна Лѣствичника (гл. 4, 105), свойственъ духъ прозорливости: не лишенъ былъ сего дарованія въ нѣкоторой степени и о. Савватій. Еще въ 1878 году, когда была война съ турками, старецъ, провидя духомъ хотящая быти спрашиваетъ пришедшую къ нему на совѣтъ послушницу Хотькова монастыря Анисію: „вотъ, матушка, я уже старъ сталъ; но что если ме-

ня назначатъ ходить за ранеными солдатами, итти ли мнѣ или отказаться?"—„Нѣтъ батюшка, сказала Анисія: отказываться нельзя, начальники назначатъ—надо итти".—„Такъ, матушка, вѣрно, подтвердилъ старецъ: надо слушаться начальниковъ".—Дѣйствительно: когда привезли раненыхъ, Анисію назначили ходить за ними. Одна монахиня просила у него благословенія ѣхать въ Бѣлевъ, въ гости къ знакомой монахинѣ. Онъ сказалъ ей: „пожалуй, въ чужомъ монастырѣ можно и умереть". Такъ и случилось: на пути въ Бѣлевъ она простудилась, заболѣла тифомъ и умерла въ Бѣлевѣ. Удручаемый старостію и немощію, онъ пособоровался и перешелъ въ больницу. Къ этому времени онъ раздалъ все, что было въ келліи, и, выходя, гадательно сказалъ: „чрезъ 20 дней за мной придутъ". И дѣйствительно: ровно чрезъ 20 дней за нимъ пришла смерть. За все время пребыванія въ больницѣ онъ причащался св. Хрістовыхъ Таинъ чрезъ день, съ полнымъ молитвеннымъ приготовленіемъ. Онъ былъ настолько цѣломудренъ, что никогда не могъ принудить себя отправить естественную нужду въ комнатѣ, гдѣ находились св. иконы, такъ что въ самый день его кончины его выводили подъ руки; никто не видалъ его обнаженнымъ. Даже бѣлье въ болѣзни перемѣнялъ самъ и только когда уже не въ силахъ былъ этого сдѣлать, допустилъ служителя помочь ему въ этомъ. Въ болѣзни своей онъ не употреблялъ никакихъ лѣкарствъ, всецѣло предавая себя надеждѣ на Бога, на Матерь Божію и преподобнаго Сергія.

За день до смерти старца, его служителю, который спалъ на сосѣдней койкѣ, приснилось, будто онъ находится на Смоленскомъ кладбищѣ лавры, близъ могилы, въ которой долженъ былъ быть погребенъ старецъ. И видитъ онъ, будто на пескѣ, на мѣстѣ могилы лежатъ спѣлыя ягоды, малина и клубника, за которыми онъ и потянулся, чтобы набрать ихъ, но земля разступилась могилой и послышался голосъ „это могила святаго". Послушникъ отъ страха проснулся и подошелъ къ больному, думая, не умеръ ли онъ; но старецъ лежалъ и крестился. Въ послѣдній разъ онъ причастился 20 іюля, а на другой день утромъ пришелъ къ нему духовникъ, іеромонахъ Тимолай, и видя его слабость, предложилъ ему опять причаститься св. Таинъ. Но старецъ вспомнилъ, что вчера съ вечера не выслушалъ правила, отвѣтилъ: „благодарю Господа Бога, вчера я сподобился св. причащенія, а если Богу угодно будетъ, то завтра причащусь". Духовникъ ушелъ, а немного спустя пріѣхали изъ Москвы монахини посовѣтоваться съ о. Стефаномъ и проститься, но онъ уже не принялъ и чрезъ служителя сказалъ: „обо всемъ говорено раньше, а теперь уже поздно". Послѣ сего служитель занялся уборкой палаты; прошло съ полчаса и онъ замѣтилъ, что о. Стефанъ пересталъ креститься и мухъ уже не отгоняетъ. Подошелъ, окликнулъ, отвѣта нѣтъ, взялъ за пульсъ: жизнь уже кончилась. Согласно его завѣщанію тотчасъ дали знать тѣмъ, кто пользовался его расположеніемъ и совѣтами: они пришли и стали приготовлять его къ погребенію. Скончался онъ на 73 году отъ роду. Ученики и почитатели его поставили на его могилѣ памятникъ.

V.

Монахъ Пименъ

(многоболѣзненный).

29 сентября 1899 года въ больницѣ Сергіевы лавры скончался

монахъ пустыни Святаго Параклита Пименъ, страдавшій отъ костоѣды много лѣтъ, съ ранней юности.

Тимоѳей Чугуновъ,—такъ звали его въ міру, — занимался въ Тулѣ сапожнымъ мастерствомъ. Когда онъ удостовѣрился, что болѣзнь его неизлѣчима, то прикончилъ хозяйство и пошелъ въ монастырь ради спасенія души своей. Это было въ 1882 году. Поступилъ онъ въ пустынь Святаго Параклита и проходилъ послушаніе въ сапожной мастерской. А такъ какъ онъ обладалъ пріятнымъ голосомъ, могъ пѣть и прекрасно читалъ, то его поставили канонархомъ; это послушаніе онъ и исполнялъ до послѣдняго ослабленія силъ болѣзнію. Костоѣдъ на правой ногѣ выше колѣна надѣлалъ много ранъ до самаго бедра: раны всегда гноились и причиняли ему нестерпимую боль. Надо было каждый день промывать ихъ и дѣлать перевязку. Какого терпѣнія стоило все это, особенно когда приходилось отдирать отъ ранъ присохшіе бинты! Но и при такомъ страданіи не оставлялъ онъ храма Божія и канонаршества. За такое усердіе и ревность къ благочестію въ 1895 году постригли его въ мантію и назвали его Пименомъ, да будетъ не только въ страданіи сообразенъ кіево-печерскому многоболѣзненному Пимену, но и именемъ тезоименитъ ему.

Особенно хорошо, проникновенно читалъ онъ каноны; онъ настолько углублялся въ нихъ, что даже забывалъ о болѣзни и нерѣдко плакалъ отъ духовнаго умиленія. Въ послѣдній годъ его жизни на Страстной седмицѣ нога его такъ разболѣлась отъ продолжительныхъ службъ, что онъ иногда зубами заскрипитъ, а изъ храма Божія не уйдетъ, мужественно выстаивал всѣ службы наравнѣ съ прочей братіей. Особенно трудно пришлось ему въ Великую Субботу: не зная, чѣмъ заглушить свою боль, онъ взялся читать на литургіи паремі, коихъ насчитывается до 15-ти. Читалъ ихъ съ особеннымъ одушевленіемъ, стоя на одной ногѣ. Послѣ Пасхи болѣзнь стала усиливаться все больше и больше и онъ принужденъ былъ отправиться въ Москву. Тамъ въ больницахъ сдѣлали ему двѣ мучительныхъ операціи: вынули отдѣлявшіяся небольшія косточки. Но эти операціи не улучшили его здоровья, а потому онъ рѣшилъ отправиться въ лаврскую больницу, чтобы тамъ умереть. Во время пребыванія своего въ городскихъ больницахъ и вообще во время всей болѣзни не оставлялъ онъ своего монашескаго правила: каноны, акаѳисты, молитвы вычитывалъ сполна, сидя или лежа; удивляться надо было его терпѣнію: онъ никогда ни на кого не пороптал, но только повторялъ одно и тоже: „видно на все воля Божія“.

Много горя видѣлъ онъ отъ этой болѣзни, много слезъ пролилъ, много разъ обращался къ врачамъ, прибѣгалъ и къ Врачу небесному, бывалъ въ святыхъ мѣстахъ, у чудотворныхъ иконъ, источниковъ, просилъ угодниковъ Божіихъ, но—исцѣленія не получалъ. Какую же тутъ надо было имѣть вѣру, какое непоколебимое упованіе на Промыслъ Божій и преданность въ Его волю! Воистину твердыя души было дѣланіе сіе! Оправдались на немъ слова Священнаго Писанія: *вѣренъ же Богъ, Иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13). Преподанъ былъ избытокъ благодати сему рабу Божію, терпѣливому страдальцу, и,

укрѣпляемый ею, онъ все претерпѣлъ до конца.

Видя свое крайнее истощеніе, онъ особоровался и, часто причащаясь св. Хрістовыхъ Таинъ, въ мирномъ духѣ ожидалъ послѣдняго дня своей жизни. Наканунѣ своей смерти онъ собственноручно написалъ письмо своему старцу о. Серапіону, прося его поскорѣе притти изъ пустыни, чтобы проститься съ нимъ и благословить его. Но, не дождавшись старца, утромъ 29 сентября, по принятіи св. Таинъ, радуясь духомъ, отшелъ ко Господу. Прибыли пустынножители и послѣ отпѣванія похоронили его на братскомъ кладбищѣ Боголюбивой киновіи.

VI.

Послушникъ Павлуша.

12 февраля 1906 года въ пустыни Святаго Параклита скончался рясофорный послушникъ Павелъ сапожникъ, котораго за простоту нрава прозвали Павлушей. Въ обитель поступилъ онъ въ 1893 году и съ первыхъ же дней началъ подвизаться подъ руководствомъ старца схимонаха Онуфрія. Охотно проходилъ онъ подвигъ безотвѣтнаго послушанія, смиренія и терпѣнія, а такъ какъ всѣ добродѣтели пребываютъ въ союзѣ между собою, то и Павлуша постепенно сталъ присоединять подвигъ къ подвигу: пищу употреблялъ онъ только въ трапезѣ, притомъ всегда съ тайной молитвой Іисусовой, а иногда и со слезами, осуждая себя, якобы онъ недостоинъ сего вкушенія; за ужиномъ ѣлъ очень мало, чаю вовсе не пилъ, на молитвѣ простаивалъ всѣ службы, не опуская и келейнаго правила, спалъ сидя, такъ что отъ стоянія на молитвѣ и сидячаго сна ноги опухли и стали какъ бревна. Когда узналъ объ этомъ старецъ, то запретилъ ему спать сидя и онъ сталъ ложиться въ подрясникѣ на голыхъ доскахъ. Однажды онъ заснулъ при зажженной сальной свѣчѣ, сидя за книгой; свѣча догорѣла, на подсвѣчникѣ загорѣлись спички, огонь добрался до книги и листовъ пять уже попортилъ, когда отецъ Павелъ проснулся, заслышавъ, что на головѣ у него уже трещатъ волосы. Въ другой разъ, поспѣшивъ къ утрени, онъ забылъ загасить свѣчу и ушелъ въ церковь. Сальная свѣча также догорѣла, растопилась, сало вылилось на скатерть, которая и загорѣлась. Промысломъ Божіимъ, къ счастію всей пустыни, одинъ братъ, жившій на конномъ дворѣ, проспалъ и, спѣша къ утрени, замѣтилъ въ кельи Павлуши огонь. Онъ поднялъ тревогу и огонь скоро погасили. Испуганный Павлуша вообразилъ, что отецъ игуменъ немедленно выгонитъ его изъ обители и послѣ утрени бросился къ нему просить прощенія. На колѣнахъ онъ умолялъ его ради Бога простить: „что хочешь со мной дѣлай, только не выгоняй изъ монастыря!“ Игуменъ былъ тронутъ такимъ его смиреніемъ и любовью къ обители, поставилъ его на поклоны въ трапезѣ на недѣлю и келью далъ на время на конномъ дворѣ. Послѣ сего братъ Павелъ сталъ еще больше смиряться: носилъ одежду самую худую и грязную, старался быть небрезгливымъ, часто назначали его прислуживать престарѣлымъ больнымъ и умирающимъ. Однажды братія вошла въ келью больного старца, смотрятъ — Павлуша кормитъ его изъ своихъ рукъ, крошки хлѣба падаютъ изо рта больнаго на его грязную рубашку и на полъ, а Павлуша бережно подбираетъ ихъ и кладетъ себѣ въ ротъ... Это напомнило, какъ одинъ египетскій пустын-

никъ кормилъ прокаженнаго, у котораго сгнили уста.

Даръ слезъ у Павлуши былъ необыкновенный. Извѣстно, что отъ постояннаго углубленія въ себя, отъ самоукоренія и смиренія, а также отъ постояннаго памятованія своихъ грѣховъ и смертнаго часа рождаются источники слезъ. И вотъ, бывало, стоитъ онъ въ церкви и хлюпаетъ отъ плача; а во время говѣнія подходилъ къ св. Причастію всегда съ великимъ благоговѣніемъ, съ закрытыми глазами, изъ-подъ вѣкъ коихъ катились крупныя капли слезъ. Самъ старецъ его, о. Онуфрій, удивлялся его настроенію и въ назиданіе другимъ говорилъ: „удивляюсь я на о. Павла: приходитъ онъ иногда съ маловажными погрѣшностями и, открывая ихъ, часто проливаетъ слезы ручьями; откуда только онѣ у него берутся?“

Въ жизни духовной обычно, что людямъ, избравшимъ путь произвольнаго смиренія, приходится терпѣть уничиженіе, приводящее къ смиренію, и невольное. Бывало: приближается праздникъ Рождества Хрістова, Пасха, Троицынъ день, братіи готовятся утѣшенія: кому рясочка, кому рясофоръ, кому постриженіе въ мантію, а Павлушѣ все ничего. Хотя и дали ему рясофоръ за два года до смерти, но и то неожиданно, можно сказать былъ онъ утѣшенъ Божіимъ Промысломъ. О. игуменъ, по обыкновенію, получилъ благословеніе отъ о. Намѣстника Лавры дать рясофоръ пятерымъ; Павлуши въ числѣ ихъ не было; но одинъ послушникъ, по убѣжденію своей совѣсти, отказался отъ рясофора и просилъ о. игумена постричь въ рясофоръ Павлушу. О. игуменъ внялъ смиренной просьбѣ послушника и одѣлъ въ рясофоръ Павлушу. А въ пустыни это считается великимъ утѣшеніемъ. Съ этого времени братія стали звать его уже не Павлушей, а отцомъ Павломъ.

За годъ до смерти постигло и сего смиреннаго раба Божія искушеніе во испытаніе крѣпости его духа и произволенія. Разъ онъ сдѣлалъ что-то самочинно, безъ вѣдома настоятеля, въ рухольной, о. игуменъ отнесся къ нему строго и властно и далъ ему почувствовать, что въ такихъ самочинникахъ обитель не нуждается. Смутился бѣдный о. Павелъ, пошатнулось его терпѣніе, и сложился онъ съ мыслію бѣжать въ Киновію Боголюбовскую. Но Богъ не попускаетъ искушеній выше силъ нашихъ: за молитвы старца и по увѣщанію его онъ все же остался въ пустыни. Надо удивляться, какъ врагъ сильно воюетъ противъ подвизающихся въ монашествѣ: раньше Павлуша просилъ и молилъ о. игумена: „что хочешь со мной дѣлай, только не гони изъ обители“; а тутъ отъ одного строгаго выговора начальника смутился было и хотѣлъ бѣжать. И убѣжалъ бы, если бы не уговорилъ его старецъ. Но это было уже предсмертное искушеніе для смиреннаго подвижника, ибо и св. отцы свидѣтельствуютъ, что когда діаволъ замѣтитъ, что жизнь человѣка приближается къ концу, тогда сильнѣе нападаетъ на подвижника и наводитъ ему искушенія. Дѣйствительно: скоро о. Павелъ почувствовалъ упадокъ силъ, у него открылась чахотка. Несмотря на это, онъ не оставлялъ церковныхъ службъ: бывало, едва переступаетъ ногами, а все-таки бредетъ къ началу службы. А когда совсѣмъ ослабѣлъ, то братія, изъ любви къ нему, привозили его, едва дышащаго, въ церковь на саночкахъ. Такъ, изнемогая, онъ какъ свѣча догоралъ и близился къ

кончинѣ. Въ послѣдній день пребыванія на землѣ онъ пожелалъ еще разъ соединиться со Христомъ въ таинствѣ св. причащенія, послѣ чего погрузился въ тайную молитву, ушелъ весь въ себя. Замѣтивъ это, братія удалились, чтобы оставить его наединѣ. Прошло нѣсколько минутъ, вошелъ къ нему прислуживавшій ему братъ съ молитвой, но обычнаго отвѣта на молитву не послѣдовало. Смотритъ братъ: о. Павелъ какъ сидѣлъ на кейкѣ, на голыхъ доскахъ, такъ и сидитъ, привалившись къ подушкѣ. На колѣнахъ у него псалтирь, раскрытая на 17-й кафисмѣ (псаломъ 118-й), въ рукахъ четки. Братъ сталъ прислушиваться: дыханія не было слышно. Въ испугѣ братъ воскликнулъ: „отецъ Павелъ, да ты умеръ?!“—„Да“, послышалось тихо изъ устъ отходящаго къ Богу раба Божія. Съ этимъ словомъ выпали у него изъ рукъ четки и всѣ члены опустились...

Въ девятый день по кончинѣ святая Церковь совершаетъ поминовеніе всякаго новопреставленнаго въ напоминаніе о томъ, что въ этотъ день душа сподобляется, по вѣрованію церковному, видѣть райскія селенія и блаженство святыхъ. И душа о. Павла не могла не подѣлиться этою радостію съ отцомъ своимъ духовнымъ: онъ явился во снѣ старцу и сказалъ: „иди къ намъ, батюшка, у насъ очень хорошо“...

Скончался на 35 году жизни.

VII.

Монахъ Израиль.

30 января 1907 года въ Геѳсиманскомъ скиту скончался старичекъ монахъ Израиль. Въ міру звали его Иванъ Никитичъ. Прожилъ въ скиту 33 года, изъ коихъ 20 лѣтъ былъ водильщикомъ по пещерамъ. Особенно онъ отличался простотою, незлобіемъ и любовію къ храму Божію. Придетъ, бывало, въ церковь за часъ до службы, лишь бы церковь была отперта, обойдетъ весь храмъ, прикладываясь ко всѣмъ иконамъ съ земными поклонами, долго поминаетъ на проскомидіи близкихъ ему людей о здравіи и за упокой, такъ что иные роптали на него, не перенося его неопрятности. За недѣлю до кончины заболѣлъ, а въ самый день смерти утромъ исповѣдался, причастился св. Христовыхъ Таинъ, въ полдень пособоровался, а въ четыре часа по полудни скончался. Минутъ за десять до смерти говоритъ послушнику, который прислуживалъ ему: „братъ Иванъ, что это: крестный ходъ что ли пришелъ или именинникъ кто?“ Послушникъ говоритъ: „прости, батюшка, крестнаго хода никакого нѣтъ“.—„Какъ нѣтъ возразилъ умирающій старецъ: „а вотъ вокругъ моей койки-то все въ бѣлыхъ ризахъ стоятъ“.... И эти слова были послѣднія. Можно думать, что вслѣдъ за бѣлоризцами пошла и душа его...

VIII.

Рясофорный монахъ Никодимъ.

Многоразличны пути Божіи, коими Господь зоветъ людей на путь спасенія. Одного влечетъ Онъ духовными утѣшеніями, другому указуетъ путь къ монашеству скорбями и треволненіями моря житейскаго.

30 мая 1908 года скончался въ пустыни Святаго Параклита рясофорный монахъ Никодимъ. Въ міру звали его Николай Мирошниковъ; онъ имѣлъ консервную фабрику въ Тобольскѣ. За хорошее производство рыбныхъ консервовъ онъ получилъ три медали. Дѣло шло хо-

рошо; по обычаю, онъ отпускалъ свой товаръ въ кредитъ, должники честно платили долги. Но вотъ, однажды три сильныхъ компаньона забрали у него товару на нѣсколько тысячъ, а платить отказались. Дѣло было подорвано. Пришлось закрыть фабрику. Мирошниковъ увидѣлъ въ этомъ указаніе, что пора бросить земныя заботы и подумать о спасеніи души. Онъ рѣшилъ съ должниками не судиться. Роднымъ, конечно, такое рѣшеніе было не по душѣ: особенно журила его жена-старуха. Тогда онъ, желая узнать волю Божію, сталъ усердно молиться, чтобы Господь указалъ ему, куда итти. Случайно, а лучше сказать, промысломъ Божіимъ, попало ему въ руки Житіе Преподобнаго Сергія; съ жадностью прочиталъ онъ его не одинъ разъ и почувствовалъ непреодолимое влеченіе ѣхать къ Преподобному и тамъ поступить въ монастырь. Немедля онъ сталъ заканчивать всѣ свои мірскія дѣла, обезпечилъ старуху-жену, и, устроивъ все такъ, чтобъ его больше не безпокоили житейскими заботами, отправился къ угоднику Божію Сергію. На пути его ждала нечаянная встрѣча съ однимъ изъ крупныхъ должниковъ. Должникъ падаетъ ему въ ноги, проситъ прощенія, сознавая свою вину. Старецъ великодушно простилъ его и въ знакъ благословенія перекрестилъ его и поцѣловалъ.

Благополучно прибылъ онъ въ Сергіеву лавру и явился къ намѣстнику архимандриту Товіи. Выслушавъ всѣ обстоятельства стараго человѣка, о. намѣстникъ послалъ его въ пустынь Святаго Параклита съ письмомъ къ игумену, чтобы тотъ принялъ его. Увидѣвъ пустынь, старецъ несказанно возрадовался духомъ; онъ припалъ къ ногамъ о. игумена, разсказалъ ему въ простотѣ сердца всю свою исторію и просилъ принять его въ число братіи. Уже не о подвигахъ говорилъ онъ, не о трудахъ, а просто просилъ упокоить его старость. Ему было уже 75 лѣтъ. О. игуменъ принялъ, поставивъ ему нѣкоторыя условія соотвѣтственно его старости. Къ удивленію всѣхъ Мирошниковъ показалъ, что хотя онъ и старъ лѣтами, но юнъ усердіемъ. Ему дано было послушаніе въ трапезѣ служить братіи, что и исполнялъ онъ съ великимъ усердіемъ. Иногда, по старости, проходя по трапезѣ онъ шатался какъ трость вѣтромъ колеблемая, а все же не хотѣлъ оставлять своего послушанія. Онъ былъ очень простъ, нелицемѣренъ, всѣмъ воздавалъ должную честь. Церковь и богослуженіе такъ любилъ, что когда по немощи не приходилось быть въ церкви, то плакалъ какъ ребенокъ. Братія, какъ умѣли, утѣшали его и иногда водили къ богослуженію подъ руки.

Постриженіе его въ рясофоръ совершилось какъ-то неожиданно, промысломъ Божіимъ. Въ великую пятницу на вечернѣ о. игумену пришла мысль постричь Николая. Онъ не внялъ ей. Мысль снова приходитъ съ большей настойчивостью. Наконецъ и въ третій разъ тоже. Послѣ службы о. игуменъ призвалъ Николая и говоритъ: „я хочу тебя постричь въ монахи“. Старецъ такъ обрадовался, что упалъ въ ноги игумену и залился слезами. Только молчаніе и эти слезы были его отвѣтомъ на предложеніе. О. игуменъ былъ тронутъ такимъ смиреніемъ Николая и приказалъ все приготовить на утро къ постриженію. На другой день, въ великую субботу предъ литургіей совершилось постриженіе и Николай былъ названъ именемъ Никодима, имя котораго часто упоминается въ стихирахъ и канонахъ въ эти святые дни.

Когда старецъ настолько ослабѣлъ, что не могъ уже ходить даже по кельѣ и братія перестала возить его въ церковь, то, бывало, какъ только заслышитъ звонъ, колокола, начиналъ плакать и съ этими слезами лежа на постели прочитывалъ акаѳисты Спасителю, Божіей Матери, святителю Николаю, преподобному Сергію и другимъ святымъ угодникамъ Божіимъ. Никогда ни на что онъ не жаловался, питался обычною братскою пищею, а передъ кончиной за нѣсколько дней не вкушалъ ничего, а только причащался св. Таинъ. За сутки до кончины вошелъ къ нему въ келью служившій ему братъ и видитъ, что старецъ находится въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Послушникъ спрашиваетъ его: „отецъ Никодимъ, что съ тобой?"—А онъ рѣзкимъ тономъ отвѣчаетъ ему: „развѣ ты не видишь? Вонъ они!" и показалъ рукою въ уголъ къ потолку. Послушникъ говоритъ: „батюшка, перекрестись: здѣсь никого нѣтъ". Старецъ же, снова показывая пальцемъ, возразилъ: „а вонъ—это кто?" Братъ убоялся и дабы успокоить себя и старца, предложилъ ему помолиться съ нимъ вмѣстѣ, и началъ читать акаѳистъ Сладчайшему Іисусу. Старецъ успокоился. Утромъ 30 мая, послѣ литургіи, еще разъ сподобился онъ принять св. Тайны и вскорѣ началъ показывать въ два угла кельи съ словами: „вонъ—они, вонъ—они! Но теперь я ихъ не боюсь". Въ два часа по полуночи онъ мирно предалъ духъ свой Богу.

Св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „Не должно охуждать отрекающихся міра по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, ибо невольныя отреченія нѣкоторыхъ бываютъ тверже и основательнѣе тѣхъ, кои учинены были съ намѣреніемъ и по произволенію". Такъ и сей старецъ, при старческой дряхлости и неудачахъ въ хозяйствѣ оставилъ міръ и пришелъ въ монастырь, но и онъ получитъ награду свою съ пришедшими хотя во единодесятый часъ.

IX.

Іеромонахъ Венедиктъ.

13 августа скончался въ пустынѣ Святаго Параклита іеромонахъ Венедиктъ. Въ мірѣ именовался Василій Сахаровъ, сынъ священника Тамбовской губерніи. По окончаніи курса въ духовной семинаріи, онъ сначала поступилъ въ учителя, но потомъ соблазнился свѣтской жизнью, перешелъ въ Москву и тамъ дошелъ до нищеты. Безвыходное положеніе напомнило ему евангельскую притчу о блудномъ сынѣ, въ его совѣсти прозвучалъ голосъ: „*колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю: воставъ иду къ Отцу моему небесному*" (Лук. 15, 17), и онъ рѣшилъ поступить въ монастырь. Въ лаврѣ ему указали пустынь Святаго Параклита, какъ мѣсто удобное для спасенія, и онъ пошелъ туда пѣшкомъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ. На пути къ Геѳсиманскому скиту какой-то добрый человѣкъ подалъ ему серебряный рубль и это благодѣяніе такъ его тронуло, что онъ всю жизнь потомъ молитвенно поминалъ благодѣтеля. Принятый въ пустынь, онъ съ усердіемъ проходилъ всѣ послушанія, былъ канонархомъ, и наконецъ, былъ удостоенъ священнаго сана. Прожилъ тамъ 20 лѣтъ; подъ старость Господь посѣтилъ его болѣзнями: ноги и животъ опухли, появилась на ногахъ слоновая кожа; въ гололедицу разъ упалъ на правую руку и вывихнулъ кисть, которая срослась неправильно, покривился спинной хребетъ и сталъ онъ уродомъ... Но чре-

ды священнослуженія не оставлялъ до послѣдняго изнеможенія. Года за два до смерти его разбилъ параличъ, такъ что въ церковь его возили на саночкахъ. Каждую седмицу причащался онъ святыхъ Таинъ, раза два соборовался, наконецъ, совсѣмъ слегъ въ постель, но умъ его былъ чистъ и рѣчь ясная. Приставили къ нему монаха Дороѳея для услуженія. Въ первыхъ числахъ августа Дороѳей приноситъ ему пищу, а онъ говоритъ: „отецъ Дороѳей, подними меня, мнѣ самому не встать, да поди за духовникомъ: причастить бы меня“. Его причастили и, по его желанію, прочитали ему отходную. Простившись потомъ съ братіей, онъ слабымъ голосомъ сказалъ: „пришелъ конецъ моей временной жизни и мнѣ уже не встать“. Это были его послѣднія слова: языкъ отнялся и въ такомъ положеніи онъ былъ восемь дней. Все время лежалъ съ закрытыми глазами и правою рукою благословлялъ подходившихъ къ нему, узнавая ихъ. 13 августа онъ мирно отошелъ къ Отцу небесному, къ Которому стремилась душа въ самомъ началѣ иноческаго подвига.

Повѣдалъ о себѣ монахъ Дороѳей: „признаюсь, что я имѣлъ нѣкое осудительное сомнѣніе о жительствѣ старца о. Венедикта; когда же во время отпѣванія подошелъ, поклонился гробу до земли и мысленно просилъ у почившаго прощенія, а затѣмъ съ чувствомъ любви къ нему и осужденія себя поцѣловалъ его клобукъ и руку, то ту же минуту почувствовалъ облегченіе на душѣ и успокоеніе въ совѣсти. И припомнилось мнѣ, что старецъ никогда не пороптался на свои болѣзни, никого не обвинялъ, но за все благодарилъ Бога, считая и болѣзни свои за милости Божіи. Со слезами говаривалъ онъ: „слава Богу за все, по грѣхамъ моимъ этого еще мало. Когда я былъ въ міру, то хаживалъ на совѣтъ нечестивыхъ, бывалъ на путяхъ грѣшныхъ, сиживалъ и на сѣдалищахъ губителей“...

И почувствовалось мнѣ, что человѣкъ и по смерти можетъ, по изволенію Божію, нѣкіимъ таинственнымъ образомъ входить въ общеніе съ живущими на землѣ.

Такъ заключилъ свой разсказъ о. Дороѳей. Старецъ Венедиктъ скончался на 63 году жизни.

X.

Іеромонахъ Иннокентій.

4 декабря 1912 года въ лаврской больницѣ скончался іеромонахъ пустыни Святаго Параклита Иннокентій. Въ пустынку онъ убѣжалъ отъ городскаго соблазна и отъ ухаживанія за нимъ женскаго пола. Лѣтъ тридцать онъ былъ уставщикомъ въ пустыни. На немъ, Божіимъ попущеніемъ, исполнились слова Господа: *не судите, да не судимы будете*, и другое мудрое изреченіе: за что осудишь ближняго, за то и самъ осужденъ будешь. Не разъ онъ осуждалъ слабыхъ собратій: однажды, на пути въ лавру, онъ встрѣтилъ охмелѣвшаго монаха и подумалъ про себя: „вишь — нарѣзался, да развѣ можно монаху такъ напиваться? Вѣдь этимъ люди соблазняются и монашество посрамляется“. Ему и въ голову не пришло, что онъ тяжко согрѣшилъ, и онъ остался спокойнымъ въ своей совѣсти. Но вотъ, Божіимъ попущеніемъ и вражескимъ искушеніемъ, онъ самъ сталъ увлекаться пьянственной страстью. Постепенно она обратилась у него въ запой. И много разъ приходилось ему самому пьяненькимъ возвращаться домой изъ лавры или Киновіи по той дорожкѣ, на которой онъ встрѣ-

тилъ пьяненькаго монаха и осудилъ... По два, по три дня иногда онъ скрывался въ Киновіи или въ лаврѣ; возвратившись же домой въ пустынь, горько оплакивалъ свое паденіе, затворялся въ кельѣ, по нѣсколько дней наказывалъ себя тѣмъ, что сидѣлъ на квасѣ и хлѣбѣ, и, когда оправившись, приходилъ въ церковь, то у всѣхъ просилъ прощенія. Тогда-то позналъ онъ свой грѣхъ, грѣхъ осужденія ближняго, и горько раскаивался въ немъ. За то своимъ страданіемъ отъ болѣзни запоя стяжалъ онъ великую добродѣтель неосужденія, которая у св. отцевъ именуется безъ труда спасеніемъ. Зная это, нѣкоторые братія иногда начинали въ его присутствіи разговоръ осудительный о комъ-нибудь, чтобы испытать: какъ онъ отнесется къ сему? Но онъ благоразумно уклонялся, выставляя на видъ свою страсть. Только, бывало, и услышишь: „на то есть начальство, оно лучше насъ знаетъ. Я самъ неисправенъ“. Недѣли за двѣ до смерти онъ ушелъ въ лаврскую больницу, пособоровался, черезъ день причащался св. Таинъ. Утромъ въ день смерти, я зашелъ къ нему предъ ранней литургіей; онъ сидѣлъ на постели и, повидимому, читалъ на память послѣдованіе ко св. причащенію. Я положилъ ему на плечо руку и бесѣдовалъ съ нимъ. Подъ рукой я чувствовалъ, что, казалось, можно было пересчитать его косточки: такъ онъ изсохъ отъ болѣзни. Спросилъ я о молитвѣ Іисусовой, зная, что онъ былъ дѣлателемъ сего священнаго упражненія: „како ти, отче, молитва Іисусова?“ Онъ, показывая на свое чело, сказалъ: „умомъ только“. Въ утѣшеніе я сказалъ ему: „и за это, батюшка, Бога благодарите, а когда еще ослабѣете, то имѣйте только память Божію и довлѣетъ съ васъ“. Послѣ ранней обѣдни причастили его св. Таинъ; тутъ пришли его друзья проститься съ нимъ и предложили ему прочитать отходную. Онъ согласился и внимательно слушалъ. Потомъ попросилъ поднять его съ койки и посадить въ кресло. Онъ посидѣлъ немного, съ особенной пріятностью взглянулъ въ послѣдній разъ на св. лавру (чрезъ окно), улыбнулся и сталъ кончаться. И такъ мирно, въ началѣ поздней обѣдни онъ предалъ духъ свой Богу. Пустынная братія взяла тѣло его для отпѣванія и погребенія въ родную ему обитель Святаго Параклита. На немъ повторилось сказаніе Пролога подъ 30 марта. Когда онъ былъ еще здоровъ, одинъ братъ, видя его выпившимъ, спросилъ его: „отче, ужели вы не боитесь внезапной смерти? Вѣдь въ такомъ состояніи можно умереть“. Онъ отвѣтилъ: „Ахъ, братъ, боюсь и молюсь Господу Богу, чтобы избавилъ сего: вѣдь Онъ можетъ въ одинъ мигъ исправить меня, можетъ и наказать. Прошу постоянно великомученицу Варвару, да избавитъ меня отъ внезапныя смерти“. И онъ умеръ въ день святой великомученицы Варвары...

Въ ночь 39-го дня послѣ его смерти одинъ братъ пустыни видѣлъ во снѣ о. Иннокентія какъ бы живаго. — „Какъ вамъ?“ спросилъ его братъ. Онъ отвѣтилъ довольно ясно: „ничего, хорошо за молитвы Церкви. Трудно было проходить мытарства, да вѣдь и всѣмъ такъ придется. Тамъ, какъ на судѣ, за каждый рубль, за каждаго таракана раздавленнаго спрашиваютъ“. — „А гдѣ же вы теперь? Вмѣстѣ съ братіей?“ — Нѣтъ, говоритъ, насъ человѣкъ пять“...

Послѣ его смерти, при разборѣ его келейныхъ пожитковъ, между

книгъ нашлось много листковъ и записочекъ, имъ самимъ писанныхъ. Тутъ были разныя молитвы и воззванія къ Богу въ чувствѣ покаянія, смиренія и самоукоренія. Изъ этого можно видѣть, въ какомъ настроеніи духа онъ находился, борясь съ своею страстію...

XI.

Два друга воина.

Полковникъ и фельдфебель вмѣстѣ служили Царю земному, вмѣстѣ защищали отечество во дни Севастопольской осады, вмѣстѣ послужили и Царю небесному въ монашескомъ жительствѣ въ пустыни Святаго Параклита. Полковникъ Николай Ивановичъ Степановъ на царской службѣ училъ воиновъ страху Божію, воодушевлялъ упованіемъ на Бога, особенно совѣтовалъ имъ изучать на память псаломъ 90-й. По окончаніи военной службы фельдфебель Петръ Павловъ получилъ пенсію и поступилъ въ послушники въ пустынь Святаго Параклита, а полковникъ получилъ мѣсто смотрителя дѣтскаго пріюта въ Москвѣ. Часто навѣщалъ полковникъ своего друга-пустынника и наконецъ самъ переселился туда же. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ церковь и выходилъ послѣ всѣхъ; нерѣдко лицо его орошалось слезами во время молитвы. Изъ получаемой имъ пенсіи (91 р. 40 к. въ мѣсяцъ) онъ 40 р. отдавалъ игумену, а остальныя немедля же раздавалъ кому приходилось: „очень хорошо жить безъ денегъ, говаривалъ онъ благодушно: съ деньгами трудно управляться съ собой". Плохую келью, данную ему въ началѣ, онъ не хотѣлъ перемѣнить на лучшую, которую предлагалъ ему игуменъ. Спалъ въ гробѣ, въ которомъ и былъ погребенъ. Онъ такъ полюбилъ обитель, что называлъ ее не иначе, какъ „земнымъ раемъ", а братій называлъ ангелами. И зиму и лѣто ходилъ онъ безъ теплой одежды: въ будни въ подрясникѣ, а въ праздники въ мундирѣ, надѣвая въ торжественные дни и знаки отличія. Замѣчательно, что когда въ церкви читали „Помилуй мя, Боже", онъ стоялъ съ особымъ умиленіемъ, а иногда и на колѣнахъ. Спросили его: почему псаломъ 50-й его такъ трогаетъ? Онъ отвѣчалъ: „когда я былъ еще отрокомъ, у насъ въ домѣ случился пожаръ, меня разбудили и я, вскочивъ съ постели, бросился на колѣни и сталъ читать этотъ псаломъ. Объ этомъ послѣ мнѣ говорили родители, вотъ этотъ случай мнѣ и вспоминается при чтеніи псалма 50-го". Къ концу жизни у него усилилась одышка, онъ сталъ изнемогать. Часто причащался святыхъ Таинъ, но собороваться не рѣшался. Но вотъ въ ночь предъ самою смертью онъ призываетъ духовника и іеродіакона и проситъ ихъ пособоровать. „Лежу я, говорилъ онъ, съ закрытыми глазами, потомъ открываю и вижу предъ собою соборъ Пресвятыя Богородицы со множествомъ святыхъ, а справа—преподобный Сергій. Подумалъ я, что это—галлюцинація и закрылъ глаза. Чрезъ нѣсколько времени опять открываю и вижу тоже самое. Такъ дѣлалъ нѣсколько разъ. Думаю: значитъ мнѣ надо пособороваться и послалъ за вами. Тогда и видѣніе кончилось". Во время утрени его пособоровали, а послѣ литургіи причастили. Онъ со всѣми простился, и, сказавъ: „слава Богу за все!" тихо предалъ Богу свою душу. Это было 3 іюля 1909 года, на 76-мъ году жизни почившаго. Положили его въ томъ гробѣ, въ которомъ онъ спалъ, и на могилѣ

поставили крестъ имъ же самимъ сдѣланный съ простою надписью: „послушникъ Николай".

Остался теперь одинъ старецъ фельдфебель Петръ Павловичъ, уже почти потерявшій зрѣніе. Усердно посѣщалъ онъ храмъ Божій, да и возвратившись изъ храма не спѣшилъ отдыхать по немощи старческой, а долго, бывало, стоитъ у налоя, исполняя свое келейное правило, которое выучилъ наизусть. Видя его усердіе къ дѣлу спасенія, о. игуменъ тайно постригъ его въ мантію съ именемъ Павла. И вырылъ о. Павелъ себѣ могилу на кладбищѣ въ полъаршина глубины и каждый день ходилъ къ ней размышлять о смерти. Умилительно было видѣть убѣленнаго сѣдинами старца, который съ обнаженной головой, оперевшись на палочку, стоитъ надъ могилой и покачиваетъ головой... На два года пережилъ онъ своего полковника, каждый день приготовляясь къ смерти. Въ послѣдній день жизни онъ такъ ослабѣлъ, что его сочли умершимъ, стали опрятывать тѣло его, но когда повернули, старецъ открылъ глаза, отдышался и сказалъ: „ахъ, я нынѣ кажется еще не причащался: позовите, пожалуйста, духовника". Духовникъ пришелъ, причастилъ его и онъ тутъ же скончался на 85-мъ году жизни. Особую любовь имѣлъ онъ къ священнымъ изображеніямъ: найдетъ брошенную кѣмъ-либо картиночку съ такимъ изображеніемъ, приберетъ или сожжетъ, только бы лики святыхъ не были попираемы ногами. Похоронили его въ той могилѣ, которую началъ онъ самъ себѣ готовить...

XII.

Міръ иноковъ—иной міръ.

Кто не поскучалъ прочитать эти „страницы изъ современнаго Патерика"; какъ назвалъ я рукопись инока, до конца, тотъ, думаю, согласится со мною, что міръ иноковъ, міръ монастырскій—иной міръ въ сравненіи съ міромъ внѣшнимъ, житейскимъ. Присмотритесь только и вдумайтесь: какъ мирно, спокойно, будто домой, къ Отцу небесному готовятся къ смерти и старцы, и юноши въ святой обители! Я привелъ только нѣсколько выдержекъ изъ рукописи; можно было бы и еще привести, но спасаюсь утомить читателя нѣкоторымъ однообразіемъ разсказовъ. Вотъ, напримѣръ, заболѣлъ молодой монахъ пустыни Параклита Памфилъ черной оспой; онъ уже знаетъ, что не встать ему отъ болѣзни, приготовился къ смерти святыми таинствами: причащенія и елеосвященія, а его настроеніе вовсе не похоже на умирающаго: „слава Богу", твердитъ онъ: „очень хорошо поболѣть-то!" Его постригаютъ въ мантію, онъ даже не можетъ смотрѣть въ книгу, ибо глаза его закрыты сплошными струпьями оспы; онъ повторяетъ обѣты за своимъ евангельскимъ отцомъ, но душою онъ ликуетъ. Его спрашиваютъ на другой день постриженія: „какъ себя чувствуешь, отецъ Памфилъ?"—„Очень, батюшка, хорошо, очень радостно, весело, все бы такъ быть и умереть не страшно". — Иноки, добрѣ пожившіе въ обители своей, не боятся смерти: они сами готовятъ себѣ все потребное къ погребенію, нѣкоторые, съ благословенія старца или отца духовнаго, приготовляютъ себѣ и гробъ, а иногда, какъ выше сказано, и могилу. Я зналъ старца, который обычно имѣлъ у себя въ кельѣ гробъ для себя, но когда кто-либо изъ его друзей умиралъ раньше его, то онъ отдавалъ покойнику свой гробъ, а себѣ готовилъ новый.

Прошу имѣть въ виду, что я бе-

ру выписки изъ рукописи, повѣствующей преимущественно объ иноках пустыни Святаго Параклита: это потому, что авторъ много лѣтъ жилъ въ сей пустыни. Но это вовсе не значитъ, что и въ другихъ обителяхъ нѣтъ тѣхъ же поучительныхъ проявленій духовной жизни, какія отмѣчаетъ авторъ. Есть они, знаю по родной мнѣ лаврѣ преподобнаго Сергія, есть и въ другихъ обителяхъ на святой Руси; только сами иноки, какъ я уже сказалъ, стараются сокрыть ихъ въ своемъ смиреніи, а ихъ собратія, которые, по примѣру моего автора, могли бы записать, не дѣлаютъ этого отчасти потому, что подобныя явленія не считаютъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ, заслуживающимъ записи, запротоколиванія; отчасти по своему малограмотству, отчасти же—и сіе скажу прежде всего о себѣ самомъ — по лѣности и нѣкоторому нерадѣнію. Услышишь разсказъ о собратѣ, въ Бозѣ почившемъ, иногда до слезъ умилишься, а записать его—да все недосужно, а тамъ и забудешь... Впрочемъ, кое-что мои читатели найдутъ въ „Душеполезномъ Чтеніи“ прошлыхъ годовъ и отчасти въ моихъ же дневникахъ также за минувшіе годы, а также въ моей книжкѣ: „Чѣмъ жива русская православная душа?“

Нынѣ стараются всю жизнедѣятельность православнаго хрістіанина свести, по примѣру инославныхъ хрістіанъ, къ внѣшнему добродѣланію, да притомъ еще такъ, чтобъ это добродѣланіе было видно другимъ, чтобы другіе могли оцѣнить его. А о внутреннемъ дѣланіи стараются забыть, какъ-будто его вовсе нѣтъ. Но Господь сказалъ: *царствіе Божіе внутри васъ есть* и берется оно съ усиліемъ. И есть великая наука, наука изъ наукъ—внутренній подвигъ, міру незримый и потому міромъ нецѣнимый. И если теперь интересуются люди умные какими-нибудь іогами Индіи, говорятъ и пишутъ о „сверхсознаніи“ и „подсознаніи“, то какъ бы не заинтересоваться имъ своимъ роднымъ „искусствомъ изъ искусствъ“—подвигомъ внутренняго очищенія отъ страстей при помощи Божіей благодати? Хотя бы задумались надъ тѣмъ: почему это такіе старцы, какъ Макарій и Амвросій и прочіе подвижники Оптинскіе, привлекали къ себѣ сердца многихъ тысячъ людей? Какъ это они зажигали въ сердцахъ и вѣру, и надежду на Бога, и иногда творили прямо чудеса духовнаго обновленія человѣка? Въ чемъ ихъ сила? Да вотъ именно въ дѣятельномъ прохожденіи великой науки духовнаго самоочищенія, а это, какъ нѣкое благоуханіе духовное, привлекало и доселѣ привлекаетъ вѣрующія души, ищущія спасенія. Смотрите: и въ пустынь Параклита, почти безвѣстную по газетамъ, идутъ искать душевнаго мира и спасенія, идутъ не только ищущіе уединенія, рѣшившіеся быть монахами, но и міряне, въ родѣ полковника Степанова, и обрѣтаютъ то, чего ищутъ. Церковь Божія живетъ, Духъ Божій управляетъ сердцами, дѣло Хрістово совершается на землѣ, слово Хрістово исполняется: *всякъ ищай обрѣтаетъ и толкующему отверзаются* двери царствія Божія.

Для насъ, живущихъ среди міра, волнуемаго напастей бурею, особенно дорого знать и вѣрить, что наша святая Православная Церковь имѣетъ постоянное свидѣтельство пребыванія въ ней Духа Божія, что мы на кораблѣ, ведомомъ Великимъ Кормчимъ, тогда какъ внѣ нашей Церкви лишены этой крѣпкой вѣры и упованія. Тоже утѣшительное свидѣтельство истины нашихъ

православныхъ упованій имѣемъ мы и въ непрестающихъ въ нашей Церкви чудесахъ Божіихъ, совершаемыхъ у святынь нашей Церкви: святыхъ мощей угодниковъ Божіихъ и у чудотворныхъ иконъ, особенно иконъ нашей небесной Заступницы рода хрістіанскаго, Матери Божіей.

Лишь бы мы были вѣрны завѣтамъ Церкви, а Церковь наша устроитъ наше спасеніе во славу своего Божественнаго Основателя и Главы, Господа нашего Іисуса Христа. И не только вѣчное спасеніе, но и земное наше странствованіе благословитъ, и міръ умиритъ, и во всемъ благопоспѣшитъ яже ко благу и спасенію нашему. Буди, буди!

Я кончилъ свои „странички изъ современнаго патерика", когда нашелъ въ своихъ бумагахъ подлинное письмо незабвеннаго мудреца-святителя Московскаго, митрополита Филарета, къ нѣкоему „Превосходительству" (къ сожалѣнію, не видно—къ кому), слѣдующаго содержанія:

„Ваше Превосходительство, Милостивый Государь.

О рукописи, мнѣ сообщенной, желалъ бы я лично и обстоятельно сообщить вамъ мои мысли: но, не находя вскорѣ времени, возвращаю оную при семъ.

Убѣдительно прошу первую статью о скитѣ и его жителяхъ не подвергать гласности напечатанія.

Мірскіе люди боятся обнаруженія пороковъ: монахи гораздо больше боятся похвалы ихъ добродѣтелямъ, и разглашеніе ихъ подвиговъ можетъ заставить ихъ бѣжать отъ мѣста, гдѣ сіе случилось бы. Сочинитель, надѣюсь, не захочетъ гнать изъ спокойнаго мѣста невинныхъ людей.

Кромѣ сего есть въ статьѣ то, чего не одобритъ обыкновенная цензура. При случаѣ объясню обстоятельнѣе.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію пребываю Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга *Филаретъ, Митрополитъ Московскій*. Мая 2. 1848".

Вотъ, между прочимъ, причина, объясняющая ту скудость свѣдѣній относительно современнаго подвижничества у насъ на Руси, о коей я упомянулъ выше. Не въ духѣ монаха говорить о своихъ добродѣтеляхъ; это противно его душѣ; это страшно вредитъ его духовному преуспѣянію и онъ готовъ скрыться отъ самого себя, только бы не увѣдала шуйца его, что творитъ десница его. И эту „сопрятанность", эту сокровенность чтутъ и берегутъ всѣ, кто около подвижника, не выносятъ наружу его подвиговъ, пока Господь не позоветъ его въ горній міръ. Но до того времени, какъ я говорилъ уже, многое и забывается, и приходится по крохамъ собирать оставшіяся крупицы его подвиговъ, какъ плодъ его духовной сокровенной жизни. А въ полнотѣ своей она вѣдома только Богу...

Радость сѣятеля.

Слава Богу: доброе слово—что доброе сѣмя: когда падаетъ на добрую почву, то приноситъ и добрый плодъ. И этотъ плодъ радуетъ сердце сѣятеля. Но вѣдь сѣетъ человѣкъ, а возращаетъ Богъ, а потому сѣятель и долженъ все приписывать Богу и благодарить Его, что не отвергъ его малаго труда.

Приглашалъ я своихъ читателей

вмѣсто табаку и разныхъ бездѣлушекъ посылать нашимъ хрістолюбивымъ воинамъ книжки духовнаго содержанія, начиная съ святаго Евангелія и кончая разными брошюрками и листками духовнаго содержанія. И спасибо добрымъ людямъ: откликнулись и доселѣ откликаются на мое приглашеніе. Одинъ добрый человѣкъ уже два раза присылалъ по тысячѣ рублей—предъ праздниками Рождества Хрістова и Святой Пасхи; особенно меня тронуло пожертвованіе учениковъ духовнаго училища, собравшихъ изъ своихъ грошей, даваемыхъ имъ родителями на булку, нѣсколько десятковъ рублей и прославшихъ въ редакцію „Троицкаго Слова“ на красное яичко воинамъ въ видѣ „Троицкихъ листковъ“ и книжекъ.— Теперь получилъ я 86 руб. 20 коп. при такомъ письмѣ: „Покорнѣйше просимъ редакцію „Троицкихъ Листковъ“ собранныя нашимъ причтомъ деньги 75 р. 70 к., во время двухдневнаго крестнаго хода по селу и съ молебнами, непрерывно по 18 часовъ въ день, употребить на духовную пищу слова Божія нашимъ милымъ воинамъ-чудобогатырямъ, находящимся въ окопахъ; и еще примите нашу трудовую жертву собранную нами, попечителями по селу, 10 руб. 50 коп. на это святое дѣло. Это считаемъ мы дороже табаку, папиросъ и разныхъ бездѣлушекъ. О полученіи сихъ денегъ просимъ насъ увѣдомить... Церковные попечители села Удѣльной Маяти, Никол. уѣзда, Самарск. г. Евлампій Тихоновъ Фадѣевъ и Викторъ Степановъ Каштановъ, а за нихъ неграмотныхъ, по ихъ личной просьбѣ, и за себя расписался Василій Т. Пахомовъ“.

Спасибо вамъ, православные, за вашу любовь, за то, что знаете: въ чемъ больше всего нуждается православная русская душа, что укрѣпляетъ духъ нашего воина хрістолюбиваго, и питаете его тѣмъ, что цѣнитъ онъ дороже всего...

330—333.

Церковныя преданія и митрополитъ Филаретъ объ Успеніи Богоматери.

I.

Изъ всѣхъ праздниковъ въ честь Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы праздникъ Ея славнаго Успенія есть наиболѣе торжественный; въ Ея успеніи открылась неизреченная слава Ея, какъ Матери Жизнодавца и въ преславномъ преставленіи Ея на небо Она возвеличена превыше Херувимовъ и Серафимовъ. Вотъ почему святая Церковь почитаетъ благопотребнымъ приготовить чадъ своихъ къ достойному празднованію сего событія особымъ двухнедѣльнымъ постомъ, а въ дивныхъ высокохудожественныхъ пѣснопѣніяхъ своихъ на этотъ праздникъ устами лучшихъ своихъ поэтовъ - пѣснотворцевъ, святыхъ друзей—Іоанна Дамаскина и Космы Маіумскаго, прославляетъ Матерь Божію яко воскресшую отъ мертвыхъ силою Сына и Бога Своего.

Наша святая Русь особенно чтитъ этотъ великій праздникъ. Сколько храмовъ, даже соборныхъ по городамъ посвящено Успенію Приснодѣвы Богоматери! Въ великой церкви Кіево-Печерской лавры съ бла-

говѣніемъ чтится икона Ея успенія, по преданію, Ею Самою врученная созидателямъ храма при ихъ отправленіи въ Россію изъ Царяграда. Есть и другія иконы Богоматери, Ея успенія, прославленныя чудесами, въ числѣ коихъ есть въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ благоговѣйно чтимая икона, написанная чудотворцемъ Петромъ, митрополитомъ всероссійскимъ. Все это свидѣтельствуетъ о глубокомъ уваженіи къ древнему церковному преданію объ обстоятельствахъ сего событія въ жизни Богоматери, — о томъ, что православная Церковь пріемлетъ это преданіе съ такою же увѣренностію въ его истинности, какъ напримѣръ, пріемлетъ и преданіе объ обстоятельствахъ Ея рожденія, объ Ея родителяхъ и под. Вотъ почему съ тяжелымъ чувствомъ прочиталъ я, да, вѣроятно, и не я одинъ, статью о. протоіерея Стефана Остроумова въ „Отдыхѣ Христіанина“ за минувшій годъ „о мнѣніяхъ въ области богословія“, въ которой онъ, полемизируя со мною, сводитъ древнее преданіе, послужившее канвою для праздника Успенія Богоматери, къ простому „частному мнѣнію“ — не больше того. Какъ „частное мнѣніе“, это преданіе, по его, о. Остроумова, мнѣнію, вовсе не обязательно для всѣхъ православновѣрующихъ: хочешь вѣрь преданію; не хочешь — не вѣрь; это ни мало не повредитъ твоему православію. Но, позвольте: Церковь есть союзъ любви: не больно ли будетъ мнѣ, если мой братъ, мой ближній, въ праздникъ Успенія Владычицы нашей Богородицы, скажетъ мнѣ: да, вѣдь, это только „частное мнѣніе“, будто Она такъ преселилась къ Своему Сыну и Богу, какъ говорятъ Четьи-Минеи и пѣсни церковныя, а можетъ быть дѣло было и вовсе не такъ: умерла просто, какъ и всѣ праведники, и конецъ... Вотъ почему, когда въ „Отдыхѣ“ появилась первая статья о. Остроумова, съ недовѣріемъ коснувшаяся преданія объ успеніи Богоматери, я поставилъ ему прямой вопросъ: „правда ли, что онъ не считаетъ фактомъ церковное преданіе о вознесеніи съ тѣломъ Богоматери? Ужели онъ думаетъ, что это только „благочестивое мнѣніе?“ Какъ же намъ быть съ праздникомъ Успенія Ея? И гдѣ же мощи Ея?.. Если о. протоіерей вѣруетъ вмѣстѣ съ Церковію, что „въ молитвахъ Неусыпающую гробъ и смерть не удержали“, то пусть скажетъ это открыто: иначе мы въ правѣ думать, что онъ не вѣритъ сему церковному преданію. Вѣдь, это сугубый соблазнъ со стороны о. протоіерея“. Что я былъ въ правѣ поставить ему такой вопросъ, это подтвердили и мои читатели: я получилъ нѣсколько скорбныхъ писемъ по этому поводу и лично слышалъ одобреніе моему запросу, обращенному къ о. Остроумову.

И вотъ о. Остроумовъ печатаетъ въ томъ же журналѣ статью въ 17 страницъ, въ которой все же отъ прямого отвѣта на мой вопросъ уклоняется: онъ всячески старается расшатать довѣріе къ преданію; изъ смысла всѣхъ его доводовъ выходитъ, что преданіе не заслуживаетъ вѣры, но прямо сказать этого онъ не хочетъ. Да и для чего ему это? Довольно подорвать довѣріе, и тогда преданіе само собою въ глазахъ читателей обратится въ легенду, можетъ быть и благочестивую, но едва ли достовѣрную. Перечитайте всѣ его доводы, и выводъ будетъ именно такой. Понятно, что о. протоіерей — не міранинъ, что ему неловко такъ прямо и отвѣтить на мой вопросъ: да, я считаю это преданіе только „частнымъ

мнѣніемъ": кому-то пришло на мысль, что, вѣроятно, Матерь Божія скончалась какъ-нибудь не такъ, какъ прочіе смертные, при ея кончинѣ должно быть вотъ то и то... Вотъ это мнѣніе кто-то и облекъ въ легенду, внесъ его въ писанія, приписываемыя св. Діонисію Ареопагиту, а потомъ приняли „мнѣніе" за фактъ, составили каноны, стихиры, написали проповѣди, установили праздникъ; довольно сомнительная легенда, на основаніи вымышленныхъ фактовъ, облечена въ одежду поэзіи, поэма—превратилась въ историческій фактъ, тогда какъ научныя изслѣдованія приводятъ какъ-будто къ тому выводу, что вѣрить этой легендѣ не слѣдуетъ...

Правда, о. Остроумовъ не говоритъ этого; но еще бы онъ, протоіерей православной Церкви, сказалъ, что въ преданіи нѣтъ ни зерна исторической истины: вѣдь это былъ бы, дѣйствительно, соблазнъ для православныхъ, въ простотѣ сердца вѣрующихъ церковнымъ преданіямъ. И о. протоіерей предпочелъ отвлечь мое вниманіе отъ возможности такого соблазна на другіе соблазны... въ области церковнаго управленія! Ему хотѣлось бы, чтобы я, оставивъ защиту церковныхъ преданій, пустился, подобно священнику В. Востокову, въ обличеніе „невѣжественныхъ проходимцевъ", „безумныхъ монаховъ", „распутныхъ крестьянъ", которые „имѣютъ такое значеніе въ дѣлахъ Церкви, какого не имѣли въ самыя мрачныя времена". Не правда ли: не дурной отводъ отъ поставленнаго ему въ упоръ вопроса: вѣритъ ли онъ церковному преданію объ успеніи Богоматери? Оставьте де меня въ покоѣ, вѣрю я, или не вѣрю — не ваше дѣло; лучше вотъ займитесь-ка „распутными крестьянами", да разными „проходимцами"...

Нѣтъ, о. протоіерей: вѣдь, такъ дѣлаютъ только раскольники наши да сектанты: разбитые въ одномъ пунктѣ своихъ заблужденій — хватаются за другой; а мы доведемъ свой споръ до конца. Я поставилъ вамъ вопросъ, вотъ вы и дайте мнѣ прямой отвѣтъ. Вы приводите рядъ доводовъ въ пользу той мысли, что сказаніе объ успеніи Богоматери не есть общецерковное преданіе, а только „частное мнѣніе"; приходится дѣлать выводъ, изъ этихъ доводовъ, но было бы надежнѣе, если бы вы сдѣлали это сами. Вѣдь, вотъ вы сдѣлали же выводъ изъ моихъ статей: „истина намъ не дорога, но дорога форма, внѣшняя связь народа съ Церковью, одежда вѣры, а не самая вѣра, не жизнь по вѣрѣ"... Но я совсѣмъ не согласенъ съ такимъ вашимъ выводомъ изъ моихъ статей: я просто пріемлю преданіе церковное объ успеніи Богоматери, пріемлю купно съ св. Димитріемъ Ростовскимъ, съ нашимъ великимъ учителемъ Церкви митрополитомъ Филаретомъ, со всею нашею православною Церковію, которая чтитъ успеніе Богоматери великимъ праздникомъ, имѣетъ множество храмовъ, сему празднику посвященныхъ, воспѣваетъ священныя пѣсни, въ коихъ прославляются, какъ факты, не только Ея кончина, но и необрѣтеніе тѣла во гробѣ, и явленіе Ея Апостоламъ на третій день. Вотъ это, пріемлемое учрежденіемъ праздника Церковію преданіе для меня и, думаю, для всѣхъ православно-вѣрующихъ, есть истина, которая намъ дорога, но которую вы, о. протоіерей, колеблете своими недостаточно обоснованными сужденіями; это не форма, не „одежда вѣры", какъ вы выражаетесь, а дорогая нашему сердцу святыня вѣры, свято хранимая отъ вѣковъ древнихъ. Вѣдь, если бы

преданіе въ данномъ случаѣ было только „частнымъ мнѣніемъ“, какъ вы утверждаете, то зачѣмъ Церковь установила праздникъ, да еще такой торжественный въ честь Успенія Богоматери? Зачѣмъ приняла пѣснопѣнія, прославляющія фактъ Ея воскресенія, на дѣлѣ не бывшій? Богоматерь умерла, какъ и всѣ смертные, погребена, мѣсто Ея погребенія извѣстно всѣмъ хрістіанамъ, но вотъ странно: никто, никогда ни слова не говоритъ на протяженіи вѣковъ объ Ея мощахъ, тогда какъ почитаніе мощей идетъ отъ первыхъ вѣковъ хрістіанства; извѣстны мощи многихъ апостоловъ, а о мощахъ Матери Божіей нигдѣ, никогда, ни въ какихъ памятникахъ древне-хрістіанской литературы ни слова... Не есть ли это доказательство, что и говорить о нихъ не было повода: ихъ не было, Богоматерь, какъ и говоритъ намъ преданіе, въ третій день по своей кончинѣ силою Сына и Бога Ея воскрешена и взята въ небесныя селенія. Въ праздникъ Успенія Церковь и прославляетъ это событіе. Вѣрующіе и не задумываются, пріемлютъ вѣрою, что такъ и было. И вдругъ, имъ доказываютъ, что это преданіе есть только „частное мнѣніе“, что, слѣдовательно, вѣрить ему не обязательно, слѣдовательно, можно думать, что и факта, прославляемаго Церковію, не было, что это... но я не дерзаю произнести слово, которое было бы оскорбительнымъ для матери Церкви, но которое само напрашивается изъ сказаннаго. А между тѣмъ соблазнъ, посѣянный вами, о. протоіерей, уже далъ свой плодъ: большая свѣтская газета обрадовалась случаю бросить мнѣ обвиненіе въ „глубокомъ соблазнѣ въ Россіи и заграницей“, назвавъ насъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Антоніемъ Харьковскимъ, для большаго соблазна, считающими себя „передовыми богословами“ и упрекнуть „въ скудости познаній и незнаніи духа и основъ своей православной вѣры“. А ея читатели, разные полуинтеллигенты, безъ сомнѣнія, пришли къ заключенію, что преданіе о праздникѣ Успенія есть вымыселъ, а отсюда недалеко до заключенія, что въ нашей православной Церкви такихъ вымысловъ и немало...

Вотъ почему я долгомъ считаю хотя кратко пересмотрѣть доводы о. Остроумова, по его мнѣнію ослабляющіе достовѣрность преданія. Буду слѣдовать за ними въ порядкѣ, какъ они приводятся въ статьѣ о. протоіерея.

Первый доводъ. „Вѣрованіе въ воскресеніе и вознесеніе Богоматери неразрывно связано съ праздникомъ Успенія Ея и только съ однимъ этимъ праздникомъ. Въ остальныхъ праздникахъ Богоматери и во всемъ широкомъ кругѣ пѣснопѣній Ей, въ канонахъ, догматикахъ, богородичныхъ, тропаряхъ, въ древнѣйшемъ акаѳистѣ Благовѣщенія, вѣрованіе въ воскресеніе и вознесеніе Богоматери не отразилось, не оставило слѣда“.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Ужели то, что преданіе не заслуживаетъ вѣры? Стало быть Церковь, сей столпъ и утвержденіе истины, погрѣшила, учредивъ праздникъ Успенія и принявъ потомъ всѣ пѣснопѣнія въ честь его въ свое богослужебное употребленіе? Стало быть она сама введена и своихъ чадъ ввела въ заблужденіе? Не наоборотъ ли: не грѣшно ли не вѣрить тому, чему она, очевидно, вѣритъ? Ужели святые отцы, учреждая сей праздникъ, такъ и не подумали о томъ, что дѣлаютъ? Принимая въ составъ церковныхъ службъ пѣснопѣнія, полныя подробностей, такъ

и не задумались: да справедливо ли самое преданіе то, на основаніи коего составители пѣснопѣній прославляютъ Матерь Божію? И угодно ли будетъ Ей, Матери Свѣта, такое прославленіе, въ коемъ, можетъ быть, кроется простой вымыселъ? А что въ другихъ пѣснопѣніяхъ нѣтъ упоминанія объ обстоятельствахъ преставленія Матери Божіей, — то вѣдь большинство этихъ пѣснопѣній принадлежитъ тѣмъ же авторамъ: исчерпавъ событіе успенія Богоматери въ пѣснопѣніяхъ на праздникъ Успенія, они не имѣли надобности и повода поминать о немъ въ другихъ пѣснопѣніяхъ, а другіе пѣснописцы не писали на успеніе, потому и не говорятъ въ своихъ твореніяхъ объ этомъ событіи. Было бы также особенно странно требовать упоминанія о событіяхъ успенія въ акаѳистѣ Благовѣщенію.

Въ высшей степени странна ссылка на слово митрополита Филарета московскаго, который будто бы говоритъ, что „это названіе (Успенія) пробуждаетъ мысль не о торжествѣ и славѣ, но о смерти“. Буквально такого выраженія у святителя Филарета во всѣхъ его 16-ти словахъ на праздникъ Успенія—нѣтъ. Онъ говоритъ только, что „святая Церковь хотѣла избѣжать наименованія смерти, говоря о Матери Жизни“, и что „наименованіе сна для означенія смерти заимствовано ею изъ устъ Спасителя: *Лазарь другъ нашъ успе*, сказалъ Онъ Апостоламъ, когда по силѣ Своего всевѣдѣнія возвѣщалъ имъ о постигшей Лазаря смерти, находясь вдали отъ мѣста его кончины. Видно, что это былъ новый языкъ: потому что Апостолы не поняли его и Господь нашелъ нужнымъ перевести Свое изреченіе на ихъ обыкновенный языкъ: *Лазарь умре*“. О торжествѣ и славѣ, какъ видите, въ словахъ святителя нѣтъ и помину. Какъ относился великій святитель Филаретъ къ преданію объ обстоятельствахъ успенія Богоматери, я скажу дальше; теперь же замѣчу только, что о. протоіерей тщательно замалчиваетъ всѣ 16 словъ Филарета на этотъ праздникъ и, конечно, потому, что они своимъ содержаніемъ совершенно опровергаютъ все, что о. Остроумовъ говоритъ противъ преданія. Тщательно замалчиваетъ о. Остроумовъ и тотъ фактъ, что святитель Филаретъ не только устроилъ при Троицкой Сергіевой лаврѣ Гееси манскій скитъ, и въ немъ храмъ, посвященный воскресенію Богоматери, но озаботился переводомъ съ греческаго и чинопослѣдованія, совершаемаго въ Іерусалимской Геѳсиманіи на третій день послѣ Успенія Богоматери (17 августа), и установилъ въ своей Геѳсиманіи подобный же праздникъ воскресенія Матери Божіей, празднуемый и понынѣ. Обо всемъ этомъ о. протоіерей и не подумалъ. А слѣдовало бы... Вѣдь, вотъ пользуется же о. протоіерей „Начертаніемъ церковно-библейской исторіи митрополита Филарета“, чтобы доказать, что сочиненія Діонисія Ареопагита признаются неподлинными не только обыкновенными историками, но и „самимъ Филаретомъ“: почему бы не разобрать и то, что говоритъ въ своихъ словахъ и бесѣдахъ на Успеніе Богоматери великій святитель московскій? Но это было не въ интересахъ о. протоіерея. А мы ему скажемъ: свое „Начертаніе“ Филаретъ писалъ еще въ молодости, будучи архимандритомъ, а слова на протяженіи всего своего святительскаго служенія; если тутъ встрѣчается нѣкое противорѣчіе, то ужъ конечно надобно отдать предпочтеніе святителю старцу предъ архимандритомъ, еще только начинавшимъ свою

ученую дѣятельность. А вѣрнѣе, что противорѣчія тутъ и нѣтъ: въ „Начертаніи“ Филаретъ говоритъ вообще о сочиненіяхъ, приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту, въ коихъ нѣчто сохранилось и дѣйствительно принадлежавшее сему апостольскому мужу, и святитель Филаретъ считалъ вотъ эти сказанія объ успеніи Богоматери подлинными и широко пользуется ими въ своихъ словахъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить и мысли о томъ, чтобы святитель-мудрецъ забылъ, что онъ писалъ въ „Начертаніи“, или же намѣренно утверждалъ достовѣрность сказаній, которыя самъ же считалъ неподлинными. Это было бы оскорбленіемъ памяти благоговѣйно чтимаго іерарха не только Россійской, но и Вселенской Православной Церкви. Поэтому лучше бы о. Остроумову вовсе не упоминать о томъ, что говорится въ „Начертаніи“.

Ссылаться на „первыя указанія“ вообще не надежно: нынѣ оно первое, а завтра можетъ оказаться позднѣйшимъ, ибо можетъ открыться болѣе раннее, что не разъ и бывало въ исторіи. Но если бы и не оказалось таковыхъ, то свидѣтельство о праздникѣ и воспоминаемыхъ имъ событіяхъ, восходящее за полторы тысячи лѣтъ до нашего времени, есть все же древность довольно почтенная: вѣдь, тамъ уже до событія остается меньше четырехъ вѣковъ. Да притомъ, упоминаніе о праздноваліи въ V вѣкѣ еще не есть доказательство, что раньше событіе не праздновалось. Праздникъ могъ быть установленъ и раньше.

„Пять вѣковъ молчитъ церковное преданіе о столь важныхъ событіяхъ, какъ воскресеніе (или воскрешеніе) и вознесеніе Богоматери, говоритъ о. Остроумовъ. Но зачѣмъ же преувеличивать разстояніе времени? Вѣдь самъ же о. протоіерей ниже говоритъ, что „всѣ данныя побуждаютъ думать, что преданіе о вознесеніи Богоматери стало распространяться не ранѣе торжества православія надъ несторіанствомъ (431 г.)“; а если такъ, то вычтите число лѣтъ жизни Богоматери, за исключеніемъ 15 лѣтъ Ея юности, и уже получите не болѣе 380 лѣтъ, а если еще принять во вниманіе, что до „распространенія“ праздникъ и соединенныя съ нимъ воспоминанія уже существовали, то и еще сократится разстояніе между событіемъ и „первыми на него указаніями“. Можно ли говорить „пять вѣковъ“?

„Св. Косма Маіумскій ясно выразилъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ вѣрованіе свое и своего друга въ воскресеніе и вознесеніе Богоматери“, говоритъ о. Остроумовъ. Опять странно: мнѣніе „свое и своего друга“ и только? А Церковь тотчасъ такъ и приняла эти вѣрованія двухъ друзей и ихъ пѣснопѣнія тотчасъ внесла въ кругъ богослуженія?.. Ужъ очень просто все это представляется о. Остроумову. Рѣчь идетъ о признаніи фактовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ Церкви, или извѣстныхъ лишь по апокрифу, и вдругъ эти факты признаются несомнѣнными и воспѣваются всею Церковію новосоставленными пѣснопѣніями.... И никто изъ святителей не протестуетъ противъ этого! Невысокое же мнѣніе можно посему составить не только о самихъ пѣснотворцахъ, но и о святой Церкви!

Передавая сообщеніе св. Іоанна Дамаскина о желаніи императрицы Пульхеріи положить мощи Богоматери въ построенномъ ею храмѣ, о. Остроумовъ видимо хочетъ ослабить достовѣрность сообщенія св. Іоанна, говоря, что онъ ссылается

на *какого-то* Евфимія, что патріархъ Ювеналій, *будто бы*, отвѣчалъ и т. д. Къ чему эти: *какого-то, будто бы?*..

Изъ того, что св. Епифаній Кипрскій обличаетъ женщинъ, воздававшихъ св. Дѣвѣ особое почитаніе, признавалъ такое поклоненіе ересью, и говоритъ только о пребываніи Ея у Апостола Іоанна Богослова, а дальнѣйшую судьбу Ея и кончину считаетъ неизвѣстной, хотя и доходили до него „предположенія“ о кончинѣ Ея, о. Остроумовъ дѣлаетъ выводъ, что св. Епифаній, современникъ вселенскихъ учителей Церкви, остерегается пользоваться нечистымъ источникомъ отреченныхъ книгъ „апокрифовъ“.—О какихъ „предположеніяхъ“ говоритъ св. Епифаній намъ точно неизвѣстно; но вотъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, Косма Маіумскій, а за ними вся Церковь не сомнѣвается въ истинности фактовъ, сообщаемыхъ якобы „нечистыми источниками“ и положенныхъ сими пѣснопѣвцами въ основаніе своихъ твореній на праздникъ Успенія, и этого для насъ довольно. Святые друзья Іоаннъ и Косма вѣроятно имѣли больше основаній убѣдиться въ сей истинности, чѣмъ Епифаній, а для насъ русскихъ и авторитетъ великаго святителя Филарета выше мнѣній о. Остроумова. Епифаній могъ, при тогдашней рѣдкости рукописей, не знать сочиненій Діонисія, а для насъ цѣнно, что онъ все же говоритъ о какихъ-то „предположеніяхъ“, въ коихъ мы въ правѣ видѣть слѣды устныхъ преданій о томъ, что повѣствуетъ Діонисій.

„Человѣческая изобрѣтательность особенно процвѣтаетъ“, говоритъ о. Остроумовъ, „въ тѣ періоды, когда слово Господне становится рѣдкимъ и видѣнія не частыми. Показателемъ этого является не только византійскій періодъ Восточной Церкви, но еще болѣе западная церковь со времени ея отпаденія отъ восточной. Тамъ новые догматы сочиняются тѣмъ діалектическимъ путемъ, который одобряется преосв. Никономъ“.

О какихъ „новыхъ догматахъ“ говоритъ о. Остроумовъ? Онъ постоянно смѣшиваетъ два понятія: „догматъ“ и „преданіе“. Но ужели это одно и то же? А затѣмъ, подражая ему, и я могу сказать ему въ отвѣтъ: „человѣческій скептицизмъ въ вопросахъ, касающихся Церкви и ея преданій, особенно процвѣтаетъ въ тѣ періоды, когда нѣмецкій раціонализмъ заражаетъ богословскую школу, не задумываясь иногда надъ разрушеніемъ всего, что скоплено вѣками въ сокровищницѣ церковнаго преданія, что срослось съ сердцемъ вѣрующаго, что можно и должно было бы укрѣплять научными изслѣдованіями, если только не встрѣчается явныхъ противорѣчій св. Писанію и св. преданію. Преданіе на протяженіи полуторы тысячи лѣтъ извѣстно въ Церкви. Церковь не только не отвергаетъ его, но и одобряетъ допущеніемъ его подтвержденія въ богослуженіи; но вотъ, въ XX-мъ вѣкѣ, его начинаютъ оспаривать, доказывать его сомнительность, доказывать, хотя прикровенно, но довольно прозрачно, что факта, утверждаемаго преданіемъ, не было, что Матерь Божія умерла, какъ и всѣ смертные и „Ея мощи гдѣ-то у Господа, Которому принадлежитъ земля и исполненіе ея“ (слова о. Остроумова), а когда я назвалъ такое утвержденіе соблазномъ для православновѣрующихъ, то мое вниманіе направляютъ въ сторону разныхъ „распутныхъ крестьянъ, безумныхъ

монаховъ и проходимцевъ"... Подобаетъ ли вести такую полемику, да еще о. протоіерею съ высшимъ богословскимъ образованіемъ?...

Меня упрекаетъ о. протоіерей, что я „поэтическую картину" принимаю за фактъ. Я отличаю поэтическій элементъ отъ факта, который по моему убѣжденію и вѣрованію православныхъ, лежитъ въ основѣ церковной поэзіи. Фактъ—одно, а поэтическое его воспроизведеніе—другое, но безъ факта одинъ поэтическій разсказъ, какъ вымыселъ, былъ бы недостоинъ Матери Божіей и Церковь отнюдь не допустила бы его въ свое богослуженіе. Мнѣніе ея прекрасно выразилъ святитель Димитрій Ростовскій, когда сказалъ: „не буди ми лгати на святаго", тѣмъ паче—на Матерь Божію, приписывая Ей то, чего съ Нею не было.

Признаюсь, меня непріятно поразило, что о. протоіерей счелъ почему-то нужнымъ въ своей статьѣ на цѣлыхъ двухъ страницахъ подчеркнуть то, что Апостолы не упоминаютъ о прославленіи Богоматери, „мало того, говоритъ онъ, но они не обходятъ молчаніемъ и того, что во мнѣніи читателей и слышателей благовѣстія можетъ служить къ умаленію Ея славы" (Лук. 2, 50, 8, 19. Мѳ. 12, 46. Мр. 3, 31. Лк. 11, 27. Іоан. 2, 4). Мысль автора какъ будто та, что вотъ и Апостолы не считаютъ нужнымъ особенно прославлять Матерь Божію,—„не сказалось посмертное прославленіе Приснодѣвы и на книгѣ Дѣяній", и тутъ Пресвятая Дѣва „упоминается только одинъ разъ и въ самомъ сдержанномъ тонѣ, послѣ другихъ женъ". Правда, авторъ „не думаетъ видѣть въ апостольскихъ отзывахъ о св. Дѣвѣ умаленія Ея дѣйствительной славы. Но слава Ея „внутренняя, а не внѣшній блескъ, какимъ пытаются окружить св. Дѣву „отреченныя" писанія. Ея слава—смиренная и молчаливая. Никакая византійская изобрѣтательность и краснорѣчіе не прибавятъ ни единой черты къ величію евангельской Маріами—чистѣйшей и разумнѣйшей (?) изъ всѣхъ дѣвъ и матерей". Съ своей точки зрѣнія о. протоіерей считаетъ, конечно, себя правымъ, подчеркивая все это, но да проститъ онъ нашему православному чувству: на насъ такія его разсужденія вѣютъ нѣмецкимъ духомъ отрицанія преданій церковныхъ. Это настойчивое напоминаніе о „византійской изобрѣтательности" и „отреченныхъ писаніяхъ" какъ будто прямо списано у нѣмцевъ... Такъ вотъ и подсказывается выводъ, что все сказаніе объ успеніи Богоматери и Ея взятіи на небо есть просто то, что нынѣ называется исторической повѣстью или поэмой...

О. Остроумовъ не пренебрегаетъ никакими доводами, чтобы подорвать довѣріе къ сему преданію. Съ этой цѣлію онъ говоритъ, что „можно не соглашаться съ мнѣніями и сообщеніями даже великихъ учителей Церкви; поэтому не могутъ считаться непререкаемыми всѣ мнѣнія святителя Димитрія Ростовскаго, предпринявшаго непомѣрно великій для одной жизни трудъ изложенія житій почти всѣхъ святыхъ, чтимыхъ Церковію. Всякія поправки и поясненія къ этому труду являются не проявленіемъ неуваженія къ памяти святаго труженика, а, напротивъ, почтительнымъ хотя и микроскопическимъ участіемъ въ его великой работѣ".

Хорошо сказано. Но авторъ вѣдь ведетъ къ полному отрицанію, а не къ „поправкѣ" того преданія, которое изложено съ такою любовію святителемъ Димитріемъ, преданія,

принятаго Церковію въ богослуженіе. Это ужъ не „поправка". Съ такими поправками лютеране отвергли весь кругъ церковныхъ преданій. Правда, что „житія святыхъ не догматическій трудъ а церковно-историческій, и къ нему должны быть примѣняемы научные методы изслѣдованія"; но—не нѣмецкіе, а православные. Поэтому лучше ужъ довѣрять святителю Димитрію въ его дѣйствительно православномъ отношеніи къ преданіямъ церковнымъ, чѣмъ о. Остроумову, хотя онъ и навязывается въ сотрудники святителю (впрочемъ „микроскопическимъ" участіемъ).

Согласенъ я, что преданія подлежатъ изслѣдованію, что иначе, какъ говоритъ о. Остроумовъ, „мы рискуемъ преданія человѣческія предпочесть заповѣдямъ Божіимъ". И мысли не допускаю, чтобы можно было спорить противъ словъ митрополита Филарета, что „послѣ Апостоловъ чрезъ столь многія руки, чрезъ столь многіе вѣка прошедшія преданія нужно испытывать, суть ли они истинно апостольскія и святоотеческія и не подвергались ли неправымъ измѣненіямъ и чуждымъ примѣсямъ". Но вотъ эти-то слова святителя и даютъ мнѣ право возразить о. протоіерею Остроумову: святитель Филаретъ во многихъ своихъ словахъ на Успеніе Богоматери во всѣхъ подробностяхъ приводитъ преданіе о семъ событіи, не только не сомнѣваясь въ истинности преданія, какъ это дѣлаетъ о. Остроумовъ, но и относясь къ нему съ всецѣлымъ уваженіемъ, называя его священнымъ,—значитъ, онъ изслѣдовалъ „подлинность и достовѣрность" сего преданія, т.-е., выполнилъ добросовѣстно то правило, какое указывалъ другимъ. Что изъ сего слѣдуетъ—понятно само собою.

„Свойство непогрѣшимости въ Православіи приписывается только преданію вселенскому", говоритъ о. Остроумовъ и далѣе пускается въ разсужденія уже общаго характера, приводя цитаты изъ Василія Великаго, блаженнаго Августина, нашихъ—Хомякова, Болотова, Глубоковскаго и даже Тарѣева (тоже авторитетъ!). Никакого отношенія къ преданію объ успеніи Богоматери всѣ его выписки не имѣютъ, а что это преданіе носитъ характеръ вселенскаго, то вѣдь надо помнить, что не только восточная и западная церкви, но и отпадшія ранѣе отъ вселенской Церкви общества, каковы армянская, эѳіопская и др., сего преданія не отвергаютъ. Лютеране—конечно не въ счетъ: они отвергаютъ всякое преданіе. Замѣчу кстати: не слишкомъ ли далеко ушелъ о. протоіерей въ сторону отрицанія, когда пишетъ, что „позднѣйшія (? а раннѣйшія ?) Вселенскихъ Соборовъ исповѣданія не имѣютъ въ себѣ характера непререкаемаго и не могутъ считаться носителями только общеобязательныхъ ученій". Какъ? Исповѣданія и опредѣленія, возглавляемыя словами Апостоловъ: „изволися Святому Духу и намъ"—не имѣютъ характера непререкаемаго? для насъ не обязательны?... О. протоіерей! Что вы говорите?...

„Итакъ, говоритъ въ заключеніе о. Остроумовъ, Православная Церковь и часть ея Церковь Россійская не знаетъ догмата о воскресеніи и вознесеніи Богоматери". Но о „догматѣ" странно говорить, когда рѣчь идетъ о преданіи, какъ памяти и совершившемся фактѣ. „И время, и обстоятельства исхода Богоматери неизвѣстны Православной Церкви", говоритъ о. протоіерей. Конечно, время въ точности неизвѣстно, но обстоятельства извѣстны изъ

преданія. „Апокрифическія сказанія о таковомъ исходѣ, какъ частныя мнѣнія, допущены въ житіяхъ святыхъ, и въ пѣснопѣніяхъ праздника Успенія Богоматери", пишетъ онъ.—Я ему отвѣчаю: „допускать" то, что сомнительно, не въ обычаѣ Церкви. Допуститъ ли она обращаться къ Матери Божіей съ такими словами, въ коихъ будетъ какъ бы привѣтствіе, повѣствованіе о Ея „безсмертномъ успеніи" и о Ея преселеніи на небо съ плотію, если такого событія въ Ея жизни не было? Достойно ли было бы это какъ Церкви, такъ и Самой преблагословенной Матери Божіей?..

Я не менѣе о. Остроумова знаю, что „богослужебная письменность никакъ не можетъ считаться библіотекою церковно-историческихъ знаній", но вѣдь онъ тутъ же самъ говоритъ, что „отчасти въ богослужебной письменности находятся и историческія свѣдѣнія". А когда эти свѣдѣнія сообщаются съ такими подробностями и съ такою положительностью, какъ повѣствованіе объ успеніи Богоматери и сопровождавшихъ его обстоятельствахъ, то было бы недостойно поэтовъ-писателей предполагать, что всѣ эти свѣдѣнія завѣдомо ложны и ими пользовались такіе высокопросвѣщенные мужи, какъ Іоаннъ Дамаскинъ и Косма Маіумскій, съ цѣлію „побѣдными звуками ирмосовъ поднять настроеніе богомольцевъ и тѣхъ, которые признаютъ содержаніе ихъ частнымъ мнѣніемъ", т.-е. о. прот. Остроумова и его единомышленниковъ.

Стараясь исчерпать все, что можно было сказать противъ достовѣрности преданій объ успеніи Богоматери, о. Остроумовъ беретъ выдержку изъ архіеп. Никанора, который приводитъ слова святаго (?) Бернарда „что Царственная Дѣва не нуждается въ ложномъ прославленіи, что святая Дѣва никакъ не оправдаетъ новизны, выдуманной вопреки ученію Церкви, новизны, которая есть мать неблагоразумія, сестра невѣрія и дочь легкомыслія". А поелику о. протоіерей считаетъ „новизною" наше вѣрованіе въ достовѣрность сказаній объ успеніи Матери Божіей, принятыхъ Церковію въ богослуженіи то... чтый да разумѣетъ! А я думаю, что если бы Бернардъ, признаваемый о. Остроумовымъ за „святаго", былъ живъ, то первый запротестовалъ бы противъ такого толкованія его словъ, ибо преданія объ успеніи Богоматери были въ западной церкви столь же пріемлемы, какъ и на Востокѣ. А говорилъ онъ, конечно, о такихъ догматахъ, какъ непорочное зачатіе и под.

II.

Я утомилъ читателя полемикой съ о. прот. Остроумовымъ. По себѣ сужу, какъ тяжело имѣть дѣло съ отрицательными сужденіями относительно священныхъ, дорогихъ для православнаго сердца преданій, съ которыми оно сжилось, сроднилось съ дѣтства, какъ съ дорогой истиной, завѣщанной намъ древнею Церковію. И еще больнѣе это чувствуешь, когда видишь подпись подъ этими отрицаніями, не простого мірянина,—къ этому мы уже какъ-то привыкли,—а служителя Церкви, почтеннаго о. протоіерея. Но—довольно полемики.

Теперь отдохнемъ душою на тщательно замолчанныхъ о. протоіереемъ мысляхъ великаго богослова нашей русской Церкви святителя Филарета, митрополита Московскаго, котораго, какъ мы видѣли, о. протоіерей думалъ привлечь себѣ въ союзника по отрицанію преданій о

воскрешеніи и о вознесеніи на небо Богоматери. Послушаемъ, что говоритъ благоговѣйный іерархъ въ своихъ, въ высшей степени глубокихъ и художественныхъ словахъ на праздникъ Успенія Богоматери. Вотъ его вдохновенныя слова, истекавшія изъ глубоко вѣрующаго и беззавѣтно любящаго Матерь Божію сердца и свѣтлаго возвышеннаго ума.

„Дивна крестная смерть Господа нашего Іисуса Христа; дивно Его тридневное воскресеніе: но не дивно то, что они являются дивными, потому что въ нихъ заключено недомыслимое таинство непостижимой премудрости Божіей, ими чудесно разрѣшается неразрѣшимый безъ чуда вопросъ, какъ спасти погибшій родъ человѣческій.

Очевидно, не въ такой степени, какъ смерть и воскресеніе Господне, однако дивна и смерть Пресвятыя Дѣвы Богородицы и Ея воскресеніе. Какъ это возможно, что умерла чистѣйшая Херувимовъ и славнѣйшая Серафимовъ? Херувимы и Серафимы ниже Ея, и слѣдственно въ низшей степени должны быть блаженны: но они не знаютъ смерти. Какъ умерла бывшая вмѣстилищемъ воплощеннаго Сына Божія и, конечно, не преставшая быть жилищемъ Божества? Нетлѣнно пріявшая огнь Божества должна ли была уступить силѣ земнаго тлѣнія?— Подлинно, можно полагать, что могла бы Пресвятая Дѣва, по выраженію Апостольскому, *не совлещися, но пооблещися, да пожерто будетъ мертвенное животомъ*,— не сложить съ себя одежду земнаго тѣла посредствомъ смерти, но мгновеннымъ преображеніемъ облещись въ тѣло прославленное. И почему же не такъ было? Должно думать, что по своему всегдашнему смиренію и по желанію подражать уничиженію пути смерти временной. А все устрояющее Провидѣніе, не препятствуя углубленію смиренія, долженствующему возвысить будущую славу, смертію Матери Живота вразумляетъ насъ, какъ не малый еще и не безопасный остатокъ силы сохраняетъ смерть въ естествѣ человѣческомъ и послѣ животворящей смерти Христовой. Если Пречистая Матерь Живота не миновала смерти, хотя тихой и кратковременной, то мы, далекіе отъ совершенной чистоты, поверженные въ нечистоту мыслей, въ нечистоту страстей, въ нечистоту дѣлъ, въ нечистоту жизни,—въ какой мы опасности смерти лютой и вѣчной!

Слава вѣчной жизни начинала уже просвѣчивать сквозь самую смерть Пресвятыя Дѣвы. За три дня явился небесный вѣстникъ призвать Ее въ вѣчность и принесъ Ей знаменіе ожидающаго Ее рая. Чудесно собрался соборъ Апостоловъ, чтобы почтить Ея преставленіе и погребеніе. Достойные видѣли Самого Божественнаго Ея Сына, съ небесными силами пришедшаго принять душу Ея. Бездыханное тѣло Ея чудодѣйствовало. Въ третій же день отъ смерти, по подобію Христову, проявлено Ея полное воскресеніе. Земного тѣла Ея не стало во гробѣ. Собору Апостоловъ Она явилась въ небесной славѣ". (Сл. и Рѣчи, т. V, 21—22).

„Торжественно возвѣщаемъ въ Церкви смерть Господню, какъ спасительную и живоносную для всѣхъ насъ", говоритъ въ другомъ словѣ святитель Филаретъ: „торжественно воспоминаемъ и смерть Матери Господа, какъ въ высокой степени для насъ поучительную и утѣшительную. Показавъ намъ гробъ Христовъ, съ отваленнымъ камнемъ, съ однѣми погребальными пеленами, въ ономъ оставшимися, и возвѣ-

стивъ, что *Хрістосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 15, 20).—Святая Церковь какъ бы заботилась, чтобы наша вѣра и надежда не утомились долгимъ ожиданіемъ послѣдующаго за симъ начаткомъ воскресенія умершихъ: и потому она приводитъ насъ къ другому гробу, также въ третій день послѣ погребенія отверстому и уже праздному отъ тѣла, въ немъ погребеннаго, и какъ бы указуя, говоритъ намъ: вотъ и дѣйствительный, скорый, очевидный въ лицѣ Матери Господней опытъ воскресенія, котораго Хрістосъ былъ начатокъ; благодатію Сына Своего и Бога, Она такъ совершенно созрѣла для неба, что и тѣла Ея не могла удержать земля до времени общаго воскресенія: зрите праздный гробъ Ея и радуйтесь, упованіемъ жизни за гробомъ" (т. VI, 86).

„Чудно и торжественно благодать *Избранныя, яко солнце,* явилась средоточною силою Церкви тогда, когда Она, по закону земнородныхъ, познавъ западъ свой на земли, восходила въ невечерній день небесный: ибо и разсѣяннымъ по вселенной для проповѣди Евангелія Апостоламъ свѣтъ Духа показалъ сіе время послѣдняго съ Нею въ видимомъ мірѣ общенія, и влеченіе Духа соединило ихъ окрестъ Ея смертнаго одра, Ея живопріемнаго гроба. Съ тѣхъ поръ, по выраженію церковному, *слава Ея боголѣпная Богоподобными сіяетъ чудесы.* Тщетно мрачныя мудрованія неправомыслящихъ усиливались затмить Ея славу: они только изощрили ревность правовѣрующихъ къ Ея прославленію. Ни пространства мѣстъ, ни продолженіе и превратности временъ не ослабляютъ сіянія славы Ея"... (IV, 86—7).

Въ одномъ словѣ на Успеніе Богоматери, въ молитвенномъ умиленіи святитель Филаретъ такъ обращается къ Ней: „Теперь не одно небесное созерцаніе видитъ Твою благодать, не одинъ Ангелъ тайно благовѣствуетъ тебѣ радость; *въ церкви величіемъ благовѣствуется* Твоя благодать и радость, родъ человѣческій благословляетъ Тебя, Благословенная въ женахъ! Подобно какъ слава Твоего Сына и Бога, и Твоя слава Боголѣпная изъ гроба возсіяваетъ. Чудеса Твоего успенія открыли, что Богоносная душа Твоя отходитъ прямо къ Богу: праздный послѣ погребенія гробъ Твой показалъ, что и въ тѣлѣ Твоемъ смерть не нашла себѣ никакой пищи, то есть, ничего грѣхомъ зараженнаго, и потому ничего тлѣннаго. Жизнь будущаго вѣка, который мы еще только чаемъ, для Тебя уже есть настоящая вѣчная жизнь, на высочайшей степени славы. Въ чертогѣ небесномъ, какъ *Царица* по благодати, *предстала* Ты *одесную* Царя по естеству, *въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна* (Пс. 44, 10), или, по другому созерцанію, *облечена въ солнце* (Апок. 12, 1),—въ открытый, какъ мнѣ мнится, свѣтъ Хрістовъ; предстала, чтобы не только пребывать и наслаждаться имъ, но и царствовать во свѣтѣ, или свѣтоводительствовать, да *приведутся Царю дѣвы*—души цѣломудренныя или упѣломудрившіяся, *въ слѣдъ* Тебѣ. Нынѣ радуйся, Благодатная, и отнынѣ на вѣки нерушимо радуйся, не только радуйся, но и блаженствуй—не только Благодатная, но и Препрославленная!" (т. IV, 175—6).

Желая изобразить обстоятельства успенія Матери Божіей, святитель Филаретъ приводитъ сначала церковную пѣснь: „*Соборъ ученикъ и Божественныхъ Апостолъ собрася погребсти Богопріятное тѣло единыя Богоматере.* Симъ пѣсносло-

віемъ, говоритъ далѣе святитель, святая Церковь имѣетъ обычай оглашать насъ еще въ предначатіи настоящаго праздника. Церковь говоритъ какъ бы о томъ, что видитъ; и поелику говоритъ для всѣхъ насъ, то, кажется, желаетъ, чтобы и всѣ мы не просто воспомянули, но какъ бы видѣли успеніе и погребеніе Божіей Матери.—Можемъ ли мы соотвѣтствовать сему намѣренію Церкви?—Не трудно понять, что это дѣло не тѣлесныхъ очей. Требуется два ока: око ума чистаго и ока сердца вѣрующаго и любящаго. Признаемъ несовершенство нашихъ очей. Но не можемъ ли мы хорошо смотрѣть очами святыхъ, которые умѣли созерцать и желали помочь нашему созерцанію? Испытаемъ воззрѣть на преставленіе Божіей Матери очами Святыхъ: Діонисія Ареопагита, Ювеналія Іерусалимскаго, Андрея Критскаго и Іоанна Дамаскина.

Правда, святый Андрей и самъ встрѣчаетъ нѣкое затрудненіе. Въ словѣ на нынѣшній праздникъ онъ предлагаетъ недоумѣніе любознательныхъ: почему преставленія Богоматери не описалъ никто изъ составившихъ книгу Божественныхъ Евангелій? Впрочемъ, онъ и разрѣшаетъ сіе недоумѣніе, говоря: *это можетъ быть потому, что Ея Богопріятное успеніе произошло долгое время спустя по вознесеніи Господнемъ, ибо, какъ сказываютъ, Она, достигши глубокой старости, преставилась отъ здѣшней жизни; или же тогдашнія времена не допускали таковаго изложенія.*

Далѣе въ томъ же словѣ св. Андрей поступаетъ такъ, какъ и мы теперь. Онъ смотритъ на успеніе Божіей Матери очами современника сему событію, святаго Діонисія Ареопагита, приводя его слова изъ его книги „О Божественныхъ именахъ“. Св. Діонисій, обращая рѣчь къ св. Тимоѳею и упомянувъ о св. Іероѳеѣ, говоритъ: „*и мы, какъ тебѣ извѣстно, и онъ, и многіе изъ священныхъ нашихъ братій, стеклись для зрѣнія Богоначальнаго и Богопріемнаго тѣла. Присутствовалъ и Богобратъ Іаковъ, и первоверховный и старѣйшій изъ Богослововъ Петръ. Потомъ, послѣ зрѣнія, угодно было всѣмъ священноначальникамъ, поколику каждый способенъ былъ, воспѣвать безмѣрно могущественную благодать Богоначальственной немощи*, то есть, какъ изъясняетъ св. Максимъ, восхвалять вольное снисхожденіе Сына Божія принявшаго на Себя немощное тѣло человѣческое, кромѣ грѣха“ (т. IV, 562—3).

„Пріятно, замѣчаетъ святитель въ другомъ словѣ, даже до нынѣ узнавать единую святую, соборную и Апостольскую Церковь, между прочимъ, по единству ея священныхъ и Апостольскихъ обычаевъ. Послѣ столь многихъ вѣковъ отъ дня успенія Пресвятыя Богородицы, и нынѣ для сего дня собираются *многіе изъ священныхъ нашихъ братій*. Въ подражаніе Божественному зрѣлищу Сіонскому или Геѳсиманскому и здѣсь представляется для благоговѣйнаго зрѣнія изображеніе живоначальнаго и Богопріемнаго тѣлеси, какъ бы въ день его погребенія. Вся іерархія пѣснословитъ, или, иначе сказать, словомъ и пѣснопѣніемъ прославляетъ безмѣрномогущественную благость Сына Божія, въ Его спасительномъ воплощеніи чрезъ немощь и смерть проложившаго путь къ безсмертію и славѣ Божественной. О если бы могли мы услышать хотя одно изъ тѣхъ самыхъ пѣснословій, которыя по внушенію Святаго Духа принесены были Господу и Матери Его

въ первоначальномъ Апостольскомъ успенскомъ соборѣ!" (т. II, 394—5).

„Но святый Діонисій открылъ намъ только часть дивнаго зрѣлища, какъ видно изъ его словъ, близко за вышеприведенными слѣдующихъ, обращенныхъ также къ св. Тимоеею: *что тамъ было таинственнаго, то прохожу молчаніемъ, какъ неизрекаемое для многихъ, а тебѣ извѣстное.* Смиримся, если и мы принадлежимъ ко многимъ, для которыхъ неудобоизрекаемо многое таинственное, но извѣстное св. Тимоеею, вѣроятно, сдѣлалось извѣстнымъ отъ него и другимъ достойнымъ, а отъ сихъ нѣчто изъ того и до насъ могло достигнуть.

Таинственное можно предполагать въ томъ самомъ, какъ многіе Апостолы собрались на погребеніе Пресвятыя Дѣвы, когда они были разсѣяны по разнымъ странамъ для проповѣданія Евангелія. И сію тайну нѣсколько намъ открываетъ и объясняетъ св. Андрей, когда говоритъ: *не удивительно, если Духъ, подъявшій нѣкогда Илію и небеснаго огненоснаго колесничника вземшій, и ихъ тогда внезапно собралъ, принесши на облакахъ въ духѣ. Ибо для Бога все удобно, какъ знаемъ изъ примѣровъ Аввакума и Даніила.* А св. Іоаннъ Дамаскинъ, также въ словѣ на нынѣшній праздникъ, рѣшительнѣе изъясняется, что ради чести преставленія Божіей Матери, Апостоловъ, *по Божію повелѣнію, облакъ, подобно нѣкоей сѣни, влекъ въ Іерусалимъ, и отъ краевъ земли, какъ бы нѣкихъ орловъ, во едино мѣсто устремилъ и совокупилъ.*

Св. Дамаскинъ и еще тайну въ преставленіи Божіей Матери созерцаетъ и намъ открываетъ: именно, *пришествіе Самого Царя къ Своей Родительницѣ, дабы Божественными руками пріять Ея святую, чистую и непорочную душу.*

Наконецъ, св. Дамаскинъ, для изъясненія таинъ успенія Божіей Матери, пріемлетъ въ помощь св. Ювеналія, Архіепископа Іерусалимскаго, извлекая изъ нѣкоего историческаго писанія слѣдующее повѣствованіе. Въ царствованіе Маркіана, Пульхерія создала въ Константинополѣ, во Влахернахъ, и украсила храмъ въ честь Пресвятыя Богородицы. Желая пріобрѣсти сему храму приличествующую ему святыню, и слышавъ, что близъ Іерусалима, въ Геѳсиманіи, есть храмъ, на мѣстѣ, гдѣ живоносное тѣло Приснодѣвы положено въ ракѣ, императоръ и императрица изъявили архіепископу Іерусалимскому желаніе, чтобы сіи мощи принесены были въ новосозданный храмъ, въ охраненіе царствующему граду. Отвѣтствуя на сіе, св. Ювеналій, утверждаясь на древнемъ, какъ онъ говорилъ, и истиннѣйшемъ преданіи, упомянувъ о чудесномъ собраніи Апостоловъ, мгновенно восхищенныхъ съ разныхъ странъ къ Пресвятой Дѣвѣ, съ Божественною славою предающей душу Свою въ руцѣ Божіи, о изнесеніи тѣла Ея съ Ангельскимъ и Апостольскимъ пѣніемъ и о положеніи онаго въ Геѳсиманіи, продолжалъ: *на томъ мѣстѣ цѣлыхъ три дня продолжались Ангельскія ликостоянія и пѣснопѣнія. По третіемъ же днѣ, по прекращеніи Ангельскаго пѣснопѣнія, пришли Апостолы, потому что одинъ изъ нихъ, Ѳома, опоздалъ, пришелъ по третіемъ днѣ, и желалъ поклониться Богопріемному тѣлу. Открыли раку и всевальнаго тѣла Ея обрѣсти не могли. Нашли только Ея погребальныя пелены, лежащія, и отъ нихъ исполнясь неизреченнымъ благоуханіемъ, закрыли раку. Пораженъ-*

ные таинственнымъ чудомъ, одно то могли они подумать, что благоволившій Своею Упостасію воплотиться и вочеловѣчиться отъ Нея, и родиться по плоти, и по рождествѣ сохранившій нетлѣннымъ Ея дѣвство, Богъ Слово и Господь славы благоволилъ, и по прекращеніи Ея здѣшняго житія, непорочное и пречистое тѣло Ея почтить нетлѣніемъ и преложеніемъ, прежде общаго вселенскаго воскресенія. За симъ, св. Ювеналій дополняетъ свой отвѣтъ царю свидѣтельствомъ св. Діонисія, которое мы уже привели, а св. Дамаскинъ оканчиваетъ повѣствованіе исторіи тѣмъ, что во Влахернскую церковь перенесенъ изъ Геесиманіи ковчегъ съ одеждами Пресвятыя Богородицы.

Видите ли тайны и чудеса успенія Божіей Матери? вопрошаетъ святитель Филаретъ. Видите ли торжество земное и вмѣстѣ небесное? Видите ли легкій, кратковременный туманъ смерти, сквозь который ясно и величественно просіяваетъ вѣчная жизнь? Видите ли гробъ, превращенный въ окно, открытое въ невидимый міръ, къ пренебесному свѣту?.. Видимъ преславное успеніе, которое чудесно украшаютъ своимъ присутствіемъ Апостолы, Ангелы, Самъ Господь... Видимъ по успеніи необычно скорое пробужденіе; за смертію тотчасъ безсмертіе, въ самой полной его силѣ; видимъ душу Пресвятой Дѣвы на рукахъ Господа, и слѣдовательно, на высочайшей степени блаженства, потому что близость къ Господу и высота блаженства есть одно и тоже; видимъ и приснодѣвственное тѣло Ея, непокорившееся закону тлѣнія, неожидавшее срочнаго дня для воскресенія, но въ самое время сѣянія въ землю возросшее въ небо и процвѣтшее славою (т. IV, 562—6).

„У гроба Пресвятыя Дѣвы Маріи, говоритъ еще въ одномъ словѣ нашъ златословесный святитель Филаретъ, Церковь поставляетъ насъ въ благочестивое созерцаніе. Ибо что такое церковный праздникъ, если не благочестивое созерцаніе, въ которомъ духъ отдыхаетъ отъ труда плоти и собираетъ силы для работныхъ дней жизни? Что же мы видимъ, бывъ поставлены у гроба Пресвятыя Дѣвы? Зрѣлище необыкновенное! Обыкновенно до гроба—свѣтъ и ясность, далѣе гроба—мракъ и неизвѣстность, но здѣсь совсѣмъ напротивъ. До гроба—какое высокое достоинство и добродѣтель въ какой глубокой тайнѣ и безвѣстности! Далѣе гроба — какой свѣтъ и слава, какое торжественное воздаяніе достоинству и добродѣтели!“

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего слова святитель, проходя „поприщемъ земной жизни“ Матери Божіей, раскрываетъ безпримѣрную высоту Ея нравственнаго достоинства и вмѣстѣ—Ея неподражаемое смиреніе при земной жизни, а потомъ говоритъ: „теперь посмотримъ на другое, необозримое по пространству, но уже удобозримое, но уже удобозримое по свѣтлости, поприще, которое открылось для Пресвятыя Дѣвы Ея успеніемъ. Какъ скоро сіе совершилось! Соборъ Апостоловъ какъ говоритъ благочестивое преданіе, отовсюду собранъ Духомъ Божіимъ, чтобы не столько оплакивать, сколько праздновать Ея погребеніе. Какъ прежде невѣріе Ѳомы обращено въ доказательство достовѣрности воскресенія Христова: какъ теперь умедленіе Ѳомы обращается въ средство къ православленію вознесенія Богоматери, — еще сокровеннаго, какъ сокровенна была жизнь Ея на земли. Воспріявъ славу Божію на небеси, съ сего времени Она не отвергаетъ

и человѣческой славы на земли, прежде неугодной для Ея смиренія, теперь полезной и благотворной для живущихъ на земли“. (т. III, 193—197).

Въ словѣ, произнесенномъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (какъ впрочемъ почти и всѣ другія слова на Успеніе Богоматери) святитель Филаретъ приглашаетъ слушателей, *„не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся,* какъ учитъ смиренная мудрость апостольская (Рим. 12, 16),—вмѣсто книги прочитать нѣчто въ иконѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, которой древнѣйшій образецъ, по особенному устроенію Провидѣнія, принесенъ былъ изъ Константинополя въ Кіевъ, и которую святитель Петръ своею священною и святою десницею изобразилъ намъ здѣсь (въ Успенскомъ соборѣ), безъ сомнѣнія, не для чувственнаго только зрѣнія, но и для духовнаго созерцанія“.

Затѣмъ, какъ бы взирая на икону, митрополитъ указываетъ на всѣ изображенныя на ней лица и предметы, объясняетъ смыслъ изображеній, напоминаетъ преданія объ обстоятельствахъ успенія Богоматери, свѣряетъ эти преданія съ священнымъ Писаніемъ по ихъ духу и выводитъ назидательные уроки для слушателей. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ: „Надъ смертнымъ одромъ и бездыханнымъ тѣломъ Пресвятыя Дѣвы икона представляетъ Самого Христа Спасителя, держащаго на рукахъ душу Ея, въ образѣ младенческомъ, знаменующемъ, безъ сомнѣнія, начатіе новой на небесахъ жизни. Писанія не говорятъ, чтобы сіе тѣлесными очами видѣли всѣ бывшіе свидѣтелями успенія и погребенія Божіей Матери. Посему надлежитъ полагать, что составитель иконы представилъ здѣсь видимымъ принадлежащее къ міру невидимому и просто-видимое соединилъ съ духовно-созерцаемымъ. Изобразивъ тѣло Пресвятыя Дѣвы, оставленное душою Ея, онъ какъ бы предупреждалъ вопросъ: что въ сіе время происходило съ Ея душею? И въ отвѣтъ на сіе изобразилъ видимо и Ея душу, носимую руками Ея Божественнаго Сына.

Здѣсь раждается новый немаловажный вопросъ: какую силу имѣетъ сіе изображеніе? Не есть ли это простое представленіе воображенія? —Нѣтъ. Такъ думать было бы несообразно съ достоинствомъ древней святой иконы. Дерзость писать иконы по воображенію живописца есть порожденіе своеволія новѣйшихъ временъ. Древніе изображали на иконахъ то, что находили въ достойныхъ вѣры писаніяхъ или въ преданіи. И художникъ нашей иконы св. Петръ, безъ сомнѣнія, не былъ расположенъ писать на иконахъ мечты воображенія. Заключимъ, не обинуясь, что его икона представляетъ намъ не произвольный плодъ воображенія, но созерцаніе, согласное съ существомъ предмета. Надобно ли, по церковному правилу осторожности, показать согласіе сего преданія съ Священнымъ Писаніемъ?—Для сего можно указать на слова Христовы: *бысть же умрети нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамово* (Лук. 16, 22). Итакъ, сличай: если Писаніе свидѣтельствуетъ, что души святыхъ человѣковъ, исходя отъ тѣла, пріемлются Ангелами: то не совершенно ли согласно съ симъ преданіе, между прочимъ посредствомъ иконы, свидѣтельствуетъ, что пресвятая душа Матери Господней, высшей Ангеловъ, исходя отъ тѣла, пріята была Самимъ Ея Божественнымъ Сыномъ? Ангелъ же, по другому преданію, посланъ былъ къ Ней еще прежде на землю, дабы пред-

варить Ее о приближившемся преставленіи; а потомъ соборъ Ангеловъ привѣтствовалъ Ее небесными пѣснопѣніями, которыхъ отголосокъ слышали достойные во время погребенія“ (т. IV, 453—6).

Глубокопоучительны уроки, какіе даетъ святитель Филаретъ въ своихъ словахъ на день Успенія Богоматери. „Ублажаемъ Приснодѣву, говоритъ онъ: искренно ли? Не съ лестію ли? Презрѣнна лесть и между живущими на землѣ, которыхъ впрочемъ она иногда обманываетъ: но живущую на небѣ и видящую во всевидящемъ Богѣ и обмануть невозможно. Возможно ли, скажутъ, и льстить тамъ, гдѣ самая высокая похвала остается ниже своего предмета?—Льстимъ, если хвалимъ то, чего внутренно не уважаемъ. Итакъ, ублажая Приснодѣву, чтимъ ли дѣвство? Уважаемъ ли цѣломудріе? Хранимъ ли чистоту? Ненавидимъ ли нечистоту? Ревнуемъ ли о своемъ очищеніи? — Ублажаемъ во храмѣ преблагословленную Матерь, но не дѣлаютъ ли противнаго сему нѣкоторые дома? Не оскорбляютъ ли благословенныхъ именъ отца и матери дѣти неповиновеніемъ или непочтительностью, а и сами родители — пренебреженіемъ родительскихъ обязанностей и добродѣтелей?—Прославляемъ здѣсь высокую въ смиреніи, глубокую въ молчаніи Маріамъ: но не здѣсь же ли съ нами наша гордость, наше тщеславіе, наша суетность, наша разсѣянность и склонность къ празднословію? И молва страстей не заглушаетъ ли въ нашемъ сердцѣ славословій нашихъ устенъ?.. *Не красна похвала въ устахъ грѣшника.* Если желаемъ достойно ублажать Пресвятую Матерь Божію, то да возлюбимъ всѣмъ сердцемъ Ея достоинства и добродѣтели; возлюбивъ, да поревнуемъ, по возможности, жизнію слѣдовать тому, что мыслію и словомъ ублажаемъ“... (т. IV, 87—8).

Говоритъ святитель Филаретъ и о наслѣдіи, оставленномъ Матерію Божіей для всѣхъ вѣрующихъ.

„Послѣ усопшихъ обыкновенно бываетъ время плача, потомъ время утѣшенія печальныхъ; и далѣе того и другого продолжается время, въ которое дѣти и присные пользуются праведныхъ наслѣдіемъ отшедшихъ. Плакали Апостолы, когда жизнь Матери Свѣта, какъ тихая заря послѣ Божественнаго Солнца Христа сіявшая для Церкви, угасла предъ ихъ очами. Плакали горькими слезами естественной печали, но вмѣстѣ и сладкими слезами благодатнаго умиленія: потому что вѣра въ неумирающую благодать Матери Господней и чувство благоговѣйной любви къ Ней господствовали надъ чувствомъ лишенія. Полное же и совершенное утѣшеніе получили они, конечно, тогда, когда, въ третій день по Ея Успеніи, ради опоздавшаго къ Ея погребенію Ѳомы, отверзши гробъ Ея, не обрѣли пречистаго тѣла Ея, и вслѣдъ за тѣмъ увидѣли Ее въ славѣ воскресенія, и отъ Ней Самой услышали слово утѣшенія: *радуйтеся, яко съ вами есмь во вся дни!*

Если радость, которую подаетъ воскресшая Матерь Божія имѣетъ своимъ источникомъ присутствіе Матери Божіей съ нами во вся дни: то очевидно, что и радость, какъ потокъ изъ сего источника, должна протекать по всѣмъ временамъ, до впаденія въ море вѣчнаго блаженства. И вотъ прекрасное и неиждиваемое наслѣдіе, которое Матерь Божія во успеніи Своемъ не только оставила, но опредѣлительно назначила и преподала Своимъ по благодати чадамъ и присным. *Радуйтеся, яко съ вами есть во вся дни.*

И Церковь Христова пріяла отъ

Матери Божіей сіе наслѣдіе и хранитъ, и отъ дней до дней, и отъ лѣта до лѣта, отъ вѣка до вѣка не перестаетъ раздѣлять оное. Правда, не всѣмъ безъ различія завѣщала Она сію радость, но преимущественно Апостоламъ: однако, поелику обѣщала и продолжить оную, вмѣстѣ съ присутствіемъ Своимъ въ Церкви, во вся дни, то чрезъ сіе простерла Свое обѣщаніе и на живущихъ послѣ дней Апостольскихъ, если они усвояютъ себя Ей въ чада и присные Апостольскою вѣрою въ Ея неумирающую благодать и Апостольскою благоговѣйною къ Ней любовію.

Итакъ, *радуйтесь*, души, подвизающіяся въ вѣрѣ по образу Петра, который ускорилъ прежде другихъ исповѣдать Христа Сына Божія, и, по вѣрѣ въ Него, и по водамъ ходить отваживался! Матерь Начальника и Совершителя вѣры съ вами есть, и какъ Она блаженна вѣровавшая, такъ и вамъ споспѣшествовать будетъ сквозь искушенія и опасности достигнуть блаженства.

Радуйтесь, души, стремящіяся къ совершенству любви по подобію возлюбленнаго ученика, который и Бога созерцалъ преимущественно въ Его качествѣ любви, окомъ любви и въ любви же заключалъ все ученіе жизни! Нареченная Матерь возлюбленнаго ученика съ вами есть, и не отречется быть Матерію и для васъ, чтобы покровительствовать духовному воспитанію вашему отъ рабскаго страха до совершенной любви, изгоняющей страхъ (1 Іоан. 4, 18).

Радуйтесь, ревнители слова истины! Матерь вѣчнаго Слова съ вами есть и неотступно предстательствуетъ предъ Нимъ о васъ, *да дастъ вамъ уста и премудрость, ейже не возмогутъ противитися или отвѣщати вси противляющіися вамъ* (Лук. 21, 15).

Радуйтесь, хранящіе дѣвство и цѣломудріе! Приснодѣва съ вами есть, и какъ дѣвство приблизило къ Ней Іоанна, такъ оно приближитъ Ее къ вамъ.

Радуйтесь, и благословенно супружествующіе! Обрученная Дѣва и неневѣстная Матерь, Которая не только удостоила посѣтить жениха и невѣсту въ Канѣ Галилейской, но и первое открытое чудо для нихъ отъ Божественнаго Сына Своего испросила, не чуждается васъ: Она любитъ дѣвство, но не унижаетъ и супружества, и васъ, молящихся Ей не лишитъ благопотребной помощи, если взираете на супружество, какъ на союзъ не только естественный, но и духовный, имѣя высокій таинственный образъ его въ союзѣ Христа съ Церковію.

Радуйтесь, благочестивые родители и во благочестіи воспитываемыя чада! Дщерь молитвы праведныхъ Іоакима и Анны, воспитанная въ домѣ Божіемъ, Матерь Сына, отъ Котораго всякое сыновство на небѣ и на земли имѣетъ начало, признаетъ васъ по духу Своими присными и чадами, и простираетъ на васъ Свой благодатный покровъ отъ дома Божія небеснаго и земнаго.

Радуйтесь, хотя сквозь слезы, испытуемые различными скорбями, но крѣпящіеся въ терпѣніи и упованіи на Бога! Та, Которая болѣе всѣхъ на землѣ, кромѣ единороднаго Сына Ея, испытана была скорбями, Которой душу прошло крестное оружіе, по Своимъ опытамъ знаетъ, что вы чувствуете, и состраждетъ вамъ, и можетъ, и хощетъ облегчить васъ, почему и нареклась радостію всѣхъ скорбящихъ".

Въ заключеніе этого слова о наслѣдіи Богоматери святитель Филаретъ говоритъ, что въ сей „раздѣлъ

благодатнаго наслѣдія не входятъ многіе",—разумѣются тѣ, къ которымъ не примѣнимы указанные выше признаки вѣрующихъ—нераскаянные грѣшники. Но имъ Первенствующая между всѣми праведниками оставила по себѣ то наслѣдство, которое оставляетъ каждый праведникъ. Какое же это наслѣдство? — *Умираяй праведникъ остави раскаяніе* (Прит. 11, 3),— наслѣдіе не сладкое въ началѣ, но спасительное впослѣдствіи, если направлено будетъ къ исправленію жизни.

Если мы не умѣли, или, справедливѣе сказать, не потрудились стяжать, по примѣру Пресвятыя Дѣвы, *Радость Духа о Бозѣ Спасъ* (Лук. 1, 47): то поспѣшимъ воспріять *печаль, яже по Бозѣ, которая покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10), и чрезъ которую слѣдственно, и радость спасенія, наконецъ, обрѣтена быть можетъ. Аминь. (Т. V, 163—67).

Я далеко не исчерпалъ всего сокровища глубокомудрыхъ богословскихъ созерцаній, изслѣдованій, наставленій и благоговѣйныхъ размышленій великаго богослова и мыслителя нашей родной Церкви святителя Филарета, заключающихся въ его 16-ти словахъ на праздникъ Успенія Богоматери. Но и приведенныхъ выписокъ довольно, чтобы видѣть, что онъ глубоко вѣровалъ въ Ея воскресеніе, считалъ преданіе о семъ событіи за священное церковное преданіе, а потому и для насъ его авторитетъ несравненно выше всѣхъ соображеній, построенныхъ, конечно, на отрицательной критикѣ нѣмецкихъ ученыхъ...

334.

Кто стучится у дверей нашего сердца.

Се стою при дверехъ и толку...
Апок. 3, 20.

Въ какихъ трогательныхъ образахъ представляетъ намъ Господь Свое милосердіе къ намъ грѣшнымъ! Онъ, подобно доброму пастырю, оставляетъ девяносто девять овецъ и идетъ въ горы и дебри пустынныя, чтобъ найти овцу заблудшую, и взять ее на рамена Свои; Онъ подобно любящему отцу, ждетъ, пока блудный сынъ-грѣшникъ „придетъ въ себя", и всегда готовъ выйти къ нему на встрѣчу, чтобъ раскрыть Свои отеческія объятія, чтобы простить, забыть ему все, чтобы призвать къ радости самихъ ангеловъ небесныхъ ради его обращенія. Но вотъ еще трогательный образъ: это уже не притча, а прямое обращеніе къ грѣшной душѣ: *се*, глаголетъ Онъ, *стою при дверехъ и толку...* Стоитъ Онъ у дверей грѣшнаго сердца нашего и стучитъ, какъ странникъ, ищущій покоя; стоитъ и ждетъ, *аще кто услышитъ гласъ Его и отверзетъ двери, и внидетъ* Онъ *къ нему, и вечеряетъ съ нимъ* (Апок. 3, 20)....

Стучитъ Онъ въ совѣсти нашей, напоминая долгъ любви къ Возлюбившему насъ до конца (Іоан. 13, 1), даже до смерти крестной; стучитъ въ обстоятельствахъ жизни нашей, какъ скорбныхъ, такъ и радостныхъ; стучитъ-зоветъ къ Себѣ, осыпая насъ благодѣяніями, ожидая,

что вотъ—проснется наша совѣсть и вздохнемъ мы со слезами умиленія: „и за что Ты такъ любишь насъ грѣшныхъ, Господи? За что такъ милуешь, такъ благодѣтельствуешь? Вѣдь мы должники предъ Тобою неоплатные, а Ты еще и еще одолжаешь насъ“!..

Стучитъ Онъ въ наше сердце и болѣзнями, отечески напоминая, что вѣдь мы не вѣчно будемъ жить на землѣ, что надо приготовиться къ другой жизни, что надо привыкнуть еще здѣсь на землѣ дышать небеснымъ воздухомъ, что безъ этой привычки тамъ тяжело намъ будетъ жить: вѣдь тамъ все дышетъ любовью, молитвой славословія Божія, а мы здѣсь ни о чемъ таковомъ и думать не хотимъ.

Стучитъ въ сердце наше и скорбями, лишеніями, обидами, поношеніями, обращая нашу мысль къ закону жизни земной, *яко многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22), ибо скорби и есть тотъ крестъ, безъ котораго нельзя итти за Господомъ, нельзя войти во слѣдъ Его во врата райскія.

Стучитъ Онъ, но нѣтъ ни гласа, ни послушанія... потому что насъ все дома нѣтъ. Съ ранняго утра до поздней ночи умъ нашъ бродитъ по распутьямъ міра да и когда „придетъ въ себя“, то бѣжитъ отъ себя: въ сердце страшно заглянуть: тамъ кишатъ гады, бушуютъ страсти, расхищая остатки добра (если только оно было), оскорбляя святыню вѣры, чистоту цѣломудрія, заражая самомнѣніемъ и гордостью и чрезъ то удаляя благодать Божію отъ сердца нашего... И течетъ жизнь наша подобно мутному потоку, день за днемъ, увлекая насъ въ океанъ вѣчности... А Господь все стоитъ у дверей сердца нашего и все стучитъ, зоветъ къ Себѣ, ждетъ, пока мы откроемъ эти двери, чтобы принять Небеснаго Гостя...

Что же? Доколѣ это будетъ? Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ приближается минута, когда Онъ отойдетъ, оскорбленный невниманіемъ нашимъ, отойдетъ отъ насъ и заключитъ предъ нами на вѣки двери чертога Своего небеснаго, и станемъ мы тогда съ юродивыми дѣвами стучать въ эти Его двери, но услышимъ грозное: *не вѣмъ васъ... отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконія!..*

Господи милосердый! Не покидай насъ грѣшныхъ, не отступай отъ нашего сердца, стучи—стучи, пока не достучишься; Самъ всемощною Твоею десницею сокруши ожесточеніе наше, Самъ открой двери, очисти всякую скверну, наполняющую душевную храмину нашу и—имиже вѣси судьбами спаси насъ! Ты Самъ сказалъ, что хотѣніемъ не хощешь смерти грѣшника, что хощешь, что ждешь, ищешь обращенія его; Ты вѣдаешь, Господи, что и мы не хотимъ своей погибели, только съ собою никакъ не сладимъ: не еже хощемъ, доброе, сіе творимъ, но еще не хощемъ—злое, сіе содѣваемъ. Пошли же, Милосердый и Всемогущій, благодать Твою въ помощь намъ, да прославимъ имя Твое святое! Видя вдовицу, зѣльнѣ плачущую, Ты нѣкогда умилосердился еси и сына ея, на погребеніе несомаго, воскресилъ еси: тако и о насъ умилосердися, Человѣколюбче, и грѣхами умерщвленныя души наши воскреси и сподоби хотя прочее, можетъ быть уже недолгое время живота нашего безъ порока прейти и подъ материнмъ покровомъ Церкви Твоей во врата блаженной вѣчности внити. Аминь.

Совѣсть заговорила.

Слава Богу: русскіе люди еще умѣютъ каяться. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я былъ еще казначеемъ Троицкой Сергіевой лавры, я получилъ съ Дальняго Востока 50 р. отъ одного бывшаго каторжника, который когда-то попался въ сбытѣ фальшивыхъ десятирублевокъ въ образныхъ лавкахъ лавры, на гостиницахъ и въ просфорнѣ. Отбывъ наказаніе, онъ счелъ долгомъ изъ первыхъ же своихъ трудовыхъ заработковъ вернуть лаврѣ похищенное съ благодарностью преподобному Сергію за то, что „не попустилъ ему продолжать грѣшить“— онъ былъ изловленъ въ посадѣ же, судимъ и наказанъ каторгой...

Сегодня я получилъ такое письмо: „перевелъ на имя вашего высокопреосвященства 30 рублей и каюсь вамъ, что половину этихъ денегъ я грѣшный взялъ у пьянаго человѣка лѣтъ десять тому назадъ; онъ—дальній, его адреса я не знаю; вѣроятно, его уже нѣтъ въ живыхъ. Прилагаю къ его 15 рублямъ еще своихъ 15 рублей для покрытія сего грѣха и прошу васъ послать на эти деньги воинамъ нашимъ назидательныхъ вашихъ листковъ, на всѣ 30 рублей, на три фронта: къ Ригѣ, на Кавказъ, и въ армію Брусилова.—Многогрѣшный І.“ слѣдуетъ адресъ.

Богъ да проститъ кающагося и вмѣнитъ его жертву тому, у кого онъ „взялъ“ деньги. Если онъ живъ, то пошли ему Господи духовное утѣшеніе, если умеръ—вѣчный покой. А святая Церковь будетъ молиться за обоихъ, яко добро творящихъ и посылающихъ духовную милостыню тѣмъ, кто наиболѣе нуждается въ ней.

Добрымъ людямъ.

Не напрасно земная жизнь называется юдолію плачевной. Кто не плачетъ здѣсь, если не слезами изъ очей, то стенаніемъ сердца, отъ болѣзней, обидъ, всякихъ невзгодъ житейскихъ? И въ мнимомъ счастьѣ нерѣдко чрезъ золото слезы льются, а въ Писаніи сказано: многи скорби праведнымъ, но въ тоже время и многи раны грѣшному.

И какихъ-какихъ скорбей не несутъ особенно рабы Божіи, Богу работающіе! Пишетъ мнѣ одинъ многоскорбный сельскій священникъ: кончилъ онъ курсъ десять лѣтъ назадъ: поступилъ во священники въ село. На другой же годъ сгорѣла церковь. Думаютъ, что поджегъ молоканинъ, кощунникъ и невѣръ. Правда это или нѣтъ—Богу вѣдомо. А „для священника пожаръ церкви, по выраженію моего письменнаго собесѣдника, такое же горе, какъ смерть любимой жены“.

Наскоро построилъ онъ тесовый молитвенный домъ и служилъ въ немъ три года. Часто простужался, перенесъ тифъ, а въ январѣ 1914 г., на Крещенье, снова простудился и рѣшилъ перейти въ приходъ съ теплой церковью. Но только что сталъ привыкать къ приходу, какъ умираетъ своякъ, оставляетъ пять человѣкъ дѣтей, старшему 13 лѣтъ и полторы тысячи долгу... Слезы, просьбы, мольбы... Священникъ сно-

ва переѣзжаетъ на мѣсто покойнаго, чтобъ помочь его семьѣ. Но и здѣсь его ждетъ горе: снова пожаръ церкви... „Какъ я молилъ, желалъ себѣ смерти плачетъ бѣдный батюшка въ письмѣ ко мнѣ: это горе разбило всю мою жизнь. Только вѣра спасла меня: иначе я снялъ бы съ себя рясу".

И много-много получается мною такихъ скорбныхъ писемъ. Не знаю, почему пишутъ мнѣ. Тутъ ужъ не скажешь что самъ человѣкъ виноватъ: видно воля Божія есть на то, чтобы онъ скорбѣлъ. За семь лѣтъ горитъ двѣ церкви, тяжко болѣетъ два раза, сиротѣетъ родня. Наше дѣло утѣшать таковаго любовію, молитвою за него, посильной ему помощью въ его подвигѣ, наипаче же въ томъ дѣлѣ Божіемъ, которое тяжелымъ крестомъ легло на него—въ построеніи храма Божія на мѣстѣ сгорѣвшаго. Да будетъ ему сей крестъ въ утѣшеніе.

Маленькую лепту послалъ я ему: кто изъ читателей пожелалъ бы вложить свой кирпичикъ въ созидаемый имъ храмъ Божій, тотъ пусть пришлетъ свою лепту въ редакцію „Троицкаго Слова"; она будетъ переслана съ молитвою за жертвователя.

335.

Ядъ баптизма.

Всякую болѣзнь хорошо лечить пока она не пустила глубоко корней, пока организмъ еще въ силахъ самъ бороться съ нею. Нѣмцы вотъ уже полстолѣтія прививаютъ нашему православному народу опасную духовную болѣзнь подъ видомъ баптизма, штундизма, словомъ — того протестантизма, коимъ сами заражены, коимъ хотятъ заразить и нашъ народъ, чтобъ отвратить его отъ вѣры православной, сдѣлать его подобнымъ себѣ. И болѣзнь эта, къ сожалѣнію, пустила уже довольно глубоко корни въ нашемъ народѣ, особенно на югѣ, и, какъ зараза, ползетъ къ сѣверу Россіи подъ разными названіями. Мы переживаемъ время острой борьбы со всѣмъ нѣмецкимъ: нынѣ больше, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ и пастырямъ, и власти государственной, и всѣмъ вѣрнымъ чадамъ Церкви православной обратить сугубое вниманіе на эту гибельную для народа отраву. Упустимъ время—труднѣе будетъ: если наше правительство и не будетъ впредь такъ поддаваться разнымъ вліяніямъ нѣмцевъ, то нѣмцы, по заключеніи мира, несомнѣнно будутъ искать попрежнему всѣ пути къ тому, чтобы выкрасть изъ души народа русскаго его сокровище—православіе, и не пожалѣютъ на то и своихъ милліоновъ.

А зараза, какъ я сказалъ, ползетъ. Ползетъ незамѣтно, дѣлая свое пагубное дѣло. Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ священникъ изъ пензенской епархіи, говоря о томъ, какъ ведутъ свое дѣло совращенія въ баптизмъ хитрые послѣдователи его, нѣмецкіе выученики.

„Дѣвушки пошли въ поле за щавелемъ. Имъ пришлось проходить мимо хутора отрубника-баптиста Тимоѳея, у котораго въ это время было собраніе. Баптисты постарались заманить дѣвушекъ подъ предлогомъ послушать ихъ пѣніе.— „Ужъ какъ у насъ хорошо-то, вы зайдите, миленькія сестрицы, зай-

дите, поглядите, послушайте, и кстати отдохнете", ласково приглашали еретики. Тѣ зашли. Баптисты сидятъ всѣ вокругъ стола, грамотные съ Евангеліемъ въ рукахъ, а неграмотные и дѣти просто такъ, и слушаютъ чтеніе Тимоеея о бесѣдѣ Спасителя съ Самарянкой. Прочтя сколько нужно, чтецъ началъ толковать прочитанное приблизительно такъ: „вотъ видите, братіе, Самъ дорогой Спаситель нашъ Своими устами учитъ поклоняться Богу въ духѣ истинномъ. (Искаженіе баптистами этого стиха иногда происходитъ отъ ихъ невѣжества, а иногда и съ предвзятою цѣлію, чтобы удобнѣе было данное мѣсто использовать въ защиту своей ереси). И поклонниковъ такихъ ищетъ Онъ и называетъ истинными. Видите, какъ дорого духовное, а не плотское поклоненіе. Да еще Іисусъ говоритъ, что поклоняться должно не въ какомъ-нибудь Іерусалимскомъ или въ другихъ рукотворенныхъ храмахъ, какъ это было въ старомъ законѣ, отмѣненномъ Христомъ, но вездѣ, на всякомъ мѣстѣ владычествія Его. Каменные же и деревянные храмы нынѣ не нужны, потому въ новомъ законѣ Христомъ самъ человѣкъ есть храмъ нерукотворенный, въ которомъ живетъ Духъ Святой. Нерукотворенными же храмами могутъ быть только духовные, а не плотскіе поклонники, которые и поклоняются плотію и въ плотскомъ рукотворенномъ храмѣ и тѣмъ думаютъ Ему угодить. Это не истинные поклонники, а ложные, которыхъ Богъ не ищетъ, потому ихъ поклоненіе незаконное и Ему не нужное" и т. д. Потомъ слѣдовало оплеваніе креста, св. иконъ, крестнаго знаменія и пр. На призывъ Тимоеея прославить Бога за всѣ Его милости собраніе пропѣло нѣкоторые стишки изъ „Гуслей", а вслѣдъ за ними началось пѣніе заповѣдей блаженства. Какъ только произнесены были слова: „блажени плачущіи", всѣ баптисты начали горько и безутѣшно рыдать, кто уткнувшись въ книгу, кто упавъ головой на столъ, кто просто наклонивъ голову на поставленныя на колѣни руки. Когда кончился плачъ и пѣніе, то Тимоееева жена, болѣющая вотъ уже недѣли три, лежа на постели, заговорила, хотя и слабымъ, прерывающимся, но весьма вкрадчивымъ голосомъ: „Господи Боже Ты мой милосердый! Какъ я мало пожила въ Твоей истинной вѣрѣ... Больна вотъ и боюсь умереть... Охъ, какъ боюсь! Боюсь того, что я еще не успѣла замолить прежнихъ грѣховъ моихъ... Больно ужъ я, когда была во тьмѣ-то... грѣшила... И что это раньше, еще въ молодости нашей никто намъ не возвѣстилъ объ этой евангельской вѣрѣ? Вѣдь шутка ли дѣло: почитай до 50 лѣтъ... я валялась во тьмѣ, слѣпотѣ и грѣхахъ! Иное дѣло было бы, если бы я... въ молодости-то перешла въ эту вѣру, а то боюсь, что мало въ ней побыла... охъ, какъ мало! Давно бы надо увѣровать, давно!.."

Какъ видитъ читатель, баптисты въ данномъ случаѣ показали себя будто совсѣмъ и непричастными къ распространенію своего лжеученія, но однако, съ появленіемъ на собраніи православныхъ дѣвушекъ, весь планъ собранія построился именно на пропагандѣ. Съ этою цѣлію нарочито и Евангеліе читалось о бесѣдѣ Спасителя съ Самарянкой, и Тимоеей, толкуя его, подчеркивалъ особенно слова о духовномъ поклоненіи; съ этою цѣлію и блаженны пѣлись съ плачемъ и рыданіемъ, и больная старуха баптистка сожалѣла о позднемъ всту-

пленіи въ число мнимоевангельскихъ хрістіанъ,—все съ цѣлію! И какъ это хитро и ловко проведено: какъ будто и пропаганды прямой нѣтъ, и сказано все, что нужно.

Такъ тонко и лукаво вливаютъ эти еретики ядъ своего лжеученія въ простодушно довѣрчивыя сердца православныхъ хрістіанъ. И почти никакъ невозможно услѣдить за ихъ пагубной дѣятельностью, особенно теперь, когда отрубное хозяйство распространилось вездѣ и всюду, такъ что свои собранія баптисты могутъ устраивать въ любое для себя время, въ любомъ хуторѣ, вдали отъ села, а, слѣдовательно, незамѣтно для ока и самаго бдительнаго пастыря.

Впрочемъ, если и замѣтитъ священникъ пагубную баптистскую пропаганду, что съ ними можно подѣлать? Вызывать на бесѣды, вразумлять? Но они порою и слышать не хотятъ объ этомъ. Я испыталъ это на себѣ. Были случаи, когда преданные православію прихожане заранѣе увѣдомляли меня о времени и мѣстѣ баптистскихъ собраній; я закладывалъ лошадь и направлялся, куда слѣдуетъ; но баптисты еще издали, конечно, замѣчали, что я ѣду, и поэтому заблаговременно прекращали собраніе. Когда я входилъ къ нимъ въ хату, то они принимали видъ, что ведутъ просто житейскій разговоръ, ни мало не касаясь вѣры. Заводишь рѣчь о бесѣдѣ, но они, видя, что я одинъ, только съ кучеромъ, начинаютъ галдѣть и явно смѣяться надо мной: „вѣдь, это у васъ, поповъ, дѣла-то нѣтъ, вамъ и досугъ по бесѣдамъ-то ѣздить, а мы рабочій народъ, кормимся трудомъ: не поработалъ день-два, такъ безъ хлѣба насидишься. Намъ, вѣдь, не принесутъ готовую ковригу, пирогъ, стопу блиновъ да пригоршни денегъ. Нѣтъ, ужъ вы ищите для бесѣдъ такихъ же нерабочихъ людей, какіе сами, а намъ некогда съ вами время-то зря проводить". Тѣмъ дѣло и кончится. Но лишь только вы уѣхали, тоже самое „драгоцѣнное" время въ грошъ не цѣнится этими фанатиками. И это особенно тогда, когда на собраніе удастся имъ заманить православныхъ людей. Тогда еретики готовы на пролетъ цѣлые дни и ночи продолжать свое скопище и ничѣмъ ихъ не растащишь. Но и этого мало: если вы посѣтите ихъ, то и объ этомъ они не умолчатъ,—напротивъ, постараются объ этомъ разгласить среди православныхъ, что вы у нихъ были, что бесѣда состоялась, но что вы оказались разбитыми на всѣхъ пунктахъ въ пухъ и прахъ и доведены до совершеннаго тупика и позора. Вотъ каковы эти злые и лукавые дѣлатели, вливающіе ядъ своего лжеученія въ народную душу. И вотъ, день ото дня все больше гибнетъ отъ него народа, гибнетъ и по одиночкѣ, и семействами, и даже цѣлыми селами, какъ отъ какой-нибудь смертоносной чумы".

Такъ заключаетъ свое письмо добрый пастырь, скорбящій о расхищеніи его овецъ. И конечно, онъ не одинъ. „Свобода", данная исповѣданіямъ, принята послѣдователями этихъ исповѣданій какъ свобода распространенія лжеученій, а десятилѣтній опытъ какъ будто подтверждаетъ, что и власть имущіе такъ понимаютъ эту свободу. По крайней мѣрѣ что-то не слышно, чтобы принимались мѣры противъ проповѣдниковъ лжеученій; духовная чума ползетъ, распространяется и Богъ вѣдаетъ, чѣмъ дѣло кончится. Пастыри и даже архипастыри дѣлаютъ, что могутъ, но ихъ мѣры духовнаго свойства, а какъ относятся баптисты къ такого рода мѣ-

рамъ, видно хотя бы изъ приведеннаго письма батюшки. И нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецъ, читая такія сообщенія, только потираетъ руки отъ удовольствія, что его ядъ производитъ такое успѣшное дѣйствіе среди русскаго народа.

Насколько тяжело пастырямъ, насколько становится опаснымъ положеніе въ нѣкоторыхъ приходахъ, приведу еще письмо того же священника. „Съ сердечной болью опять берусь за перо, пишетъ онъ, чтобы подѣлиться съ вами—тѣмъ великимъ горемъ, какое постигло мой приходъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ заразился баптизмомъ. Я служу здѣсь лишь второй годъ, а потому и исторіи религіозной жизни населенія его въ прошломъ не знаю; но нѣкоторые мѣстные крестьяне говорятъ, что народъ испортили лишь всего лѣтъ семь назадъ, что раньше прихожане были очень преданы св. Церкви. Это доказывается тѣмъ, что лѣтъ восемь тому назадъ они единогласно рѣшили строить въ замѣнъ стараго малопомѣстительнаго храма новый огромный каменный храмъ, дѣло ужъ начали и первые два-три года быстро двинули его впередъ. Но, по отзыву прихожанъ, завелись эти отрубные участки, появились на нихъ молокане съ баптистами, начали сѣять смуту, въ семьяхъ пошли раздоры и дѣло по постройкѣ храма стало. Когда я перебрался въ этотъ приходъ, я горячо было взялся за дѣло, надѣясь воскресить первую энергію къ постройкѣ въ прихожанахъ, но не тутъ-то было. На мои убѣжденія и призывъ послышалось: „года плохіе по урожаю, война; старый храмъ еще не такъ ветхъ, кому охота, и въ немъ досыта намолится; бѣдны мы, малоземельны, посторонникъ заработковъ нѣтъ“ и т. д., хотя, сказать по правдѣ, прихожане ужъ и не такъ бѣдны, и побочныя ремесла знаютъ: портняжничество, валку сапогъ, плотничество, имѣютъ и другіе промыслы. Но то, что я привелъ, говорилось лично, при мнѣ. А тамъ, за глаза, прямо разсуждали: „да стоитъ ли строить-то? На что Богу рукотворенный храмъ? Для чего Ему служеніе рукъ нашихъ? Вонъ баптисты съ молоканами и безъ храма молятся, духовно, просто, въ любомъ домѣ. А то—трать деньги на то, что, можетъ быть, совсѣмъ безполезно и не нужно“.

Не обращая вниманія на эти отзывы, я все же—продолжалъ начатое дѣло. Собрались кое-какія средства, нашлись мастера, дѣлался кирпичъ, заготовлялись другіе матеріалы. И вотъ, когда приходилось просить у общества подводы подъ эти матеріалы, я испытывалъ самыя горькія минуты. Что было на сходахъ препирательствъ, брани, шума и крика—не опишетъ никакое перо. Слава Богу, еще сельскій староста всецѣло раздѣляетъ мое горе и помогаетъ по мѣрѣ силъ,—не то бы—бѣда... „Ну, совсѣмъ, батюшка, переродился народъ, говоритъ онъ: никуда становится негоденъ. Бывало безъ единаго словечка и подушный на церковь сборъ отдадутъ, и подводы справятъ, а теперь словно белены объѣлись: даже ужъ передъ Богомъ-то страха никакого не чувствуютъ. Что истые молоканы, что они — все едино. Не надо, слышь, имъ ни храма, ни священника, ничего. Это, говорятъ, все стариковское да поповское заведеніе, а мы не хотимъ попусту ни денегъ тратить, ни работать. Это, слышь ты, лишнее бремя. Можетъ быть, говоритъ, лѣтъ черезъ пять-десять въ немъ и молиться-то никто не захочетъ, потому нонѣ время другое“... „Ну, а какъ женщины на это дѣло

смотрятъ?“ интересуюсь я. „Да бабы-то пока что ничего, хотя мѣстами тоже начинаютъ подголоски пущать, что-де куда мужья, туда и бабы должны тянуть“.

Старикъ смолкъ и задумался. Потомъ, покачавъ съ сожалѣніемъ головой, продолжалъ: „а все молоканы да эти пахтисты, что ли какіе надѣлали дѣловъ. Всѣ мозги, можно сказать, перевернули и глаза-то на все другіе вставили. Теперича для многихъ что — крестъ, что икона, что простая доска—все единственно. Будто вразъ полоумные какіе стали, словно чумища нашла. Бывало — за обѣдъ ли садятся, спать ли ложатся, за работу ли берутся—молятся, любо глядѣть, а нынѣ и травушка не расти: какъ татарва или жидовщина стали, ни креста отъ нихъ, ни поклона. Съ себя-то кресты и то снимаютъ. Э-эхъ-ма!“ съ горечью закончилъ старичокъ, и безнадежно махнулъ рукою...

Вообразите: какъ и чѣмъ отзовутся такія рѣчи въ сердцѣ пастыря? Тяжело, въ высшей степени тяжело служить священнику въ отравленныхъ еретиками приходахъ. Помоги, Господи!“

Такъ вздыхаютъ добрые пастыри на святой Руси. Тысячу лѣтъ стояла она, матушка, твердо въ вѣрѣ православной. Тысячу лѣтъ питалась млекомъ матери Церкви Христовой. За страшный грѣхъ считали русскіе простые люди даже — изъ одной чашки ѣсть, не то, что въ дружбу входить съ еретиками. Почему? Да потому, между прочимъ, что законъ государственный не давалъ той ложно понятой свободы исповѣданій, которая теперь повсюду пошла на Руси; народъ въ своей темной массѣ вѣрилъ, что законъ царскій во всемъ согласенъ съ закономъ Божіимъ, и если законъ гражданскій теперь даетъ свободу еретикамъ проповѣдывать свою вѣру, то, стало быть, въ этой вѣрѣ нѣтъ ничего худого, да и новые учители вѣдь все говорятъ отъ слова Божія... Гдѣ простому человѣку разбираться въ тонкостяхъ закона? Онъ видитъ, что дана свобода, стало быть и ему не запрещается слушать этихъ лжеучителей... Надо знать логику простеца, надо помнить, что для вѣрующей русской души есть въ сущности одинъ законъ—Божій, а гражданскій законъ есть только примѣненіе закона Божія къ жизни человѣческой на землѣ. Что грѣшно по Божію закону, то должно быть запрещено и гражданскимъ закономъ. И никакими теоріями о свободѣ совѣсти, свободѣ исповѣданій вы не переубѣдите его, что можно свободно и безнаказанно совращать изъ святой вѣры въ чужую вѣру, а если это бываетъ, то не должно проходить даромъ для совратителя. Съ другой стороны нужно ли говорить о томъ, что надо наконецъ поставить дѣло преподаванія закона Божія въ народной школѣ такъ, чтобы и простой мужичокъ зналъ, въ чемъ разность ученія православнаго отъ еретическихъ мудрованій и умѣлъ хоть бы твердымъ исповѣданіемъ своего послушанія Церкви отражать соблазны еретиковъ. Въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, не только наши раскольники, сектанты, но даже и іудеи и татары, даютъ примѣръ твердости своей вѣры во имя послушанія своимъ предкамъ: „такъ вѣровали наши отцы, хотимъ умереть въ той же вѣрѣ и мы“. Если ужъ нашъ простецъ не можетъ отражать соблазнителей словомъ убѣжденія, то хотя бы твердостью стоянія въ своей вѣрѣ могъ отгонять ихъ отъ себя. Но увы, и это не всегда встрѣтишь. Пришелъ краснобай-

еретикъ, повелъ бесѣду и наши простецы готовы слушать его, сколько угодно, хотя и совѣсть ихъ смущается, и сердце чуетъ, что тутъ что-то неладно, а сказать еретику прямо: вотъ что, братъ: у насъ есть батюшка, Богомъ поставленный пастырь, мы его и должны слушать, и ты не хочешь ли поговорить съ нимъ вотъ, а мы люди простые, мало знаемъ Писаніе, такъ оставь насъ въ покоѣ: слушать тебя все равно не станемъ,—сказать такъ просто не придетъ на умъ не воспитываютъ этого чувства послушанія въ народѣ въ наше время ни семьи, ни школы. И если руководители не церковныхъ школъ не хотятъ думать объ этомъ, то въ церковныхъ-то школахъ это необходимо, это ихъ долгъ, смыслъ самаго ихъ существованія. Дай Богъ, чтобы это такъ и было. Волки рыщутъ вокругъ Хрістова стада: пастыри, стойте бодро на священной стражѣ!

336.

Безуміе сектантовъ.

Всякая ересь есть въ сущности прелесть и порожденіе гордыни ума. Всѣ прельщенные обычно воображаютъ себя какими-то избранниками Божіими, коимъ открываются тайны, для другихъ непостижимыя, а потому они любятъ учить другихъ, мнятъ себя быть руководителями въ духовной жизни. Прелесть доводитъ до помѣшательства, и это помѣшательство бываетъ особенно опасно и даже заразительно, когда психическая жизнь человѣка во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ пункта помѣшательства, идетъ нормально: обо всемъ человѣкъ разсуждаетъ здраво, дѣйствуетъ цѣлесообразно, а только заговори о томъ, на чемъ онъ помѣшался—онъ весь выйдетъ изъ себя: ужъ не смѣй противорѣчить ему. Такими помѣшанными являются въ наше время нѣмцы и зараженные ими наши несчастные баптисты, штундисты и прочіе сектанты раціоналистическихъ толковъ. Нѣмцы считаютъ себя избраннымъ народомъ Божіимъ, которому поручено Самимъ Богомъ наказать все грѣшное человѣчество, и потомъ господствовать надъ нимъ; сектанты наши преклоняются предъ своими учителями нѣмцами и превозносятся предъ православными, и иногда такъ обнажаютъ свое помѣшательство, что за нихъ страшно становится. Наша либеральная печать какъ-то замолчала знаменитое письмо забайкальскихъ баптистовъ, напечатанное въ „Утрѣ Россіи“ (1915 г., 10 сент.), а оно настолько характерно, какъ проявленіе духовнаго помѣшательства, что на него стоило бы побольше обратить вниманія. Въ этомъ письмѣ, можетъ быть, противъ намѣренія самихъ авторовъ, ярко обнаружилось помѣшательство баптистовъ, зараженныхъ духовною гордынею и самоцѣномъ. Этими качествами богаты всѣ сектанты, но обычно тщательно стараются скрыть ихъ, а тутъ они выступаютъ поразительно ярко. Судите сами: „покорнѣйше просимъ, пишутъ они въ редакцію газеты, въ которой, въ своемъ ослѣпленіи, повидимому, надѣются найти крѣпкую поддержку,—дать отпоръ министру внутреннихъ дѣлъ, что мы, баптисты, *воспріяли благодать* Господа нашего Іисуса

Хріста и потому, идя евангельскими путями, познали истину, которою также свыше руководствуется хранитель евангельскихъ истинъ *благодатный* царь земли кайзеръ Вильгельмъ, какъ первоисточникъ (?!) евангельскихъ истинъ и исповѣдникъ ихъ. Этою *благодатною* силою поразитъ онъ всѣхъ враговъ Хріста. Кто, какъ не свыше, открылъ ему совершать побѣды силою омраченнаго воздуха? Мы, баптисты, преклоняемся предъ величіемъ *благодатной* славы (?) кайзера Вильгельма, который, какъ первый *благодатный* баптистъ, мечомъ и евангеліемъ побѣдитъ весь міръ, и наступитъ тогда *благодатное* царство его по всей землѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ самъ долженъ восчувствовать *благодатную* силу евангельскихъ хрістіанъ и преклониться предъ силою евангельской *благодати*, а не порицать, какъ оклеветанный, насъ баптистовъ. Просимъ и наше сіе святое и *благодатное* слово пропечатать въ вашей газетѣ.—Дополните, что всякая побѣда кайзера нами воспѣвается милостью Іисуса, и мы видимъ, своихъ братьевъ, евангельскихъ хрістіанъ, побѣдителями богоотступниковъ всей языческой русской земли".

Не правда ли, что это—бредъ сумасшедшаго? Но вдумайтесь: какая гордыня! Они—„воспріяли благодать", они „идутъ евангельскимъ путемъ", ихъ писанье—есть „святое и благодатное слово", они „преклоняются только предъ величіемъ благодатной славы кайзера Вильгельма", который есть „первый благодатный баптистъ", „благодатный царь земли", „первоисточникъ евангельскихъ истинъ",—который откроетъ „благодатное царство по всей землѣ"... По ихъ мнѣнію самые удушающіе газы суть какъ бы дары „благодати", данной кайзеру свыше... Всѣ православные русскіе люди—язычники, вся Русь наша есть языческая страна... И это пишутъ бывшіе когда-то русскіе люди, совращенные нѣмцами, пишутъ отрекаясь и отъ вѣры родной, и отъ роднаго народа, братаясь съ кровопійцемъ кайзеромъ и доходя до богохульства: какъ иначе назвать все то, что приписано „благодати", на самомъ же дѣлѣ есть внушеніе сатаны? Слово „благодать" повторяется на каждой строкѣ, и они, несчастные, воображаютъ, что и въ самомъ дѣлѣ они полны благодати, на дѣлѣ же съ ними буквально происходитъ то, что бываетъ съ прельщенными: діаволъ сводитъ ихъ съ ума, лишаетъ здраваго разсужденія, и они не знаютъ мѣры своей гордынѣ, идя путемъ погибельнымъ... Страшно становится за русскій народъ, когда вспомнишь, что такому безумію дается свобода, что секта признана, считается легальной, что въ нашей государственной думѣ ее защищаютъ, поднимаютъ запросы предъ властію въ защиту ея свободы... Русскіе люди! Что вы дѣлаете? куда идете? чему служите?...

Есть всему граница, всему предѣлъ: пусть себѣ природные нѣмцы услаждаются своею „благодатью", пусть остаются баптистами, но было бы безуміемъ допускать, чтобъ они совращали нашъ добрый, въ вѣрѣ младенчествующій, народъ въ свой погибельный баптизмъ—это, повторяю, было бы преступленіемъ не только предъ православной Церковью, не только предъ народомъ, но и предъ государствомъ. Вы видите, вы слышите, кого баптисты считаютъ „благодатнымъ царемъ"? Не православнаго Помазанника Божія, Богомъ вѣнчаннаго нашего Царя, а нѣмецкаго кровопійцу кайзера: развѣ это не измѣна отечеству, Россіи,

Царю? И—измѣна на самой ужасной почвѣ—религіозной: они радуются пораженію русскаго воинства—слава Богу, что никогда этого на дѣлѣ не было, а только тѣ же нѣмцы лгали и слухи о томъ распространяли,—они величаютъ „евангельскими братьями“ нѣмцевъ, заклятыхъ враговъ родной земли, они ждутъ покоренія всего міра кайзеру, чему, конечно, готовы содѣйствовать—это ли не измѣна всему, что свято и дорого нашему сердцу? И мы должны молчать во имя какой-то „свободы“ исповѣданій? Не протестовать противъ такого уродованія души народной? Знаю, что мнѣ скажутъ: это—исключеніе, случайное проявленіе невѣжественнаго фанатизма: стоитъ ли на него обращать серьезное вниманіе? Отвѣчаю: стоитъ, и должно, и грѣхъ тому, кто не хочетъ обратить на это вниманіе. Вѣдь если бы баптисты всѣ были такъ же искренни, какъ эти „фанатики“, то не постѣснялись бы всѣ повторить то же, что и тѣ. Развѣ мы не слышимъ, не знаемъ, что баптисты въ своихъ собраніяхъ, даже въ собраніяхъ, а не только въ частныхъ бесѣдахъ, величаютъ насъ идолопоклонниками, язычниками, развѣ не пропитаны ихъ лжеучители тою же гордынею, какъ эти—забайкальскіе фанатики, развѣ не страдаютъ православные отъ ихъ нетерпимости тамъ, гдѣ они уже забрали силу? Что до того, что простое благоразуміе еще сдерживаетъ ихъ? Они вѣдь хорошо знаютъ, что если развернутся во всю, то имъ плохо будетъ: вотъ до поры и времени они и молчатъ. Надо только помнить, что если нѣмцы, отрекаясь отъ латинскаго католичества, остановились на полдорогѣ, по совершенно понятнымъ практическимъ соображеніямъ: нельзя же всѣ—хрістіанство зачеркнуть, надо же хоть Евангеліе то оставить,—то русскіе люди ни надъ чѣмъ не задумаются, если совратятся съ пути истины: что осталось хрістіанскаго у нашихъ разныхъ мистическихъ сектъ, у хлыстовщины, новаго израиля и под.? Только имя, только нѣкоторая внѣшность, которою они еще и прикрываются для непосвященныхъ, тщательно скрывая свое тайное ученіе о какой-то грядущей новой церкви послѣ ветхаго и новаго завѣта... Вспомните великаго поэта—знатока народной души Пушкина: онъ говорилъ, что русскій бунтъ ужасенъ, по своей безпощадности. Тоже и въ отношеніи духовномъ: русское отпаденіе отъ родной Церкви,—отъ него да сохранитъ Богъ Русь православную—было бы ужаснѣе всякой реформаціи нѣмецкой... Въ миніатюрѣ, если угодно, мы это и видимъ уже. Издѣвательства надъ святыми иконами нашихъ отступниковъ-баптистовъ возмутительны, безпощадность ихъ въ отношеніи къ тѣмъ, кто остался въ православіи, и еще находится въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ, невыносима... Вотъ почему я думаю, что письмо баптистовъ забайкальскихъ не есть простая выходка сумасбродовъ отщепенцевъ: это первое проявленіе того ужаса, какой логически грозитъ въ будущемъ Россіи, если только мы будемъ по прежнему относиться благодушно къ распространенію нѣмецкихъ ересей въ нашемъ народѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что умные баптисты всячески будутъ отрекаться отъ единомыслія съ своими собратьями забайкальскими; но для насъ, пастырей Церкви, совершенно ясно, что первая ласточка уже прилетѣла и если на нее не будетъ обращено вниманія, какъ на вѣстницу новыхъ теченій, то—ждать грозы...

337.

Откликъ сектанта.

Еще бранное анонимное письмо изъ арміи, конечно, отъ баптиста или совращеннаго ими православнаго воина. Думаю, что не простой крестьянинъ писалъ его: вѣроятнѣе, что это произведеніе какого-нибудь вожака-сектанта, и писано оно не просто для того, чтобы уколоть монаха, а скорѣе нарочито сочинено для распространенія среди совращенныхъ, чтобы производить на нихъ возможно болѣе сильное впечатлѣніе якобы знаніемъ писанія. Довольно сказать, что на пяти восьмушкахъ авторъ указываетъ ровно 60 мѣстъ изъ Свящ. Писанія, якобы подтверждающихъ его, прямо скажу—глупыя мудрованія. Заслуживаетъ вниманія тотъ полемическій пріемъ, какой употребляется авторомъ: онъ забрасываетъ читателя вопросами, съ такимъ апломбомъ, съ такою увѣренностью въ своей правотѣ, что простецъ читатель, которому попадетъ такое письмо, не успѣетъ опомниться отъ одного вопроса, какъ предъ нимъ уже поставленъ другой, третій и т. д. Отвѣты, предполагается, должны какъ бы подразумѣваться сами собой: дѣло-де такъ ясно, что не стоитъ тратить времени на отвѣты, тогда какъ на самомъ дѣлѣ иногда вопросъ такъ безсмысленъ, цитируемое мѣсто изъ Библіи такъ мало или вовсе никакого не имѣетъ отношенія къ вопросу, что только руками разведешь. А несчастный простецъ-читатель, для котораго, повидимому, и сочиняются такія апологіи баптизма,—хотя и посылаются онѣ мнѣ или другимъ защитникамъ православнаго ученія,—простецъ, говорю, будетъ пораженъ, забросанъ, уничтоженъ мнимою силою такихъ вопросовъ. Помню, когда-то я читалъ вотъ въ такомъ же вопросительномъ стилѣ статьи покойнаго измѣнника православію, апологета папизма Астромова: такой методъ забрасывать читателя вопросами безъ отвѣтовъ на нихъ усердно практиковался Астромовымъ и имѣлъ успѣхъ особенно у дамъ, искательницъ спасенія у іезуитовъ. Авторъ сравниваетъ проповѣдь православнаго пастыря съ „пулеметомъ, въ который вложена лента, и пока она не сойдетъ, пулеметъ не остановится“: онъ хочетъ сказать, что мы, православные, пишемъ по заученнымъ формуламъ нашего катихизиса; а на самомъ дѣлѣ его безконечные вопросы скорѣе напоминаютъ пулеметъ, только направляемый въ пустое пространство. Начинаетъ онъ лицемѣрнымъ привѣтствіемъ: „миръ вамъ! Благодать Господа да посѣтитъ васъ въ изобиліи! Да благословитъ васъ Іисусъ (у сектантовъ не принято называть Господа нашего Іисуса Христа по нашему, по православному: *Іисусъ Христосъ*,—они хотятъ якобы подражать Апостоламъ и считаютъ излишнимъ къ слову *Іисусъ* прилагать слово *Христосъ*). Примите сіе письмо какъ даръ Христа (вотъ какъ высоко о себѣ думаетъ этотъ лжеучитель: приравниваетъ свое слово къ словесамъ Господа нашего Іисуса Христа). Примите сіе обличеніе и не думайте, что оно отъ враговъ вашихъ, нѣтъ, но отъ желающихъ вамъ спасенія. Будьте мудры, ибо не глупые принимаютъ обличеніе, но мудрые: Притч. 15, 12 и 9, 8“.—Послѣ этихъ повиди-

мому мирныхъ словъ непосредственно начинается грозное слово: „О вожди, вожди слѣпыхъ! Какое сѣмя вы сѣете и распространяете корни его? Не плевелы-ли вы сѣете? Зачѣмъ же вы соблазняете міръ? А еще называете себя отцомъ, наставникомъ и учителемъ. (Это уже начало клеветъ, чтобы сказать дальше): развѣ вы не читали Еванг. Матѳ. 23, 8—10? А что будетъ соблазнителямъ? Матѳ. 18, 6. Принесли ли мы что въ міръ? Не Божіе ли все сіе? Не прахъ ли мы земли? Зачѣмъ же всегда будемъ противиться Іисусу и духу (?) Для кого написана глава 23 Матѳ. и 34 Іезекіиля?“ и т. далѣе, и т. далѣе... Сектантъ зарядилъ свой пулеметъ и сыплетъ изъ него безъ оглядки, не соображаясь: куда летятъ его пули? Въ своихъ вопросахъ онъ касается и молитвы за умершихъ: „не за мертвыхъ ли молитесь вы, умершихъ два раза? Христосъ же молился только за живыхъ, то есть истинно вѣрующихъ въ Него: Іоан. 17“. Касается и почитанія св. мощей: „Пастырь и что дѣлаетъ? Служитъ—кому? Праху и тлѣнію и имъ кланяется!“. Касается и почитанія Богоматери: „Христа вы велите распинать, (?) а Матерь, Которая изъ человѣковъ, вы велите почитать и молиться Ей, а также и многимъ другимъ святымъ. Не распинаете ли вы этимъ Христа“?—И ужъ конечно говоритъ объ „идолопоклонствѣ“, то есть о почитаніи св. иконъ: это вѣдь любимый конекъ всѣхъ баптистовъ. Но стоитъ ли подробнѣе приводить весь этотъ бредъ помѣшаннаго сектанта? Онъ въ своихъ обличеніяхъ притворно восклицаетъ: „о, мое сердце замираетъ и духъ возмущается!.. Злые сѣятели! Кто васъ поставилъ? Христосъ велѣлъ молиться за враговъ своихъ а вы чему, учите?“—Вѣроятно это направлено къ тому, чтобы „любить враговъ“,—нѣмцевъ.—„Вы каждый годъ прощаете грѣхи, а они прибавляются. Евр. 9, 25. Земля колеблется отъ грѣховъ. Не больше ли къ вамъ относится псаломъ 108? Народъ, всегда противящійся Христу, ненавидящій своего врага! Не думаете ли вы имѣть вѣнецъ жизни, если будете такъ поступать? Перестаньте же думать, что вы рабы Христовы, не обманывайте себя! Вы видны и за тысячи верстъ, по своему плоду... Воры, волки, разбойники! Вы всегда пьете и упоеваете народъ виномъ смерти, расхищаете заблудшее стадо, ставите ему сѣти, ловите и ведете въ жертву бездны! О сколько сѣтей, невидимыхъ для жертвы! О сколько путей для слабыхъ, коими и уводите ихъ, а сами не хотите и думать о себѣ, ибо огрубѣло сердце ваше“ и т. д. и т. д. Какъ видите, авторъ дерзаетъ уже какъ бы подражать Самому Господу, обличавшему фарисеевъ и книжниковъ! Онъ нимало не сомнѣвается, что православное духовенство—это и есть книжники и фарисеи, коихъ слѣдуетъ безпощадно обличать, и гремитъ противъ нихъ какъ будто какой-то пророкъ—обличитель... Но онъ имѣетъ и свои политическія убѣжденія: „вы стоите, говоритъ онъ, *за свое отечество, котораго наступаютъ дни изчезновенія, а вмѣстѣ съ нимъ погибнутъ и его защитники.* 2 Петр. 3, 7. Лук. 12, 20—21. Наше же отечество на небѣ. Матѳ. 6, 20. Долго ли вы будете противиться Духу Божію? Вы болѣе всѣхъ! Дѣян. 7, 51. (Какъ видите: авторъ входитъ уже въ роль Архидіакона Стефана). Не алтарь ли вы Бога преисподней? 2 Кор. 11, 14—15. Горе вамъ, фарисеи! Чьи имена пишутся въ книгу жизни? Лук. 10,

20. Откр. 3, 5. Неужели, по вашему, мстящихъ врагу? Матѳ. 5, 39. 44".—Опять какъ будто намекъ въ пользу нѣмцевъ...

Замѣтьте: какой злобой противъ православія и его служителей дышетъ это письмо! Какою сатанинской гордыней оно напитано! Авторъ, какъ я уже сказалъ, свое писанье приравниваетъ къ слову Божію, гремитъ какъ пророкъ, учитъ якобы любви, а самъ кипитъ злобой, ставитъ себя выше всѣхъ толковниковъ Евангелія, ибо въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что „Евангеліе требуетъ объясненія, ибо все—въ притчахъ (?!)", но не допускаетъ и мысли, чтобы кто кромѣ его толковалъ святое писаніе...

Такъ вотъ какими рожцами питаютъ сектанты-баптисты совращаемыхъ ими русскихъ православныхъ воиновъ! Вотъ до чего доходитъ ихъ дерзость: и на позиціяхъ они сочиняютъ или переписываютъ сочиненныя имъ вожаками ихъ письма, полныя укоризны намъ, пастырямъ Церкви,—за что? За то, что мы бережемъ своихъ братьевъ, православныхъ воиновъ, отъ ихъ заблужденій, посылаемъ имъ и письма, и листки, и образки, увѣщаваемъ ихъ быть вѣрными сынами Церкви и отечества... И это творится теперь, когда строгость военнаго положенія должна бы сдерживать сектантовъ хотя бы изъ опасенія, чтобы не было на нихъ обращено вниманія военныхъ властей: что же будетъ, когда эти фанатики вернутся послѣ войны къ себѣ домой, когда, благодаря нашей мягкости, получатъ еще больше свободы разжигать вражду противъ Православной Церкви?... Объ этомъ стоитъ подумать.

338.

Новая защита имебожія.

Въ нашемъ духовно-журнальномъ мірѣ произошелъ немалый соблазнъ: „Миссіонерское Обозрѣніе", редакторомъ и издателемъ коего состоитъ извѣстный В. М. Скворцовъ, болѣе 30 лѣтъ считающійся миссіонеромъ, помѣстило статью менѣе извѣстнаго, но уже много нашумѣвшаго въ духовной литературѣ Антонія Булатовича подъ заглавіемъ: „Имя Божіе въ пониманіи и толкованіи св. Григорія Нисскаго и Симеона Новаго Богослова". Имебожники торжествуютъ: „самъ синодальный миссіонеръ перешелъ на ихъ сторону", онъ не только помѣстилъ у себя въ журналѣ статью Булатовича, но и выпустилъ книжечку „Въ поискахъ правды. По дѣлу Аѳонскихъ имебожниковъ", которую кто-то усердно теперь разсылаетъ по всѣмъ монастырямъ Россіи... Правда, и то и другое сдѣлано очень искусно: чтобы не навлечь на себя обвиненій въ защитѣ лжеученія, издатель подъ заголовкомъ первой статьи въ „М. Обозрѣніи" тоненькимъ, едва замѣтнымъ петитомъ отмѣтилъ, что это-де статья, принята редакціей отъ Булатовича, не какъ отъ своего сотрудника, а какъ постороннее сообщеніе, это—„матеріалъ къ богословскому спору объ именахъ Божіихъ", а матеріалы нужны миссіонерамъ такъ же, какъ и опроверженіе лжеученій: вѣдь когда-то и въ „Братскомъ Словѣ" профессора Н. И. Субботина печатались" матеріалы для исторіи раскола, даже сочиненія Аввакума...

Но о томъ, что Н. И. Субботинъ такіе матеріалы не помѣщалъ на ряду съ редакціонными статьями, а въ приложеніяхъ, а если и случалось ему помѣщать въ журналѣ, то всегда ставилъ надъ, а не подъ ними, не петитомъ, а титульными буквами заголовокъ, что это—„матеріалы“. В. М. Скворцовъ дѣлаетъ наоборотъ: онъ прячетъ строчечку, его якобы оправдывающую, подъ заголовокъ: авось-де простецы-читатели, т.-е., имебожники, не замѣтятъ этой строчечки и я пожну отъ нихъ похвалы за сочувствіе имъ, за защиту ихъ (о прочемъ умолчимъ). Хитро скрыто и изданіе брошюрки въ защиту имебожниковъ: на обложкѣ ничего не указано: ни издателя, ни редактора, а стоитъ только типографія „Колокола“, но вѣдь мало ли кто заказываетъ въ типографіи работы: нельзя же все приписывать „самому“ Василію Михайловичу. Но въ самой книжонкѣ впереди всѣхъ статей стоитъ статья самого В. М—ча въ духѣ самооправданія: „На службѣ не лжеученію, а единой Божественной Истинѣ“, причемъ слово „Истина“,— по принятому правописанію имебожниковъ, стоитъ съ прописной буквы. Этого мало: на видномъ мѣстѣ, съ особымъ громкимъ заголовкомъ: „Мнѣніе заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи М. Д. Муретова по вопросу объ имебожникахъ и имеславцахъ“—печатается частное письмо М. Д. Муретова, вовсе не предназначенное для печати, а представляющее собою частное мнѣніе почтеннаго профессора о номинализмѣ и идеализмѣ, какъ противоположностяхъ, причемъ онъ, какъ и лично мнѣ говорилъ, вовсе не имѣлъ въ виду поддерживать имебожное ученіе въ его формулахъ, да письмо это и писано было еще тогда, когда не было ни синодальнаго посланія, ни самихъ имебожниковъ, какъ таковыхъ: онъ всецѣло стоялъ и стоитъ на сторонѣ идеализма, реализма, мистицизма, въ противоположность номинализму и раціонализму въ вопросахъ догмата. Письмо писано подъ первымъ впечатлѣніемъ тетрадей Б—ча; сознаюсь, первое впечатлѣніе его „Апологіи“ и на меня произвело сначала располагающее впечатлѣніе. Но когда начинаешь глубже вдумываться во всю софистику этого новоявленнаго богослова, то начинаешь замѣчать его постоянную путаницу въ понятіяхъ: у него имя какъ бы является личностью, какъ бы совершенно отожествляется съ нею: авторъ многократно повторяетъ свое положеніе, что имя „есть Самъ Богъ“. Онъ не хочетъ, чтобы мы сказали, не хочетъ повторить за нами: „призывая имя Божіе, мы подъ симъ именемъ разумѣемъ Самого Бога“,—нѣтъ, онъ упорно повторяетъ, что въ самомъ имени уже пребываетъ Самъ Богъ, пребываетъ ипостасно. А это далеко не одно и тоже и конечно достопочтенный профессоръ не отожествляетъ имени съ предметомъ именуемымъ, а устанавливаетъ именно только соприкосновеніе чрезъ имя съ идеею и тѣмъ Существомъ, Которое мыслится въ идеѣ.

С. В. Троицкій, противъ котораго главнымъ образомъ направлена статья Булатовича, конечно, отвѣтитъ „Мис. Обозрѣнію“ обстоятельно; я отмѣчу только то, что невольно бросается въ глаза всякому читателю въ этой, какъ и во всѣхъ другихъ статьяхъ Б—ча. Этотъ „новый богословъ“ (съ маленькой буквы и въ знакахъ вносныхъ въ отличіе отъ Новаго Богослова Симеона, преподобнаго и богоноснаго отца), превзошедшій своего учите-

ля, кавказскаго пустынника Иларіона, своими мудрованіями и вмѣстѣ съ нимъ изобрѣтшій „новый догматъ“, о которомъ не слыхивали православные богословы, употребляетъ и новыя выраженія, въ которыя, такъ сказать, закутываетъ этотъ догматъ, чтобы скрыть его неправославіе. Такъ онъ выражается: „Господь Іисусъ Христосъ присутствуетъ о имени Своемъ“: что хочетъ подчеркнуть Б—чъ такимъ необычнымъ сочетаніемъ словъ: „присутствуетъ о имени“? Или эта, часто проводимая имъ мысль, что имя Божіе есть „энергія Божія“: почему употребляетъ онъ тутъ греческое слово, когда русскій языкъ имѣетъ соотвѣтствующее ему слово „сила“? А простые люди, слыша незнакомое или знакомое, но въ другой области (напримѣръ въ психологіи или даже физикѣ) слово, поневолѣ думаютъ, что тутъ скрывается у Б—ча какая-то особая мудрость... Затѣмъ, стыдно неглупому человѣку какую-нибудь выходку невѣжды-фанатика, который будто писалъ имя Іисуса Христа на бумажкѣ и попиралъ ногами, приписывать всѣмъ тѣмъ, кто не хочетъ принять ученія его о томъ, что имя Божіе есть Самъ Богъ. Вѣдь если такъ судить объ ученіи самихъ имебожниковъ-фанатиковъ, то я вправѣ былъ бы сказать, что они учатъ, будто можно замѣнить таинство Божественнаго причащенія тѣла и крови Господней причащеніемъ именемъ Божіимъ, т.-е., молитвою Іисусовой. Это я слышалъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на Аѳонѣ своими ушами, но не думаю, чтобы авторъ Апологіи дошелъ до такого ученія, отрицающаго совершенно словеса Христовы о необходимости причащенія именно тѣла и крови Его для вѣчной жизни. Я могъ бы обвинять Б—ча въ богохульномъ ученіи, будто имя Божіе содѣйствуетъ Духу Святому въ чудотвореніяхъ: вѣдь это напечатано въ статьѣ Имеславца въ „Колоколѣ“ и цѣликомъ перепечатано въ брошюркѣ „Въ поискахъ правды“... Б—чъ упорно замалчиваетъ все, что пишется въ обличеніе его невѣжества въ богословіи, въ исторіи Церкви (св. Симеонъ Новый Богословъ жилъ въ XI, а не въ IX вѣкѣ, какъ пишетъ Б—чъ), въ греческомъ языкѣ (статьи С. В. Троицкаго и іеромонаха Пантелеимона), разъясненія, что Московская Синодальная Контора не была уполномочена С. Синодомъ разсматривать самое ученіе имебожниковъ, а только установить: кто изъ нихъ держится лжеученія и кто отъ него отрицается; Б—чъ упорно увѣряетъ всѣхъ, что контора признала ихъ ученіе православнымъ и потому оправдала ихъ... Послѣ того стоитъ ли спорить съ нимъ по существу ученія? Вопросъ былъ бы скорѣе рѣшенъ, если бы имебожники, главнымъ образомъ Б—чъ, отвѣтили кратко, но точно: во-первыхъ, что они разумѣютъ подъ словомъ „Богъ“; во вторыхъ—что разумѣютъ подъ словомъ „имя“. Я писалъ Б—чу еще въ самомъ началѣ спора весною 1913 года, просилъ его отвѣтить именно на эти два вопроса, но точнаго отвѣта не получилъ. Вѣдь какъ хотите, такая напримѣръ фраза: „исповѣданіе имени Іисусова въ Іисусовой молитвѣ есть Самъ Господь Іисусъ Христосъ“ — можетъ смутить какого угодно богослова. Мы понимаемъ слово „исповѣданіе“ какъ дѣйствіе человѣка, дѣйствіе устами, словомъ, и вдругъ это дѣйствіе есть... Самъ Господь!.. Страшно даже повторить. Или: „имя Божіе, называемое Богомъ и Самимъ Богомъ понимается въ смыслѣ неотдѣлимости призыва-

нія отъ Призываемаго, а не въ смыслѣ обожествленія тварныхъ элементовъ именъ Божіихъ"—что это такое? Вѣдь всякое призываніе есть дѣйствіе призывающаго, а призывающій есть человѣкъ, призываемый же есть Богъ, слѣдовательно дѣйствіе человѣка есть Богъ?!.. Или еще такое „категорическое" заявленіе: „повторяю, что именуя имя Божіе и имя Іисусово Богомъ и Самимъ Богомъ, я чуждъ какъ почитанія имени Божія за *Сущность* Его, такъ и почитанія имени Божія отдѣльно отъ Самого Бога, какъ какое-то особое Божество". Выходитъ, что имя Божіе есть Самъ Богъ, но не Сущность Его: да вѣдь это то же, что сказать: Богъ не есть Богъ!?.. Очевидно, что слово „Богъ" въ понятіяхъ Б—ча имѣетъ два смысла: одинъ — Богъ = Сущность Божія, другой—Богъ только имя Его, сила, но не Сущность.. Зачѣмъ же такая путаница? Кто разберется въ ней? Мы привыкли подъ словомъ „Богъ" разумѣть именно Сущность Божію, а для другихъ понятій имѣются въ нашемъ языкѣ и другія слова. Правда, слово „богъ" употребляется и въ Св. Писаніи даже по отношенію къ людямъ: *Азъ рѣхъ: бози есте*, но вѣдь это давно растолковано намъ, что въ древности богами называли и властителей, а Господь въ Евангеліи приводитъ этотъ текстъ въ смыслѣ переносномъ (Іоан. 10, 35). А Б—чъ толкуетъ, что тутъ Божіе слово *обожествляетъ* человѣка... Какъ же наконецъ онъ самъ понимаетъ слово „Богъ"? Нельзя же въ одномъ случаѣ понимать это слово какъ Сущность Божію, въ другомъ—только имя, отрекаясь отъ пониманія Сущности подъ симъ словомъ.

Читая писанія Б—ча, недоумѣваешь: какъ онъ понимаетъ благодать Божію? Многія мѣста его статей наводятъ на мысль, что сію спасительную силу Божію онъ даже готовъ наименовать Богомъ. Думаю, что всѣ недоразумѣнія наши разъяснились бы, если бы онъ точно опредѣлилъ, какъ онъ понимаетъ слово „Богъ".

Въ заключеніе своей замѣтки по поводу статьи Б—ча въ „М. Обозрѣніи" приведу отрывокъ изъ гимновъ преподобнаго Симеона Новаго Богослова: не вразумитъ ли онъ нашего новоявленнаго богослова? „Я оплакивалъ, говоритъ преподобный, родъ человѣческій, такъ какъ ища необычайныхъ доказательствъ, люди приводятъ человѣческія понятія, и вещи, и слова, и думаютъ, что изображаютъ Божественное естество, то естество, котораго никто ни изъ Ангеловъ, не изъ людей не могъ ни видѣть, ни наименовать. И въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ можно было бы назвать Творца всѣхъ?... Его имя намъ еще неизвѣстно, кромѣ (имени) „Сущій" неизреченный Богъ, какъ сказалъ Онъ (Исх. 3, 14). Итакъ, если Онъ неизреченъ, если не имѣетъ имени, если невидимъ, если сокровенъ, если неприступенъ, если одинъ Онъ превыше слова, превыше представленія не только человѣческаго, но и невещественныхъ умовъ, ибо Онъ положилъ тьму покровомъ Своимъ (Пс. 17, 12), и потому все прочее находится во тьмѣ, и одинъ только Онъ, какъ свѣтъ, внѣ тьмы: то какъ ты вводишь о Немъ понятіе? Или ты дѣломъ увидѣлъ Отдѣленнаго? Откуда же и какъ ты прошелъ чрезъ тьму, одинъ отдѣлившись отъ всѣхъ тварей"?..

Въ другомъ мѣстѣ своихъ твореній св. Симеонъ пишетъ: „удивляюсь я тѣмъ немалочисленнымъ людямъ, которые, прежде рожденія отъ Бога и прежде вступленія въ чадство Ему, не трепещутъ богословствовать

и бесѣдовать о Богѣ. Когда слышу, какъ многіе, не понимая божескихъ вещей... и будучи исполнены грѣховъ, богословствуютъ о Богѣ и о всемъ, Его касающемся, безъ благодати Святаго Духа, дающаго смыслъ и разумъ: трепещетъ, ужасается и нѣкоторымъ образомъ изъ себя выходитъ духъ мой, помышляя, что тогда какъ Божество для всѣхъ непостижимо, мы, незнающіе ни самихъ себя, ни то, что предъ очами нашими, съ дерзостію и безстрашіемъ Божіимъ приступаемъ философствовать о томъ, что непостижимо для насъ, особенно будучи пусты отъ благодати Святаго Духа... Грѣшимъ мы даже тѣмъ самымъ, что допускаемъ при такомъ положеніи своемъ желаніе говорить что либо о Богѣ. Ибо если трудно познать самого себя, не тѣмъ ли паче трудно познать Бога?... Что можетъ быть нечистѣе того, кто въ гордостномъ самомнѣніи покушается учить о тѣхъ, яже Духа суть, безъ Духа? И что сквернѣе того, кто, не хотя покаяться и предочистить себя, но, минуя сіе, приступаетъ богословствовать? Я думаю, что сіе покушеніе страшно и что тѣ, которые дерзаютъ на него, будутъ осуждены Господомъ"...

339.

Какіе есть у насъ воины Хрістолюбивые.

Господь обѣщалъ праведному Аврааму пощадить нечестивые города Содомъ и Гоморру, если тамъ найдется хотя только десять праведниковъ. Много согрѣшила наша когда-то „святая", а нынѣ грѣшная Русь предъ Господомъ, но вѣрится, что въ милліонахъ русскихъ православныхъ людей есть еще тѣ праведники, ради коихъ щадитъ Господь грѣшную Русь. Не видны они, эти рабы Божіи, но видитъ ихъ Господь и милуетъ насъ грѣшныхъ. Есть, воистину есть такіе рабы Божіи и въ средѣ нашего воинства хрістолюбиваго, что засвидѣтельствовано дивными примѣрами ихъ хрістіанскихъ подвиговъ, ихъ любви ко врагамъ, хрістіанскаго мужества и смиренія, совершенной преданности въ волю Божію и истинно-хрістіанской кончины на поляхъ брани и въ лазаретахъ. Среди православныхъ воиновъ есть и истинные подвижники, напоминающіе тѣхъ рабовъ Божіихъ, о коихъ мы читаемъ въ житіяхъ святыхъ, въ патерикахъ и древнихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ. Это люди—не отъ міра сего и потому міръ, даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ, не понимаетъ ихъ во всей ихъ духовной красотѣ, высотѣ и благоуханіи... Они кажутся слишкомъ „странными", хотя люди отъ міра не могутъ не преклоняться предъ ихъ духовнымъ обликомъ, не могутъ не воздавать имъ глубокаго почитанія и, скажу не обычное для міра слово, не смиряться предъ ними...

Вотъ что разсказываетъ объ одномъ изъ такихъ героевъ въ „Армейскомъ Вѣстникѣ" офицеръ, повидимому, его начальникъ. Разсказъ такъ и озаглавленъ: „Странный человѣкъ". Подзаголовокъ говоритъ: „Памяти мл. унт.-офицера Трофима Ѳедоровича Скачкова, погибшаго (надо бы сказать: душу свою положившаго за исполненіе своего долга) 25 іюня сего года подъ деревней Дарево".

„Странный человѣкъ“—такъ его прозвали солдаты. Скачковъ—запасной солдатъ, уроженецъ Каменецъ-Подольской губерніи, проживавшій нѣкоторое время во Владивостокѣ; въ нашъ полкъ прибылъ 2 сентября 1915 г. Въ строю былъ съ самаго начала кампаніи, но наградъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ. Главная отличительная черта его на полѣ брани—религіозно-нравственная чистота и безлицемѣрность. Очень рѣдкое явленіе встрѣтить такую глубокую вѣру, какъ была вѣра Скачкова. На фонѣ религіознаго безвременья такія личности рѣзко выдѣляются изъ равнодушной толпы и стоятъ особнякомъ, одиноко, какъ прямой пушистый кедръ среди кривого тальника.

Охарактеризовавъ такъ своего воина, авторъ не утерпѣлъ, чтобы не высказать своего интеллигентскаго взгляда на его вѣру: „правда, говоритъ онъ, глубокая вѣра Скачкова, была слѣпа, она не была продуктомъ долгой критической работы мозга, что принято у насъ называть религіознымъ или инымъ убѣжденіемъ“.

Лучше бы авторъ не писалъ этихъ строкъ: онъ, кажется, забылъ, что вѣра не отъ мозга, не отъ его „критической работы“, а отъ добраго сердца; что такой вотъ вѣрѣ ему и слѣдовало бы поучиться у Скачкова. Впрочемъ, авторъ оговаривается тутъ же: „суть, говоритъ онъ, заключается не въ этомъ, а въ его высокихъ нравственныхъ основахъ и непреклонной силѣ воли, смогшей противостать соблазну безпринципности, какая наблюдается въ настоящее время въ народной массѣ. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ боевой жизни, онъ, единственный въ полку, неуклонно соблюдалъ всѣ постные дни. На одномъ черномъ хлѣбѣ и чаѣ онъ безъ вреда для здоровья выносилъ семь недѣль Великаго поста. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, прочувствованно и долго молился, не обращая вниманія на неумѣстныя, иногда колкія, шутки и насмѣшки непонимавшихъ его психологіи товарищей. „Глядь-ко, Митроха;—говоритъ бывало, одинъ солдатъ другому, указывая пальцемъ на молящагося: въ святые ладитъ“.—„Звѣстно дѣло, монахомъ бы ему и быть“, отвѣчаетъ тотъ.—„А ты знаешь, отчего у него на колѣнахъ часто шароварки дырявы бываютъ?“—„Поползай-ка ты каждодневно такъ-то, небось и тятькину кожу продырявишь“.—Но Скачковъ безъ малѣйшаго смущенія продолжалъ молиться, и, что удивительно, никогда не сердился. Его обращеніе ко всѣмъ безъ исключенія сослуживцамъ было самое теплое и искреннее. Онъ всегда былъ готовъ услужить каждому... При стоянкахъ ли, на походѣ ли, его вещевой мѣшокъ всегда былъ перегруженъ, а въ дополненіе имѣлось еще нѣсколько узелковъ и кошелечковъ. Однажды командиръ батальона, удивившись невѣроятной нагрузкѣ, спросилъ его: „что это ты, молодецъ, таскаешь такъ грузно?“—Всего по маленьку, ваше высокоблагородіе“,— „именно?“—„Да все, что идетъ на потребу солдатскую: рубашки, подсумочки патронныя, провизія, книжечки божественныя вотъ... журналики, очинно интересные разсказики есть въ нихъ про жизнь людскую и нашу солдатскую“.—„Ну, журналы, газеты, книги—это твое дѣло, сказалъ командиръ: а сколько тебѣ рубахъ да подсумокъ тѣхъ надо?“—„Да мнѣ-то одному немного надо, а вотъ случись у кого изъ солдатиковъ что износится, порвется или ненарокомъ утеряется... а то и сухариковъ не хватитъ: я

и дамъ ему... Въ походѣ гдѣ взять-то? А у меня всего по маленьку есть про запасецъ... Таскать-то по привычкѣ мнѣ не тягостно, ваше высокоблагородіе".—За такую нагрузку солдаты прозвали его въ походахъ „двухколка". — „Мотри-ка, Грицко, вотъ и наша двухколка выѣхала, добродушно смѣялись они, завидя входящаго въ строй предъ передвиженіемъ Скачкова. Иные объясняли это по своему: „Охъ, не грѣхи ли свои онъ искупляетъ этимъ? Навѣрное, въ душѣ его таится какой-нибудь тяжкій грѣхъ. Изъ-за чего же иначе онъ такъ мучаетъ себя".

Эти русскіе простецы, думаю, лучше мудрецовъ понимали, сердцемъ чувствовали, что Трофимъ Ѳедоровичъ не напрасно носилъ эту „нагрузку": это были его вериги, которыми онъ „удручалъ" себя ради Бога, подражая древнимъ подвижникамъ юродивымъ.

„Вообще, говоритъ авторъ очерка, въ отношеніи сохранности снаряженія и обмундированія Трофимъ Ѳедоровичъ былъ исправнѣйшій солдатъ. Въ то время какъ другіе безпощадно разбрасывали все лишнее, даже и положенное, онъ подбиралъ все, что только годнаго попадало ему на глаза: грязнаго ли пара бѣлья—подниметъ, вымоетъ и въ свой мѣшокъ; заржавленный ли патронъ—возметъ его вычиститъ и въ мѣшокъ; тогда какъ въ походахъ иной молодой тяготится 100—150 патронами, стараясь при всякомъ случаѣ „сбавить", онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ 250—300 шт. всегда при себѣ. И при надобности готовъ былъ отдать послѣднюю съ себя рубаху сосѣду.

Трофимъ Ѳедоровичъ никогда не былъ угрюмъ. Онъ очень рѣдко защищалъ себя отъ напрасныхъ обидъ и нападокъ, но если это ему случалось дѣлать, то говорилъ противникамъ такъ убѣдительно и обоснованно, что возражать или оправдываться никто не смѣлъ. Въ такихъ случаяхъ предъ нимъ какъ-то невольно преклонялись. Исправность его по службѣ была безусловная. Онъ былъ всегда готовъ на любое дѣло, на любой подвигъ. При всякихъ обстоятельствахъ военнаго времени показывалъ удивительнѣйшее хладнокровіе. Въ послѣднемъ сраженіи, когда онъ палъ геройской смертью у самыхъ проволочныхъ заграждений противника, бывши отдѣленнымъ командиромъ, онъ, по словамъ товарищей, выказывалъ необычайную храбрость. Но здѣсь его роковой удѣлъ свершился при нѣсколько странныхъ обстоятельствахъ.—„Цѣпь шла въ атаку, онъ былъ раненъ, завѣряютъ очевидцы,—досталъ свой молитвенникъ, опустился на колѣни и молился. Но шальная пуля убила его на повалъ".

Въ унтеръ-офицерское званіе онъ былъ произведенъ только нынѣшнимъ лѣтомъ и тогда же былъ назначенъ отдѣленнымъ командиромъ. Казалось, мягкость и скромность его характера не позволяли ему быть начальникомъ, но на дѣлѣ получилось нѣчто неожиданное: его отдѣленіе вело себя образцово. Необыкновенная сила воли дѣлала свое, когда съ нимъ сошлись близко. „Какъ-то стыдно его не слушать, говорили его подчиненные,—совѣсть на него не поднимается". И онъ дѣйствительно, своимъ пристальнымъ, увѣреннымъ взглядомъ умѣлъ заставить себя любить и уважать".

Что нашелъ „страннаго" въ обстоятельствахъ геройской смерти Скачкова авторъ сообщенія о немъ —не понимаю. Воинъ хрістіанинъ, раненый опускается на колѣни, вынимаетъ молитвенникъ, начинаетъ

молиться Богу—все это такъ естественно для вѣрующаго, а вотъ, интеллигентный авторъ видитъ что-то странное въ этомъ. Такъ далеко міросозерцаніе нашихъ, даже лучшихъ интеллигентовъ ушло отъ міросозерцанія простыхъ русскихъ людей православныхъ. Печальное это явленіе, но оно постепенно и незамѣтно входило въ интеллигентную душу въ продолженіе послѣднихъ двухъ вѣковъ и удивляться этому не приходится. Будемъ надѣяться, что небывалая по своей жестокости и гибельности война и хрістіанскіе подвиги православныхъ воиновъ откроютъ глаза нашимъ интеллигентнымъ слоямъ на ту могучую нравственную силу, которая скрывается въ православной народной душѣ, на ту цѣльность хрістіанскаго міросозерцанія, которое дѣлаетъ изъ нашихъ простыхъ воиновъ—сверхгероевъ, отдающихъ Богу душу съ молитвой на устахъ...

Я только что кончилъ свою статью, какъ въ „Новомъ Времени“ прочиталъ еще отрывокъ изъ корреспонденціи съ фронта. Описывается кратко смерть воина—одна изъ тѣхъ смертей, которыми полны лѣтописи современной войны. Эти смерти тамъ, на фронтѣ, явленіе самое обычное.

„На носилкахъ лежитъ молодой сибирскій стрѣлокъ. Докторъ, нагибаясь, спрашиваетъ: куда раненъ?— Блѣдныя губы чуть слышно шепчутъ: „въ животъ“. Докторъ отворачиваетъ шинель, суконную рубаху, нижняя вся въ крови. Долго смотритъ на рану, медленно поднимается и, точно угадавъ мой безмолвный вопросъ, чуть слышно отвѣчаетъ: „разрывная, тутъ не докторъ нуженъ, а батюшка“. На порогѣ стоитъ священникъ съ походной дарохранительницей въ рукахъ. Проситъ уйти насъ, остается съ умирающимъ одинъ. Сердце рвется туда, къ раненому. Кончена исповѣдь, и я вхожу въ перевязочную. Никогда не забыть мнѣ свѣтлаго печальнаго обряда св. Причастія. Медленно, почти безвучно повторялъ умирающій солдатъ за священникомъ святыя слова. Красивое лицо молодаго стрѣлка поблѣднѣло, губы темнѣютъ все больше и больше, по высокому матовому лбу пробѣгаетъ предсмертная желтизна. Оконченъ обрядъ причащенія. Священникъ наливаетъ въ стаканъ воды и протягиваетъ умирающему. Жадно, большими глотками пьетъ онъ холодную воду, это послѣднее облегченіе. Батюшка медленно опускается на колѣни къ изголовью смертельно раненаго.—„Ну что, легче стало?“— „Спасибо, гораздо легче“. Не знаю, солнечный ли лучъ проникъ сквозь окно въ перевязочную, но лицо раненаго воина озаряется свѣтомъ. Ни единаго стона, ни единой жалобы, а внутри все порвано, смѣшалось, уничтожено, но нестерпимыя муки не отразились въ эти короткія минуты на его лицѣ.—Боже мой, какая прекрасная смерть мученика!“

Простите, читатель: не могъ писать этихъ строкъ безъ слезъ умиленія. Какія сокровища духа сокрываются въ нашей православной душѣ! И этими сокровищами она обязана единственной своей родной матери—Церкви... И когда подумаешь, что на эту нашу матушку родимую теперь дѣлается столько покушеній со стороны враговъ Русской земли, со стороны всяческихъ сектантовъ, со стороны нѣмцевъ, со стороны—скажу прямо—многихъ нашихъ же русскихъ интеллигентовъ, то и больно, и страшно становится, и хочется крикнуть: прочь, непрошенные просвѣтители—помрачители, прочь, іудейскіе союзники, нѣмецкіе наем-

ники — реформаторы церковные!.. Мы не уступимъ вамъ ни единой іоты изъ священныхъ завѣтовъ нашей матери—Церкви, мы вѣруемъ въ силу Божію, обитающую и дѣйствующую въ ней: ею мы, вся Русь православная, живемъ и движемся, въ ней—весь смыслъ нашей не только частной, семейной, общественной но и государственной жизни. Не культуру земную, нѣмецкую, призванъ народъ нашъ нести въ исторію человѣчества, а святое православіе, чистые завѣты Евангелія, царствіе Божіе въ душахъ людскихъ... И всѣ эти сокровища—въ нашей Церкви—матери, и горе тому,—гнѣвъ Божій грозитъ ему, кто измѣнитъ своей матери, кто перейдетъ на сторону ея враговъ ради корысти, ради выгодъ земныхъ!.. Горе тому, имже соблазнъ приходитъ!

340—341.

Великое испытаніе совѣсти народной.

Хорошо называютъ всякую войну великимъ испытаніемъ. Какъ золото очищается отъ посторонннихъ примѣсей огнемъ, такъ душа хрістіанская очищается скорбями, такъ цѣлый народъ, Божіимъ попущеніемъ, подвергается великому испытанію войною: никогда такъ ярко не обнаруживаются душевныя свойства народа, какъ во время бѣдствій войны. Будто со дна души поднимаются и добрыя качества, и тѣ страсти, которыя таятся въ самой глубинѣ сердечной; и начинается между ними борьба, и благо тому народу, въ душѣ котораго добро возьметъ верхъ надъ зломъ, добрыя свойства его души надъ недобрыми... На нашихъ глазахъ за эти два года войны раскрылась во всей наготѣ душа нѣмца: это—настоящій потомокъ древнихъ гунновъ, безсердечный, безчеловѣчный эгоистъ, пропитанный гордостью и самоцѣномъ до мозга костей; въ его глазахъ только его соплеменники—люди, остальное человѣчество—что-то въ родѣ животныхъ, коими онъ можетъ пользоваться какъ рабами, почти какъ безсловесною тварью. Тутъ обнаруживается что-то сродное съ іудейскимъ талмудическимъ міровоззрѣніемъ. Нѣмецъ пьянъ своею гордынею, буенъ и шуменъ отъ нея какъ отъ крѣпкаго вина. Если еще есть надежда на его отрезвленіе, то именно война и должна отрезвить его, смирить, вразумить... Вызвала ли война въ нѣмецкой душѣ что-либо доброе—мы не знаемъ: пусть объ этомъ судитъ единый Вѣдущій человѣческія сердца.

Обратимся къ родному народу, посмотримъ, что вызвала на поверхность его души эта ужасная война. Зла въ мірѣ больше, чѣмъ добра? а потому—больше приходится замѣчать явленія отрицательныя, чѣмъ положительныя. Міръ вѣдь во злѣ лежитъ.

Думали ли мы, пастыри Церкви, что война вызоветъ изъ глубинъ души народной безпредѣльную, ужасающую страсть корыстолюбія?.. Правда, она проявилась сначала не въ массахъ народныхъ,—она прежде всего обозначилась въ томъ сословіи, о которомъ еще древній мудрецъ сказалъ: „купецъ едва можетъ избѣжать погрѣшности; какъ посреди скрѣпленій камней вбивается гвоздь, такъ посреди продажи и купли вторгается грѣхъ“ (Сир. 26, 27; 27,

2). Но какъ пламя пожара, страсть наживы быстро распространилась повсюду, гдѣ только открывалась возможность нажить: все безъ исключенія быстро стало дорожать, и товары, и трудъ рабочихъ, и самыя первыя потребности жизни... Будто опьянѣли всѣ: что вчера стоило нѣсколько копѣекъ, то стало стоить рубль, а что всего хуже: дороговизна все растетъ и нельзя сказать: когда и на чемъ она остановится... Будто люди сказали своей совѣсти: „уйди ты отъ насъ, не докучай намъ: видишь, настало время, когда такъ легко можно нажить, такого времени мы и не запомнимъ, да едва ли когда еще и будетъ: какъ же не попользоваться, какъ не скопить деньгу на черный день?..“ И копятъ, и прогнали отъ себя совѣсть, и она замолчала, и то, что свойственно отверженному Богомъ племени, будто стало общимъ достояніемъ всѣхъ, кто только видитъ возможность подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ взять втридорога, а иногда и еще дороже. И будто всѣ правы: „съ меня дерутъ, какъ же мнѣ не брать?“... И не знаешь: да къ чьей же совѣсти обратиться? Увы, она спряталась куда-то у всѣхъ, не только торгующихъ, но и трудящихся... Дѣло въ томъ, что явилась въ жизни какая-то невольная круговая порука: все вздорожало какъ бы по неволѣ, и только тотъ, кто не имѣетъ возможности поднять цѣну на свой трудъ, напримѣръ, чиновникъ, священникъ, учитель, живущіе жалованьемъ, несутъ всю тяготу этого вздорожанія, только они обречены на голодъ и всю невыносимость дороговизны... Довольно сказать, что профессора высшихъ учебныхъ заведеній, люди съ высшимъ образованіемъ, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, люди, занимающіе высшія должности въ правительственныхъ учрежденіяхъ, но не имѣющіе посторонникъ источниковъ для своего содержанія кромѣ жалованья, начинаютъ завидовать простымъ фабричнымъ рабочимъ, которые сами повышаютъ цѣну своего труда пропорціонально росту дороговизны жизни. Что это, какъ не повальное сумасшествіе? Люди въ сущности обманываютъ другъ друга, ибо если ты требуешь за свой трудъ, за то, чѣмъ ты торгуешь, больше прежняго, то и съ тебя требуютъ также больше прежняго: повышается твой приходъ, но повышается и расходъ, если ты только хочешь остаться честнымъ человѣкомъ. Но въ томъ-то и горе, что этого мало: ты снова повышаешь цѣну своего труда или товара, чтобы что-нибудь нажить, но и съ тебя снова повышаютъ требованіе за все... Будетъ ли этому когда конецъ? Вѣдь такъ можно дойти до того, что рубль обратиться въ копѣйку: подумайте, какъ же тогда жить тѣмъ, у кого не можетъ быть такого превращенія, кто живетъ тѣмъ же рублемъ, какимъ жилъ три-пять лѣтъ назадъ? Вѣдь ему придется умирать съ голоду!.. Пишетъ мнѣ одинъ многосемейный чиновникъ: „вотъ, приходитъ осень, зима; жалованья, котораго прежде доставало кое-какъ на квартиру, отопленіе, на пищу и одежду семьи (а она у меня состоитъ изъ 11-ти человѣкъ), теперь едва достанетъ на скудный столъ да на полуотопленіе,—будемъ уже согрѣвать квартиру на половину своимъ дыханіемъ; дѣтямъ ходить въ учебныя заведенія—не въ чемъ: ни теплой одежи, ни обуви, да и за ученье вносить нечего; въ церковь выйти въ праздники и думать не приходится: будутъ сидѣть до весны дома—вѣдь совсѣмъ одичаютъ... Помогите, чѣмъ можете“. Но вѣдь такихъ тысячи: какъ и

чѣмъ имъ помочь? И это еще тѣ, у кого хоть на кусокъ хлѣба-то достанетъ, а какъ жить нищетѣ безысходной, вотъ этимъ вдовицамъ духовнаго вѣдомства, получающимъ изъ своего попечительства по рублю въ мѣсяцъ, какъ быть тѣмъ, которыя вовсе не получаютъ ни гроша, а для труда нѣтъ у нихъ ни силы, ни умѣнья. У милліонеровъ бездна бездну призываетъ, по 500% наживаютъ, куда деньги дѣвать—не знаютъ: рядятъ своихъ женъ въ брилліанты, которые, говорятъ, страшно вздорожали, одѣваютъ въ шелки, которые стали дороже серебряной парчи, прожигаютъ время въ театрахъ да веселыхъ домахъ, проигрываютъ цѣлыя состоянія въ одну ночь въ карты,—а бѣднота плачетъ съ голоду и холоду, а младенцы новорожденные не имѣютъ капли молочка, а больные безпомощные старички и старушки зябнутъ въ нетопленныхъ хатахъ или подвалахъ и нѣтъ у нихъ корки хлѣба, чтобы размочить да голодъ утолить!.. Господи, помилуй ихъ, напитай ихъ!.. А Господь словами пѣснопѣвца отвѣчаетъ: „тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ“... Вы, забывшіе Бога, у которыхъ совѣсть молчитъ! Услышьте хотя вопль и стенаніе, слезы и рыданіе этихъ несчастныхъ! Вы, роскошно пирующіе подобно евангельскому богачу, бросьте хоть ту корку хлѣба несчастнымъ сиротамъ и бѣднякамъ, которую вы небрежно бросаете своимъ псамъ, что подъ вашею трапезою подбираютъ крошки! Вы, власть имущіе, обуздайте жадность торгашей, вы, законодатели, издайте законы, или лучше сказать: напомните существующіе уже законы, непозволяющіе брать свыше извѣстнаго процента! Вѣдь вопли бѣдноты, стоны вдовъ и сиротъ, вопіютъ къ небу и внемлетъ имъ Господь—Судія праведный,—поспѣшите умилостивить Его, пока до конца не прогнѣвался Онъ на всѣхъ насъ!..

Но почто пишу я эти многоскорбныя строки? Кто будетъ читать ихъ? Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша,—всѣ сошли съ ума, всѣ, кто забралъ въ свои руки такъ называемые предметы первой потребности! Всѣ опьянѣли страстью наживы, подобно тому, какъ нѣмцы опьянѣли страстью гордыни, звѣрства, жадности! Вотъ, мы каждый день умоляемъ Господа, чтобы помогъ Онъ Царю нашему одолѣть врага и супостата, но сами что дѣлаемъ? Прогнѣвляемъ Господа. Услышитъ ли Онъ молитву нашу? Русскіе люди,—не говорю уже о живущихъ среди насъ не русскихъ, коимъ дѣла нѣтъ до Русскаго народа, до блага родной земли,—вы, именующіе себя русскими, православными людьми! Опомнитесь! Убойтесь Бога, Судіи праведнаго! Призовите въ помощь свою, забытую, прогнанную вами совѣсть! Спросите ее: чѣмъ умилостивить гнѣвъ Божій, грядущій на насъ? Она вамъ подскажетъ. Въ ея голосѣ вы услышите голосъ Божій. И лишь только послушаетесь этого голоса, какъ увидите воочію Божіе благословеніе на васъ и на дѣлахъ вашихъ, какъ почувствуете въ сердцахъ своихъ прикосновеніе Божіей благодати, милующей и спасающей насъ. Лишь только вы протянете руку помощи горюющимъ бѣднякамъ, лишь только откроете житницы ваши—не говорю уже для безплатной раздачи хлѣба алчущимъ а хотя бы только для продажи по совѣсти, безъ большого барыша, тѣхъ запасовъ, какіе у васъ имѣются,—вы сразу почувствуете, что надъ вами будто небо раскрылось: такъ станетъ у васъ свѣтло на душѣ, вы сознаете, что есть на землѣ счастье повыше всѣхъ вашихъ удо-

вольствій, и настолько выше, что какъ небо отъ земли, такъ это счастье отстоитъ отъ всѣхъ вашихъ баловъ, театровъ, игръ, наслажденій... Ужели вы такъ и умереть хотите, не извѣдавъ этого счастья,—счастья дѣлать добро, жить по совѣсти, счастья чувствовать близость Божьей благодати къ себѣ, счастье быть увѣреннымъ, что есть вѣчно—блаженная жизнь, которая начинается еще здѣсь на землѣ, въ сердцѣ нашемъ, когда начинаемъ исполнять Божіи заповѣди, освящая себя святыми таинствами Церкви, нашей матери? Вѣдь вы же, русскіе люди, называете себя еще православными: вы еще не отреклись отъ Церкви, отъ Христа: вы не хотите этого—да? Такъ проснитесь же, отрезвитесь, сбросьте вражье навожденіе, ослѣпляющее васъ страстью наживы! Ахъ, братья—купцы и торговцы! Если бы вы знали, какое теперь, именно теперь благопріятное время для васъ, чтобы съ Богомъ прогнѣваннымъ примириться, чтобы себѣ царствіе Божіе—еще здѣсь на землѣ купить, въ свое сердце стяжать, чтобы начать жить по-божьи здѣсь и перейти туда, въ вѣчность, съ мирной совѣстью, съ вѣрою и упованіемъ на Божію милость! Вѣдь я говорю съ русскими людьми, а русскіе люди вѣруютъ въ Бога, не то, что нѣмцы,—правда, увлекаются страстями и грѣхами не меньше нѣмцевъ, но все же по русскому обычаю, когда громъ грянетъ, и перекрестятся. Вотъ, гремитъ громъ небесный надъ Русской землей: перекреститесь же! Вѣдь гроза Божія можетъ прямо разразиться надъ вами,—отведите же ее отъ себя милосердіемъ и простою справедливостью! Пожалѣйте родную землю, родной народъ, будьте русскими!..

Законы правды Божіей непреложны; когда люди не хотятъ знать ихъ, они свершаются надъ ними съ неумолимой строгостью. Около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ прогремѣло грозное повелѣніе Божіе на Синаѣ: *не укради!* Всякій безсовѣстный продавецъ нарушаетъ эту святую заповѣдь Божію, а потому надъ нимъ виситъ гнѣвъ Бога правосуднаго; онъ не только самъ лишаетъ себя благословенія Божія, но и призываетъ на себя проклятіе. „Сладокъ, говоритъ древняя богодухновенная мудрость, сладокъ для человѣка хлѣбъ, пріобрѣтенный неправдою, но послѣ ротъ его наполнится дресвою (Причт. 20, 17); строющій домъ свой на чужія деньги—то же, что собирающій камни для своей могилы (Сир. 21, 10), а кто спѣшитъ разбогатѣть, тотъ не останется ненаказаннымъ (Прич. 28, 20), потому что богатство его, по пословицѣ, прахомъ пойдетъ, или, какъ говоритъ премудрый Соломонъ, оно сдѣлаетъ себѣ крылья и, какъ орелъ, улетитъ къ небу“ (Пр. 23, 5)...

Никакой народъ не умѣетъ такъ каяться, какъ нашъ православный Русскій народъ. И слава Богу: хоть рѣдко, хоть единично, а я имѣю утѣшеніе видѣть такое—русское покаяніе. Приведу самый послѣдній примѣръ. Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ почтенный старецъ изъ торговыхъ людей. Само собою разумѣется, я не назову его ни имени, ни адреса, хотя думаю, что онъ былъ бы согласенъ и на это. „Въ дни моей молодости, когда мнѣ было лѣтъ восемнадцать (а теперь мнѣ уже 67 лѣтъ), я служилъ конторщикомъ въ купеческой конторѣ. Разъ приказчикъ считалъ деньги для сдачи ихъ хозяину, когда хозяинъ позвалъ его къ себѣ въ сосѣднее помѣщеніе. Онъ поспѣшилъ на зовъ хозяина и оставилъ деньги на столѣ. Въ конторѣ остались я да бухгалтеръ. И вотъ, кому-то изъ

насъ—кажется, что мнѣ пришла мысль подшутить надъ приказчикомъ, спрятать часть денегъ и я взялъ—не помню, одну или двѣ пачки по сто рублей и спряталъ въ свой ящикъ съ мыслію: хватится ли приказчикъ? (Какъ видите, врагъ хитеръ: онъ не сталъ внушать тутъ же присвоить—по просту—украсть деньги: онъ учитъ только „подшутить", спрятать ихъ). А приказчикъ, по возвращеніи въ контору, не считая денегъ, убралъ ихъ въ свой ящикъ, поспѣшая куда-то, чтобы исполнить приказаніе хозяина. Въ этотъ ли, или на другой день у насъ съ бухгалтеромъ явилась мысль, что у приказчика вѣроятно столько хозяйскихъ денегъ, что онъ и не хватится взятыхъ нами, а потому можно ихъ и вовсе не отдавать ему. Дѣйствительно, сразу онъ и не хватился, что у него денегъ не достаетъ, но потомъ по его безпокойству мы замѣтили, что онъ денегъ не досчитывается, но все-таки взятыхъ денегъ ему не возвратили, а раздѣлили ихъ пополамъ, то есть, украли... (Вотъ какъ врагъ ведетъ человѣка отъ шутки ко грѣху: можетъ быть стыдно уже стало признаться въ „шуткѣ"). Много лѣтъ спустя у меня зашевелилось сознаніе грѣха, и я былъ бы очень радъ возвратить эти деньги по принадлежности или наслѣдникамъ того приказчика, но къ розыску его не принялъ мѣръ, а потому вовсе потерялъ его изъ виду. Вотъ я прибѣгаю къ вамъ, владыко, съ почтительнѣйшей просьбою: прилагаемые двѣстѣ рублей употребить по вашему усмотрѣнію и помолиться о прощеніи моего грѣха".

Прошло пятьдесятъ лѣтъ, а совѣсть все мучила русскаго человѣка. Надо бы, конечно, и теперь возвратить хотя наслѣдникамъ того приказчика, но и они не извѣстны. Въ успокоеніе кающейся совѣсти, я послалъ эти деньги въ распоряженіе волынскаго святителя, въ помощь его бѣдному духовенству, лишенному крова послѣ разоренія ихъ жилищъ нѣмцами, присоединивъ и отъ себя нѣчто, дабы быть участникомъ въ покаянной жертвѣ добраго хрістіанина. Думаю, что самая мысль поступить такъ, пришла ему подъ впечатлѣніемъ недавно напечатанной моей замѣтки подъ заглавіемъ „Совѣсть заговорила". Тамъ я разсказалъ, какъ тоже нѣкто, взявшій у странника 15 рублей и не возвратившій ему, прислалъ мнѣ 30 рублей съ просьбою послать на фронтъ нашимъ воинамъ „Троицкихъ Листковъ", въ видѣ духовной милостыни, потому, что онъ не знаетъ, кто и гдѣ живетъ, даже живъ ли тотъ странникъ, у кого онъ взялъ деньги, ибо прошло уже лѣтъ пятнадцать, какъ это было.

Такъ вотъ какъ поступаютъ люди, у которыхъ совѣсть еще не погасла, которые еще внимаютъ ея неумолимому требованію и боятся суда Божія. Вотъ добрый примѣръ тѣмъ изъ торговыхъ людей, которые ужъ слишкомъ много пе́ребрали за свои товары съ добрыхъ людей: пусть они вспомнятъ еще евангельскій примѣръ мытаря Закхея, пусть въ своемъ сердцѣ повторятъ его золотыя слова: „*Господи, се, полъ имѣнія моего раздамъ нищимъ, и аще кого чимъ обидѣхъ, возвращу четверицею!*" За то и услышалъ изъ устъ Самаго Господа: *днесь спасеніе дому сему бысть, зане и сей сынъ Авраамль есть.* Вотъ настоящій путь, указываемый Самимъ Господомъ и нашимъ купцамъ, если только они не хотятъ отречься отъ Хріста Спасителя. Господь говоритъ, что радость бываетъ на небесахъ у Ангеловъ Божіихъ, когда и одинъ

грѣшникъ кается: какую же радость самимъ Ангеламъ Божіимъ доставили бы наши купцы, если бы по примѣру Закхея стали бы обращаться, каяться, или хотя бы полагать начало покаянію, продавая товаръ по совѣсти, не обижая ближняго, не повышая цѣнъ... Ужели въ самомъ дѣлѣ они такъ заглушили свою совѣсть, что перестали быть христіанами?..

Не хочу вѣрить!..

Я кончилъ статью, когда пришелъ ко мнѣ одинъ настоятель, только-что назначенный въ монастырь. Его разсказъ подтвердилъ мнѣ то, что я думаю о русской душѣ. Она способна на великіе подвиги, на самоотреченіе въ самыхъ, казалось бы, насущныхъ и крупныхъ матеріальныхъ интересахъ. Предмѣстникъ о. настоятеля оставилъ монастырскихъ долговъ на нѣсколько десятковъ тысячъ. Кредиторы, все торговые люди, явились къ новому настоятелю съ своими заявленіями объ этихъ долгахъ. Настоятель сказалъ имъ прямо, что монастырь не имѣетъ чѣмъ платить.—„Какъ же намъ быть? Что посовѣтуете?“—Онъ сказалъ: „Если хотите выслушать мой совѣтъ, то скажу вамъ откровенно: судиться съ прежнимъ настоятелемъ—одинъ соблазнъ, да и у него ничего нѣтъ; обитель посвящена Матери Божіей: Она и должна вамъ въ сущности. Если вы простите Ей этотъ долгъ, то Она будетъ вамъ помощницей въ вашихъ дѣлахъ и Сама наградитъ васъ... Вотъ и весь мой совѣтъ“.—Купцы подумали немного и рѣшили: „быть такъ! Вѣримъ Царицѣ небесной“. И заявили, что они прощаютъ монастырю весь долгъ...

Широка натура русская. Это отмѣтилъ еще нашъ славный поэтъ графъ Алексѣй Толстой въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи. Это сказалось даже и въ томъ печальномъ явленіи, которое называется дороговизной. „Если ужъ наживать—такъ безъ мѣры, безъ пощады“. И наживаютъ... И народъ простой на тотъ же путь примѣромъ своимъ толкаютъ. И вотъ, мужикъ требуетъ 5 рублей только за то, чтобы перевезти кубикъ хворосту за двѣ версты для сосѣда, безпомощнаго старика, у котораго нѣтъ ни лошади, ни денегъ заплатить... Какое-то безсердечіе,—страшно подумать!.. Но не вѣрится, что такъ и дальше будетъ. Гремятъ громы Божіи, крестятся уже русскіе православные люди. Ужели люди торговые, именующіе себя русскими, не опомнятся, не перекрестятся? Не хочу вѣрить...

342.

Въ чемъ нуждается народъ для борьбы съ расколо-сектантствомъ.

Всякія „свободы“ не доведутъ до добра. Самый принципъ такихъ свободъ рѣшительно непріемлемъ для русскаго православнаго человѣка. А современные умники стараются толковать такія свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ: что разрѣшено, что не грѣшно, что позволено, то можетъ быть и распространяемо. Законъ хочетъ, чтобъ не была стѣсняема свобода сектантовъ и раскольниковъ вѣровать по своему, молиться, какъ хотятъ, а наши умники идутъ дальше: тол-

куютъ, что разные лжеучители въ правѣ и распространять свои лжеученія, а простецы толкуютъ еще дальше: можно проповѣдывать, значитъ—не грѣшно и вѣровать такъ, какъ проповѣдуютъ эти новые учители. И ереси и расколы ползутъ по родной землѣ, какъ чумная зараза, и православные простецы, чувствуя сердцемъ бѣду, соблазняемые уже самою тою свободою критики родного церковнаго ученія, какую проявляютъ сектанты и раскольники, тѣмъ презорственнымъ отношеніемъ къ Церкви и ея пастырямъ, какое сквозитъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ сектанта или раскольника, теряются, не находятъ, что возразить, смущаются, просятъ помощи... Много такихъ писемъ получаютъ пастыри-священники, получаю и я. Нѣтъ возможности отвѣчать на всѣ такія письма каждому отдѣльно. Но трудно дать и общій отвѣтъ: почти въ каждомъ письмѣ есть что-либо особенное, требующее вниманія. Оказывается, что въ окопахъ ведутся на досугѣ цѣлые диспуты, причемъ начинаютъ всегда сектанты или раскольники, вызывая православныхъ на споръ; зачинщики диспута, обыкновенно, люди подготовленные, изъ пропагандистовъ, а слушатели —простые солдаты; хорошо, если среди нихъ найдется сколько-нибудь свѣдующій, чтобы возражать сектанту-раскольнику; большею частію, къ глубокому сожалѣнію простые люди идутъ на закинутую удочку, вступаютъ въ споръ, но не въ силахъ вести его, и враги Церкви торжествуютъ... А у православныхъ нѣтъ самаго главнаго основанія, чтобъ удержать свою позицію: нѣтъ крѣпкой вѣры въ авторитетъ своей Церкви. Они своими ничтожными знаніями пытаются опровергнуть противника, забывая, что у Церкви есть неистощимый запасъ оружія противъ такихъ враговъ... И приходится имъ писать письма въ родѣ слѣдующаго:

„Рабу Божію Терентію — Божіе благословеніе.

Кто не умѣетъ плавать, тому лучше не пускаться въ море, волнующееся бурею. Кто не знаетъ въ должной степени ученія своей матери православной Церкви, кто не изучалъ разныхъ сектантскихъ и раскольничьихъ лжеученій, тому не слѣдуетъ пускаться въ словопренія съ раскольниками и сектантами. Вотъ отчего и приходится иногда терпѣть неудачи, въ родѣ той, какую потерпѣлъ ты въ спорѣ съ врагами Церкви. Когда они вызываютъ на споръ, лучше отсылать ихъ къ пастырямъ Церкви: пусть съ ними спорятъ,—ты въ простотѣ своей одно помни и тверди себѣ и другимъ, такимъ же простецамъ: мы люди неученые, мы знаемъ одно: кто Церкви не слушаетъ, тому Церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ, какъ сказалъ святитель Кипріанъ Карѳагенскій. Да и Самъ Господь сказалъ: „аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“, то-есть, пусть такой преслушникъ Церкви-матери будетъ для тебя какъ совсѣмъ чужой человѣкъ. Господь сказалъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ и преемникамъ ихъ, пастырямъ Церкви: „кто слушаетъ васъ, тотъ Меня слушаетъ, а кто отметается васъ, тотъ Меня отметается“. Если мы не будемъ исполнять сихъ словъ Господнихъ, а будемъ сами на свой умъ полагаться, не станемъ слушать пастырей, которые Богомъ поставлены, то и отвѣчать Богу сами будемъ за свое самоволіе, за свою гордую самонадѣянность, за непослушаніе Церкви.— Ужъ лучше будемъ слушать своихъ, Богомъ данныхъ и Церковію посвя-

щенныхъ пастырей, чѣмъ какихъ-то раскольничьихъ учителей да сектантовъ. Вотъ какъ надо вамъ, простецамъ, уклоняться отъ споровъ съ раскольниками и сектантами. Надо бѣгать ихъ, какъ зачумленныхъ, ибо ихъ гордыня и есть настоящая духовная чума.

А о святыхъ мощахъ еще въ ветхомъ завѣтѣ писано: что отъ мощей пророка Елисея мертвый воскресъ. Да я и не понимаю, какъ это свои, православные, говорятъ противъ св. мощей: это ужъ зараженные сектантами люди, а не православные.—Удивляюсь, какъ это люди простые, неученые, рѣшаются судить о такихъ дѣлахъ и вещахъ, о коихъ есть ученіе Церкви, отъ вѣковъ древнихъ, отъ Апостоловъ и св. Отцевъ установленное и преданное, а въ Церкви Божіей тысячами пастырей принятое и утвержденное. Вѣдь милліоны православныхъ и вѣровали, и теперь вѣруютъ и вѣру свою видятъ оправданною въ чудесахъ и знаменіяхъ, отъ мощей бывающихъ,—мы видимъ это часто и около мощей нашего Преподобнаго Сергія,—мы видѣли еще такъ недавно,—въ ночь на 31-е августа, какъ мощи его были въ огнѣ и остались невредимыми, хотя огонь въ святой ракѣ былъ въ теченіи пяти часовъ и даже больше,—а тамъ, гдѣ-то въ Туркестанѣ, у васъ, не вѣруютъ... Для вѣры смиреніе нужно, а его-то и нѣтъ у тѣхъ, кто разсуждаетъ по своему смышленію, а не по церковному ученію... Вѣдь и въ Писаніи сказано, что благодать подается только смиреннымъ.

Я не могу въ маломъ письмѣ сказать все, что хотѣлось; берегись духовной отравы самочинныхъ учителей, коихъ Богъ не поставилъ и Церковь не полномочила. Держись въ простотѣ сердца того, чему учитъ она, наша мать. Вотъ тебѣ мой архіерейскій завѣтъ. Кто хочетъ себѣ спасенія, тѣмъ совѣтую то же. Гдѣ вамъ простецамъ пускаться въ споры съ хитрыми, гордыми, самозванными учителями-сектантами и раскольниками? Не вѣрьте имъ. Они хотятъ быть умнѣе св. Церкви, и умнѣе всѣхъ св. Отцевъ и вселенскихъ соборовъ: какая гордыня!.. Открещивайтесь отъ нихъ, какъ отъ вражеской силы: да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и врази Церкви Православной. Богъ тебя храни. Твой доброхотъ".

Какъ видите, въ такихъ диспутахъ смѣшивается все въ одну кучу: тутъ и раскольничьи заблужденія, тутъ и еретическія, сектантскія мудрованія. Иногда раскольники сбиваютъ съ толку православныхъ, указывая имъ, что у нихъ есть „законная" іерархія, есть и архіереи, и попы, правительствомъ дозволенные: „если бы они были незаконны, развѣ бы власти позволяли имъ служить", есть и семь таинствъ, „только вотъ вы молитесь не такъ, какъ молился Христосъ: посмотрите на икону—у Христа только два перста сложены"... И православные уже поколеблены, пишутъ: „какъ быть, что это значитъ" и пр. Хорошо еще, если смущаемый смиряется, укоряетъ себя, какъ пишетъ напримѣръ одинъ казакъ: „теперь я понялъ, что мало знать св. Писаніе, нужно знать и постановленія вселенскихъ и другихъ соборовъ св. и исторію св. Церкви. Горе мнѣ, окаянному! Святые отцы своей святой жизнью и примѣрами заграждали уста еретиковъ и тѣмъ прославили вѣру православную и утвердили на будущія поколѣнія; а меня окаяннаго, по моему невѣжеству, побѣждаютъ еретичествующіе, и тѣмъ чрезъ меня хулится святая Церковь православная".—Совсѣмъ

въ другомъ тонѣ пишутъ уже совратившіеся въ ересь или расколъ: во-первыхъ, они трусливо скрываютъ свое имя и адресъ, такъ что нельзя имъ отвѣтить; во-вторыхъ, пишутъ дерзко, поносительно, приписывая всему духовенству отдѣльныя печальныя явленія въ его жизни, попрекая насъ, будто мы „деремъ шкуру“ съ вдовъ и сиротъ по 25 р. за вѣнецъ и по 10 р. за покойника, „мы-де не желаемъ ходить въ церковь къ такимъ обираламъ, Богу-де не нужны деньги, Хрістосъ-де Самъ нуждающихся кормилъ“ и пр. въ томъ же родѣ. „Теперь, пишетъ расходившійся какой-то баптистъ, теперь всѣ деревенскіе ребята поняли вашу ложь; я много защищалъ васъ, но я много ошибался; вы запутали нашего брата, еще немного и до васъ доберутся“, и т. д. Въ заключеніе отступникъ отъ Церкви съ притворнымъ смиреніемъ пишетъ: „Господь мнѣ немощному позволилъ написать вамъ—постучаться къ вамъ въ дверь вашего сердца: всякій, говорящій о Богѣ, не можетъ быть врагомъ; если сектанты не по истинѣ поступаютъ, то будемъ молиться за нихъ, а не гнать ихъ. А можетъ быть у насъ ошибка, а правда у нихъ; тогда постараемся исправить нашу ошибку. Кровь Іисуса сильна омыть ее“. Тутъ уже вливается ядъ сомнѣнія въ ученіе Церкви; тутъ уже новосовращенный сектантъ берется учить архіерея; оно и понятно: вѣдь для такихъ новичковъ-сектантовъ уже больше не существуетъ ни пастырей, ни іерархіи: они чувствуютъ себя освободившимися отъ бремени послушанія Церкви и либеральничаютъ во всю...

Каждый день получаются такія письма. Народъ отравляется незамѣтно, но вѣрно. Нашей миссіи есть много работы: но къ этой работѣ надо привлечь и народъ, вѣрующихъ православныхъ людей. Какъ это сдѣлать? Приходитъ само собою на мысль, что ждать, пока будутъ устраиваться миссіонерскіе курсы и приниматься подобныя мѣры, конечно, необходимыя, не слѣдуетъ. Надо дать народу въ руки общедоступныя руководства для борьбы съ сектами и расколами. Нужда эта видна хотя бы и изъ того, что „Православный Противосектантскій Катихизисъ“ Д. И. Боголюбова выдержалъ за десять лѣтъ уже 15 изданій: значитъ, спросъ на него большой. Къ сожалѣнію, онъ написанъ не вездѣ общедоступнымъ народнымъ языкомъ и не исчерпываетъ всѣхъ вопросовъ, какіе ставятся сектантами. Его нужно автору, да и не одному, а вмѣстѣ съ другими еще пересмотрѣть. А противораскольническаго такого катихизиса мы не знаемъ. Между тѣмъ спросъ на то и другое большой. Народная совѣсть подъ бичемъ войны проснулась и хочетъ сознательно ознакомиться не только съ своимъ православнымъ ученіемъ, но и съ соблазняющими ее сектами и раскольничьими толками. Конечно, было бы желательно, чтобы православные начинали съ изученія своего православнаго ученія, но разъ соблазнъ выходитъ къ нимъ на встрѣчу, надо помочь имъ разобраться въ немъ, обличить его неправду.

Чье это дѣло? Само собою понятно, что это—задача Миссіонерскаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. У него на виду всѣ лучшія и способнѣйшія литературныя миссіонерскія силы, у него и средства къ изданію подобныхъ руководствъ, и способы ихъ распространенія.

По адресу одного изъ многихъ.

Нѣкій Александръ Николаевъ Прядильщиковъ, давшій свой адресъ со ст. Поповка Н. ж. д., изъ Подобѣдовки, но пустившій свое открытое письмо изъ Петрограда, пишетъ мнѣ: „Я вижу въ борьбѣ вашей съ сектантствомъ, что вы за это получаете деньги, чины и ордена, и мнѣ обидно, что православіе находится не въ надежныхъ рукахъ, и конечно, сектанты его заклюютъ". Откуда же знаетъ г. Прядильщиковъ, что я защищаю Церковь Божію за деньги, за чины и ордена? Не стыдно ли, не грѣшно ли ему, если онъ считаетъ себя православнымъ, такъ клеветать на меня? А онъ сдѣлалъ уже и выводъ: „сектантство заклюетъ православіе", потому, что его защищаютъ-де такіе вотъ наемники, какъ я. „Тамъ, говоритъ онъ, у сектантовъ, не менѣе находятся ученые руководители, которымъ извѣстно, что за Библія, что за псалтирь, что за евангеліе". Мы знаемъ этихъ рудоводителей: это нѣмцы и ихъ безбожные профессора, а у насъ, славу Богу, руководители святые отцы и учители православной Церкви. И ужъ никогда мы не промѣняемъ ихъ на нѣмцевъ - гордецовъ. А г. Прядильщикову совѣтуемъ хоть немного поближе заглянуть въ Библію: вѣдь тамъ онъ увидѣлъ бы и псалтирь, и евангеліе —въ той же самой книгѣ—Библіи, тогда онъ не сталъ бы говорить *отдѣльно* объ этихъ книгахъ. Если г. Прядильщиковъ—хрістіанинъ, то ему грѣшно смѣяться надъ ученіемъ Хріста Спасителя въ Мѳ. 5; 39—40, грѣшно клеветать и на пастырей Церкви, которые будто бы не хотятъ „съ голышами и разговаривать", которые будто бы только принимаютъ того вѣрующаго, который „представляетъ изъ себя дойную корову", а я будто бы „за каждый пожертвованный гривенникъ трублю на весь свѣтъ"... Грѣшно лгать и на меня, архіерея, будто я борюсь съ сектатствомъ за деньга, чины и ордена. Все это сплошь клеветы, достойныя сектантовъ, а не православнаго человѣка. Вотъ какъ нынѣ позволяютъ себѣ лгать и клеветать на насъ, пастырей Церкви совращенные въ баптизмы и всякіе измы нѣмецкаго происхожденія! И находятся простецы, которые идутъ на эту удочку, вѣрятъ имъ и покидаютъ родную свою мать —Церковь православную... И гдѣ совѣсть у такихъ измѣнниковъ православія? Полный невѣжда, незнающій, что псалтирь и евангеліе заключаются въ Библіи, то же якобы печалится, что православіе „не въ надежныхъ рукахъ"... Горе одно!...

343.

Совѣсть просыпается.

Едва напечаталъ я свою статью „Великое испытаніе совѣсти народной", какъ началъ уже получать отклики на нее: видно въ нѣкоторыхъ виновникахъ дороговизны на всѣ предметы совѣсть заговорила. Слава Богу: пусть говоритъ она громче и громче; авось и заставитъ ихъ принять съ своей стороны мѣры противъ этого во-

піющаго зла. А мы, пастыри Церкви, по мѣрѣ нашего разумѣнія попытаемся подсказать имъ, то-есть ихъ совѣсти, что могли бы они сдѣлать. Но прежде немного разберусь въ томъ, что пишетъ мнѣ купецъ, повидимому человѣкъ вѣрующій, православный и благонамѣренный. Вѣдь въ его письмѣ, какъ ни какъ, а слышится самооправданіе, попытка обѣлить купечество, отчасти даже перенести вину на кого бы вы думали? Да на насъ, пастырей Церкви!.. „Все на насъ грязью мечутъ, пишетъ онъ, кажется всѣ безъ исключенія, вотъ и дорогой-то владыка съ омерзеніемъ на насъ взглянулъ да камнемъ швырнулъ... Но это — грѣхъ невѣдѣнія, да проститъ за всѣхъ вся Господь! Немножко вздремнули вы, но это не бѣда, забыли, что Господь грѣшницу защитилъ тѣмъ, что сказалъ: кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось камень въ нее. Дорогой владыка не вспомнилъ заслуги пасомыхъ праотцевъ нашихъ: кто устроялъ благотворительныя заведенія, богадѣльни, больницы, пріюты? Кто какъ не купечество? Кто устроялъ и украшалъ храмы Божіи, монастыри и лавры, какъ не купечество? Много и безъ конца найдется заслугъ купечества, за что слѣдуетъ не порицать его, а хвалить, не бить слѣдуетъ эту безсловесную скотинку, что она забрела въ чужой огородъ, а надо огородъ поправить да пастырей поставить... Пора забыть сословную вражду, давно пора сказать всѣмъ, и пастырямъ на первомъ мѣстѣ, что они уснули и спятъ непробуднымъ сномъ, а потому и стада ихъ разбѣжались. Миссіонеровъ учится сонмъ, чтобы иновѣрцевъ привлечь въ наше стадо и чтобы бороться съ разными сектами, а свои пастыри будутъ дремать и все проспятъ, проснутся да будетъ уже поздно, когда услышатъ: се Женихъ грядетъ. А что теперь трудно и духовенству, то—что посѣяли, то и пожинаютъ: сѣяли крапиву—пшеница не уродится“...

Итакъ, видите ли, и въ дороговизнѣ виновато—духовенство. Оно спитъ... Ну вотъ, я проснулся, обратился къ совѣсти торгующихъ, умолялъ ихъ ради родины, ради Бога опомниться, отрезвиться, убояться Бога... И я же — виноватъ! Виноватъ, что не вспомнилъ „заслугъ купечества!“ Да вѣдь эти заслуги предковъ только отягчаютъ вину современныхъ торговцевъ: ихъ предки украшали храмы, жертвовали на богадѣльни, больницы и пр. Хорошо. Богъ имъ награда! Ну, а вы, почтенные купцы нашего времени: вы что дѣлаете? Вы наживаете капиталы на народномъ горѣ? Мы знаемъ, что среди васъ не оскудѣли благотворители и теперь, но развѣ я о такихъ говорю? Я говорю вотъ о тѣхъ, которыхъ теперь сажаютъ въ тюрьму за превышеніе цѣнъ, за утайку предметовъ необходимости, за безсовѣстную спекуляцію на бѣдѣ народной. А теперь сколько развелось ихъ! И при чемъ же тутъ пастыри? Не скрываю, что и среди насъ есть „спящіе“, но вѣдь вотъ, и проснувшимся вы готовы закрыть уста, чтобъ не обличали васъ. Ужели мы съ церковной каѳедры должны голодающимъ, зябнущимъ отъ холода, своимъ пасомымъ говорить: „не судите торговцевъ, не скорбите на нихъ: кто изъ насъ безъ грѣха? Было время, когда и они, ихъ предки, дѣлали много добра, а теперь дайте имъ нажиться отъ вашей нужды?“.—Нѣтъ, братья, торговые люди: не такъ подобаетъ разсуждать православнымъ людямъ; наоборотъ: вотъ теперь-то и должны вы притти на помощь родному на-

роду, всѣмъ нуждающимся подать руку помощи... Какъ? — спросите вы. — Отвѣчаю по мѣрѣ моего разумѣнія. Соберитесь вы, честные люди, составьте изъ среды себя союзъ честныхъ торговцевъ,—вамъ вѣдь лучше, чѣмъ намъ, обывателямъ, извѣстно: гдѣ какіе продукты дешевле достать, какъ ихъ скорѣе доставить, вы знаете: у кого что на складѣ есть, а онъ прячетъ это, чтобы больше нажить на дороговизнѣ: вотъ и не щадите такихъ, помогайте властямъ вразумлять ихъ, обличайте ихъ неправду, составляйте сами капиталы, чтобы закупать возможно дешевле все, что потребно для обывателей и продавайте также возможно дешевле... Вы люди опытные, вы знаете лучше чиновниковъ, какъ лучше наладить дѣло. Вотъ и будетъ это—по-православному, по-хрістіански. Говорить о какой-то „сословной враждѣ“ право же грѣшно. Если я заговорилъ о купцахъ, то вѣдь только потому, что торговля есть ихъ главное занятіе: не противъ почтеннаго купеческаго сословія я говорю, а противъ той нечестности, которая ложится дѣйствительно грязнымъ пятномъ на купечество и которое смыть—только и могутъ сами купцы. Это далеко не такія невинныя „безсловесныя скотинки“, какими изображаетъ ихъ мой читатель-купецъ: это люди, у коихъ есть совѣсть, а если бы ея вовсе не было, то не сталъ бы вотъ этотъ купецъ приводить, подыскивать оправданія себѣ и своимъ товарищамъ-купцамъ...

Конечно, въ дороговизнѣ виноваты не одни купцы, но и всѣ, кто ищетъ себѣ наживы отъ общей бѣды. Корыстолюбіе заразительно: началось съ купцовъ, торговцевъ вообще, а посмотрите, что сдѣлалось и въ деревнѣ: тамъ за подводу на разстояніи менѣе 30 верстъ подъ Москвою берутъ 18 рублей туда и обратно, что прежде стоило два-три рубля. За фунтъ сухихъ грибовъ требуютъ 7 или 8 рублей. Какъ жить бѣднымъ людямъ? Мука ржаная, затхлая, доходитъ до 3 рублей пудъ... И вся эта тяжесть ложится на тѣхъ, кто не имѣетъ возможности повысить цѣну на свой трудъ. Да, съ омерзеніемъ смотрю я на это непростительное корыстолюбіе, съ болью и жалостью въ сердцѣ— на этихъ ослѣпленныхъ корыстолюбіемъ людей. Америка, говорятъ, такъ нажилась отъ европейской войны, что богачамъ стало денегъ дѣвать некуда; ихъ доходы съ 2-хъ милліардовъ дошли до 5 съ половиной за минувшій годъ. Въ Новый годъ, выходя съ биржи въ Нью-Іоркѣ, они плясали по всей улицѣ, устроили иллюминацію въ милліоны электрическихъ лампъ. Но пришла весна, когда они стали разъѣзжаться по дачамъ и—совершилось нѣчто ужасное, появилась дѣтская болѣзнь — параличъ, и именно среди богатыхъ семействъ; дѣти бѣдныхъ дворниковъ, рабочихъ, весело играли, не заражаясь этой эпидеміей, а въ богатыхъ семьяхъ—плачъ и рыданіе въ каждомъ домѣ: дѣти отъ 2 до 7 лѣтъ лежали безъ движенія, въ два-три дня умирали, или, оправляясь отъ болѣзни, оставались на вѣкъ уродами. Въ два мѣсяца болѣзнь похитила до девяти тысячъ дѣтей въ одномъ Нью-Іоркѣ... Что это, какъ не кара небесная за жадность, за корыстолюбіе милліардеровъ Новаго Свѣта? Вотъ чего должны бояться и наши торгаши, съ каждымъ днемъ повышающіе цѣны на товары и доводящіе свои барыши до 500%.

Но объ этомъ довольно. Два слова о полномъ „невѣдѣніи“ моего читателя купца въ дѣлѣ миссіи православной. Больно читать этотъ

попрекъ, что миссіонеровъ учится сонмъ, чтобы привлечь иновѣрцевъ... Господи, да гдѣ же этотъ „сонмъ?“ Мы испытываемъ крайнюю нужду въ миссіонерахъ; сектанты шныряютъ всюду, и среди народа, и среди войскъ, помогая нѣмцамъ развращеніемъ русской души, а тутъ — попрекъ, что „учатся сонмы“ миссіонеровъ... Грѣшно русскому православному человѣку такъ говорить! Очевидно, онъ читаетъ іудейскія газеты, покровительствующія сектантамъ... А о томъ, спитъ ли духовенство, лучше бы почтенному купцу помолчать: не его это дѣло, иначе онъ и самъ уйдетъ за сектантами въ поношеніи православныхъ пастырей...

344—346.

Скорби пастырской совѣсти.

Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы вполнѣ выразить всю тяготу скорбей Христовыхъ, когда Онъ понесъ на Себѣ грѣхи всего міра. А изъ скорбей человѣческихъ наиболѣе, думаю я, приближается къ симъ скорбямъ скорбь добраго пастыря, душу свою полагающаго за овцы своя. Въ самомъ дѣлѣ: какую бы скорбь земную ни взяли мы, христіанинъ найдетъ утѣшеніе въ преданіи себя волѣ Божіей: Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ; Онъ не посылаетъ искушеній выше силъ нашихъ; большею частію мы сами бываемъ виноваты въ постигающихъ насъ скорбяхъ; а если и не видимъ за собою вины, то вмѣняемъ себѣ эту скорбь за грѣхи наши вообще; наконецъ, бываютъ скорби, да прославится Господь нашъ избавленіемъ отъ нихъ, какъ то знаемъ изъ Его же словъ въ отвѣтъ Апостоламъ на вопросъ о слѣпорожденномъ: кто согрѣшилъ, онъ или родители его? Во всякомъ случаѣ скорбь становится удобь носимою, какъ скоро совѣсть человѣка находитъ себѣ успокоеніе въ волѣ Божіей. Но скорбь добраго пастыря за ввѣренныхъ ему Богомъ овецъ словесныхъ едва ли утолится, пока онъ не станетъ съ ними предъ лицомъ Божіимъ и не скажетъ въ спокойной совѣсти: се азъ и дѣти, ихже ми далъ еси, Господи! Не видна эта скорбь, это томленіе совѣсти пастырской за каждую ввѣренную ему душу; не любятъ пастыри всѣмъ и всюду повѣдать о томъ; да не всѣ бы и повѣрили имъ: нынѣ каждый судитъ по себѣ и съ точки зрѣнія личныхъ заботъ и пользы, и далеко не всякій понялъ бы эту тихую, но въ высшей степени томительную заботу пастыря о словесныхъ овцахъ, а потому смиренные служители Церкви Божіей и предпочитаютъ безмолвно носить въ своемъ сердцѣ эти заботы, повѣдая ихъ только Богу да развѣ еще тѣмъ изъ своихъ собратій, которые способны понять ихъ.

Спасибо добрымъ пастырямъ: они довѣряютъ мнѣ свои скорби и я немало получаю отъ нихъ писемъ, на которыя, признаюсь, не всегда могу и отвѣчать: такъ многотрудно служеніе ихъ, такъ много потребно духовнаго опыта, чтобы сказать хоть немного словъ въ утѣшеніе скорбящимъ пастырямъ. Вотъ что напримѣръ пишетъ мнѣ одинъ изъ таковыхъ.

„За 25 лѣтъ моей службы много у меня возникало вопросовъ, коихъ

рѣшить самъ я не могъ; обращался съ ними къ собратьямъ священникамъ, къ ближайшему начальству (о. благочинному) и въ редакціи разныхъ духовныхъ журналовъ, но никто не отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно, большею частію ограничиваясь общими мѣстами. А между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ настолько для меня важны, что отъ того или другого рѣшенія ихъ зависитъ мое дальнѣйшее пребываніе въ духовномъ вѣдомствѣ и, скажу вамъ прямо, владыка, мое вѣчное спасеніе! Какъ человѣкъ, глубоковѣрующій, я искренно, отъ всей души вѣрую въ будущее страшное воздаяніе за гробомъ, вѣрую, что нелицепріятный Судія спроситъ у меня отчетъ не только за мои собственные грѣхи, но и за грѣхи моихъ пасомыхъ, и я поистинѣ буду безотвѣтенъ".

Далѣе почтенный батюшка „умоляетъ именемъ Божіимъ" отвѣтить на нѣкоторые вопросы, его смущающіе.

Признаюсь также откровенно: это такіе вопросы, на которые дать точно обоснованные отвѣты едва ли не только я, но и высшая церковная власть въ состояніи. Первый и едва ли не самый важный вопросъ объ исповѣди.

„Родившись въ глубокорелигіозной семьѣ, пишетъ батюшка, я первые уроки вѣры получилъ отъ матери и живо помню мои юношескія исповѣди. Съ какимъ страхомъ, съ какимъ трепетомъ шелъ я на исповѣдь! Единственною моею мыслью было: какъ бы не забыть какой грѣхъ, какъ бы на будущемъ Судѣ Христовомъ не сдѣлаться позорищемъ Ангеловъ и человѣковъ? Я уже тогда понималъ всю величайшую важность этой величайшей милости Божіей къ падшему человѣчеству—св. таинства покаянія. И вотъ, съ такими мыслями, съ такимъ настроеніемъ я, неисповѣдимыми путями Божіими оставляю бранный мечъ и иду священствовать. Я шелъ въ священники по призванію. Правда, я отчасти зналъ народъ, но зналъ его только по книгамъ, а когда вошелъ въ среду его, я только тогда узналъ, что народъ совсѣмъ не то, какъ я представлялъ его себѣ, и получилось разочарованіе... Что же я нашелъ, что встрѣтилъ? А вотъ что. Въ теченіе 25 лѣтъ священствованія, перемѣнивъ за это время пять приходовъ, я отъ исповѣдниковъ получалъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: „одинъ Богъ безъ грѣха, а я что ни ступлю, то и согрѣшу". И больше ничего. Помню одного старика, лѣтъ 75-ти, я его исповѣдывалъ разъ 10—15, и онъ всегда, съ замѣчательнымъ постоянствомъ говорилъ мнѣ одну и ту же фразу: „грѣшенъ, но не извѣстно чѣмъ". Ту же фразу онъ повторилъ мнѣ въ послѣдній разъ уже на смертномъ одрѣ. Былъ и такой случай: одна женщина на исповѣди категорически заявила мнѣ, что она рѣшительно ни въ чемъ не грѣшна. И что я ни дѣлалъ, какъ ни увѣщавалъ ее, какъ ни усовѣщевалъ—она стояла на своемъ: не грѣшна да и только. Что было дѣлать? А сдѣлать что-нибудь нужно было безотлагательно, теперь же, и я сдѣлалъ, потому что видѣлъ въ этомъ мой долгъ. „Скажи мнѣ пожалуйста, обратился я къ ней: есть у насъ въ селѣ живописецъ?"—„Да, есть", отвѣчала она. „Ну такъ вотъ что, голубка: поди же ты къ нему и скажи ему, чтобы онъ написалъ съ тебя портретъ, а когда напишетъ, то принеси его ко мнѣ, я его повѣшу въ церкви и мы будемъ на него молиться".—„Какъ это можно? воскликнула она: развѣ я святая?" Вопросъ такимъ образомъ былъ рѣ-

шенъ самъ собою и я, признаюсь, былъ очень доволенъ. И такъ, вотъ что я нашелъ въ началѣ моего священствованія, вотъ что нахожу и теперь и находилъ цѣлые 25 лѣтъ... На это вы, можетъ быть мнѣ скажете: чтобъ измѣнить это, нужно, по слову Апостола, проповѣдывать слово, настоять, во время и не во время, обличать, запрещать, со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ (2 Тим. 4, 2). Это—безусловно мой долгъ, моя обязанность и я этотъ долгъ мой исполнялъ и исполняю самымъ ревностнымъ образомъ. Бывали случаи, когда на первой седмицѣ великаго поста я говорилъ по 17 проповѣдей объ исповѣди и покаяніи. Ну и что же? Изъ стоявшихъ искренно исповѣдывались много-много два-три человѣка, а остальные шли по старой истоптанной дорожкѣ. Можетъ быть мои проповѣди были мало вразумительны, а потому и непонятны? Нѣтъ, и этого не могу сказать. Изъ разговоровъ съ прихожанами я убѣдился, что они меня отлично понимаютъ, а все-таки, несмотря на это, исповѣдуются по прежнему. Что же это значитъ? Въ чемъ тутъ дѣло? Настоящей причины и я не знаю, но думается мнѣ, что одна изъ причинъ—это: „стыдно говорить грѣхи знакомому священнику: онъ можетъ перемѣнить объ исповѣдникѣ свое мнѣніе“. Этимъ многіе оправдываютъ свое нежеланіе исповѣдываться, какъ слѣдуетъ. Можетъ быть это и такъ, но судя по самому себѣ я этому не вѣрю: для меня совершенно все равно, у какого священника я буду исповѣдываться, у знакомаго или нѣтъ, и если дѣйствительно найдется такой священникъ, что послѣ моей исповѣди измѣнитъ обо мнѣ свое мнѣніе то это не будетъ имѣть для меня никакого значенія. Зная, что иногда прихожане не желаютъ обременять священника подробною исповѣдью, я заявилъ съ церковнаго амвона, что если бы мнѣ пришлось исповѣдывать цѣлый день и цѣлую ночь, то я готовъ трудиться до упаду, лишь бы только прихожане исповѣдывались какъ слѣдуетъ, но и это не помогло. Наконецъ, вотъ отзывъ одной интеллигентной особы, которая выслушавъ почти всѣ мои проповѣди на первой седмицѣ великаго поста, сказала: „исповѣдываться такъ, какъ требуетъ о. Николай, невозможно“.

„Вы видите, говоритъ въ заключеніе своихъ недоумѣній, тяготящихъ его совѣсть, этотъ о. Николай, что рѣшить этотъ великій вопросъ своими силами я не могу, а между тѣмъ это величайшій и важнѣйшій вопросъ нашей священнической совѣсти, настолько важный, что нѣкоторые изъ священниковъ, не зная, какъ рѣшить этотъ вопросъ, снимали санъ. Я самъ знаю одного достойнѣйшаго священнослужителя получившаго высшее богословское образованіе, который снялъ санъ только благодаря исповѣди.—Молю васъ: вразумите и наставьте“!

Вотъ оно—то пастырское „воздыханіе“, о которомъ говоритъ св. Апостолъ, увѣщавая повиноваться и покоряться пастырямъ, которые должны будутъ „воздать слово“ предъ Господомъ за своихъ пасомыхъ: *да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе* (Евр. 13, 17)! Знаютъ ли пасомые всю тяготу этого воздыханія? Знаютъ ли они, какъ болитъ сердце добраго пастыря, когда ему приходится принимать вотъ такую „глухую“ исповѣдь? Но это—только одинъ видъ пастырской скорби при исповѣди: а каково совѣсти пастыря слышать исповѣдь тягчайшихъ грѣховъ и не слышать отъ исповѣдуемаго ни малѣйшаго желанія

бросить любимый имъ грѣхъ?! Каково ему, когда грѣшникъ прямо заявляетъ, что онъ не можетъ бросить грѣхъ, что ему нельзя этого сдѣлать, что онъ, наконецъ, и не хочетъ разстаться съ грѣхомъ?... Бываютъ и такіе грѣшники!... Что тутъ дѣлать?... Совѣсть іерейская говоритъ: Хрістосъ далъ тебѣ право разрѣшать, но при условіи искренности покаянія, рѣшимости бросить грѣхъ, а если у грѣшника нѣтъ такой рѣшимости, то нѣтъ у тебя и права разрѣшать, ибо условіе не выполнено, грѣшникъ закрылъ свое сердце и не допускаетъ благодати очистить его. Но тутъ же являются помыслы: ты видишь, человѣкъ все же пришелъ во врачебницу, не таитъ своей духовной болѣзни: какъ же можно допустить, чтобъ ушелъ отсюда неисцѣленнымъ? Надо всячески довести его до сознанія необходимости разстаться съ любимымъ грѣхомъ. И вотъ духовникъ употребляетъ всю силу своей любви къ несчастной душѣ,—я зналъ такихъ духовниковъ, которые плакали у аналоя, умоляя грѣшника дать обѣщаніе предъ Богомъ, чтобы при помощи Божіей впредь не грѣшить, и, когда наконецъ, кающійся робко давалъ такое обѣщаніе, доведенный до слезъ о своей грѣховной немощи, грѣховномъ рабствѣ,—разрѣшали его отъ узъ грѣховныхъ. Но это еще слава Богу: важно уже то, что грѣхъ-то называется грѣхомъ и грѣшникъ признаетъ себя грѣшникомъ. А бываютъ и такіе случаи: грѣшникъ прямо заявляетъ, что онъ и въ Бога не вѣруетъ, а пришелъ только потому, что отъ него требуютъ удостовѣренія въ исполненіи долга исповѣди и причащенія Св. Таинъ. Такъ бываетъ иногда съ нашими полуинтеллигентами предъ совершеніемъ надъ ними бракосочетанія. Тутъ уже духовникъ долженъ имѣть мужество вѣжливо сказать такому господину, что напрасно онъ считаетъ его, священника способнымъ къ участію въ лжи и обманѣ, какой ему нуженъ для достиженія извѣстной цѣли... Но и среди называющихъ себя безбожниками бываютъ люди искренніе, особенно среди молодежи. Помню разсказъ покойнаго о. протоіерея М. И. Хитрова объ одной дѣвушкѣ-институткѣ, которая на духу прямо сказала ему, что она не вѣруетъ ни во что. О. протоіерей не разрѣшилъ ее сразу, а предложилъ ей подойти къ нему на утро предъ обѣдней, а между тѣмъ въ своей скорби о ней обратился за совѣтомъ къ покойному же о. протоіерею Д. Ѳ. Касицыну, извѣстному тогда редактору „Душеполезнаго Чтенія“, съ которымъ былъ въ тѣсной духовной дружбѣ. Дѣло было уже поздниимъ вечеромъ, послѣ всенощной. О. Касицынъ поднялся съ постели и выслушалъ друга. „Долго ходилъ старецъ по кабинету,—такъ потомъ разсказывалъ о. Михаилъ Хитровъ, ходилъ и молча вздыхалъ, вѣроятно внутренно повѣдая Богу нашу общую пастырскую скорбь. Наконецъ остановился и сказалъ: „не можетъ быть, чтобъ столь юная душа вполнѣ сознательно стала безбожною... Нѣтъ, это вражеское навожденіе, это вскушеніе отъ лукаваго... Навѣянныя со стороны отрицательныя мысли, ее смущающія, она, неопытная въ духовной жизни, считаетъ своими якобы убѣжденіями, не умѣя ихъ отличить отъ своихъ и не въ силахъ будучи съ ними справиться... Причастите ее, о. Михаилъ, яко обуреваемую отъ духа хулы и отрицанія: силенъ Богъ вразумить ее“... И о. Михаилъ наутро вразумилъ ее, разрѣшилъ и причастилъ... Такъ должно быть духовно опытнымъ духовнику и крайне осторож-

нымъ въ отношеніи къ кающимся предъ нимъ грѣшникамъ. Въ приведенномъ случаѣ послѣдствія оправдали мудраго старца о. Димитрія Ѳеодоровича Касицына: дѣвушка стала религіозной и глубоко была благодарна о. Михаилу.

Но я уклонился отъ письма, коимъ началъ эту статью. Прежде всего надо сознаться, что наши проповѣди съ амвона большею частію идутъ какъ-то *мимо жизни*. Я не говорю уже объ интеллигенціи, которая не стыдится во время проповѣди вести пріятныя бесѣды или же спѣшитъ уйти изъ церкви, какъ только покажется на амвонѣ проповѣдникъ. Даже простой народъ, повидимому такъ усердно стремящійся къ амвону, чтобъ послушать батюшку, даже онъ, прослушавъ проповѣдь, выйдя изъ церкви обычно забываетъ ее и тутъ же обращается къ той грѣшной жизни, какую громилъ проповѣдникъ. Стоитъ припомнить судьбу тѣхъ проповѣдей, которыя произносились противъ пьянства въ храмовые или вообще великіе праздники: батюшка въ церкви предупреждалъ, что въ праздники такъ обычно искушеніе отъ этого порока, громилъ порокъ, просилъ, умолялъ духовныхъ чадъ своихъ беречься праздничнаго разгула—грозилъ гнѣвомъ Божіимъ, приводя примѣры его, но все напрасно: лишь выйдутъ прихожане за порогъ роднаго храма, какъ безъ всякаго сопротивленія предаются искушенію, а если бы кто, напримѣръ, женщины, напомнилъ имъ, что говорилъ батюшка, то на это получилъ бы отвѣтъ: „ну и пусть батюшка самъ исполняетъ то, что говоритъ, а намъ грѣшнымъ старики говорили: „кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ“... Увы, отношеніе къ публичной проповѣди въ большинствѣ случаевъ вездѣ одно и тоже: и въ селахъ, и въ городахъ если она касается укоренившихся пороковъ и не захватываетъ какихъ-либо исключительныхъ событій, да и то пока не простыло возбужденное проповѣдникомъ чувство, напримѣръ, при проповѣди, приглашающей къ пожертвованіямъ на святое дѣло. Простой народъ любитъ послушать хорошаго проповѣдника, который умѣетъ говорить его языкомъ, касаться того, чѣмъ болѣетъ его душа, но, какъ ни странно это, или не умѣетъ, или не смѣетъ, будто стыдится чего-то, чтобы приложить слово проповѣди тотчасъ же къ своей личной жизни. Не потому-ли это, что слово проповѣдника публично, а духовная жизнь каждаго вѣрующаго болѣе или менѣе сокровенна, какъ говорится — интимна, слѣдовательно, требуетъ и руководства для себя въ приложеніи христіанскаго ученія къ самой жизни болѣе интимнаго, чрезъ самое близкое духовное общеніе съ духовнымъ отцомъ? Вотъ исповѣдь и была бы первѣйшимъ средствомъ такого общенія, если бы не была поставлена въ полную невозможность быть таковою. Стоитъ только вспомнить, что духовнику приходится въ одинъ день принять исповѣдь не отъ одной сотни говѣющихъ, а въ суткахъ только 24 часа, и онъ—человѣкъ, немощною плотію обложенный. Надо и то имѣть въ виду, что душа каждаго отдѣльнаго лица для него большею частію—потемки: онъ не заглядывалъ въ нее въ продолженіи цѣлаго года, отъ поста до поста, отъ говѣнья до говѣнія. Что можетъ онъ сдѣлать въ теченіе пяти-семи минутъ, чтобы воздѣйствовать на такого кающагося грѣшника? А въ тоже время въ его пастырской совѣсти грозно звучитъ пророческое слово: *беззаконникъ въ беззаконіи*

своемъ умретъ, а крове его отъ руки твоея взыщу (Іез. 33, 8), а съ другой стороны и апостольское обѣтованіе: *обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 20). Таково положеніе духовника—священника, пастыря своего прихода. Положеніе поистинѣ трагическое, если только онъ сознаетъ свой долгъ, какъ подобаетъ пастырю, и послушенъ своей священнической совѣсти!

Остается въ распоряженіи одно средство: это духовное сближеніе съ каждымъ, по возможности, своимъ прихожаниномъ въ ихъ частной, личной жизни; и начинаться оно должно съ дѣтскаго возраста прихожанина и продолжаться чрезъ школу всю его жизнь до могилы... „Да это подвигъ, скажетъ мой читатель, подвигъ непосильный многимъ пастырямъ"!—Конечно, подвигъ, отвѣчаю я: и подвигъ великій, многотрудный, крестъ тяжелый, въ несеніи коего только одинъ всемірный Крестоносецъ Христосъ можетъ помочь Своему соработнику въ дѣлѣ спасенія душъ человѣческихъ, то-есть, священнику... И тѣмъ тяжелѣе этотъ подвигъ, что начинаться онъ долженъ съ личной своей жизни, можетъ быть съ перевоспитанія самого себя, съ того, чего не даетъ намъ, пастырямъ, да и едва-ли можетъ дать наша духовная школа...

Съ кѣмъ бы мнѣ ни приходилось говорить изъ благоговѣйныхъ іереевъ объ исповѣди, всѣ называютъ это служеніе великимъ подвигомъ. Люди все становятся слабѣе и слабѣе, грѣхи умножаются и все разнообразятся; голосъ совѣсти въ грѣшной душѣ все притупляется; таинство исповѣди постепенно обращается въ простую формальность: у православныхъ еще не вытравилось сознаніе, что надо поговѣть хоть разъ въ году (увы, у многихъ и этого уже нѣтъ!) вотъ и идутъ на исповѣдь и отбываютъ ее, какъ необходимое условіе для причащенія св. Христовыхъ Таинъ. Отсюда—чрезмѣрное иногда число исповѣдующихся и невозможность для духовника войти подробнѣе въ состояніе души кающагося, а въ самихъ кающихся стремленіе поскорѣе отбыть повинность—какъ нибудь исповѣдаться и получить право приступить къ св. Тайнамъ. Страшно подумать, во что тутъ обращается святѣйшее таинство исповѣди, которое должно бы служить во очищеніе души любогрѣховной!.. Міръ съ своими суетами ворвался въ жизнь христіанъ и безпощадно исказилъ то, что Церковь дала какъ вѣрнѣйшее средство къ духовному обновленію и преспѣянію христіанской жизни. Вотъ, если говорятъ теперь объ „обновленіи приходовъ", такъ и надо бы начать съ того, чтобы упорядочить дѣло говѣнія православныхъ, чтобы дать имъ возможность исполнять сей долгъ какъ слѣдуетъ, чтобы они прониклись сознаніемъ, что исповѣдь не есть только простая формальность, а великое таинство, что пользоваться симъ таинствомъ должно съ благоговѣніемъ къ нему, нелицемѣрно, дабы не послужило оно въ сугубое осужденіе грѣшнику, если сокроетъ онъ сознательно предъ духовнымъ отцомъ то, что тяготитъ его совѣсть, въ чемъ совѣсть его обличаетъ... Но какъ этого достигнуть? Думаю, что безъ укрѣпленія церковной дисциплины церковною властію это слишкомъ трудно, непосильно для приходскихъ священниковъ. А дисциплины этой у насъ почти нѣтъ. Каждый говѣетъ, гдѣ хочетъ; духовная власть пастыря священника приведена къ нулю;

онъ не можетъ, едва-ли рѣшится связать нераскаяннаго грѣшника, отлучить его на время отъ Божественнаго причащенія; а если и рѣшится на это, то на него послѣдуетъ жалоба архіерею и надо будетъ давать объясненія, дѣло перенесется съ почвы нравственныхъ отношеній на юридическую, формальную, и бѣдный духовникъ въ лицѣ своего духовнаго чада получитъ непримиримаго врага даже тогда, если архіерей станетъ на его сторону. Каково же положеніе духовника, когда онъ волею-неволею вынуждается безъ разбора произносить надъ каждымъ: „азъ недостойный іерей, властію Его (Христа), мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю“?.. Вотъ одна изъ причинъ, почему нѣкоторые наиболѣе благочестиво настроенные юноши,—слава Богу: еще есть такіе,—уклоняются отъ священнаго сана и предпочитаютъ итти въ другое званіе. Вотъ почему бываютъ и такія явленія, крайне печальныя, какъ тотъ случай, о коемъ говоритъ вышеприведенное письмо: священнослужитель, получившій высшее богословское образованіе, снялъ санъ только изъза исповѣди.

Всякая свобода должна имѣть свои границы. Та свобода, которою теперь пользуются православные въ дѣлѣ исповѣди, кажется, не имѣетъ никакихъ границъ. Если не разрѣшитъ одинъ духовникъ, идутъ къ другому, не разрѣшитъ другой — къ третьему.... Жалуются на духовника архіерею, забывая, что если бы пришлось вѣрующему православному христіанину понести и нѣкоторую строгость, кажущуюся несправедливостью, и тогда онъ долженъ бы понести ее ради мира совѣсти своей, которая не можетъ же быть мирною, если онъ будетъ бѣгать отъ одного духовника къ другому или къ архіерею съ жалобой на отца духовнаго, каковъ бы онъ ни былъ... Кающійся, ищущій успокоенія своей совѣсти и — въ тоже время немирствующій къ тому, кто отъ Бога имѣетъ полномочіе разрѣшить его грѣхъ или долженъ— да имѣетъ, прямой долгъ связать его—какое, скажу прямо, искаженіе христіанства, какое оскорбленіе Церкви, какое, по меньшей мѣрѣ, невѣжество въ томъ, что должно быть ему извѣстно, въ чемъ онъ долженъ быть воспитанъ съ отрочества! И это—теперь: что же было бы, если церковная власть допустила какіе-то „выборы“ священниковъ? Грустно читать, что даже между іереями находятся „обновители“ прихода въ родѣ о. Востокова, которые мечтаютъ о выборахъ священниковъ такъ же, какъ выбираютъ поваровъ—„по вкусу прихожанъ“.... Хорошъ будетъ духовникъ, которому всегда могутъ грозить: если будешь строгъ на исповѣди, то тебя и уволимъ—проще говоря—прогонимъ изъ прихода... Но это—къ слову и кстати. Я упомянулъ о церковной дисциплинѣ: это такой вопросъ по отношенію къ исповѣди, который рѣшить подъ силу только всецерковному собору, который, Богъ благословитъ, соберется же когда-нибудь. Съ надеждою мы читаемъ, что Предсоборное Совѣщаніе при Св. Синодѣ работаетъ и дѣло движется впередъ. А пока церковная власть введетъ въ жизнь ожидаемую дисциплину, добрые пастыри должны нести свой великій подвигъ, дѣйствуя тѣми нравственными мѣрами, какія отъ временъ Самого Христа Спасителя и Его Апостоловъ въ Церкви имѣются и примѣняются: настой, умоли, запрети со всякимъ долготерпѣніемъ и любовію къ пасомымъ. Раскрывая православное ученіе о таинствѣ исповѣди или, что тоже, покаянія, священни-

ки и въ школѣ, и по домамъ, и въ храмахъ Божіихъ должны всячески внѣдрять въ сознаніе вѣрующихъ, что и Богъ требуетъ, и сама душа грѣшная проситъ исповѣди, что священникъ есть только свидѣтель покаянія, нужный для самого кающагося, чтобы получить отъ Господа Сердцевѣдца отвѣтъ на свою исповѣдь: что онъ, священникъ, связанъ страшною клятвою священнаго сана хранить въ глубокой, ненарушимой тайнѣ то, что слышитъ на духу отъ кающихся; что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди, что онъ знаетъ и по себѣ немощь естества человѣческаго, а потому нечего и скрывать отъ него грѣховъ: что если кто утаитъ грѣхъ предъ нимъ, то, поелику онъ исповѣдуется Самому Господу, а священникъ только свидѣтель, то и согрѣшитъ сугубо прежде всего—предъ Господомъ же, а Господь все знаетъ, отъ Него не укроешься, Его не обманешь... Да и отъ совѣсти своей никуда не убѣжишь: она есть голосъ Божій въ душѣ человѣка, она—неподкупный судія. Страшное наказаніе Божіе постигаетъ тѣхъ, кто сознательно скрываетъ грѣхи на исповѣди: извѣстны случаи, когда такіе грѣшники подвергались, Божіимъ попущеніемъ, бѣснованію и насилію отъ діавола.

Конечно, все это можно внушать только не потерявшимъ вѣру въ Бога: невѣрующій не станетъ слушать такихъ вразумленій и убѣждать его такими рѣчами значитъ, по слову Христову, т.-е., что бросать бисеръ предъ нечистыми животными. Если бы такой и явился къ духовнику, то нужно вопросить его: зачѣмъ же онъ и шелъ, когда не вѣруетъ въ Бога? Бываютъ случаи, когда люди, считающіе себя невѣрами, все же въ глубинѣ своей несчастной души, обуреваемой сомнѣніями, приходятъ на исповѣдь—не потому, что этого требуетъ отъ нихъ законъ (напримѣръ предъ бракомъ), но потому, что душа все же ищетъ чего-то, человѣкъ насилуется отъ помысловъ невѣрія, самъ не радъ этому: такого еще не слѣдуетъ считать невѣромъ, хотя бы онъ и называлъ себя такъ. Надо согрѣть его любовью христіанской, надо помочь ему выйти изъ состоянія колеблющагося, подать ему руку помощи, а не отвергать его. Къ сожалѣнію, духовная семинарія мало даетъ свѣдѣній о томъ, что нужнѣе всего будущему духовнику, да и даются такія свѣдѣнія не столько книжнымъ ученіемъ, сколько опытомъ духовнымъ. Таково ученіе о различеніи помысловъ. Человѣкъ страдаетъ иногда хульными помыслами до того, что считаетъ себя погибшимъ, доходитъ до отчаянія, тогда какъ помыслы эти—не его, а внушаются ему, Божіимъ попущеніемъ, отъ врага рода человѣческаго, и стоитъ только съ презрѣніемъ отнестись къ нимъ, плюнуть на нихъ, пожаловаться Господу Богу на врага, ихъ всѣвающаго, и они исчезаютъ. Таковъ бываетъ помыслъ и невѣрія. Мы отвѣчаемъ за свои помыслы только тогда, когда принимаемъ ихъ въ свое сердце, соглашаемся съ ними, собесѣдуемъ, услаждаемся... А пока они ненавистны для насъ, противны, дотолѣ они и не вмѣняются намъ. Напротивъ, если мы боремся съ ними, отвергаемъ ихъ, не пускаемъ въ свое сердце, то Господь видитъ нашъ подвигъ и готовъ помочь намъ; а за эту борьбу съ врагомъ даже и наградитъ насъ вѣнцомъ мученичества. Вотъ духовникъ и долженъ разсмотрѣть въ душѣ невѣра: не клевещетъ ли врагъ въ его собственномъ помыслѣ на него самого, будто онъ невѣръ, дабы склонить его къ отчаянію? И только тогда

уже спокойно отослать отъ себя такого исповѣдника, когда рѣшительно увидитъ, что онъ пришелъ только по худымъ побужденіямъ къ нему, или—чтобъ удовлетворить своему грѣшному любопытству, или—чтобы, можетъ быть, потомъ посмѣяться надъ духовникомъ и подобное... Но и тогда должно напомнить ему, что нехорошо не уважать чужихъ убѣжденій, нехорошо считать другого обманщикомъ, не честное это дѣло...

А какъ быть, что дѣлать вотъ съ такими грѣшниками, которые на духу заявляютъ, что они считаютъ себя грѣшниками, но „неизвѣстно чѣмъ?“ Думаю, что тутъ какое-то недоразумѣніе. Разъ есть сознаніе своей грѣховности, то не можетъ же быть чтобъ человѣкъ не зналъ за собою ни одного грѣха. Спросите его: не дѣлалъ ли онъ или другого грѣха, вѣроятно, что сознается, что дѣлалъ, если не дѣломъ, то словомъ или мыслію, пожеланіемъ... Вѣдь не можетъ же быть, чтобы вѣрующій человѣкъ такъ и не зналъ, что напримѣръ гнѣвъ на ближняго, оскорбленіе его, лѣность къ молитвѣ и подобное—суть грѣхи. „Неизвѣстно чѣмъ“, можетъ быть въ устахъ кающагося и значитъ вотъ: и не перечтешь моихъ грѣховъ, каждый въ отдѣльности, такъ ихъ много... Значитъ, надо ему напомнить хоть главные-то, обычные грѣхи, чтобъ онъ могъ припомнить ихъ и раскаяться. Главное—надо въ совѣсти грѣшника пробить, такъ сказать, брешь: нѣтъ сомнѣнія, что душа его проситъ сама исповѣди, да онъ не знаетъ, какъ приступить къ сему, не можетъ одолѣть самого себя, заставить себя сказать грѣхъ, а иногда просто не знаетъ, съ чего начать. Ядъ грѣховный терзаетъ его совѣсть, нужно выбросить эту змѣю изъ своего сердца, убить ее, а это только и можно раскаяніемъ чистосердечнымъ въ простотѣ сердца. Во всемъ такомъ духовникъ долженъ помочь ему не только добрымъ совѣтомъ, но и молитвою за него и съ нимъ вмѣстѣ. Я зналъ одного духовника, который становился на колѣна предъ крестомъ и Евангеліемъ вмѣстѣ съ кающимся, умолялъ Господа отверзти сердце кающагося, плакалъ съ нимъ и Господь творилъ чудо: грѣшникъ приходилъ въ умиленіе и начиналъ плакать и открывалъ свои грѣхи. И то духовное облегченіе, какое испытывалъ послѣ того кающійся, та радость души, какую онъ переживалъ, была наградою и самому кающемуся, и его духовному отцу.

Самое существенное въ исповѣди есть смиреніе кающейся души. Безъ смиренія самая подробная исповѣдь превращается въ самохвальство, въ подобіе той лицемѣрной исповѣди, какую написалъ богоотступникъ Толстой. Вѣдь и назначеніе самой исповѣди-то главное въ томъ, чтобъ человѣкъ смирился всесовершенно предъ Богомъ, палъ во прахъ въ сознаніи своей грѣховности, чтобы не постыдился это сдѣлать при такомъ же, какъ онъ, человѣкѣ, чтобъ въ утѣшеніе и успокоеніе своей совѣсти имѣлъ свидѣтеля-человѣка и въ то же время уполномоченнаго отъ Бога разрѣшителя его грѣховъ. Въ извѣстныхъ „Разсказахъ странника о благодатномъ дѣйствіи молитвы Іисусовой“ есть прекрасное наставленіе подъ заглавіемъ: „Исповѣдь внутренняго человѣка, ведущая къ смиренію“... „Внимательно обращая свой взоръ на самого себя, говоритъ авторъ, и наблюдая ходъ внутренняго моего состоянія, я опытно увѣрился, что я не люблю Бога, не имѣю любви къ ближнимъ, не вѣрю ничему религіозному и преисполненъ гордостію и сластолюбіемъ. Все это я дѣйствительно на-

хожу въ себѣ посредствомъ подробнаго разсматриванія моихъ чувствъ и поступковъ". И затѣмъ авторъ пересматриваетъ свои внутреннія настроенія, изъ чего и приходитъ къ вышеизложеннымъ заключеніямъ, „Я вижу себя, говоритъ онъ, гордымъ, любодѣйнымъ, невѣрующимъ, нелюбящимъ Бога и ненавидящимъ ближняго: какое состояніе можетъ быть грѣховнѣе? Можетъ ли быть участь бѣдственнѣе той, которая предстоитъ мнѣ, и за что строже и наказательнѣе будетъ опредѣленіе суда, какъ не за таковую невнимательную и безразсудную жизнь, которую сознаю въ себѣ?" Думаю, эта „исповѣдь", наравнѣ съ „Генеральнымъ исповѣданіемъ грѣховъ" святителя Димитрія Ростовскаго и такими сочиненіями святителя Ѳеофана Затворника, какъ его „Начертаніе ученія о христіанской жизни" и подобными могутъ быть хорошими пособіями для духовника къ тому, чтобы вести святое дѣло исповѣди съ пользою для кающихся. Хорошо интеллигентнымъ исповѣдникамъ давать листокъ изъ сочиненій того же святителя Ѳеофана, изданный Аѳонскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ подъ заглавіемъ: „Что внутрь насъ дѣется" [1]). Необходимо всѣхъ православныхъ вводить въ пониманіе духовной жизни по православному: безъ этого весьма трудно имъ исполнять долгъ исповѣди, а духовнику исповѣдать ихъ. Это необходимо и въ виду распространяющихся раціоналистическихъ заблужденій, которые съ одной стороны не даютъ должнаго значенія добрымъ дѣламъ, а съ другой хвалятся своею праведностью; съ одной стороны проповѣдуютъ, что спасаются люди вѣрою безъ дѣлъ, съ другой выставляютъ на показъ свои мнимыя добродѣтели. А понятія объ основѣ всѣхъ добродѣтелей—святомъ смиреніи совсѣмъ не имѣютъ. Мы живемъ въ такое время, о которомъ святые отцы даже въ отношеніи подвижниковъ пророчествовали, что тогда не будетъ чудотворцевъ, а спасаться люди будутъ только смиреніемъ. Эта святая матерь добродѣтелей и стихія православно-христіанской жизни и должна быть паче всего и прежде всего внѣдряема въ сознаніе и въ жизнь православныхъ, какъ отличительнѣйшая черта самаго православія. Во смиреніи нашемъ помянулъ насъ Господь. Смирихся и спасе мя Господь. Это сказано еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. Духъ Божій вѣетъ въ Церкви новозавѣтной тотъ же, какъ и въ ветхозавѣтной. *Научитеся отъ Мене* глаголетъ Самъ Христосъ Спаситель; *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*.

Можно указать еще на нѣкоторыя сочиненія, спеціально посвященныя вопросу объ исповѣди, какъ напримѣръ, покойнаго преосвященнаго Платона Костромского въ двухъ частяхъ, покойнаго протоіерея Г. Дьяченко и др.; но чтобы я ни сказалъ еще, сознаюсь, это будутъ тѣ „общія мѣста", на которыя жалуется священникъ, письмомъ котораго я началъ эту статью. И въ заключеніе скажу тоже „общее мѣсто": если Господь сказалъ о всякомъ добромъ дѣлѣ: *безъ Мене не можете творити ничесоже*, то тѣмъ паче только при Его благодатной помощи можетъ и его соработникъ-пастырь совершать великое дѣло примиренія грѣшныхъ душъ съ Нимъ великимъ Архіереемъ и Архипастыремъ. Къ Нему и долженъ всякій іерей присно возводить и умъ и сердце, у Него просить помощи, вразумленія, какъ для себя самого,

[1]) Есть и „Троицкій Листокъ" подъ тѣмъ же заглавіемъ.

такъ и для тѣхъ, кто приходитъ къ нему на исповѣдь... Вѣдь Онъ есть Совершитель нашего спасенія, а мы, Его служители, только въ Немъ, съ Нимъ и Его благодатною силою творимъ дѣло Его. Ему и буди отъ насъ слава во вѣки. Аминь.

347.

Благопотребный юбилей.

Въ суетѣ житейскихъ попеченій мы не замѣчаемъ дивныхъ путей Промысла Божія, присно пекущагося о насъ и поучающаго насъ не только событіями современной жизни, но и воспоминаніями дней давно минувшихъ. Есть добрый обычай отъ времени до времени вспоминать наиболѣе достойное вниманія наше прошлое, справлять такъ-называемые юбилеи историческихъ событій и кончины тѣхъ лицъ, которые прославили наше отечество своими дѣяніями или писаніями. И вотъ, будто нарочито, а для вѣрующаго и несомнѣнно нарочито—Божіимъ промышленіемъ переживаемыя нами событія то и дѣло совпадаютъ съ самыми поучительными годовщинами: предъ нами прошли знаменательные юбилеи 1612—13, 1812 годовъ, столь достопамятныхъ и поучительныхъ для насъ и для всѣхъ грядущихъ поколѣній. Мы будто своими очами повидали великихъ дѣятелей тѣхъ эпохъ: вотъ великій патріотъ, святитель Ермогенъ, и его достоблаженные сотрудники въ подвигѣ спасенія отечества: смиренный архимандритъ Діонисій, простецъ патріотъ Косма Мининъ и князь-вождь побѣдоносныхъ ополченій Пожарскій, а затѣмъ предки Царствующаго Дома: многострадальный Филаретъ Никитичъ Романовъ и его юный сынъ Михаилъ, первый Царь изъ Дома Романовыхъ... Далѣе предъ нами прошли славные герои 1812 года во главѣ съ Благословеннымъ Александромъ. И каждый изъ сихъ достопамятныхъ сыновъ отечества давалъ намъ свой урокъ, свой примѣръ, какъ служить родной Руси Православной, что такъ особенно благовременно въ наши смутные дни. Слава Богу, тако благоизволившему—не раньше и не позднѣе сихъ благотворныхъ для насъ воспоминаній послать намъ тѣ тяжкія испытанія, какія мы пережили и переживаемъ доселѣ.

Приближается еще юбилей, который должна особенно почтить наша православная Церковь, особенно запечатлѣть его въ памяти православнаго народа, ибо надо предвидѣть, что наша печать, въ громадномъ своемъ большинствѣ захваченная въ плѣненіе іудейское, постарается замолчать его, или, по крайней мѣрѣ, свести къ самымъ неважнымъ событіямъ. Вѣдь имя того, кого Церковь будетъ молитвенно вспоминать, непріятно звучитъ въ ушахъ нашихъ ревнителей всякаго рода „обновленій“, начиная съ церковнаго и кончая государственнымъ: они боятся этого имени, какъ темныя силы крестнаго знаменія. Это достославное въ нашей церковной и государственной исторіи имя—Филаретъ, митрополитъ Московскій. Въ будущемъ 1917 году исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня его кончины—19 ноября 1867 года. И мы должны достойно отпраздновать этотъ юбилей. Въ совпаденіи его съ нашею современностью Богъ, какъ

бы снова посылаетъ къ намъ великаго учителя, 50 лѣтъ тому назадъ къ Богу отшедшаго, но столь благопотребнаго особенно въ наши дни всяческихъ шатаній во всѣхъ областяхъ нашей жизни: и церковной, и государственной, и общественной, и научно-богословской... Говорилъ нѣкогда этотъ великій святитель о своемъ времени: „время теперь повторять себѣ и подтверждать самыя извѣстныя истины, потому что духъ времени не оставилъ ни одной истины, которую бы не покушался колебать или словомъ, или на дѣлѣ. Когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Береги Россія, и возжигай сильнѣе твой домашній свѣтъ, потому что за предѣлами твоими, по слову пророческому, *тьма покрываетъ землю и мракъ на языки* (Ис. 60, 2). *Шаташася языцы и людіе поучишася тщетнымъ* (Пс. 2, 1) (Слова и Рѣчи, т. 4, стр. 553). Еще съ большею силою слѣдуетъ повторить этотъ призывъ святителя—„беречь свой домашній свѣтъ“ въ наши дни. Уже не „за предѣлами нашими тьма покрываетъ землю“, но въ самыхъ нѣдрахъ Руси Православной распространяется мракъ всяческихъ заблужденій, какъ въ области религіозно-нравственной, такъ и въ области политическихъ ученій. И гдѣ же искать тотъ „домашній свѣтъ“, о которомъ онъ говоритъ, какъ не въ ученіи святой матери нашей Церкви, которое онъ раскрывалъ со всею полнотою и непререкаемою ясностію и примѣнялъ къ жизни такъ, какъ не примѣнить теперь никому? Всѣ сокровища православнаго ученія вѣры, раскрытіе силы таинствъ церковныхъ, руководящіе пути къ жизни духовной,—все, накопленное вѣками вдохновенною мудростію пастырей и учителей Церкви, весь этотъ многовѣковой опытъ отразился въ безсмертныхъ твореніяхъ Митрополита Филарета. Подобно древнимъ святителямъ, въ первые вѣка установившимъ чистоту православнаго ученія, на вселенскихъ соборахъ, и нашъ великій святитель Филаретъ по богословскимъ трудамъ своимъ можетъ быть названъ отцомъ и учителемъ Церкви. По составленному имъ Катихизису учится не только вся подростающая Россія, но и для единовѣрныхъ намъ народовъ онъ служитъ образцомъ ученія вѣры. А его государственное ученіе изложено въ его словахъ и рѣчахъ столь полно, что, будучи собрано почтеннымъ В. В. Назаревскимъ въ одну книжку, въ систематическомъ изложеніи, представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ патріотическую литературу. Кстати сказать: книжка эта тщательно замалчивается нашею повременною печатью, какъ и все, что идетъ отъ Церкви, и, сколько помню, только разъ какъ-то въ „Новомъ Времени“ нѣкто Философовъ проговорился, что съ этимъ ученіемъ нельзя не считаться: такъ оно прочно логически обосновано. Но и при этомъ публицистъ не назвалъ имени Митрополита Филарета, а указалъ только на общія основы ученія правыхъ, сославшись въ примѣръ на мои статьи объ „отчествѣ царской власти“.

19 ноября 1867 года. Живо помню этотъ печальный день. Я тогда учился въ высшемъ отдѣленіи (по нынѣшнему въ 4-мъ классѣ) Перервинскаго духовнаго училища. Вѣсть пришла во время занятій. Насъ позвали на панихиду. Вѣсть такъ поразила меня, что я горько расплакался. Я все мечталъ получить благословеніе отъ великаго святителя и хотя бы разъ въ жизни взглянуть на него. Его образъ, знакомый по портретамъ, рисовался мнѣ какъ образъ великаго мудреца-

подвижника, и вотъ, я лишенъ этого счастія, я никогда не увижу его свѣтлаго облика, который уже могъ тогда рисовать съ портретовъ. Онъ, Филаретъ покинулъ насъ, онъ ушелъ къ Богу... Дѣтскимъ сердцемъ это чувствовали даже мы, дѣти, и усердно молились объ упокоеніи души великаго святителя-мудреца.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ. Обычная судьба смертныхъ: чѣмъ больше проходитъ времени со дня ихъ кончины, тѣмъ больше блѣднѣютъ ихъ образы въ памяти потомства, пока наконецъ едва остаются имена ихъ въ лѣтописяхъ историческихъ, если только они еще заслужили сей чести. Но не такова судьба тѣхъ, кто всю свою жизнь отдалъ служенію Богу и Его Церкви. Напротивъ: чѣмъ дальше мы отходимъ отъ времени ихъ земнаго подвига, тѣмъ величавѣе становятся ихъ образы, тѣмъ выше растутъ ихъ дѣянія въ сознаніи не только вѣрующихъ чадъ Церкви, но и всѣхъ честно мыслящихъ людей. Таковъ былъ святитель Филаретъ. И если судилъ Господь нашей Руси остаться православною, то уже теперь можно сказать, что будетъ время, когда люди науки станутъ изучать писанія Филарета съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ теперь изучаютъ первоисточники вѣроученія, какъ изучаютъ классиковъ-писателей древнихъ и новыхъ временъ. Филаретъ оригиналенъ въ каждой строкѣ своихъ писаній: будетъ ли то актъ государственной важности (извѣстно, что ему приходилось писать и таковые акты по порученію Государей) или же простое письмо къ какому-нибудь архимандриту, игумени или генералу. Слово праздное никогда не сходило съ его пера, хотя часто его слово блестѣло замѣчательнымъ остроуміемъ. Говорятъ, что онъ особенно любилъ изучать творенія великаго отца Церкви Григорія Богослова, котораго напоминалъ и складомъ ума, и глубиною мысли, и даже наружностью. Съ благоговѣніемъ вспоминаютъ о немъ тѣ, которые помнятъ его, съ чувствомъ любви къ нему говорятъ: „мы счастливы, что видѣли, принимали благословеніе у Филарета“. Увы, такихъ осталось уже немного. И вотъ случай для нихъ: теперь, по поводу юбилея, собрать всѣ крупицы воспоминаній о немъ и подѣлиться съ нами, сохранить для исторіи, для потомства. Доселѣ еще не нашлось для него писателя, который далъ бы намъ достойную его біографію. Былъ одинъ благоговѣйный чтитель святителя, который тщательно собиралъ каждую его строчечку, написалъ нѣсколько монографій о его научной, богословской и даже поэтической дѣятельности: это — покойный профессоръ Московской духовной академіи И. Н. Корсунскій. Онъ мечталъ написать со временемъ и полную біографію, но смерть погасила его мечты. А другіе какъ будто не дерзаютъ взять на себя такой трудъ, считая его для себя непосильнымъ. Ужъ слишкомъ многообразна, слишкомъ своеобразна была его дѣятельность, чтобы обозрѣть ее со всѣхъ сторонъ, отмѣтить всѣ особенности ея, сочетать въ единомъ живомъ образѣ всѣ свѣтлыя черты образа великаго святителя богослова, патріота, государственнаго мужа. Вѣдь если только собрать все, что начертала рука его, то придешь въ невольное изумленіе: неопустительныя богослуженія, когда этого требовалъ долгъ, официальныя дѣла, пріемъ посѣтителей и просителей, разсмотрѣніе синодальныхъ дѣлъ, которыя присылались ему грудами, мнѣнія и отзывы по нимъ, составленіе раз-

ныхъ дѣловыхъ записокъ, безконечныя резолюціи по дѣламъ епархіальнымъ, и письма, письма безъ счета къ разнымъ лицамъ всѣхъ положеній, отъ Высочайшихъ Особъ до разныхъ игуменій, архимандритовъ и простыхъ мірянъ. И во всемъ виденъ его свѣтлый, геніальный умъ, умъ государственнаго мужа, умъ тонкаго богослова, философа, филолога, церковнаго дѣятеля, мыслителя, если угодно—даже политика... И когда онъ все это успѣвалъ дѣлать? Вѣдь надо помнить, что онъ всегда почти болѣлъ, что видно изъ его писемъ. Чтобы написать достойную біографію Митрополита Филарета, нужно отдать полжизни, по примѣру извѣстнаго автора сочиненія объ историкѣ М. П. Погодинѣ—Н. П. Барсукова, оставившаго 24 тома этой біографіи. Филаретъ—это вѣдь цѣлая эпоха въ исторіи Русской Церкви въ связи съ исторіей самой Россіи.

И такъ: чѣмъ и какъ будетъ ознаменованъ юбилей великаго святителя? Что готовятъ наши духовныя академіи къ этому знаменательному дню? Филаретъ — краса Русской Церкви: какой же вѣнокъ сплететъ ему духовная наука? Подаритъ ли намъ достойную его біографію? Будетъ ли издано для народа его „житіе“? Используемъ ли мы для нашей современности тѣ безцѣнные уроки, какія имѣемъ въ его писаніяхъ? Пришло ли на умъ кому изъ тѣхъ, кто такъ заботится объ „обновленіи“ Церкви, объ „оживленіи“ прихода, изслѣдовать хотя бы по его резолюціямъ: какъ бы онъ посмотрѣлъ на тѣ реформы, о коихъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ, о коихъ совѣщаются въ разныхъ комиссіяхъ, отъ коихъ ожидаютъ чего-то чудеснаго? Вѣдь принципы-то православной церковной жизни одни и тѣ же: какіе были при немъ, такими остаются и доселѣ; вѣдь церковные то каноны, на коихъ зиждется внѣшняя жизнь Церкви, безъ коихъ она и жить не можетъ, въ своей сущности остаются неизмѣнными, а святитель зналъ ихъ духъ, какъ никто изъ его современниковъ, всегда дѣйствовалъ по ихъ духу и крѣпко стоялъ за этотъ духъ.

Святитель какъ бы предвидѣлъ наше время съ его смутами. И многое написалъ какъ будто именно для нашего времени. Невольно вспоминается его же разсказъ своему духовному другу—намѣстнику Сергіевой лавры о томъ, какъ видѣлъ онъ во снѣ грозную тучу, идущую съ запада на Русскую землю... „И не видѣлъ я, сказалъ онъ, чѣмъ она разрѣшилась“. Не было ли то пророческое видѣніе святителя-подвижника о нашихъ временахъ?

Мнѣ скажутъ: есть немало монографій, излагающихъ даже въ системѣ ученіе Митрополита Филарета и догматическое, и нравственное, и литургическое; есть въ нѣкоторыхъ библіотекахъ даже отдѣлы „Филаретика“, гдѣ собрано по возможности все, что касается Филарета. Но все это носитъ какой-то случайный характеръ; есть предметный указатель къ его „Мнѣніямъ и отзывамъ“, къ нѣкоторымъ письмамъ, но нѣтъ полнаго предметнаго указателя къ его словамъ и рѣчамъ, указателя, который вводилъ бы въ глубины его мысли; указатель къ его резолюціямъ еще скуднѣе, да и изданіе ихъ почему-то остановилось на сороковыхъ годахъ. А вѣдь въ нихъ цѣлая сокровищница его каноническихъ, литургическихъ и церковно-практическихъ взглядовъ, богатый источникъ и пособіе для всѣхъ, кто занимается сими вопросами. Не напрасно

же его ученикъ и позднѣйшій преемникъ, Митрополитъ Сергій, всегда имѣлъ его резолюціи на своемъ письменномъ столѣ и справлялся съ ними въ потребныхъ случаяхъ*).

Не худо бы почитателямъ памяти великаго святителя образовать изъ своей среды комитетъ по празднованію Филаретовскаго юбилея; не худо бы нашимъ духовнымъ академіямъ войти въ сношеніе между собою по вопросу о томъ, чѣмъ ознаменовать этотъ юбилей въ литературномъ отношеніи, чтобы не повторяться въ темахъ и раздѣлить общій трудъ. Нельзя пройти мимо такого юбилея безмолвнымъ свидѣтелемъ. Лѣтъ сорокъ назадъ англійскій ученый Пальмеръ издалъ шесть или семь томовъ о нашемъ Патріархѣ Никонѣ на англійскомъ языкѣ: такъ иностранцы цѣнятъ великихъ людей даже чужихъ. Что если найдется такой же Пальмеръ и теперь, который напишетъ нѣсколько томовъ о нашемъ святителѣ Филаретѣ, а мы ничего, или почти ничего не сдѣлаемъ...

*) Съ удовольствіемъ отмѣчаю, что, какъ слышно, редакція „Богословскаго Вѣстника“ предполагаетъ продолжить изданіе резолюцій М. Филарета, начатое но недоконченное редакціями „Душ. Чтенія“ и „Моск. Церковныхъ Вѣдомостей“.

348.

Скоропослушный ревнитель православія.

Какъ счастливы мы грѣшные, что можемъ имѣть постоянное общеніе съ небожителями, повѣдать имъ свои скорби и нужды, получать отъ нихъ помощь и утѣшеніе въ нашихъ скорбяхъ, исцѣленіе въ нашихъ недугахъ, благодатное указаніе пути въ царство небесное! Мои читатели помнятъ недавно сообщенный мною трогательный разсказъ Ярославскаго купца В. Я. Кузнецова о томъ, какъ святитель Христовъ Николай выручилъ его изъ бѣды въ его отрочествѣ,ославъ ему теплую шапку; въ моей книжкѣ „Чѣмъ жива наша православная русская душа“ есть разсказы о томъ, какъ тотъ же великій чудотворецъ поставилъ лучшій балъ на экзаменѣ студенту, впослѣдствіи знаменитому адвокату Ѳ. Н. Плевако, по молитвѣ его матери; какъ спасъ отъ бѣды трехлѣтняго ребенка, посадивъ его въ постельку и под. Этотъ, особенно чтимый Русскимъ народомъ угодникъ Божій какъ бы живой, хотя и незримый тѣлесными очами, ходитъ среди чадъ Церкви, слушаетъ ихъ молитвы, благодѣетъ не только православнымъ, но и неправославнымъ, и даже язычникамъ... Была бы только вѣра въ силу его молитвъ, а онъ всегда уже готовъ на помощь. Потому и называется „Николою Скоропослушникомъ“ на одной его иконѣ.

Вотъ что сообщаетъ мнѣ одинъ почтенный старецъ протоіерей Рождественской церкви села Лакашъ, Рязанской епархіи, о. Николай Петровичъ Хрущовъ. Сообщеніе это записано было со словъ священника Даніила Д. Азбукина, жившаго въ селѣ Алешнѣ, Орловской епархіи, дочерью его Н. Д. Синадскою.

„Лѣтъ сорокъ тому назадъ изъ Финляндіи пріѣхали въ Болховскій уѣздъ, Орловской губерніи два брата Оттъ и Адольфъ Ивановичи Брумеры, лютеране по вѣроисповѣданію.

Они купили землю, Оттъ поселился въ Алешнѣ, а Адольфъ въ Вѣтловкѣ. Оттъ Ивановичъ хорошо, даже дружественно относился къ духовенству, тогда какъ Адольфъ терпѣть не могъ духовныхъ. Онъ никогда не принималъ ихъ у себя, издѣвался надъ ними, когда приходилось ему встрѣчать ихъ въ домѣ брата. Своихъ служащихъ штрафовалъ за то, что они бывали въ православной церкви и потому не выполняли работу, а если эта неисправность случалась изъ-за водки, то штрафа не полагалось.

У братьевъ Брумеръ въ Орловскомъ институтѣ воспитывалась внучка, дѣвочка лѣтъ 12-14, Софья, барышня болѣзненная и очень добрая и богомольная. По своему болѣзненному состоянію она по долго живала въ деревнѣ, то у того, то у другого дѣдушки.

Случилось, что Адольфъ Ивановичъ заболѣлъ: сталъ жаловаться на боль ногъ, на плохую работу желудка, головную боль и подобныя недомоганія. Врачи лечили, временно помогали, а потомъ опять тѣ же явленія продолжались. Проходятъ мѣсяцы, лѣто, осень, годы, Адольфъ Ивановичъ лежитъ уже прикованный къ кровати и нѣтъ ему облегченія. Мой отецъ, священникъ,—продолжаетъ разсказчица,—нѣсколько разъ чрезъ домашнихъ совѣтовалъ ему обратиться къ Божіей помощи, но доходило ли это до ушей грознаго Адольфа—не видно было. Только маленькая Соничка могла что-нибудь сказать дѣдушкѣ, не боясь быть изгнанной вонъ съ запретомъ показываться на глаза. Въ минуты мучительной безсонницы больной очень любилъ, чтобы ему читали. Соня часто сиживала у кровати и скрашивала незавидную долю дѣдушки. Не знаю, какъ случилось разъ, Соня изъ книги, подаренной ей институтскимъ начальствомъ, читала о чудесахъ и жизни святителя Николая Чудотворца. И вотъ, днемъ слышатъ домашніе, что въ кабинетѣ происходитъ разговоръ между больнымъ и еще кѣмъ-то. Никто изъ домашнихъ не придалъ этому значенія, такъ какъ было въ порядкѣ вещей, что у больнаго всегда кто-нибудь былъ. Только когда вошли въ кабинетъ, тамъ никого не было, но больной сказалъ, что „старичка“ нужно проводить, что онъ очень ему понравился, ласково бесѣдовалъ съ нимъ о болѣзни и обѣщался еще притти, причемъ все совѣтовалъ „утвердиться на семи столбахъ: тогда и ноги, говоритъ, будутъ ходить и голова перестанетъ болѣть“.

Когда до моего отца, продолжала разсказчица, дошелъ этотъ совѣтъ таинственнаго старца—„утвердиться на семи столбахъ“, то отецъ сказалъ, что Адольфу Ивановичу нужно принять семь таинствъ Православной Церкви. Сказали объ этомъ больному. Между тѣмъ онъ очень напряженно ждалъ, когда къ нему придетъ старичокъ. Однажды больной попросилъ посадить себя, а до сего времени лѣтъ семь или восемь лежалъ. Его посадили и онъ тутъ же забылся сномъ. Его воспитанница, Іулита Андреяновна, дѣвушка лѣтъ 24 хъ, сидѣла около него, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить больного. Вдругъ она видитъ, что больной радостно встрепенулся, и слышитъ, что онъ кому-то говоритъ: „здравствуйте, какъ я вамъ радъ! Мнѣ послѣ вашего посѣщенія стало лучше, вотъ я уже сижу... Вы говорите, что это поможетъ? Такъ я обязательно возьму семь столбовъ“. Потомъ больной просилъ невидимаго посѣтителя остаться у него еще, такъ какъ онъ чувствуетъ себя

очень хорошо, когда старичокъ бываетъ у него, но посѣтитель сказалъ, чтобы больной поспѣшилъ сдѣлать то, что обѣщалъ. Повидимому посѣтитель ушелъ; больной, обратившись къ Іулитѣ Андреяновнѣ, сталъ восторгаться видомъ посѣтителя: „какіе у него глаза, какіе волосы, какая одежда!.. Вѣрно—странникъ?—Но какъ я ему радъ...“ Когда Іулита Андреяновна сказала, что она не видѣла старичка, то больной не хотѣлъ вѣрить этому. Тогда дѣвочка Соня принесла маленькій образокъ Святителя Николая Чудотворца и показала больному: „да, подтвердилъ Адольфъ Ивановичъ! этотъ самый посѣтитель и былъ у меня два раза“. Послѣ этого послали за моимъ отцомъ. Больной твердо выразилъ желаніе перейти въ православіе. Приготовленіе къ таинству шло около десяти дней. Отецъ знакомилъ его съ ученіемъ православной Церкви. По мѣрѣ приближенія дня присоединенія больной чувствовалъ себя все лучше и лучше, такъ что этотъ, недвижимо лежавшій нѣсколько лѣтъ старикъ во время присоединенія только часть службы сидѣлъ, а больше все стоялъ, опираясь на руку внучки Сони.

Врачи, въ виду улучшенія въ состояніи здоровья, совѣтовали Адольфу Ивановичу поѣхать на воды, чтобы тамъ поправить свое здоровье, но больной говорилъ: „я знаю, кто меня вылечилъ“, и каждый разъ, не пропуская деревенскую церковную службу, на своихъ ногахъ ходилъ въ храмъ Божій. Въ благодарность къ Святителю Николаю въ святомъ муропомазаніи онъ принялъ и его имя. Жилъ онъ послѣ своего исцѣленія лѣтъ 18-20, и умеръ не жалуясь на ноги“.

Читатели спросятъ: чѣмъ же объясняется такая милость Святителя Хрістова къ этому лютеранину, который, какъ видно изъ разсказа, такъ чуждался Церкви православной, что штрафовалъ ходившихъ въ храмъ Божій православныхъ своихъ рабочихъ?—Отвѣтомъ на это служитъ сообщеніе г-жи Синадской, что дѣвочка Соня до перваго его видѣнія ходила въ церковь, молилась о дѣдушкѣ и служила молебны Святителю Николаю Чудотворцу о его выздоровленіи...

Господь, при земной жизни Своей исцѣлялъ заочно не только правовѣрующихъ евреевъ, но и язычниковъ—слугу сотника Капернаумскаго, дочь Хананеянки и другихъ, по молитвамъ близкихъ имъ людей. Ему подражаютъ и угодники Его, простирая любовь свою къ немощнымъ и бѣдствующимъ даже иновѣрцамъ и инославнымъ, по молитвамъ ихъ родныхъ и близкихъ, особенно по молитвамъ дѣтей.

349.

Покушеніе на основные законы.

Съ недоумѣніемъ, съ чувствомъ скорби смотримъ мы, православные русскіе люди, на то, что творится въ нашей якобы Государственной Думѣ, а за нею, къ нашему изумленію, и въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ пребываютъ мужи совѣта и разума, люди житейскаго и служебнаго опыта и науки... Что не ладно у насъ въ верхахъ, то и простые люди видятъ, что министры, по выраженію одного изъ умныхъ

людей, стали „поденщиками“ и избираются, по выраженію другого острослова, изъ „непомнящихъ служебнаго родства“, съ этимъ приходится пожалуй согласиться; но вотъ съ заключеніемъ изъ этой посылки ужъ никакъ нельзя помириться: Дума, а за ней и часть Совѣта требуютъ, чтобы министры назначались такіе, которые были бы „облечены довѣріемъ страны, довѣріемъ народа“. Значитъ, довѣрія Государя, отца народа, мало? Но что это за слово: „страна?“ Вѣдь по-русски это понятіе географическое, стало быть надо его понимать въ переносномъ смыслѣ: страна—народъ, обитающій въ Россіи. Но въ Россіи обитаетъ много народовъ: какой же народъ?—Конечно „Русскій“.—Но тогда такъ бы прямо и говорили, а то—„страна“... Можно подумать, что намѣренно избѣгаютъ сказать прямо: „Русскій народъ“.—Но будемъ думать, что Русскій народъ, а не іудеи, нѣмцы и пр. Народъ этотъ состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ ста милліоновъ: гдѣ же найдется человѣкъ, котораго знали всѣ эти сто милліоновъ? могли бы знать и его способности и оцѣнить ихъ? Да и какъ это узнать мнѣніе ста милліоновъ?.. Ясно, что тѣ, которые этого требуютъ, разумѣютъ „представителей“ народа, какими и считаютъ себя самихъ.—Такъ вотъ въ чемъ дѣло: подайте намъ министровъ, какихъ мы укажемъ, мы выберемъ! Но позвольте: кто же васъ уполномочилъ на это? Законъ? — Нѣтъ. Народъ? Но народъ въ собственномъ смыслѣ и не выбиралъ васъ, выбирали—большею частію интеллигенты, отошедшіе отъ массы народной на страну далече,— рѣдко-рѣдко гдѣ настоящій голосъ народный былъ слышенъ на вашихъ выборахъ; оттого и получилось, что Государственная Дума, которую Государь желалъ имѣть „русскою по духу“, которая и должна бы быть Думою *Государевою*, — на дѣлѣ явилась... не русскою... И вотъ, эта не русская по духу Дума и хочетъ выбирать министровъ, ближайшихъ помощниковъ Царя, по своему вкусу. А съ тѣми, кого выбираетъ Царь, она и работать не хочетъ. Но если она не лжетъ, когда называетъ себя русскою, то не проще ли было бы успокоиться, использовать данное ей право наблюденія за министрами въ видѣ запросовъ и законосовѣщательной инициативы и просить Государя назначать министровъ болѣе опытныхъ и свѣдущихъ въ той области, какая кому предназначается. Да и сами избираемые должны честно и прямо говорить Государю, если знаютъ, что неспособны къ дѣлу.

Народъ въ низахъ и не подозрѣваетъ, что именующіе себя его избранниками, покушаются на права Государя, его „Батюшки-Царя“, которому онъ вѣритъ какъ Отцу отечества, предъ волею котораго благоговѣетъ, какъ предъ волею Божіей...

Или думаютъ эти „избранники“ обмануть народъ?..

Не бывать этому! У народа есть мудрая мать—святая Церковь, которая должна разоблачить и этотъ обманъ, какъ ея служители разоблачаютъ многія махинаціи въ области мысли нѣмецкой, пытающейся отравить народную душу разными лжеученіями.

P.S. Въ Государственномъ Совѣтѣ половина членовъ назначается самимъ Государемъ. Ужели и сіи, облеченные довѣріемъ Самого Государя, пошли за думскими реформаторами Основныхъ Законовъ?—Къ сожалѣнію, и среди нихъ нашлись такіе... Ну и времена же мы переживаемъ. Кому же остается вѣрить?..

„Домашній врагъ".

И врази человѣку домашніи его...

Дни, нами переживаемые, поистинѣ лукави суть...

Мы не можемъ не видѣть, что отовсюду идетъ подкопъ подъ Церковь, что никогда, можетъ быть, не было такой нужды, чтобы пастыри Русской Церкви, ея власть, бодро стояли на ея стражѣ и зорко слѣдили за всѣмъ, что творится вокругъ стѣнъ церковныхъ. Для борьбы съ темными силами, воюющими противъ Церкви, нужно имѣть и соотвѣтствующее оружіе. Такимъ оружіемъ является, какъ извѣстно, печатное слово, а современность показываетъ, что въ средѣ печатныхъ органовъ засилье на сторонѣ ежедневныхъ изданій. Духовенство наше, особенно сельское, привыкло за послѣдніе два года имѣть *свою* ежедневную газету—„Приходскій Листокъ". Къ сожалѣнію, всѣмъ извѣстныя обстоятельства страшно подняли цѣну на бумагу и типографскія работы, и вести дѣло изданія, обязавшагося давать ежедневно, по номеру за четыре рубля годъ, стало крайне затруднительно. А тутъ еще странный налогъ на изданіе: редакція платитъ изъ подписныхъ денегъ на прибавку жалованья синодальнымъ чиновникамъ 30.000 рублей. Между тѣмъ ни гдѣ въ свѣтскихъ газетахъ не встрѣтишь такихъ содержательныхъ статей по вопросамъ церковной жизни, какъ въ „Прих. Листкѣ". Во многихъ случаяхъ онъ является руководителемъ для духовенства въ борьбѣ съ сектами, расколомъ, безбожными и анархическими вліяніями, и, ужъ пусть не сѣтуютъ на меня за слово правды—съ безсмысленными и даже безмысленными для Русскаго человѣка, политическими мечтаніями іудействующихъ отщепенцевъ отъ народа, разныхъ кадетовъ, эсъэровъ и эсдековъ... Понятно, что вотъ этимъ-то господамъ и непріятно существованіе спеціалино-церковной ежедневной газеты. Сельскій батюшка, прежде выписывавшій „Биржевку" за четыре рубля, теперь получаетъ хорошую церковную газетку; его уже не отравишь тѣмъ духовнымъ и политическимъ ядомъ, какой изготовляется въ лабораторіяхъ іудейскихъ.

Но есть и свой „домашній врагъ" „Прих. Листка", который имѣетъ свою якобы „церковную" ежедневную газету и очень хотѣлъ бы закрытія синодальнаго органа, чтобы замѣнить для привыкшихъ къ ежедневной церковной газетѣ это изданіе своимъ „Колоколомъ". Онъ всячески старается подорвать довѣріе читателей, незнакомыхъ съ синодальнымъ изданіемъ, къ „Пр. Листку", называя его „чахлымъ", „безнадежнымъ", „незадатливымъ дѣтищемъ временъ Саблера", указывая небывалые огромные дефициты, сообщая, будто редакторъ имѣетъ 9 помощниковъ на жалованьи, будто духовенство „рѣшительно противъ обязательственности выписки „Пр. Листка", будто бы въ редакторы этого изданія намѣчается „мастеръ сатиры г. Селитренниковъ" и т. д. Словомъ: надо закрыть этотъ листокъ,—тогда духовенство поневолѣ, чувствуя нужду въ ежедневной церковной газетѣ, подпишется на мой „Колоколъ"... Вотъ смыслъ всѣхъ сужденій В. М. Скворцова.

Было время, когда я рекомендовалъ этотъ „Колоколъ" духовенству, самъ сотрудничалъ въ немъ, пока, въ прошломъ году, г. Скворцовъ

не заявилъ мнѣ, что онъ „безповоротно разочаровался въ старомъ режимѣ“ и занялъ 60,000 въ якобы „Русско-Французскомъ“, на дѣлѣ же іудейскомъ банкѣ, гдѣ былъ директоромъ извѣстный Рубинштейнъ. Послѣ этого я рѣшительно порвалъ съ „Колоколомъ“, какъ измѣнникомъ „стараго режима“—чтый да разумѣетъ. Теперешнее направленіе этой газеты измѣнницы всѣмъ ея читателямъ извѣстно: она стоитъ за іудеевъ, за „новый режимъ“, за выборы духовенства, за всякія „обновленія“ и „оживленія“ нерѣдко въ антицерковномъ духѣ. Завелись у нея и подходящіе сотрудники: В. С., В. Рязанскій, В. Зарайскій, Н. С., П. Н. С., Пр. Н. С., протоіерей Н. Смирновъ и под. Можно себѣ представить, чѣмъ будетъ питать духовенство эта газета, если оно, нуждаясь въ церковной ежедневной газетѣ, станетъ подписываться на „Колоколъ“. Надо помнить то, на что указываетъ и самъ г. Скворцовъ: „мы, говоритъ онъ, наканунѣ выборовъ въ Гос. Думу; духовенство должно принять въ нихъ участіе“. Все конечно такъ, но вотъ ужъ никакъ не согласимся съ дальнѣйшими разсужденіями г. Скворцова: „мудреное дѣло, говоритъ онъ, какъ и какіе директивы преподавать оффиціальному органу Церкви, дабы не поставить ее, всѣмъ дорогую нашу мать (какая нѣжная любовь къ Церкви!), равно какъ и самихъ пастырей подъ жестокіе удары укоризнъ со стороны пасомыхъ. Есть моменты въ жизни, когда удобі(ѣ)е молчаніе“, чѣмъ вредное и рискованное многоглаголаніе. Таково-де мнѣніе духовенства“. Таково, конечно, мнѣніе г. Скворцова, а духовенство знаетъ хорошо, что тутъ и сомнѣній, и колебаній быть не можетъ: надо стоять за вѣру православную, за Царя Самодержавнаго и за права народа—хозяина земли Русской. Если и бывали, и будутъ въ средѣ духовенства Огневы, Тихвинскіе и имъ подобные-то вѣдь это—духовные уроды, коимъ не мѣсто и среди духовенства, тѣмъ менѣе мѣста въ Г. Думѣ. А если „пасомые“, не внимая наставленію пастырей, будутъ укорять ихъ за якобы „политику“, утверждая, яко бы духовенство должно быть „аполитично“, то вѣдь мы знаемъ цѣну такимъ рѣчамъ: пусть укоряютъ вмѣстѣ съ т. Скворцовымъ—въ ихъ укоризнахъ только честь мужественнымъ пастырямъ. Отечество въ опасности, не только отъ внѣшняго врага—Богъ дастъ—мы съ нимъ справимся,—опаснѣе враги внутренніе, всѣ вотъ эти умники, вопіющіе „объ отвѣтственномъ предъ страною министерствѣ“, о „новомъ режимѣ“, о всякихъ „свободахъ“, о „равноправіи гонимаго племени“ и под. И грѣхъ будетъ духовенству, если оно будетъ молчать, когда будутъ проходить въ Г. Думу вотъ такіе умники. Вотъ въ такомъ духѣ и долженъ, нимало не колеблясь, давать „директивы“ духовенству „Прих. Листокъ“. А если у него недостаетъ средствъ, то надо, во-первыхъ, освободить редакцію отъ упомянутаго налога, а затѣмъ... да простятъ мнѣ слово правды тѣ, кого это касается: если для „Колокола“ нашлась субсидія, то почему бы не найтись ей и для церковной газеты? Удивительное дѣло: для частныхъ изданій, для казенныхъ, издаваемыхъ казенными учрежденными, для „Сельскаго Вѣстника“, „Народнаго Чтенія“ и под. находятся средства, только для того, что идетъ отъ Церкви, подъ покровомъ Церкви—средствъ не обрѣтается...

Церковь всегда была лучшимъ другомъ государства, его союзникомъ въ дѣлѣ государственнаго благо-

устроенія: исторія самого государства до реформъ Петра I, такъ тѣсно сплеталась съ исторіей Русской Церкви, что сама была почти церковною. Было бы прискорбно и для государства вредно, если бы въ наше смутное время государство покинуло Церковь, поставило бы ее въ необходимость стать въ сторонѣ отъ нуждъ государства и его внутренней жизни. Это долженъ бы понимать больше, чѣмъ кто другой, г. В. М. Скворцовъ, бывшій много лѣтъ на службѣ у власти церковной. Къ сожалѣнію, съ „разочарованіемъ въ старомъ режимѣ“ у г. Скворцова личный интересъ сталъ выше церковнаго, что замѣтило даже „Новое Время“, не церковная газета: „Вдохновляясь, говоритъ оно, перспективами близкаго закрытія „Прих. Листка“ г. В. Скворцовъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы ускорить паденіе казеннаго конкурента своего „Колокола“. Еще бы, скажу и я: еще бы не постараться объ этомъ: вѣдь „Прих. Листокъ“ имѣетъ по меньшей мѣрѣ 50,000 подписчиковъ: если онъ закроется, то на долю Василія Михайловича перепадетъ несомнѣнно порядочная толика изъ числа этихъ подписчиковъ. Недаромъ онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ: объявитъ или не объявить подписку „Прих. Листокъ“. И конечно, скажемъ его же словами: „долго ждать ему не придется: издательскій годъ на исходѣ“...

А какъ ведетъ дѣло самъ г. Скворцовъ, это видно изъ его собственнаго признанія: „О содержаніи иной статьи „Колокола“, говоритъ онъ, впервые узнаешь изъ газетныхъ обзоровъ печати, а между тѣмъ печатные скалозубы требуютъ за нее къ отвѣту В. Скворцова, а онъ неповиненъ въ ней ни сномъ, ни духомъ“. Хорошъ же издатель: значитъ, онъ пустилъ въ свою газету молодцовъ, которые и работаютъ за хозяина, какъ имъ вздумается, торгуютъ товаромъ, какой имъ по вкусу, а ему и дѣла до того нѣтъ... Его дѣло писать широковѣщательныя рекламы да вотъ подкапываться подъ „конкурента“; а въ случаѣ, если потянутъ подъ судъ, такъ у него есть на то подставной редакторъ, нѣкій г. Е. М. Братинъ. Можно себѣ представить, чѣмъ будутъ угощать читателей „Колокола“ сотрудники В. М. Скворцова, если онъ дастъ имъ полную свободу писать по указанію тѣхъ, предъ кѣмъ преклоняется ихъ хозяинъ... В. М. Скворцовъ ставитъ себѣ въ защиту, что издаетъ „Колоколъ“ 11 й годъ, но вѣдь почти 10 лѣтъ онъ служилъ „старому режиму“, отъ котораго отрекся; стало быть 10 лѣтъ онъ шелъ по пути, который теперь признаетъ ошибочнымъ, для Церкви и Россіи вреднымъ, а развѣ эта заслуга? Съ его точки зрѣнія слѣдовало бы не хвалиться, а каяться въ томъ, что 10 лѣтъ заблуждался, задерживалъ расцвѣтъ „новаго режима.

350.

Утѣшеніе у яслей Хрістовыхъ.

Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ.
Лук. 2, 14.

И пославъ Иродъ, изби вся дѣти, сущія въ Виѳлеемѣ и во всѣхъ предѣлѣхъ его... Мѳ. 2, 16.

Небеснымъ миромъ и благодатною радостью наполняется сердце наше въ свѣтлый праздникъ Рождества Хрістова у священныхъ яслей Мла-

денца—Превѣчнаго Бога. Въ пѣснопѣніяхъ Церкви громко звучитъ торжествующая пѣснь небожителей: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!* Всему міру, всему человѣчеству возвѣщается радость велія: *днесь родися вамъ Спасъ, Иже есть Хрістосъ Господь во градѣ Давидовѣ.* (Лк. 2, 11).

Но когда мысль наша, отвлекаемая отъ яслей Хрістовыхъ шумомъ бурнаго моря житейскаго, обращается къ тому, что творится въ мірѣ въ наши скорбные дни, то и сердце наше начинаетъ смущаться, начинаетъ вопрошать: гдѣ же возвѣщенный Ангелами миръ? гдѣ—въ человѣцѣхъ благоволеніе? Возстали царства на царства, народы на народы; милліонныя войска не прерываютъ ужасныхъ битвъ: на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ льются обильные потоки крови, не говорю уже о слезахъ, коими столь же обильно орошается вся земля. Гдѣ же столь вожделѣнные миръ и благоволеніе?

Да не смущается сердце ваше, глаголетъ Богомладенецъ отъ яслей Своихъ: *зрите, не ужасайтеся: подобаетъ бо всѣмъ симъ быти.*

Да, подобаетъ быти: такъ было и тогда, когда явился на землѣ Самъ Онъ, великій Примиритель неба и земли; и тогда, едва успѣли Ангелы воспѣть дивную пѣснь мира, какъ на землѣ началась неслыханная война: съ одной стороны царь Иродъ и весь Іерусалимъ, съ другой—Отроча Іисусъ и Его тѣлохранители—младенцы Виѳлеемскіе И полилась тогда кровь неповинная сихъ младенцевъ-мучениковъ, и церковное преданіе говоритъ, что воинами безчеловѣчнаго Ирода умерщвлено въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ до 14,000 малютокъ... Видно у Господа Бога таковъ ужъ законъ для земнородныхъ: никакая радость, никакой миръ на землѣ не стяжавается безъ скорбей и страданій. И этому закону благоволилъ подчиниться Самъ Законодатель, ради нашего спасенія претерпѣвшій всѣ скорби человѣческія. Въ первые же дни Своей земной жизни Онъ претерпѣлъ и законное обрѣзаніе, и гоненіе отъ Ирода, и благоволилъ воспріять въ соучастники Своихъ страданій, яко начатокъ отъ искупляемаго имъ рода человѣческаго, цѣлые сонмы невинныхъ младенцевъ-мучениковъ, увѣнчавъ ихъ вѣнцами нетлѣнной славы.

Примѣнимъ же, братіе, этотъ законъ къ себѣ и поищемъ въ самыхъ скорбяхъ нашихъ утѣшенія себѣ. Великими скорбями испытуется вѣрующая Русь въ наши дни. Испытуется, яко злато въ горнилѣ, и очищается отъ грѣховности своей испытаніемъ тяжкой войны. Сотни тысячъ уже легло костьми и нашихъ братій, вѣрныхъ сыновъ отечества, и ихъ кровь, ихъ мученическая кончина даютъ дерзновеніе нашей матери Церкви вѣровать, что они, положившіе душу свою во имя той любви, выше которой нѣтъ на землѣ,—любви къ вѣрѣ своей православной, къ Царю Помазаннику Божію и къ родному народу, родной Руси Святой, увѣнчаваются тамъ на небѣ вѣнцами мученическими. А если такъ, то не можемъ ли мы съ тѣмъ же дерзновеніемъ смиренной вѣры уповать, что эти страдальцы за все, что священно и дорого для Русской православной души, выходившіе на послѣдній въ ихъ жизни подвигъ съ вѣрою во Хріста Спасителя, съ самопреданіемъ Его святой волѣ, особенно послѣ пріуготовленія къ мученической смерти причащеніемъ Божественныхъ Таинъ Хрістовыхъ (о чемъ свидѣтельствуютъ многіе военные священники),—

что они, возлетѣвъ съ полей брани душами своими туда, гдѣ ликуютъ сонмы мучениковъ за Хріста, гдѣ блаженствуютъ невинныя души Виѳлеемскихъ страдальцевъ, не забудутъ предъ престоломъ Господа, Судіи Праведнаго, родной имъ Русской многоскорбной земли и будутъ просить ей у Господа побѣды и одолѣнія на супостата, мира и благоволенія Божія?..

Иродъ не побѣдилъ Божественнаго Отрочати: „воинство младенцевъ, по выраженію святителя Филарета, не предало Вождя своего въ руки враговъ, но своею кровію пожертвовало за жизнь всеобщаго Искупителя". И нынѣ, — мы вѣруемъ, мы уповаемъ на милость того же Побѣдителя ада и смерти, въ ясляхъ смиренно почивающаго, но, въ тоже время, адскаго льва и змія попирающаго, что новый Иродъ, безпощадно истребляющій своими подводными лодками и убійственными газами мирныхъ жителей и путешественниковъ, среди коихъ множество и женщинъ, и дѣтей, и старцевъ, и безпомощныхъ больныхъ, не одолѣетъ насъ, что наше хрістолюбивое воинство, беззавѣтно душу свою полагающее, побѣдитъ его и своею кровію умилостивитъ прогнѣваннаго грѣхами нашими Господа.

Видѣлъ нѣкогда возлюбленный наперсникъ Хрістовъ, Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, подъ жертвенникомъ Божіимъ души убіенныхъ за вѣру, которыя возопили громкимъ голосомъ: „Владыка Святый и Истинный! Доколѣ не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу? И сказано было имъ, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ, и братья ихъ, которые будутъ убиты, какъ и они, дополнятъ число" (Апок. 6, 9—11).

Невольно вспоминается это пророческое видѣніе великаго таинника Божественныхъ откровеній въ глубокой скорби нашей, и если мученики за вѣру вопіютъ къ праведному Судіи объ отмщеніи за кровь ихъ, невинно проліянную, то, дерзаемъ думать, что и наши страдальцы воины, во имя любви душу свою положившіе, не безмолвствуютъ предъ престоломъ правды Божіей, и, указуя на кровь свою, на истерзанныя части тѣла своего, паче же на великую скорбь всей вѣрующей Руси православной, дерзаютъ въ молитвѣ предъ Господомъ ходатайствовать объ умиреніи всего міра, и, если не объ отмщеніи всемірному супостату, то объ усмиреніи и вразумленіи его и объ окончательной побѣдѣ надъ нимъ.

Возлюбленные о Господѣ братія! Кто изъ насъ съ тревогою въ сердцѣ не вопрошаетъ: когда же будетъ конецъ этой ужасной войнѣ?— На этотъ вопросъ отвѣчаемъ словами Божественнаго Откровенія: когда дополнится число убіенныхъ за вѣру и отечество братій нашихъ. Великій сонмъ душъ ихъ съ полей брани возносится къ престолу Божію, какъ жертва любви ихъ къ родной землѣ; сколько еще судилъ Господь присоединить къ нимъ—это вѣдаетъ единъ Онъ, Безсмертный, въ рукахъ Коего и жизнь, и смерть наша. Единъ Онъ вѣдаетъ и то, когда наступитъ конецъ этой небывалой войнѣ. Церковь ублажаетъ Виѳлеемскихъ младенцевъ страдальцевъ, яко мучениковъ за Хріста; она обѣщаетъ и нашимъ хрістолюбивымъ воинамъ, на брани душу свою положившимъ, вѣнецъ мученическій. А посему — никтоже да плачетъ о нихъ,—ихъ души въ рукѣ Божіей! Никтоже да отчаевается за исходъ войны: съ нами Богъ! Никтоже да унываетъ духомъ: Господа

призираетъ съ высоты небесной на всѣ наши скорби, наши немощи, наши нужды и не попуститъ намъ искушенія выше силъ нашихъ!

Въ свѣтлый праздникъ мира и радости о Господѣ Спасителѣ нашемъ, насъ ради отъ Дѣвы родившемся припадая къ Его яслямъ и смиренно склоняя главу свою предъ Возлежащимъ въ нихъ, сами себѣ, и воиновъ нашихъ, и всѣ судьбы нашего отечества Хрісту Богомладенцу предадимъ. И въ этомъ самопреданіи Богу мы обрѣтемъ тотъ миръ благодатный, котораго жаждетъ наше многоскорбное сердце и о которомъ говоритъ единый Примиритель неба и земли Господь нашъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ, не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ* (Іоан. 14, 27): это—миръ съ Богомъ, миръ съ совѣстью, о которомъ воспѣли Ангелы: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.* Аминь. *Архіепископъ Ніконъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

301.—Наше счастье—въ обновленіи жизни. 3
302.—Нѣчто о переоцѣнкѣ идейныхъ цѣнностей 5
303.—Дорогія строки изъ писемъ святителя Ѳеофана-затворника. 8
304.—Лучи надежды въ страшную годину 12
305.—Слово правды о кинематографахъ 17
306—307.—Два слова о свободѣ вѣроисповѣданій 19
308.—Духовныя аптечки 25
309.—Лже-научный подкопъ подъ Библію. 39
310.—Непрошенные „защитники“ православія. Къ моимъ статьямъ въ защиту Библіи. Мудрость и любовь Церкви. День покаянія. День духовнаго обновленія. Грозный судъ Церкви. 40
311—312.—Всецерковная забота будущаго прихода. Адскій замыселъ. Не цѣнная, но сердцу дорогая лепта. Памяти архимандрита Товіи 44
313.—Берегитесь, православные, нѣмецкихъ лжеученій! Откуда у сектантовъ усердіе совращать православныхъ. Вмѣсто Пасхальнаго Краснаго яичка 55
314.—Во Христѣ—наша свобода. . . . . —
315.—Предвкушеніе вѣчнаго блаженства. Христосъ Воскресе! Къ свѣдѣнію читателей „Колокола“ 62
316.—О свободѣ пропаганды лжеученій. 65
317.—Псалтирь въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введеніемъ и примѣчаніями П. Юнгерова 69
318.—Зеленѣющіе всходы 70
319.—Отеческая любовь Святителя Николая Чудотворца. . . . 72
320.—Есть ли нынѣ чудеса 74
321—322.—Во славу новаго чудотворца свят. Іоанна Тобольскаго. 77
323.—Баптисты на фронтѣ и въ плѣну. Настроеніе нашихъ воиновъ. 84
324.—Голоса изъ деревни. Два слова о „мякинномъ кормѣ“ . . 87
325—329. Странички изъ современнаго патерика. Радость сѣятеля. 92
330—333.—Церковныя преданія и митрополитъ Филаретъ объ Успеніи Богоматери 109
334.—Кто стучится у дверей нашего сердца. Совѣсть заговорила. Добрымъ людямъ. 127
335.—Ядъ баптизма 130
336.—Безуміе сектантовъ 135
337.—Откликъ сектанта 138
338.—Новая защита имебожія 140
339.—Какіе есть у насъ воины Христолюбивые 144
340—341. Великое испытаніе совѣсти народной 148
342.—Въ чемъ нуждается народъ для борьбы съ расколо-сектантствомъ. По адресу одного изъ многихъ. 153
343.—Совѣсть просыпается 157
344—346.—Скорби пастырской совѣсти 160
347.—Благопотребный юбилей 170
348.—Скоропослушный ревнитель православія 174
349.—Покушеніе на основные законы 176
350.—Утѣшеніе у яслей Христовыхъ 180

2007042850